

· ISSN 2541-7509 ·

ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

№7, 2020

ТЕМА НОМЕРА: ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОСТИ:
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ И
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Сетевое издание
Электронный научный журнал

ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Сетевое издание
Электронный научный журнал

Издание основано в 2016 г.

Периодичность – выходит 12 номеров в год.

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-66175 от 20.06.2016, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Редакционная коллегия

Баринов Дмитрий Николаевич, (главный редактор) д-р филос. наук, проф., Смоленский государственный университет; *Артюхович Юлия Васильевна*, д-р филос. наук, проф., Волгоградский государственный технический университет; *Гаранина Ольга Денисовна*, д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет гражданской авиации; *Никольский Владимир Святославович*, д-р филос. наук, проф., Центр проектной деятельности, Московский политехнический университет; *Счастливецва Елена Анатольевна*, д-р филос. наук, проф., Вятский государственный университет; *Шитов Сергей Борисович*, д-р филос. наук, проф., Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»; *Тужба Эмир Нодариевич*, д-р социол. наук, доц., проф., Кубанский государственный технологический университет; *Гавриленков Алексей Федорович*, д-р истор. наук, канд. филос. наук, проф., Саратовская государственная юридическая академия, Смоленский филиал; *Итунина Нина Борисовна*, канд. филос. наук, проф., Смоленский государственный университет; *Далингер Виктор Алексеевич*, д-р пед. наук, проф., Омский государственный педагогический университет; *Колесов Владимир Иванович*, д-р пед. наук, проф., Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС РФ; *Микерова Галина Георгиевна*, д-р пед. наук, проф., Кубанский государственный университет; *Фоменков Анатолий Иванович*, канд. пед. наук, доц., Смоленский государственный университет; *Казданян Сусанна Шалвовна*, канд. психол. наук, доц., Экономико-юридический университет им. А. Мкртчяна (Ереван, Республика Армения); *Кондрашихин Андрей Борисович*, д-р экон. наук, проф., Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»; *Ганский Владимир Александрович*, канд. экон. наук, доц., Институт предпринимательской деятельности (Минск, Республика Беларусь); *Степанов Александр Геннадьевич*, канд. филол. наук, доц., Тверской государственный университет; *Вестов Федор Александрович*, канд. юр. наук, доц., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; *Шошин Сергей Владимирович*, канд. юр. наук, доц., Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

Материалы публикуются в авторской редакции и отображают персональную позицию автора. Редакция не несет ответственности за материалы, опубликованные в журнале. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Тип лицензии CC поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Адрес редакции:
214038, г. Смоленск, ул. Кловская, 23-а, 63.
Официальный сайт: naukavestnik.ru.
Тел.: +7 905 696-6338.
E-mail: info@naukavestnik.ru.

HUMANITARIAN SCIENTIFIC BULLETIN

Network edition
Electronic scientific journal

Publication was founded in 2016.

Schedule – 12 issues in a year.

The certificate of registration EL no. FS 77-66175 of 20.06.2016, issued by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor).

Editorial Board:

Barinov Dmitry Nikolaevich, (Editor-in-chief) Doctor of Philosophical sciences, Prof., Smolensk State University; *Artyukhovich Yulia Vasilyevna*, Doctor of Philosophical sciences, Prof., Volgograd state technical University; *Garanina Olga Denisovna*, Doctor of Philosophical sciences, Prof., The Moscow State Technical University of Civil Aviation; *Nikolsky Vladimir Svyatoslavovich*, Doctor of Philosophical sciences, Prof., Center of project activities, Moscow Polytechnic University; *Schastlivtseva Elena Anatolievna*, Doctor of Philosophical sciences, Prof., Vyatka State University; *Shitov Sergey Borisovich*, Doctor of Philosophical sciences, Prof., Moscow State Technological University «STANKIN»; *Tuzhba Emir Nodarievich*, Doctor of Sociological sciences, Assoc. Prof., Prof., Kuban State Technological University; *Gavrilenkov Alexey Fedorovich*, Doctor of Historical sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Prof., Saratov State Law Academy, Smolensk branch; *Itunina Nina Borisovna*, Candidate of Philosophical sciences, Prof., Smolensk State University; *Dalinger Viktor Alekseevich*, Doctor of Pedagogical sciences, Prof., Omsk State Pedagogical University; *Kolesov Vladimir Ivanovich*, Doctor of Pedagogical sciences, Prof., Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia; *Mikeroval Galina Georgievna*, Doctor of Pedagogical sciences, Prof., Kuban state University; *Fomenkov Anatoly Ivanovich*, Candidate of Pedagogical sciences, Assoc. Prof., Smolensk State University; *Kazdanyan Susanna Shalvovna*, Candidate of Psychological sciences, Assoc. Prof., A. Mkrtychyan University of Economics and Law (Yerevan, Republic of Armenia); *Kondrashihin Andrey Borisovich*, Doctor of Economical sciences, Prof., Institute of Economics and Law (branch) Educational institution of higher education trade unions «Academy of labor and social relations»; *Gansky Vladimir Alexandrovich*, Candidate of Economical sciences, Assoc. Prof., Institute of entrepreneurship (Minsk, Republic of Belarus); *Stepanov Alexander Gennadievich*, Candidate of Philological sciences, Assoc. Prof., Tver state University; *Vestov Fyodor Alexandrovich*, Candidate of Juridical sciences, Assoc. Prof., Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky; *Shoshin Sergey Vladimirovich*, Candidate of Juridical sciences, Assoc. Prof., Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky.

The materials are published in the author's edition and reflect the personal position of the author. The Editorial board is not responsible for the materials published in the journal. The authors are responsible for the content and reliability of the articles. Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors. When using and borrowing materials reference to the publication is required.

License type supported CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Address of the editorial office:
214038, Smolensk, Klovsкая str., 23-a, 63.
Official site: naukavestnik.ru.
Phone: +7 905 696-6338.
E-mail: info@naukavestnik.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ГРАНИ И РАКУРСЫ	1
<i>Шадрина О.Н., Матвеева Е.А.</i> Современное состояние миграционной политики Дании в зеркале статистики (2015-2020 гг.)	1
ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	11
<i>Мочалова Н.Ю.</i> Пространство персональной идентичности эпохи модерна: границы публичной регламентации и личной свободы	11
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБРАЗОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ	18
<i>Бастракова Н.С., Мухлынина О.В.</i> Ценностные ориентации педагогов дошкольных образовательных организаций	18
<i>Браславская Е.А.</i> Аксиологические аспекты иноязычного образования	28
<i>Вакина Н.Д., Пискарева А.В.</i> К вопросу о влиянии современных технологий на изучение и преподавание иностранных языков в России	33
<i>Ветров Ю.П., Третьяченко Д.С.</i> Аксиологический потенциал педагогического сопровождения социокультурной адаптации иностранных курсантов в военном вузе	38
<i>Гарипова И.О., Коршкова Л.С.</i> Развитие личности учащихся учреждений дополнительного образования в процессе волонтерской деятельности	43
<i>Кабанкова Е.Н.</i> Концептуальные основы формирования познавательной самостоятельности студентов технического университета	48
<i>Лямзин Е.Н., Саванин И.А.</i> Психологические последствия спортивной травмы и способы их преодоления	56
<i>Пасечкина Т.Н.</i> Коммуникативный имидж педагога в контексте виртуальной коммуникации	62
<i>Перова Е.А.</i> Потенциал применения виртуальной симуляции в лингвопрофессиональной подготовке студентов направлений «Сервис» и «Гостиничное дело»	72
<i>Хазыкова Т.С.</i> Организационно-педагогические условия адаптации первоклассников к школе	78

<i>Целоева Д.А.</i>	
Содержание и структура иноязычной речевой культуры будущего педагога-лингвиста	86
ОБЩЕСТВО. ЯЗЫК. КОММУНИКАЦИИ	91
<i>Кудряшова А.Н., Науменко М.Г., Косякова М.С.</i>	
Парцелляция как эффективное средство художественной изобразительности в заголовке современной англоязычной газетной статьи	91
<i>Романов А.С., Шнякина К.В.</i>	
Профессиональный образ мира представителя военного социума США	97
<i>Шнякина К.В.</i>	
Идиоматичность как отличительное свойство профессионального подъязыка военнослужащих США	101
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ	105
<i>Акперли Ю.Б.</i>	
Инвестиционная обеспеченность производственного бизнеса в нефтегазовой промышленности Азербайджана	105
<i>Краснова М.А.</i>	
Влияние моделей оценки рисков на рынок финансовых инструментов	111
<i>Моисеенко Д.В.</i>	
Банковская система России: современное состояние и перспективы развития	116
<i>Пушкарева П.П., Захаров Г.В., Клименко А.О.</i>	
Обзор и классификация методов и стратегий выхода промышленных компаний на внешние рынки	122
<i>Сагетдинов А.Ф.</i>	
Система наставничества рабочей молодежи: реальность и ожидания	131
<i>Упоров И.В.</i>	
Муниципальный пассажирский транспорт как важнейшая составляющая социально-экономической жизни муниципальных образований	136
ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА И ПРАВО	143
<i>Гатина Л.И.</i>	
Проблемы и перспективы ротации государственных служащих в Республике Татарстан	143
<i>Ли Янг</i>	
Государственная политика Китайской Народной Республики в отношении религии	150
<i>Морев М.П.</i>	
К вопросу о нравственных началах современного российского права	158

<i>Упоров И.В.</i> Советское (российское) законодательство 1989-1991 гг.: политико-правовая характеристика накануне распада СССР	162
<i>Упоров И.В.</i> Совершенствование правоприменительной практики в сфере борьбы с преступностью	169
<i>Усманов С.А.</i> Турецкий фактор на Ближнем Востоке	173
<i>Хлопов О.А.</i> Вызовы и угрозы международной безопасности в XXI веке	179
<i>Шаклеин В.В.</i> К вопросу о реформировании системы судов общей юрисдикции Российской Федерации	187
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	193
<i>Балакина Л.В.</i> Образ мужчины и женщины в современной немецкоязычной литературе (на примере анализа коротких рассказов)	193
<i>Котломанов А.О.</i> Главный храм Вооруженных Сил Российской Федерации и новое православное искусство: проблема стиля	199
<i>Чернийчук И.А.</i> Ограничения – ключ к дизайну	209

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL REALITY: FACETS AND ANGLES	1
<i>Shadrina O.N., Matveeva E.A.</i>	
Current state of migration policy of the Kingdom of Denmark in reflection of statistics (2015-2020)	1
PHILOSOPHY AND MODERNITY	11
<i>Mochalova N.Yu.</i>	
The space of personal identity of the modern era: the boundaries of public regulation and personal freedom	11
THEORY AND PRACTICE OF EDUCATION IN THE XXI CENTURY	18
<i>Bastrakova N.S., Mukhlynina O.V.</i>	
Value orientations of teachers pre-school educational institutions	19
<i>Braslavskaya E.A.</i>	
Axiological aspects of the foreign language education	28
<i>Vakina N.D., Piskareva A.V.</i>	
Concerning the question of modern technologies influencing the studying and teaching of foreign languages in Russia	33
<i>Vetrov Yu.P., Tretyachenko D.S.</i>	
Axiological potential of pedagogical support of social and cultural adaptation of foreign cadets in a military University	38
<i>Garipova I.O., Korshkova L.S.</i>	
Personal development of additional education institutions students in the course of volunteer activities	43
<i>Kabankova E.N.</i>	
Prospects of the formation of the technical university students' cognitive independence	48
<i>Lyamzin E.N., Savanin I.A.</i>	
Psychological consequences of sports injury and ways to overcome them	56
<i>Pasechkina T.N.</i>	
The communicative image of a teacher in the context of virtual communication	62
<i>Perova E.A.</i>	
Potential of virtual simulation application in vocational foreign language teaching of students of directions «Service» and «Hotel Management»	72
<i>Khazykova T.S.</i>	
Organizational and pedagogical conditions for first-graders' adaptation to school	78
<i>Tseloeva D.A.</i>	
Future linguist`s foreign language speech culture: content and structure	86

SOCIETY. LANGUAGE. COMMUNICATION	91
<i>Kudryashova A.N., Naumenko M.G., Kosyakova M.S.</i>	
Parceling as an effective expressive means in the modern English newspaper article headline	92
<i>Romanov A.S., Shnyakina K.V.</i>	
Professional world image of the USA military community	97
<i>Shnyakina K.V.</i>	
The idiomatic nature of the USA military sublanguage as a distinctive feature	101
ECONOMICS AND MANAGEMENT IN SOCIAL SYSTEMS	105
<i>Akperli Yu.B.</i>	
Investment security of production business in the oil and gas industry of Azerbaijan	105
<i>Krasnova M.A.</i>	
Impact of risk assessment models on financial markets	111
<i>Moiseenko D.V.</i>	
The banking system of Russia: current state and prospects of development	116
<i>Pushkareva P.P., Zakharov G.V., Klimenko A.O.</i>	
Review and classification of methods and strategies for industrial companies entering foreign markets	122
<i>Sagatdinov A.F.</i>	
Mentoring system for working youth: reality and expectations	131
<i>Uporov I.V.</i>	
Municipal passenger transport as the most important component of socio-economic life municipalities	136
STATE AND CIVIL SOCIETY. POLICY AND LAW	143
<i>Gatina L.I.</i>	
Problems and prospects of rotation of public servants in Tatarstan Republic	143
<i>Li Yang</i>	
State policy the people republic of china in relation of religion	150
<i>Morev M.P.</i>	
On the question of the moral principles of modern Russian law	158
<i>Uporov I.V.</i>	
Soviet (Russian) legislation 1989-1991: political and legal characteristics on the eve of the collapse of the USSR	162
<i>Uporov I.V.</i>	
Improving law enforcement practices in the fight against crime	169
<i>Usmanov S.A.</i>	
Turkish factor in The Middle East	173
<i>Khlopov O.A.</i>	
Challenges and threats to international security in the XXI century	179

<i>Shaklein V.V.</i>	
To the question about the reform of the courts of general jurisdiction in Russian Federation	187
ART CREATIVITY IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE	193
<i>Balakina L.V.</i>	
The image of man and woman in modern German literature (by the example of short stories)	193
<i>Kotlomanov A.O.</i>	
The Main Cathedral of the Russian Armed Forces and the new Orthodox art: the problem of style	199
<i>Cherniychuk I.A.</i>	
Constraints are key to design	209

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ГРАНИ И РАКУРСЫ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3979356>

УДК 325.14

Шадрина О.Н., Матвеева Е.А.

Шадрина Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент, Северный (Арктический) Федеральный университет имени М.В. Ломоносова. 163002, Россия, г. Архангельск, наб. Северной Двины, 17. E-mail: shadrina.olga.29@mail.ru.

Матвеева Екатерина Александровна, Северный (Арктический) Федеральный университет имени М.В. Ломоносова. 163002, Россия, г. Архангельск, наб. Северной Двины, 17. E-mail: matveeva.ekaterina.al@gmail.com.

Современное состояние миграционной политики Дании в зеркале статистики (2015-2020 гг.)

Аннотация. В данной статье авторами рассматривается современное состояние миграционной политики Королевства Дания, отражённое в статистических данных (net migration rate, World Happiness Report, Global Peace Index и др.). Основное внимание авторы сосредоточили на выявлении особенностей проводимой датскими властями миграционной политики и определении её эффективности в период 2015-2020 гг. В ходе анализа данных была выявлена антииммиграционная ориентация датской политики, что подчёркивает на современном этапе её своеобразие, а также является ключевым фактором, дестабилизирующим её общее положение на международной арене. В заключение авторы пришли к выводу о том, что современную миграционную политику Королевства Дания можно охарактеризовать прежде всего как конфликт приоритетов глобальное – национальное, что также определяет её неустойчивую эффективность.

Ключевые слова: миграционная политика, Королевство Дания, 2015-2020 годы, иммигранты, эффективность, кризисность, партии, статистические данные, индексы.

Shadrina O.N., Matveeva E.A.

Shadrina Olga Nikolaevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named M.V. Lomonosov. 163002, Russia, Arkhangelsk, Severnaya Dvina embankment, 17. E-mail: shadrina.olga.29@mail.ru.

Matveeva Ekaterina Aleksandrovna, Northern (Arctic) Federal University named M.V. Lomonosov. 163002, Russia, Arkhangelsk, Severnaya Dvina embankment, 17. E-mail: matveeva.ekaterina.al@gmail.com.

Current state of migration policy of the Kingdom of Denmark in reflection of statistics (2015-2020)

Abstract. In this article, the authors examine the current state of the migration policy of the Kingdom of Denmark, reflected in statistical data (net migration rate, World Happiness Report, Global Peace Index, etc.). The authors focused on identifying the features of the migration policy pursued by the Danish authorities and determining its effectiveness in the period 2015-2020. During the analysis of the data, the anti-immigration orientation of Danish policy was revealed, which emphasizes at the present stage its singularity, and is also a key factor that destabilizes its overall position in the international scene. In conclusion the authors inferred that the modern migration policy of the Kingdom of Denmark can be characterized primarily as a conflict of global - national priorities, which also determines its unstable effectiveness. **Key words:** migration policy, Kingdom of Denmark, 2015-2020 years, immigrants, effectiveness, crisis, parties, statistical data, indices.

В последние два десятилетия социальные, политические и культурные «ландшафты разнообразия» (У. Бек) претерпели существенные трансформации в связи с появлением новых практик миграции, социальной мобильности, детерриториализации культуры и идентичности, а также изменения процессов транснационализации. Всё это обозначает те новые глобальные вызовы, «реалии», на которые необходимо реагировать традиционным акторам международных отношений – государствам, так как под угрозой выживаемости находится не только институт суверенного, в контексте данного исследования, welfare state, но и гражданин, создавший данный социо-культурный конструкт, его личностная и коллективная идентичность. Активизация миграционных потоков является неотъемлемой частью современного мира. Сегодня данный процесс постоянно усиливается, приобретая всё более хаотичный и непредсказуемый характер. В связи с этим проблема контроля над миграцией представляется одной из наиболее острых и актуальных. Подобное положение грозит прежде всего развитым странам с сильной социальной политикой. Социальная защищённость, поддержка со стороны государства и высокий уровень жизни становятся ключевыми факторами, привлекающими мигрантов.

Многие европейские, в частности, скандинавские государства (welfare state) сегодня в большей степени подвергнуты риску неконтролируемой иммиграции. Чётко выстроенная миграционная поли-

тика играет крайне важную роль, поскольку предполагает организацию контроля над миграцией и разработку стратегий по адаптации прибывших иммигрантов в новую социальную среду. Уникальным представляется пример датской миграционной политики, сочетающей в себе исключительную направленность на ассимиляцию с достаточно жёсткими ограничительными мерами.

Целью нашего исследования явилось изучение текущих особенностей миграционной политики Дании, отраженной в официальных индексах периода 2015 - 2020 гг. в сравнительно-исторической ретроспективе. Рассматриваемые задачи: 1) уточнение дефиниции «миграционная политика» в контексте евроинтеграции и датской гражданской полемики; 2) выявление основных черт миграционной политики Дании; 3) изучение статистических данных, отображающих своеобразие и эффективность современной миграционной политики датских властей.

Отметим, что существует определенная закрытость информации по данной теме (также в связи с актуальностью данных), в том числе малая доступность среди опубликованных полнотекстовых документов в отечественной электронно-библиотечной системе, предназначенной для исследователей (ресурсы электронных библиотек: Cyberleninka, ЛАНЬ, Национальная электронная библиотека, Электронная библиотека РГБ, «ДОКУСФЕРА. Электронный фонд РНБ», Электронная библиотека диссертаций РГБ, Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина,

Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU), а также в международной системе (EBSCO, Мировая цифровая библиотека, Европейская цифровая библиотека EUROPEANA). Данные источники в открытом доступе не содержат интересующих нас сведений и аналитики.

Наиболее плодотворным было обращение к официальным сайтам организаций международного и регионального уровней: сайт Международной организации по миграции (International Organization for Migration), сайт Европейской комиссии (European Commission / European web-site on integration), сайт Центрального разведывательного управления (Central intelligence agency). При анализе данной группы источников было: 1) уточнено актуальное для датской политики значение дефиниции «миграционная политика»; 2) выделена законодательная основа датской миграционной политики; 3) выявлены актуальные статистические данные по таким показателям, как чистый коэффициент миграции, доля датчан в населении государства и др.

Анализ интернет-порталов и платформ свободного доступа (таких, как Портал миграционных данных (Migration portal data), «Религия и глобальное общество» на базе Лондонской школы экономики и политических наук (The LSE Religion and Global Society)) позволили сделать выводы в отношении оценки датской миграционной политики международной общественностью.

Изучение материалов официальных сайтов датских государственных органов управления и статистики (сайт Министерства иностранных дел Дании (Ministry of foreign affairs of Denmark), сайт Фолькетинга Дании (Folketinget), сайт статистики Дании (Statistics Denmark)) позволили уточнить последовательность в реализации датской миграционной политики, её политические корни и поддержку гражданского общества (сравнительные результаты выборов в датский Фолькетинг 2015 и 2019 гг.).

Методология исследования представляет собой сочетание качественных и количественных методик (с визуализацией результатов). В контексте неореалистической парадигмы использованы историко-хронологический, сравнительно-исторический, индексный методы, а также метод ранжирования и методика анализа статистических данных.

Важным, с точки зрения новизны исследования, является введение в научный оборот статистических данных по проблемам датской миграционной политики, а также теоретические выводы, полученные в ходе исследования. В практической сфере значимыми являются модели визуализации при работе со статистическими данными.

На сегодняшний день существует многоуровневая система управления международной миграцией, включающая международное, наднациональное и национальное регулирование. Так координация миграционных процессов осуществляется рядом международных организаций. В первую очередь, это Международная организация труда. Её ключевой целью является обеспечение социальной справедливости и общепризнанных прав человека в трудовой сфере (*Филладельфийская декларация 1944 г., Рекомендация о защите трудящихся-мигрантов в слаборазвитых странах и территориях 1955 г.*). Особая роль принадлежит Организации Объединённых Наций. Её деятельность направлена на предоставление иммигрантам защиты со стороны государства (право на поиск убежища, судебную защиту, неотложную медицинскую помощь). Среди документов, утвержденных Генеральной Ассамблеей стоит отметить: *Международную конвенцию о статусе беженцев 1950 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Международную конвенцию о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г.*

Основу политики Европейского союза в области управления миграционными

процессами составляют Шенгенская (1985 г.) и Дублинская (1990 г.) системы. Согласно *Дублинскому регламенту* (поправки Дублин II 2003 г., Дублин III 2013 г.), ответственность за беженцев несёт та страна-член ЕС, в которую изначально прибыл человек, ищущий убежище. Необходимо отметить, что на сегодняшний день Дублинский регламент III показал свою неэффективность на практике, так как не обеспечивает справедливую и эффективную защиту иммигрантам. Особое значение имеет также *Лиссабонский договор 2009 года*, усиливший роль наднациональных институтов (Комиссии, Европарламента и Суда ЕС) в процессе принятия решений по вопросам регулирования миграции. Однако на уровне Европейского союза исключается обязательная координация национальных политик в области интеграции мигрантов. Данный вопрос до сих пор является компетенцией стран ЕС. Помимо этого, государства-члены сохраняют право на установление квот на въезд иммигрантов, прибывающих с целью поиска работы.

Таким образом, миграционная политика Европейского союза по-прежнему сохраняет элементы межправительственного подхода. Принципиально важным для стран ЕС является санкционирование принятия решений по вопросам миграции на национальном уровне. В Дании на национальном уровне решением миграционных вопросов занимаются следующие государственные органы: *Миграционное управление (Migration Agency)*, *Комиссия по делам иностранных граждан (Foreign Citizens Commission)*, *Министерство Иностранных Дел (Ministry of foreign affairs)*. Существует, однако, и специализированный орган, ответственный за осуществление иммиграционной политики – Министерство по делам иммиграции и интеграции (*Udlændinge- og Integrationsministeriet*), реализующее свою деятельность с 2001 года. Важным также является вклад Комитета по иммиграции и интеграции парламента Дании (*Immigration and Integration Committee*),

реализующего парламентский контроль над политикой правительства и осуществлением законодательства в соответствующих сферах.

Основу датского миграционного законодательства составляют: Закон об иностранцах 1983 г., Закон об интеграции 1999 г., Закон о гражданстве 1950 г. (Закон о натурализации), Закон о запрещении дискриминации на рынке труда, Закон об этническом равном обращении, Закон о запрещении дифференцированного обращения по признаку расы. Важно также отметить, что в датском законодательстве отсутствует Закон об убежище. Эту сферу регулирует датский Закон об иностранцах.

Первостепенную роль в исследовании миграционной политики Дании играет закрепленное в сознании гражданского общества Дании значение дефиниции «миграционная политика». Королевство Дания, как и страны - участники ООН, приняла на себя обязательство к 2030 г. в целях устойчивого развития содействовать «упорядоченной и безопасной миграции и мобильности людей, в том числе посредством реализации плановой и хорошо управляемой миграционной политики» [5]. Это означает, что датчане в определении понятия «миграционная политика» ориентируются прежде всего на международную трактовку.

Подчеркнём, что Международная организация по миграции (*International Organization for Migration*) акцентирует внимание на следующих чертах миграционной политики: «это совокупность правовых норм, законов и положений, политики и традиций, а также организационных структур (международных, субнациональных, национальных, региональных) и соответствующих процессов, которые формируют и регулируют подходы государств в отношении миграции во всех её формах посредством определения прав и обязанностей и содействия международному сотрудничеству» [3]. В соответствии с данной трактовкой можно утверждать, что на формирование и реализа-

цию миграционной политики оказывают влияние не только официальный политический курс (разделяемый с другими странами, очерченный более широкими рамками, такими, как принцип нейтралитета, устойчивого развития, неприсоединения и т.п.), но и более национально-значимые традиции и обычаи страны, сформировавшие ту или иную государственную модель, тип социального поведения в отношении мигрантов, их восприятие.

В датском варианте традиции оказывают особое влияние на реализуемую властями миграционную политику. Главную роль в данном случае играет тот факт, что долгое время население Дании было гомогенным по своему составу. Активизация же волн мигрантов начала сказываться на датском государстве лишь в 1950-1960-ые годы, когда миграционная политика носила нейтральный характер. Изменение же подхода к официальной миграционной политике, характеризующегося постепенным ужесточением (что наблюдается и сегодня), началось с 1980-х гг., на которые пришёлся пик по при-

бытию беженцев. Наиболее же радикальные изменения связаны с приходом к власти в 2001 г. антииммиграционной партии – Датской народной партии, чьё влияние по-прежнему не ослабевает.

Какой характер у современной социально-политической датской модели восприятия мигрантов? Статистика показывает, что преимущественно негативный. Ещё на первых этапах международной миграции этот феномен воспринимался датчанам как временный и необходимый для страны фактор, поэтому имел нейтральный характер. Однако, ставший, фактически, неконтролируемым, активный рост миграции стал восприниматься датским народом исключительно в негативном свете. Миграционный кризис, охвативший Европу в 2015 году, стал ещё одним катализатором негативных настроений в Дании: именно в мигрантах современные датчане видят угрозу собственной национальной идентичности (угроза её размывания и постепенного исчезновения в прежнем, традиционном виде).

Таблица 1. Результаты выборов в Фолькетинг Дании (2015, 2019 гг.) [9, 8]

Название партии	Процент голосов избирателей	
	2015 г.	2019 г.
Социал-демократы	26,3	25,9
Радикальная Венстре	4,6	8,6
Консервативная Народная партия	3,4	6,6
Социалистическая Народная партия	4,2	7,7
Либеральный альянс	7,5	2,3
Датская Народная партия	21,1	8,7
Венстре, Датская либеральная партия	19,5	23,4
Единый список – красно-зелёная коалиция	7,8	6,9
Новые правые	Не участвовали.	2,4

Подобное отрицательное представление мигрантов в общественном мнении напрямую отразилось и на официальной миграционной политике Королевства Да-

нии. Таким образом, одной из отличительных черт датской миграционной политики можно назвать её негативный и даже радикальный характер. В отличие

от прочих стран Европы, в большей степени выступающих в поддержку мигрантов, Дания придерживается противоположных позиций: сокращение количества мигрантов и максимальное ужесточение миграционного законодательства стали первоочередными целями политики (одновременно причиной и следствием) популяризации правых популистских и националистских идей, что стало возможным в результате смены состава Фолькетинга за последние годы (представлено в авторской Табл. 1).

Результаты последних выборов, как мы видим из данных Таблицы 1, привели к серьёзным изменениям: во-первых, с победой левоцентристского блока стала неминуемой дальнейшая смена правоцентристского коалиционного правительства; во-вторых, серьёзно уменьшилось число голосов (12,4 %) за Датскую Народную партию (ДНП), традиционно занимающую антииммиграционные позиции; в-третьих, на политической арене

возник новый игрок – проконсервативная националистическая партия «Новые правые». Результаты представляются конфликтными. На первый взгляд миграционная политика Дании «тяготеет» к более мягкому, сдержанно-либеральному характеру (снижение представительства в Фолькетинге антииммиграционных партий, весовое преимущество левоцентристов), однако в действительности миграционная политика сохранила свою прежнюю агрессивную направленность.

Аналитически это объяснимо сильным влиянием ДНП и её идей в датском обществе, так что профессиональные политики из «социал-демократов и «синего» блока поддержали призывы к «жесткой политике» в отношении иммигрантов и беженцев и в программных документах, и в политической практике. Следствием стало введение строгого контроля на границе Дании, сокращение приёма беженцев и ищущих убежища людей, уменьшены пособия для них» [1, с. 44].

Рис. 1. Показатели эмиграции датчан (2015-2019 гг.) [6]

Таблица 2. Численность иммигрантов западных стран в Дании [4]

Показатель	Численность				
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Иммигранты западных стран	308 522	330 338	342 686	351 182	357 201
Процент от общего числа иммигрантов	57,8 %	58,1 %	58%	57,7 %	57,6 %

Заметим, что в предвыборной гонке представители всех партий использовали антииммигрантский настрой датского общества: закреплённое в сознании датчан негативное отношение к иммигрантам породило волну современных националистических, антииммиграционных настроений.

Таким образом, особенностью современной датской миграционной политики является ее ориентир на пребывающих в страну иммигрантах. Данный вопрос широко обсуждается и освещается датскими СМИ, что отражает дискуссионность вопроса в датском обществе. Именно антииммиграционные настроения датского народа, как отмечалось ранее, играют решающую роль в формировании основ миграционной политики страны. В свою очередь, вопросы в отношении эмигрирующих из страны датчан не имеют столь широкого распространения в политической полемике и значимого влияния на политический курс страны.

Можно сказать, что количество граждан Дании, покидающих страну, по большей части не тревожит государственные власти. Это подтверждается статистическими данными (авторский Рис. 1), демонстрирующими устойчивую на протяжении последних лет тенденцию снижения числа датских эмигрантов: всё меньшее число датчан покидают страну, предпочитая оставаться на родине.

Это в очередной раз объясняет сосредоточенность датских политиков, государственных деятелей и аналитиков конкретно на проблеме роста численности прибывающих в страну иммигрантов и беженцев, поскольку данное явление носит кризисный характер. Эта кризисность для датчан заключается не просто в росте числа иммигрантов, но прежде всего в увеличении числа западных (non-western) иммигрантов (авторская Табл. 2), непрерывно въезжающих на территорию страны. Отсюда – особенностью миграционной политики Дании является усиленный контроль над иммигрантами из западных стран. Поскольку выходцы из

стран Запада обладают схожими ценностями и менталитетом, их интеграция в датское общество происходит быстро и успешно, не вызывая каких-либо крупных разногласий и конфликтных ситуаций. Незападные же иммигранты воспринимаются датчанами с гораздо большим негативом. Причина подобной тенденции в большей степени заключается в культурном (идентичностном) факторе. Являясь носителями иных культур и традиций, зачастую противоречащих датским, западные иммигранты не способны в полной мере интегрироваться в датскую социальную среду. Таким образом, внутри датской культуры образуются очаги с иной культурной и идеологической составляющей, что способствует изменению и постепенному разрушению традиционной культуры Дании, трансформирует образ государства. Дания пытается избежать потери идентичности путём жёсткой миграционной политики.

Однако эффективность тактических запретительных мер в миграционной политике Дании слабо соотносится со стратегическими целями государства: задача постепенной интеграции прибывших в королевство иностранцев не ставится. Меры датской политики сегодня имеют два основных направления: это максимальное ограничение числа прибывающих и абсолютная ассимиляция проживающих на территории Дании иммигрантов. Подобная черта миграционной политики поддерживается населением, но при этом носит крайне конфликтный характер заявленного либеральной идеологией уровня толерантности и открытости датского общества, - с одной стороны, и реальной эффективности политики поликультурного разнообразия, но государственного единообразия.

Агрессивный настрой Дании в отношении мигрантов остро воспринимается международным сообществом. Датский образ одной из первых стран в рейтинге «счастья» (World Happiness Report – 2 место на 2019 г.) перестает соответствовать действительности (как и в индексе «ми-

ролюбия» (Global Peace Index – 5 место на 2019 г.)). Так, например, шведский политолог Бо Петерссон в книге «За пределами стереотипов: иммигранты и интеграция в Дании и Швеции» заявил, что «в Швеции преобладает образ Дании как логова нетерпимости, расизма и ксенофобии» [10]. Подобная точка зрения достаточно широко распространена среди европейцев.

Реализуемая политика, фактически, демонстрирует низкую результативность – её эффективность крайне спорна. Прежде всего об этом говорит чистый коэффициент миграции (net migration rate), отражающий в случае Дании число прибывших в страну за год мигрантов на 1000 человек. За последние три года он значительно вырос: если в 2017 г. показатель составлял 2,1 (46 место в мире) [7], то к 2020 г. – уже 2,8 (39 место в мире) [2]. Подобный рост говорит о том, что даже при реализуемых жёстких ограни-

чительных мерах результат оказывается отрицательным – число иммигрантов продолжает неустанно расти (авторская Табл. 3), их доля постоянно увеличивается.

Также важным показателем, который необходимо учитывать при оценке эффективности реализуемой в Дании миграционной политики, является численность мигрантов без датского гражданства, покидающих страну (авторский Рис. 2). Теоретически, данное число должно расти в условиях проводимой жёсткой ограничительной политики. Но данные статистики демонстрируют обратный результат: рассматриваемый показатель на протяжении последних лет только падает, то есть всё большее число прибывших иммигрантов задерживаются в Дании. Подобный результат амбивалентен, поскольку может говорить как об эффективности, так и о полной неэффективности проводимой миграционной политики.

Таблица 3. Численность иммигрантов в Дании (2015-2019 гг.) [4]

Показатель	Численность				
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Иммигранты	534 223	568 902	591 438	609 120	620 169

Рис. 2. Численность мигрантов без датского гражданства, покидающих Данию (2015-2019 гг.) [6]

В первом случае факт того, что всё меньшее число датских мигрантов покидает государство, может стать подтверждением действенности проводимой политики ассимиляции в датское сообщество, – именно этот аспект является одним из ключевых в современной политике Дании.

Во втором же случае данные Рисунка 2 говорят о низкой эффективности миграционной политики с точки зрения её ограничительного характера. Вводимые жёсткие ограничения не дают должного результата – мигранты не стремятся покинуть Данию. Это может объясняться тем, что даже такие искусственно созда-

ваемые датскими властями условия оказываются значительно лучше тех, что ждут мигрантов на родине.

Таким образом, при обобщении всех рассмотренных и проанализированных данных можно сделать следующий вывод о состоянии современной миграционной политики Дании: в настоящий момент статус рассматриваемой политики крайне неустойчив. Это связано прежде всего с её высокой противоречивостью. Так на национальном уровне характер реализуемой политики всецело поддерживается населением, которое, фактически, и диктует «правила игры»: именно опираясь на взгляды граждан датские власти формируют ту или иную политику (это объяснимо, т.к. социальное государство реагирует именно на социальный запрос, другое дело, не является ли ситуация «провоцирующей», разрушающей истинные ценности самих граждан). В любом случае, узел проблем таков, что требует глубокого анализа «датского примера», чтобы не оказаться заложником пресловутой амбивалентности любому другому государству.

Дания является частью мирового сообщества, в котором реализовалась как эффективное социальное государство (государство всеобщего благоденствия) с высоким уровнем жизни, доверием властям, социальной стабильностью и сильной социальной политикой. Поддержание подобного статуса и высокая вовлечённость в международные отношения требуют от Дании смягчения осуществляемой политики, её пересмотра и коренного преобразования. Вследствие этого датские власти оказываются в крайне затруднительном положении, поскольку должны сохранить уважение как со стороны своего народа, так и со стороны глобального сообщества. В качестве резюме можно охарактеризовать современную миграционную политику Королевства Дании как конфликт приоритетов глобальное - национальное. И это далеко не первое государство, которое столкнется с подобным противоречием в ближайшем будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плевако Н. Парламентские выборы в Дании // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. 2019. №3. С. 42-47. URL: <https://clck.ru/PhGq9>
2. Denmark // Central intelligence agency. URL: <https://clck.ru/PhJ7u>
3. Glossary on Migration // International migration law. 2019. Iss. 34. P. 138. URL: <https://clck.ru/PhJgp>
4. Immigrants and their descendants // Statistiks Denmark. URL: <https://clck.ru/PhJoM>
5. Migration policies and governance // Migration data portal. URL: <https://clck.ru/PhJwR>
6. Migrations to and from Denmark // Statistiks Denmark. URL: <https://clck.ru/PhK2P>
7. Net migration rate // Central intelligence agency. URL: <https://clck.ru/PhK9a>
8. Resultater – Hele landet // Folketingsvalg onsdag 5. Jun. 2019. URL: <https://clck.ru/PhKbY>
9. Resultatet af folketingsvalget 2015 // Folketinget. URL: <https://clck.ru/PhKhe>
10. Tawat M. Multiculturalism: Is Denmark a den of intolerance and Sweden a land of political correctness? // URL: <https://clck.ru/N4pUD>

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Plevako N. Parlamentskie vybory v Danii // Nauchno-analiticheskij Vestnik Instituta Evropy RAN. 2019. №3. С. 42-47. URL: <https://clck.ru/PhGq9>
2. Denmark // Central intelligence agency. URL: <https://clck.ru/PhJ7u>
3. Glossary on Migration // International migration law. 2019. Iss. 34. P. 138. URL: <https://clck.ru/PhJgp>
4. Immigrants and their descendants // Statistiks Denmark. URL: <https://clck.ru/PhJoM>

5. Migration policies and governance // Migration data portal. URL: <https://clck.ru/PhJwR>
6. Migrations to and from Denmark // Statistiks Denmark. URL: <https://clck.ru/PhK2P>
7. Net migration rate // Central intelligence agency. URL: <https://clck.ru/PhK9a>
8. Resultater – Hele landet // Folketingsvalg onsdag 5. Jun. 2019. URL: <https://clck.ru/PhKbY>
9. Resultatet af folketingsvalget 2015 // Folketinget. URL: <https://clck.ru/PhKhe>
10. Tawat M. Multiculturalism: Is Denmark a den of intolerance and Sweden a land of political correctness? // URL: <https://clck.ru/N4pUD>

Поступила в редакцию 31.07.2020.

Принята к публикации 04.08.2020.

Для цитирования:

Шадрина О.Н., Матвеева Е.А. Современное состояние миграционной политики Дании в зеркале статистики (2015-2020 гг.) // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 1-10.
URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/ShadrinaMatveeva.pdf>

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3979442>

УДК 130.3

Мочалова Н.Ю.

Мочалова Надежда Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (ф) РГППУ. 622031, Россия, г. Нижний Тагил, ул. Красноармейская, 57. E-mail: mochalova_n2008@mail.ru.

Пространство персональной идентичности эпохи модерна: границы публичной регламентации и личной свободы

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения границ персональной идентичности в макросоциальном контексте эпохи модерна. Отличительной особенностью обозначенного периода в развитии социальных систем является тесное переплетение и взаимовлияние институциональных изменений и внутриличностных трансформаций. С опорой на исследования Ю. Хабермаса, В. Хёсле, Р. Баумайстера, Э. Гидденса рассматривается процесс возникновения новых психосоциальных механизмов персональной идентичности, которые формируются под влиянием трансформирующихся институтов модерна и, в свою очередь, трансформируют эти институты. Именно поэтому «диалектика глобального и локального» становится стержнем современных теоретических размышлений.

Ключевые слова: модерн, персональная идентичность, самость, Я, публичность, приватность, социализация.

Mochalova N.Yu.

Mochalova Nadezhda Yurievna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Nizhny Tagil state University, Pedagogical Institute (branch) of the Russian State Pedagogical University. 622031, Russia, Nizhny Tagil, Krasnoarmeyskaya st., 57. E-mail: mochalova_n2008@mail.ru.

The space of personal identity of the modern era: the boundaries of public regulation and personal freedom

Abstract. The article is devoted to the problem of determining the boundaries of personal identity in the macrosocial context of the modern era. A distinctive feature of the designated period in the development of social systems, which the authors call «high», or late modernity, is the closest intertwining and mutual influence of institutional changes and intrapersonal transformations. The focus of research by J. Habermas, W. Höhle, R. Baumeister, E. Giddens is the process of the emergence of new psychosocial mecha-

nisms of personal identity, which are formed under the influence of the transforming institutions of modernity and, in turn, transform these institutions. That is why the «dialectic of the global and the local» becomes the core of their theoretical reflections.

Key words: modern, personal identity, self, I, publicity, privacy, socialization.

В современных социально-философских и культурологических исследованиях индивид рассматривается как активный участник межличностных отношений, субъект и объект полилоговых смыслов и коммуникаций. При рассмотрении проблем персональной идентичности принципиально важно осознать не только границы личной свободы человека, но и слитность человека с миром, неотстраненность его субъективности миру, его несuverенность.

Личностное бытие человека испытывает на себе серьезное влияние современных цивилизационных изменений. Зачастую теоретические конструкции личности, субъекта, Я не соответствуют тенденциям актуальных социальных трансформаций, происходящих в мире и человеке. Многие современные авторы связывают историю самоопределения человека с учетом феномена модерности. Социальный смысл модерна в том, что мир становится более прозрачным, ясным, доступным для познания и изменения за счет рационализации социальной жизни.

Мир модерна соотносится с персонализацией общества, в котором субъект наделяется правом и волей быть собой. Но субъект свободы в качестве принципа блага утверждает и контроль, который он способен и должен осуществлять над своими действиями и чувствами. Его тело, психика, внутренняя духовная жизнь, собственное Я освобождаются из-под религиозного давления и кланового контроля. Согласимся с мнением А. Турена относительно того, что не существует одного единственного образа модерна, но можно говорить о двух, по крайней мере, образах модерна, соотносимых друг с другом – субъективации и рационализации [4]. Человек осознает себя как единственного автора своей собственной жиз-

ни, которую он сам может целерационально спланировать. Пространство персональной идентичности, мир индивидуальной повседневности, открытые интеллектуальной европейской культурой, попали в сферу публичной регламентации [3, с. 56]. С точки зрения актуального социокультурного пространства Просвещения становится необходимым организовать «разум», научить «мыслить».

Личная жизнь человека становится объектом экспансии со стороны публичности. Эти отношения к человеку прекрасно фиксирует и М. Фуко. Внедрение регламентирующих индивидуальное пространство социальных и культурных практик можно фиксировать на всем пространстве экономической, политической, культурной жизни: системы власти, воспитания, наказания, обучения – все оказывается подчиненным единому процессу «управления индивидом». Оказалось, что даже сексуальность, бесспорный атрибут персональной идентичности, реализуем исключительно в жестко установленных обществом рамках. Именно тело, указывает М. Фуко, оказывается в центре внимания осуществления контроля и оказывается здесь – именно как общественное тело [5]. Человек автономен, в том числе и сексуально, но это подчиненная автономия. Образ рационализации подчинен жесткой логике унифицированного единообразия, дисциплинарной матрице морализаторства, четкому номинированию, лишенному всякой магичности. Следуя логике рационализации модерн создает образ общества как «объекта тотального администрирования». Соответственно, логика контроля и господства стимулирует дисциплинарную социализацию и пространство персональной идентичности.

Современные перипетии идентичности, по мнению немецкого философа

Ю. Хабермаса, – результат развития культуры модерна, разделившую современное общество на систему и жизненный мир [4]. Ю. Хабермас выделяет два балансирующих измерения «Я-идентичности» как совокупность личностной и социальной идентичностей. «Понимание человеком самого себя зависит не только от того, как он сам себя описывает, но и от тех образцов, которым он следует. Самоощущенность Я определяется одновременно тем, как люди себя видят и какими бы они хотели себя видеть», – обозначает суть проблемы Ю. Хабермас [6, с. 7]. Структура идентичности имеет два измерения: горизонтальное, представляющее социальный уровень идентичности, – возможность выполнять различные социальные роли; и вертикальное, представляющее личную идентичность, выражающую связность истории индивидуальной жизни человека.

По мнению автора теории коммуникации, первая сфера «Я – идентичности» является подлинной, вторая – ложной, скрытной, рождающей иллюзорный мир представлений о самом себе. Установление баланса «Я – идентичности» достигается за счет техник взаимодействия (социальные коммуникации, язык, эмпатия) этих уровней идентичности, ибо фрагментация жизненного мира оставляет человеку рискованную возможность самоидентичности.

В. Хёсле развивает философскую традицию в осмыслении идентичности, рассматривая ее нормативную и общечеловеческую сущность. Хёсле четко различает две стороны личности: представленную Я (the I), Я – субъект, и Я-объект, понимаемую как самость (the Self) [8, с. 112-113]. Проблема идентичности, в любом случае, является проблемой отождествления, идентификации «я» и самости». Различие между Я и самостью относительно; «Я» является наблюдающим началом, самость – наблюдаемым, «я» современного человека научилось наблюдать за его самостью и чувствами, как если бы те были чем-то отличными от «я», даже если это

не предполагает, что самость освобождается от своих чувств. Однако, «я» может также наблюдать за своей склонностью наблюдать, - и в этом случае то, что сначала было «я», становится самостью. И то, что сначала было самостью, может становиться «я» [8, с. 115]. Кризис идентичности возникает, когда Я отвергает самость; у каждого человека присутствует нормативный образ своей самости – какой она должна быть по его представлению. Самопризнание в том, что ты дальше не можешь идентифицироваться со своей самостью – важный шаг к преодолению кризиса. У В. Хёсле для преодоления кризиса идентичности человек проявляет акт своеобразного активного забывания, чтобы отказаться от возвращения к прошлым неприятным воспоминаниям. Осознавая чрезвычайную важность памяти как фактора сохранения идентичности, В. Хёсле утверждает, что она не является абсолютным, т. е. необходимым или достаточным, условием сохранения идентичности. Человек может утратить память, но другие люди все же опознают в его новых ментальных актах прежние черты, характерные для человека, которого они знали прежде. Но и я сам могу помнить другого человека, не отождествляясь с ним, оставаясь самим собой. Все дело в том, что память не является исключительно свойством рефлексивного сознания, она – часть самости, часть пережитого чувственного опыта, который не может не влиять как на прошлое, так и на будущее человека.

В. Хёсле предлагает интересный анализ причин кризисов персональной идентичности. Кризис идентичности может быть вызван изменениями тела и невозможностью принять эти изменения (например, в период полового созревания), осознанием своей временности и страхом смерти, разочарованием в привычных моральных нормах и идеалах. Самый глубокий и безысходный кризис идентичности, считает В. Хёсле, вызван утратой веры в наличие каких-либо моральных норм и ценностей. Это ситуация

даже не ошибочного аксиологического выбора, а отсутствие такового, и отсутствие права на ошибку соответственно: человек находится по ту сторону от ценностного поля бытия, в его пустотном существовании нет никаких норм и абсолютных истин. Человек в данном случае не свободен, он не «выбирает себя», свой путь, свои ценности. Кризис персональной идентичности может быть вызван разочарованием в любимом, предательством (предательство) близкого, дорогого человека. В концепции В. Хёсле речь идет о здоровом преодолении кризиса идентичности не за счет полной замены старой идентичности новой, а лишь о частичной замене, реформировании старой идентичности. Обязательно должно сохраняться ядро личности, относительная цельность сущности человека при всех жизненно важных процессах бытия. Должны быть психологически безопасные границы при переключении с одного образа Я на другой, гибкость изменений психики не должны нарушать разрушать целостность самости личности, последовательности ее психических и поведенческих актов.

Наличие круга близких людей, которые день за днем готовы узнавать в человеке его Я, считая его более или менее постоянным, неизменным, чрезвычайно важно для сохранения основ персональной идентичности. Другой ставит границу моего самоопределения, тем самым облегчая трудности самоидентификации.

В. Хёсле утверждает, что преодоление кризисов является залогом прогрессивного развития как отдельного индивида, так и социальных обстоятельств. Разделяя позицию В. Хёсле о частичном реформировании самости как преодолении кризиса идентичности, отметим ряд неясных моментов этой концепции. В. Хёсле четко не объясняет основания разделения на самость и Я, Я-субъект и Я-объект, не обозначает, в чем заключается разница между ними. Возможно ли рассматривать определенные личностные характеристики индивида в качестве Я-объекта? Все-

гда ли Я-субъект есть активный актер познавательной деятельности? Самость и Я – это бинарная оппозиция или нет, при преодолении кризиса идентичности какая часть самости должна быть сохранена, а какая – отброшена.

Нам представляется недопустимым сведение сложной духовной организации к двум инстанциям, представленным как бинарная оппозиция, что упрощает системность сложных Я-связей, возникающих между различными «Я-образами» индивида. Кризисная идентичность возникает в момент разрыва связей между различными «Я-образами», когда некоторые «Я-образы» не соответствуют актуальной системе мироотношений, порождая проблему реформации, переконструирования Я. Многоликость и разнообразие Я-позиций не менее значимы для личности, чем организующее их единое Я.

Одной из наиболее системных теорий идентичности в современной американской социальной мысли является теория Р. Баумайстера [1]. Рой Баумайстер демонстрирует, как происходит историческое формирование идентичности как социального явления. Персональная идентичность предполагает контекстуальную систему социальных взаимоотношений и ролей других членов общества. Таким образом, потенциал идентичности определен обществом, его системой смыслов, целей, норм, идеалов, фундаментальных для каждого конкретного индивида.

Идеи успеха и совершенства оцениваются и определяются обществом. В зависимости от контекста идентичности общества типология социума определяет последовательное развитие пяти этапов становления идентичности. 1. Предписание (первобытный род). 2. Единичная трансформация (раннее средневековье). 3. Идентичность, определяемая иерархией критериев (позднее средневековье). 4. Обязательный выбор (XVIII век). 5. Необходимый выбор (современность).

По Р. Баумайстеру, приобретение компонентов идентичности характеризуется процессом самоопределения. В од-

ном случае общество может быть строгим, негибким, формы идентификации в этих обществах просты и непроблематичны (этапы 1, 2, 3). Этапы 4 и 5 демонстрируют свободные, терпимые и гибкие общества. Они предлагают для самосовершенствования, самоопределения и персонального выбора индивида большой спектр возможностей. В подобных условиях относительной свободы идентичность проблематична. Созревшая личность обладает самостоятельностью, способностью принимать решения и нести за них ответственность, способностью к самооценке, к различению различного рода «могу», «хочу», нравственной гибкостью. Прогресс общественного развития Р. Баумайстер связывает с переходом от 1, 2, 3 этапов к 4, 5 этапам развития. Существуют четыре стадии такого перехода, демонстрирующих исторические трансформации феномена идентичности.

1. Внутри общества люди всегда искали свободу индивидуального самовоплощения, индивидуального пути развития. Чем более ослабевает связь с общими путями развития по мере персонального освобождения, тем меньше социальных гарантий для удовлетворения *индивидуальной потребности в самовоплощении*.

2. Второй ступенью становится *приватизация* – стремление к саморазвитию вне общества, в частной индивидуальной обстановке. Реализовать это стремление по мере развития социальной эволюции, сближающей социальных агентов посредством социальной коммуникации, сложно.

3. Третьей стадией является *отчуждение*. Это осознание неспособности избежать общества, изменить и преодолеть социальные противоречия.

4. Последняя, современная стадия – *приспособление*. Осознавая неизбежную связь с обществом, люди пытаются найти адекватные формы жизнеобеспечения и самореализации внутри данного социума [1, с. 293].

Результатом усложнения общественных отношений, социальной дифференциации, развитие общества от детерминированного к автономному и свободному состоянию явилась антитеза публичному, защита частных интересов от общественного давления; как результат усложнения человеческого труда, изменения социальной структуры и секуляризации общественных отношений.

Исходным в понимании персональной идентичности становится утверждение, что человек есть активный субъект не только социальной, но и собственной психической жизни. Эту целостность в структуре личности человек идентифицирует с «Я». Модель персональной идентичности формируется за счет баланса определяющих критериев *континуальности и отличительности*.

Континуальность – характеристика нашей непротиворечивой целостности, наше Я должно переживаться как постоянная величина, как полное подобие самому себе. Это единство и целостность бытия человека во временном контексте. Континуальность означает, что Я такой же, как вчера, таким же буду и завтра. Любые изменения должны быть преобразованы в непрерывность: Я остаюсь самим собой всю свою жизнь.

Отличительность – отличное от других, мое особое бытие. Мера и степень отличия от других индивидов может быть более общая – например, пол, национальность, религиозная принадлежность; или более конкретная – например, способность быстро считать, чрезмерно эмоционально реагировать, не любить определенную породу собак, кулинарное блюдо и т.п. Каждая идентичность состоит из широкого набора компонентов, единиц самоопределения.

Ясное понимание своей идентичности позволяет человеку сделать *личностно-целенаправленный выбор*, реализовать свой профессиональный потенциал. Этот первый функциональный аспект идентичности определяется индивидуальной структурой приоритетов и ценностей.

Попытку представить исследование идентичности как более глобальную проблему современной культуры, не ограничивая ее рамками психологического анализа, предпринял известный британский социолог Энтони Гидденс. Идея исследователя такова: чем более ослабевает власть традиции в обществе, тем более настойчиво повседневная жизнь индивида заставляет его сделать выбор жизненного пути из предлагаемого многообразия перспектив. Острота противоречия локального и глобального приходится на эпоху модерна, которая открывает возможности для самоактуализации и сохранения.

Э. Гидденс рассматривает модерн как контекст, порождающий самоидентичность. Характеристика модерна дается через следующие моменты:

1. Противоречие глобального и локального трансформирует чувство интимности. Абстрактные расширенные социальные системы и отношения современности не могут удовлетворить настоятельную потребность индивида в поиске «своего» места, роли, своей интимности - в конкретном обретении себя.

2. Противоречие глобального и локального раскрывает обоюдную взаимозависимость индивидуального жизненного опыта и изменяемых действующих абстрактных систем, что заставляет индивида всякий раз заново «находить себя».

3. Следствием усиливающейся заботы о себе, результатом поиска гармонии с миром становится нарцисстическая культивация тела.

4. Проблематичность «стыковки» социального и индивидуального поведения и опыта усиливает потребность в организованности и контроле над динамикой развития современных форм социальных институтов и информационных средств.

Э. Гидденс предлагает свою структуру идентичности личности, которая формируется в противоречивом развитии между двумя крайними полюсами – абсолютного приспособленчества (конформизм) и замкнутости на себя (нарцис-

сизм). Между этими крайними полюсами у Гидденса расположены промежуточные уровни, представленные дилеммами как патологическими формами: унификация – фрагментация, авторитарность – неопределенность, беспомощность – овладение, личные потребности – рыночный индивид. Каждый из обозначенных уровней может в абсолюте развития привести к патологичной форме выраженности: традиционализм – неконформизм, всемогущество – отчуждение, догматизм – радикальное сомнение, нарциссизм – полное растворение в мире товаров. Именно поиск диалектической формы существования индивида, которая смогла бы гарантировать ему комфортность бытия и полноту коммуникации, привел исследователя к необходимости включения проблем сексуальности в рамки поиска самоидентичности, к анализу трансформирующейся интимности (сексуальности, любви и эротизма) в современном обществе. На нынешнем этапе развития Э. Гидденс рассматривает сферу интимной эмоциональности как вопрос жизненной политики: «В сфере сексуальности эмоция как средство коммуникации, как приверженность другим и сотрудничество с ними является особенно важной. Модель любви-слияния предполагает этический каркас воспитания недеструктивной эмоции в поведении индивида и общинной жизни. Она обеспечивает возможность возрождения эротики ... как родового качества сексуальности в социальных отношениях, формируемого скорее через взаимность, нежели через неравную власть» [2, с. 203].

Предложенные концепции исследования феномена идентичности фиксируют в нем содержание внутреннего мира как остающееся тождественным себе, постоянное при временных измерениях («то же самое» – *idem*, греч. – *homos, homoios*). Это данное в опыте постоянство во времени. Второе значение фиксирует тождественность себе, а не другому – любой индивид есть тот же самый, а не другой (*ipse, autos* – сам). Оба эти значе-

ния оказываются связанными, если идентичность понимается как проблематичное существование во времени, подверженное кризисам единство человеческой жизни, проходящее испытание на прочность при контакте с иным, чужим.

Обретение новой тождественности – итог исторического, временного изменения жизненной ситуации и соответствующего ей сознания и самосознания. Поэтому предпринятый анализ идентичности начат с эпохи модерна, позволяющей

проанализировать тесное переплетение и взаимовлияние институциональных изменений и внутриличностных трансформаций. Категория «идентичность» проявляет динамичность индивидуального бытия во времени, а не некую устойчивую вневременную сущность, имманентно присущую индивидуальности. Теоретический поиск взаимосвязей глоболизирующих макротенденций социальности и личностных диспозиций остается крайне интересным и актуальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баумайстер Р., Тирни Дж. Сила воли. Возьми свою жизнь под контроль. М.: Эксмо, 2017. 304 с.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
3. Легеза С., Ходус Е. Сексуальность и гендер: от традиции к постмодерности (меняющиеся образы и формы презентации) // Логос. 2005. № 2 (47). С. 51-64.
4. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999. 480 с.
6. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М. М. Беляева и др. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
7. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992. 176 с.
8. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112-123.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Baumajster R., Tirni Dzh. Sila voli. Voz'mi svoju zhizn' pod kontrol'. M.: Jeksmo, 2017. 304 s.
2. Giddens Je. Transformacija intimnosti. SPb.: Piter, 2004. 208 s.
3. Legeza S., Hodus E. Seksual'nost' i gender: ot tradicii k postmodernosti (menjajushhiesja obrazy i formy prezentacii) // Logos. 2005. № 2 (47). S. 51-64.
4. Turen A. Vozvrashhenie cheloveka dejstvujushhego. Oчерk sociologii. M.: Nauchnyj mir, 1998. 204 s.
5. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my. M.: «Ad Marginem», 1999. 480 s.
6. Habermas Ju. Filosofskij diskurs o moderne / Per. s nem. M. M. Beljaeva i dr. M.: Ves' mir, 2003. 416 s.
7. Habermas Ju. Demokratija. Razum. Nравstvennost'. M.: Nauka, 1992. 176 s.
8. Hjosle V. Krizis individual'noj i kollektivnoj identichnosti // Voprosy filosofii. 1994. № 10. S. 112-123.

Поступила в редакцию 31.07.2020.
Принята к публикации 03.08.2020.

Для цитирования:

Мочалова Н.Ю. Пространство персональной идентичности эпохи модерна: границы публичной регламентации и личной свободы // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 11-17. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Mochalova.pdf>

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБРАЗОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3970619>
УДК 373

Бастракова Н.С., Мухлынина О.В.

Бастракова Наталья Семеновна, кандидат философских наук, доцент, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет». 620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11. E-mail: natabastr@gmail.com.

Мухлынина Ольга Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет». 620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11. E-mail: muhol60@mail.ru.

Ценностные ориентации педагогов дошкольных образовательных организаций

Аннотация. В статье рассматривается проблема жизненных ценностей и ценностных ориентаций педагогов дошкольных образовательных организаций. Авторы отмечают, что становление и развитие личности наиболее активно происходит в дошкольном возрасте, а педагог дошкольной образовательной организации является центральной фигурой воспитательного процесса и своеобразным проводником ценностного отношения к жизни для своих воспитанников. Представлены результаты дескриптивного и сравнительного анализа, проведенного по итогам эмпирического исследования жизненных ценностей и ценностных ориентаций педагогов дошкольных образовательных организаций с разным стажем работы. В итоге исследования делаются вывод, что по большинству исследуемых шкал, значимых различий выявлено не было, это может говорить об общих ценностных ориентациях педагогов разных поколений.

Ключевые слова: жизненные ценности, ценностные ориентации, сфера профессиональной жизни, педагоги ДОО, цифровое поколение.

Bastrakova N.S., Mukhlynina O.V.

Bastrakova Natalia Semyonovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Russian state vocational pedagogical University. 620012, Russia, Yekaterinburg, Mashinostroiteley st., 11. E-mail: natabastr@gmail.com.

Mukhlynina Olga Viktorovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Russian state vocational pedagogical University. 620012, Russia, Yekaterinburg, Mashinostroiteley st., 11. E-mail: muhol60@mail.ru.

Value orientations of teachers pre-school educational institutions

Abstract. The article deals with the problem of life values and value orientations of teachers of preschool educational organizations. The authors note that the formation and development of personality is most active in preschool age, and the teacher of a preschool educational organization is the Central figure of the educational process and a kind of conductor of value attitude to life for their students. The results of a descriptive and comparative analysis of the empirical study of life values and value orientations of teachers of preschool educational organizations with different work experience are presented. As a result, the research concludes that for most of the studied scales, no significant differences were found, this may indicate the General value orientations of teachers of different generations.

Key words: life values, value orientations, sphere of professional life, teachers of preschool educational organizations, digital generation.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00378 «Моделирование жизненной перспективы цифровым поколением в пространстве информационно-коммуникационных технологий»

Все сложнее представить наш мир без цифровых технологий, которые внедряются во все сферы жизни человека. Чем дальше, тем больше увеличивается время, проводимое человеком в интернете. Интернет становится одним из факторов, формирующих жизненные ценности, стиль и образ жизни человека в частности, его личность в целом.

Становление личности особенно активно происходит в дошкольном возрасте, поэтому чрезвычайно важно, какие именно педагоги работают с дошкольниками, носителями каких жизненных ценностей они являются, какие у них ценностные ориентации, чему они учат и как воспитывают детей.

Современная система образования представляет собой ключевое звено в социально-экономической жизни общества, выполняя ряд основополагающих функций, позволяющих объединять и применять традиции и инновации, конструировать и транслировать знания, профессиональные и культурные ценности, развивать человеческие ресурсы и социальный потенциал общества [1, с. 50]. Современный этап развития образования, с одной стороны, характеризуется возрастанием приоритета человеческого фактора, уси-

лением внимания к личности педагога, с другой, активным использованием в учебно-образовательном и воспитательном процессе цифровых технологий, поэтому особую актуальность приобретает проблема ценностных оснований взаимодействия педагогов с детьми – представителями цифрового поколения.

Ценностные ориентации педагогов выступают в качестве основного механизма регуляции их деятельности. Это связано с тем, что ценностные ориентации детерминируют профессиональное поведение, обеспечивая содержание и направленность всей педагогической деятельности и придавая смысл профессиональным действиям педагога.

Проблема определения понятий «ценности» и «ценностные ориентации» является одной из фундаментальных междисциплинарных проблем, которая привлекает многих исследователей из различных областей философского, социологического и психологического знания. В научной литературе насчитывается несколько сотен определений этих понятий, варьирующихся в зависимости от имеющихся подходов к их определению в той или иной отрасли научного знания

По мнению таких исследователей, как К.А. Абульханова-Славская, Т.Ф. Василюк,

Д.А. Леонтьев, ценностные ориентации выражают то, что является для человека наиболее важным и обладает для него личностным смыслом [2; 3; 4]. Определяя ценностные ориентации в качестве одного из механизмов целеполагания, Т.Ф. Василюк полагает, что они ориентируют человека среди объектов природного и социального мира, создавая упорядоченную и осмысленную, имеющую для человека значение, картину мира. Они дают основание для выбора из имеющихся альтернатив действия (целей и средств), основания для порядка предпочтений отбора и оценки этих альтернатив, определяя «границы действия», то есть не только направляют, но и регулируют эти действия [3, с. 120].

Профессиональные ценностные ориентации, по мнению ученых, являются своеобразным стержнем личности, обеспечивающим ее устойчивость. С одной стороны, ценностные ориентации – сложное образование, включающее, когнитивный, эмотивный и поведенческий компоненты, с другой, они отражают систему устремлений личности, характер этих устремлений, высший уровень представлений об идеалах, о смысле жизни и деятельности, которые в совокупности лежат в основе активности каждого человека.

Ценностные ориентации, являясь отражением образа жизни, обуславливают мотивацию, стиль поведения человека, направление его деятельности. Они выступают тем базисом, опираясь на который, у человека развиваются позитивные качества, направленные на конструктивное участие в жизни общества.

В процессе развития системы ценностных ориентаций формируются основные личностные характеристики педагога, происходит качественный значимый скачок в профессиональном развитии, определяющий принадлежность к профессии. Посредством профессиональных ценностных ориентаций детерминируется смысловая структура сознания педагога. Профессиональные ценностные

ориентации служат критерием реализации профессиональной активности [5, с. 34].

Понятие «ценностные ориентации» в отечественной психологии было определено А.Г. Здравомысловым. По его мнению, существующие понятия ценностных ориентаций весьма близки к употребляемым в психологии понятиям установки, потребности, интереса. Многие исследователи считают, что наличие устоявшихся ценностных ориентаций характеризует зрелость человека и обеспечивает его устойчивость и стабильность [6].

С точки зрения Г.М. Андреевой, ценностные ориентации – это определенного уровня установки, фиксирующие отношение личности к весьма значимой социальной ценности, направленной к ценности большой социальной группы, в которую данная личность включена, или к ценности, принятой в данной системе культуры. Система ценностных ориентаций обуславливает восприятие и оценку личностью ее социальных ролей [7, с. 83].

Профессионально-нравственный облик современного педагога дошкольного образования является предметом пристального внимания и обсуждения в связи с необходимостью реализации принятого федерального государственного стандарта дошкольного образования (ФГОС ДО). В настоящее время данный вопрос приобретает особое значение с точки зрения формирования ценностно-смыслового поля личности педагога и его деятельности, ядром которого являются профессиональные ценностные ориентации.

Педагог дошкольной образовательной организации – центральная фигура воспитательного процесса, он является носителем жизненных ценностей, культуры, ценностного отношения к миру, то есть является своеобразным проводником ценностного отношения к жизни для своих воспитанников. Ценностные ориентации педагога определяют характер его взаимоотношений с детьми, отбор предметного содержания и постановку воспитательных задач, привлечение к работе тех или иных технологий, методов, прие-

мов. Таким образом, эффективность и качество воспитательно-образовательного процесса в дошкольном учреждении обеспечивается не только профессиональной компетентностью в области специальных знаний, умений и навыков, но и системой устремлений личности, ценностными ориентациями педагога.

Ценностная ориентация – это система устойчивых отношений личности к окружающему миру и самому себе в форме фиксированных установок на те, или иные ценности материальной и духовной культуры общества. В исследованиях психологов, социологов и педагогов доказано, ценностные ориентации играют большую роль в жизни и устройстве общества. Они представляют собой относительно устойчивую, социально обусловленную направленность личности на цели и средства достижения цели в деятельности [8]. Представленные в исследованиях И.Ф. Исаева, В.А. Сластенина, Е.Н. Шиянова группы профессиональных ценностей педагога образуют аксиологическую модель, включающую в себя ценности-цели, определяющие ценности-средства, а так же ценности-отношения и ценности-качества, зависящие от ценностей-целей. Они взаимосвязаны и функционируют как единое целое [9].

Таким образом, ценностные ориентации личности, как и любое другое многозначное междисциплинарное научное понятие, по-разному интерпретируются в трудах различных авторов. В работах отечественных психологов, ценностные ориентации определяются как один из важнейших компонентов психологической структуры личности, в значительной мере определяющий ее направленность. В современной психологии ценностные ориентации определяются как сложный социально-психологический феномен, характеризующий направленность и содержание активности личности, являющийся составной частью системы отношений личности, определяющий общий подход человека к миру, к себе, придающий смысл и

направление личностным позициям, поведению, поступкам и деятельности.

С целью выявления ценностных ориентаций и жизненных ценностей педагогов дошкольных образовательных организаций было проведено эмпирическое. Исследование проводилось в городе Ирбите Свердловской области совместно с Н.В. Вандышевой. В исследование участвовали педагоги с разным стажем работы. Выборка составила 70 человек и была разделена на две группы: первая – педагоги со стажем до 10 лет – 37 человек; вторая - педагоги со стажем свыше 10 лет – 33 человека.

С целью получения объективных эмпирических данных были использованы следующие психодиагностические методики.

1. Методика «Ценностные ориентации личности – 8» [10].

Методика представляет собой адаптированный вариант методики Г.Е. Леевика «ЦОЛ-8», служит для изучения профессиональных ценностных ориентаций личности. Ценностные ориентации личности подразделяются на ценностные ориентации – цели жизни и ценностные ориентации – средства достижения целей жизни. Первая группа включает ценностные ориентации на труд, на общение, на познание, на общественно-политическую деятельность, на материальные ценности. Вторая группа – ценностные ориентации на развитие нравственных качеств, деловых качеств, волевых качеств, моральных качеств.

2. Методика «Морфологический тест жизненных ценностей» (МТЖЦ) (В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушина) [11].

Опросник жизненных ценностей применяется как в индивидуальной диагностике и консультировании, так и в исследовании различных групп (трудовых и учебных). Методика является усовершенствованным результатом методики И.Г. Сенина.

3. Методика «Диагностики реальной структуры ценностных ориентаций» (С.С. Бубнов) [12].

Методика содержит 66 закрытых вопросов, направленных на изучение реализации ценностных ориентаций личности в реальных условиях жизнедеятельности и позволяет выявить выраженность социальных и личностных ценностей

Полученные эмпирические данные были обработаны с использованием специальной программы статистической обработки данных – SPSS 17.0

В начале исследования было выдвинуто предположение о том, что существуют значимые различия в показателях ценностных ориентаций и жизненных ценностей у педагогов разных поколений.

Анализ и интерпретация полученных результатов

На основании дескриптивного анализа была проведена проверка соответствия распределения нормальному закону. Метод проверки – сравнение асимметрии и эксцесса со своими стандартными ошибками. В результате оценки показателей асимметрии и эксцесса выявлено, что распределение отличается от нормального. В соответствии с этим было принято решение в дальнейшем использовать непараметрические критерии и процедуры.

Показатели значений медианы методики «Ценностные ориентации личности – 8» педагогов первой и второй группы представлены на рисунке 1.

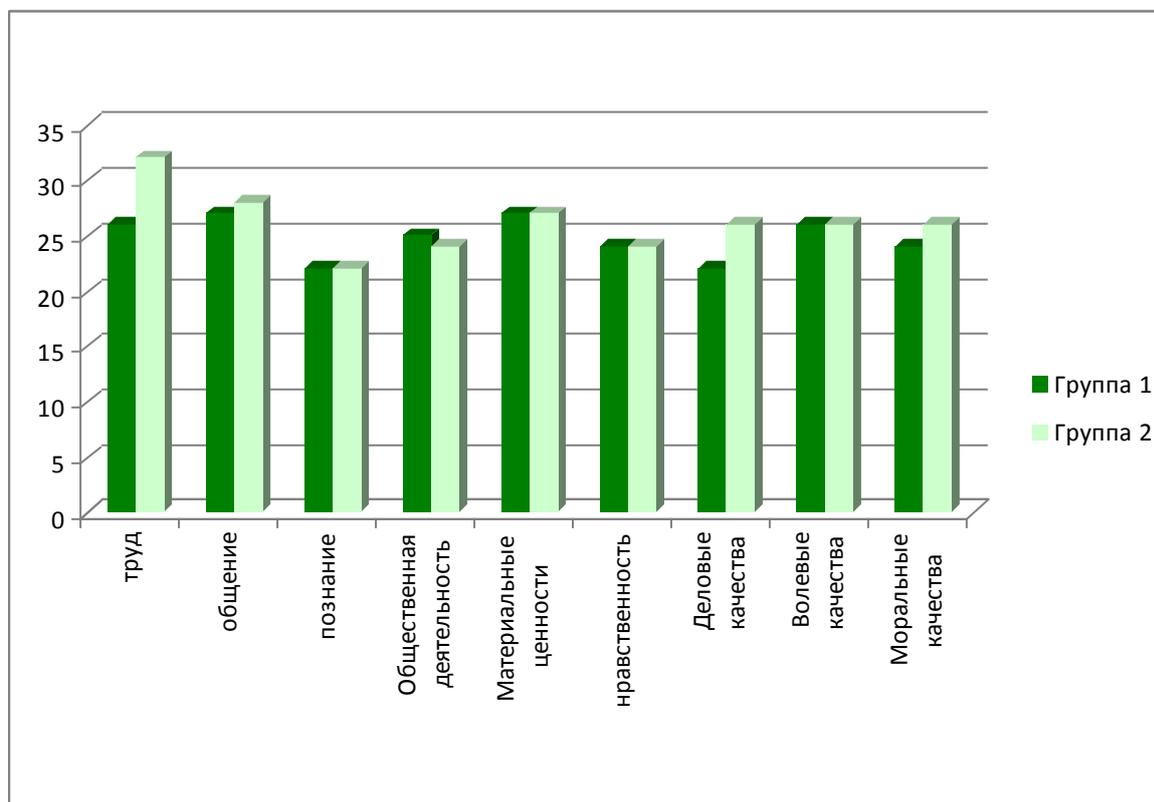

Рисунок 1. Гистограмма показателей значений медианы по методике «Ценностные ориентации личности – 8» педагогов 1 группы – имеющих стаж до 10 лет и педагогов 2 группы – имеющих педагогический стаж свыше 10 лет

Из показателей значений медианы групп педагогов выявлено, что доминирующими ценностными ориентациями 1 группы педагогов, имеющих педагогический стаж до 10 лет, являются ориентации

на материальные ценности и общение. У второй группы педагогов, имеющих стаж педагогической деятельности больше 10 лет, доминирующими являются ориентации на труд, общение и мате-

риальные ценности. У педагогов со стажем педагогической деятельности более 10 лет отмечены высокие показатели по шкалам «ориентация на развитие волевых качеств», «ориентация на развитие деловых качеств» и «ориентация на развитие моральных качеств». У педагогов со стажем педагогической деятельности до 10 лет показатели по этим шкалам ниже, но стоит отметить, что у них довольно высоким является показатель «ориентация на развитие волевых качеств».

Таким образом, для педагогов первой группы, со стажем педагогической деятельности до 10 лет, наиболее значимыми является возможность удовлетворения потребностей в общении и возможность быстрого продвижения по службе.

Для педагогов второй группы, со стажем педагогической деятельности более 10 лет, наиболее значимым является приобретение богатого профессионального опыта, получение удовлетворения от самого процесса труда, хорошие отношения с товарищами по работе и личными друзьями.

Для обеих групп педагогов характерна ориентация на развитие волевых качеств, то есть настойчивости и упорства в преодолении препятствий, целеустремленности, выдержки и самообладания.

На достаточно высоком уровне у обеих групп педагогов находится ориентация на материальные ценности, что говорит о стремлении педагогов к материальной обеспеченности.

Для сравнения результатов показателей методики «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» педагогов первой группы, имеющих стаж педагогической деятельности до 10 лет, и педагогов второй группы, со стажем педагогической деятельности больше 10 лет, было выявлено значение медианы каждой группы выборки.

Показатели значений медианы методики «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» педагогов первой и второй группы представлены на рисунке 2.

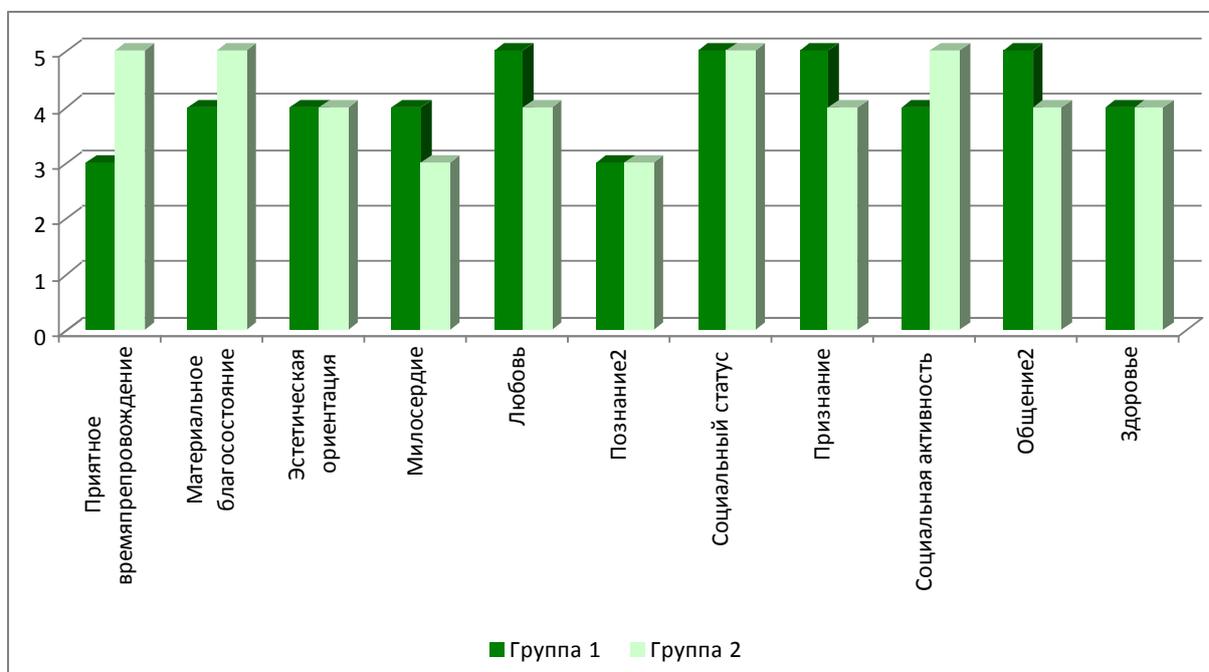

Рисунок 2. Гистограмма показателей значений медианы по методике «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» педагогов 1 группы – имеющих стаж педагогической деятельности до 10 лет и педагогов 2 группы – имеющих педагогический стаж больше 10 лет

Из распределения показателей медианы выявлено, что доминирующим типом ценностных ориентаций у педагогов первой группы, имеющих педагогический стаж до 10 лет, являются любовь, социальный статус, признание и общение. У педагогов второй группы, имеющих педагогический стаж более 10 лет, доминирующим типом ценностных ориентаций является приятное времяпровождение, материальное благосостояние, социальный статус и социальная активность.

Таким образом, для педагогов первой группы, имеющих педагогический стаж до 10 лет, наиболее значимыми ценностями является духовная и физическая близость с любимым человеком, для них очень значимым является уважение окружающих, коллектива, социальное одобрение поведения со стороны общества, установление благоприятных отношений с людьми, а также расширение своих межличностных связей.

У педагогов со стажем педагогической деятельности более 10 лет наблюдаются высокие показатели по шкале приятное времяпровождение, отдых, что

свидетельствует о стремлении к удовольствию и интересной, насыщенной жизни. Высокие показатели по шкале материальное благосостояние свидетельствуют о стремлении к материально обеспеченной жизни данных педагогов. Высокие показатели по шкале «социальный статус» свидетельствуют о том, что в своем поведении эти педагоги ориентируются на социальное одобрение. Высокие показатели по шкале «социальная активность» свидетельствуют о направленности данных педагогов на участие в социальных процессах.

Для сравнения результатов показателей методики «Морфологический тест жизненных ценностей» педагогов первой группы, имеющих стаж педагогической деятельности до 10 лет, и педагогов второй группы, со стажем педагогической деятельности больше 10 лет, было выявлено значение медианы каждой группы выборки.

Показатели значений медианы методики «Морфологический тест жизненных ценностей» педагогов первой и второй группы представлены на рисунке 3.

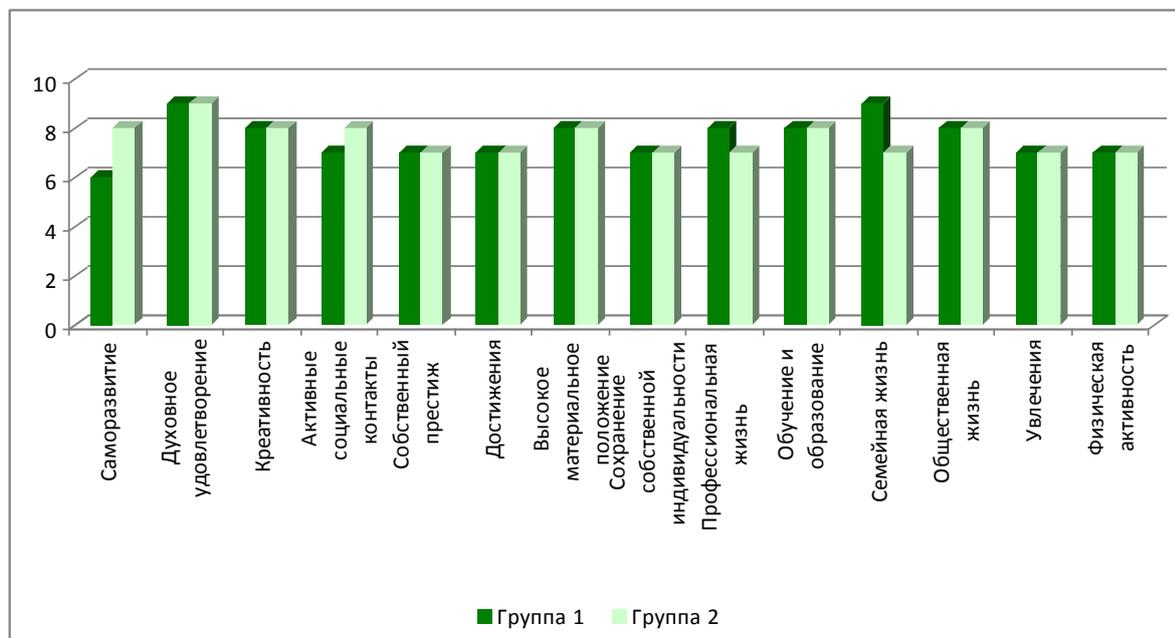

Рисунок 3. Гистограмма показателей значений медианы по методике «Морфологический тест жизненных ценностей» педагогов 1 группы – имеющих стаж педагогической деятельности до 10 лет и педагогов 2 группы – имеющих педагогический стаж больше 10 лет

Из распределения показателей медианы выявлено, что доминирующим типом ценностей у педагогов со стажем педагогической деятельности до 10 лет является духовное удовлетворение и семейная жизнь. Доминирующим типом ценностей у педагогов со стажем педагогической деятельности более 10 лет является духовное удовлетворение.

Таким образом, наиболее значимой ценностью для педагогов обеих групп является духовное удовлетворение, что свидетельствует о стремлении данных респондентов к получению морального удовлетворения во всех сферах жизни. Такие люди считают, как правило, что самое важное в жизни – делать только то, что интересно и что приносит внутреннее удовлетворение. Их отличает идеалистичность во взглядах, приверженность к со-

блюдению этических норм в поведении и детальности. Значимость семейной сферы для педагогов со стажем педагогической деятельности до 10 лет свидетельствует о высокой значимости для них всего того, что связано с жизнью их семьи. Эти педагоги отдают много сил и времени решению проблем своей семьи, считая, что главное в жизни – это благополучие в семье.

Для выявления достоверных различий между группой педагогов со стажем педагогической деятельности до 10 лет и группой педагогов, имеющих педагогический стаж более 10 лет, был использован критерий Манна-Уитни. Основанием для выбора критерия послужило сравнение двух независимых выборок, а так же несоответствие нормальному закону распределения.

Таблица 1. Результаты сравнения достоверных показателей

Шкалы	U-критерий	Уровень значимости	Средний ранг	
			Группа 1 (стаж до 10 лет)	Группа 2 (стаж более 10 лет)
ЦО на труд	328,500	0,001	27,88	44,05
Приятное времяпрепровождение	348,500	0,002	14,80	20,40
Признание, уважение людей	281,500	0,000	23,73	13,70
Здоровье	305,500	0,000	22,80	14,40
Семейная жизнь	320,500	0,001	43,34	26,71

Анализ результатов показывает, что различия между группами наблюдаются только по пяти шкалам. В результате были выявлены наиболее значимые достоверные различия между педагогами с разным стажем работы: ценностные ориентации на труд; приятное времяпрепровождение, признание и уважение людей, общение, здоровье семейная жизнь. У преподавателей со стажем до 10 лет выше показатели по шкалам: признание и уважение людей, общение, здоровье семейная жизнь. В то время как для преподавателей со стажем более десяти лет выше показатели по шкалам: ценностные

ориентации на труд; приятное времяпрепровождение. Педагоги второй группы больше, чем педагоги первой группы, осознают общественную ценность и значимость своего труда, добросовестно относятся к делу, стремятся к удовлетворению от самого процесса труда, к самореализации в своей профессиональной деятельности. У педагогов со стажем профессиональной деятельности больше 10 лет выше, чем у педагогов со стажем до 10 лет, показатель «приятное времяпрепровождение», что свидетельствует о стремлении к удовольствию и интересной, насыщенной жизни педагогов. У пе-

дагогов со стажем профессиональной деятельности до 10 лет выше показатели по шкалам: «признание, уважение людей», что свидетельствует об их стремлении добиться уважения со стороны окружающих, коллектива, товарищей; «здоровье», это указывает на то, что они стремятся к сохранению своего психического и физического здоровья; «семейная жизнь», свидетельствует о высокой значимости для педагогов всего того, что связано с жизнью их семьи.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что существуют значимые различия в показателях ценностных ориентаций у преподавателей дошкольных образовательных организаций разных поколений. В то же время по большинству исследуемых шкал, значимых различий выявлено не было, это может говорить об общих ценностных ориентациях педагогов разных поколений.

На становление личности дошкольника существенное влияние оказывает система непосредственного общения, взаимодействия, сотрудничества в связке, которую в отечественной психологии принято обозначать формулой «ребенок – взрослый». Очень важно знать, какие именно ценностные ориентации и жизненные ценности присущи педагогам дошкольных образовательных организаций, поскольку их профессиональные знания, педагогические умения и личностные качества окажут огромное влияние на формирование ценностей у подрастающего поколения детей. Можно предположить, что транслируемые педагогами в детскую среду ценности, воспринимаются детьми как истинные. Усвоенные в дошкольном возрасте, они, несомненно, будут оказывать существенное влияние на жизненные выборы и перспективы так называемого цифрового поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 N1155 (ред. от 21.01.2019) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.11.2013 N 30384) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://nouellada.mskobr.ru/files/fgos_do.pdf
2. Абульханова-Славская К.А. Рабочая книга практического психолога: пособие для специалистов, работающих с персоналом / под ред. А.А. Бодалева, А.А. Деркача, Л.Г. Лаптева. Москва. Изд-во института Психотерапии. 2001. 640 с.
3. Василюк Т.Ф. Психология переживания различных критических ситуаций // Психологический журнал. 2005. №5. С. 120-129.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. Москва. Смысл. 2003. 487 с.
5. Собкин В.С., Марич Е.М. Воспитатель детского сада: жизненные ценности и профессиональные ориентации. По материалам социологического исследования // Труды по социологии образования. Т. V. Вып. VIII. Москва. Центр социологии образования РАО. 2010. С. 34-37.
6. Здравомыслов А.Г. Психология развития ценностных ориентаций. Москва. Академия. 2006. 240 с.
7. Андреева Г.М. Социальная психология. Москва. «Прогресс». 2009. 376 с.
8. Бубнов С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. Москва. 2009. № 5. С. 83-95.
9. Слостенин В.А., Чижикова Г.И. Введение в педагогическую аксиологию. Москва. Академия. 2003. 240 с.
10. Леевик Г.Е. Руководство по методике изучения ценностных ориентаций личности. Ленинград: Общество «Знание» РСФСР. 1990. 30 с.
11. Сопов В.Ф., Карпушина Л.В. Морфологический тест жизненных ценностей // Журнал «Прикладная психология». 2001. №. С. 9-30.

12. Бубнов С.С. Методика диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности // Методы психологической диагностики. Вып. 2. Москва: Ин-т психологии РАН. 1994. С. 144-157.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 17.10.2013 N1155 (red. ot 21.01.2019) «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta doshkol'nogo obrazovaniya» (Zaregistrirvano v Minjuste Rossii 14.11.2013 N 30384) // SPS Konsul'tantPljus. URL: https://nouellada.mskobr.ru/files/fgos_do.pdf
2. Abul'hanova-Slavskaja K.A. Rabochaja kniga prakticheskogo psihologa: posobie dlja specialistov, rabotajushhij s personalom / pod red. A.A. Bodaleva, A.A. Derkacha, L.G. Lapteva. Moskva. Izd-vo instituta Psihoterapii. 2001. 640 s.
3. Vasiljuk T.F. Psihologija perezhivaniya razlichnyh kriticheskijh situacij // Psihologicheskij zhurnal. 2005. №5. S. 120-129.
4. Leont'ev D.A. Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti. Moskva. Smysl. 2003. 487 s.
5. Sobkin V.S., Marich E.M. Vospitatel' detskogo sada: zhiznennye cennosti i professional'nye orientacii. Po materialam sociologicheskogo issledovanija // Trudy po sociologii obrazovaniya. T. V. Vyp. VIII. Moskva. Centr sociologii obrazovaniya RAO. 2010. S. 34-37.
6. Zdravomyslov A.G. Psihologija razvitija cennostnyh orientacij. Moskva. Akademiya. 2006. 240 s.
7. Andreeva G.M. Social'naja psihologija. Moskva. «Progress». 2009. 376 s.
8. Bubnov S.S. Cennostnye orientacii lichnosti kak mnogomernaja nelinejnaja sistema // Psihologicheskij zhurnal. Moskva. 2009. № 5. S. 83-95.
9. Slastenin V.A., Chizhakova G.I. Vvedenie v pedagogicheskiju aksiologiju. Moskva. Akademiya. 2003. 240 s.
10. Leevik G.E. Rukovodstvo po metodike izuchenija cennostnyh orientacij lichnosti. Leningrad: Obshhestvo «Znanie» RSFSR. 1990. 30 s.
11. Sopot V.F., Karpushina L.V. Morfolozicheskij test zhiznennyh cennostej // Zhurnal «Prikladnaja psihologija». 2001. №. S. 9-30.
12. Bubnov S.S. Metodika diagnostiki individual'noj struktury cennostnyh orientacij lichnosti // Metody psihologicheskijh diagnostiki. Vyp. 2. Moskva: In-t psihologii RAN. 1994. S. 144-157.

Поступила в редакцию 08.07.2020.

Принята к публикации 13.07.2020.

Для цитирования:

Бастракова Н.С., Мухлынина О.В. Ценностные ориентации педагогов дошкольных образовательных организаций // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 18-27. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/BastrakovaMukhlynina.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3971870>

УДК 372.881.111.1

Браславская Е.А.

Браславская Елена Алексеевна, старший преподаватель, Севастопольский государственный университет. 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: EABraslavskaya@sevsu.ru.

Аксиологические аспекты иноязычного образования

Аннотация. В статье анализируется аксиологический контекст современной системы иноязычного образования. Рассматривается взаимосвязь понятий «иноязычное образование» и «ценности». Детально изучается содержание иноязычного образования, основываясь на исследовании Е. И. Пассова. На основе полученных данных выделяются следующие ценности, связанные с иноязычным образованием: иноязычная и родная культура, формирование личности учащегося, общенациональные ценности и общечеловеческие ценности (истина как ценность, жизнь как ценность, мировая культура как ценность, свободы и права личности как ценность), иноязычное общение.

Ключевые слова: иноязычное образование, иностранный язык, ценности, аксиология.

Braslavskaya E.A.

Braslavskaya Elena Alekseevna, Senior Teacher, Sevastopol State University. 299053, Russia, Sevastopol, Universitetskaya st., 33. E-mail: EABraslavskaya@sevsu.ru.

Axiological aspects of the foreign language education

Abstract. The article analyzes the axiological context of the modern foreign language education system. The interrelation between the notions «foreign language education» and «values» is considered. The content of the foreign language education based on the research of E.I. Passov is analyzed. The following values connected with foreign language education are named: foreign and native culture, personality formation of a learner, nationwide values and universal human values (truth, life, global culture, human liberties and rights as values), foreign language communication.

Key words: foreign language education, foreign language, values, axiology.

Изменения, которые происходят на данный момент в социуме, активизировали поиск новых, жизненно важных ценностей для молодежи и способов их внедрения в педагогический процесс. Соглашаясь с Касаткиным П.И., отметим, что данное направление стало актуальным в силу динамичного социокультурного развития, которое накладывает большой отпечаток на «общую картину повседневности. В том числе – за счет изменения ценностных фундаментов культур, что влечет за собой как спонтанное, так и осознанное изменение цен-

ностей, связанных с образовательным пространством» [3, с. 3].

При этом необходимо отметить, что иноязычное образование является неотъемлемой частью образовательного пространства России уже на протяжении долгого промежутка времени, что обуславливает необходимость повышения качества и продуктивности обучения иностранным языкам (ИЯ) в свете аксиологической составляющей российского образования. Аксиологическая направленность образования закреплена документально в законе РФ «Об образовании»

за такими основными понятиями как «образование» и «воспитание». Ценностные установки являются одной из составляющих образования, а социокультурные и духовно-нравственные ценности являются одной из основ воспитания [4].

Следует отметить, что аксиология как философская дисциплина выделилась в XIX в. и в философских словарях определяется как учение о ценностях (от греческого *axia* – ценность, *logos* – учение). Само понятие «аксиология» было введено в 1902 г. французским философом П. Лапи. В России развитие идей, связанных с данным направлением, начинается с конца XIX в. в работах таких известных исследователей, философов и писателей как М.М. Бахтин, В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.Г. Чернышевский и др. В 80-х гг. XX в. появляется новое направление – педагогическая аксиология, идеи которой разрабатываются такими известными учеными как Б.М. Бим-Бад, Б.С. Гершунский, М.В. Богуславский, Г.Б. Корнетов, В.А. Сластенин, В.С. Степин и др. Интерес к аксиологическим аспектам и идеям применительно к преподаванию ИЯ появляется на рубеже XX – XXI вв. и рассматривается в работах О.В. Варниковой, Н.И. Кривых, Н.В. Матвеевой, Е.А. Меньш, Э.Е. Олейник, А.В. Рубцовой и др.

Таким образом, можно констатировать, что интерес к аксиологическим проблемам в иноязычном образовании появился относительно недавно и находится на данный момент в процессе своего становления, являясь объектом пристального внимания многих российских ученых. Само понятие «иноязычное образование» тоже относительно молодое. Оно было введено в научный оборот в 90-х гг. XX в. Е.И. Пассовым. Следовательно, мы считаем необходимым уточнить аксиологическое понятие «ценность» в контексте иноязычного образования. Таким образом, в данном исследовании мы ставим перед собой задачи рассмотреть понятия «иноязычное образование» и

«ценность», а затем на основе полученных данных определить аксиологические аспекты современной системы иноязычного образования.

Долгое время в российской педагогике не существовало термина, которое бы четко отражало «образование на основе ИЯ» [1, с. 28]. Л.А. Дейкова в своем диссертационном исследовании выяснила, что существовало большое количество терминов, обозначающих образование на основе ИЯ. Так, например, А.М. Фирсова говорила о термине «лингвообразование», А.А. Петрова пишет о полилингвальном образовании, Е.Н. Соловова и Е.А. Пореченкова употребляют термин «филологическое образование», Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез и Г.П. Рябов применяют определение «языковое образование», Е.И. Пассов прибегает к термину «иноязычное образование» [1, с. 28-29]. Сама Л.А. Дейкова вводит термин «иноязычное лингвистическое образование», которое, по мнению ученого, «наиболее точно сочетает в себе все особенности образования в сфере ИЯ» [1, с. 32]. Однако данное определение нельзя использовать в контексте всего образования в целом, будь то школьное или вузовское образование, так как слово «лингвистический» в данном термине говорит нам исключительно о подготовке специалистов лингвистического профиля, что сужает рамки использования данного определения. Вслед за М.Н. Ветчиновой [2] мы считаем понятие, введенное Е.И. Пассовым, наиболее точно отражающим цель обучения ИЯ: «формирование модели человека духовного» посредством иноязычной культуры [5, с. 25].

Ученый раскрывает также содержание иноязычного образования, которое он понимает как совокупность аспектов:

1. познавательный аспект – «овладение культурологическим содержанием иноязычной культуры» (культура страны, включая язык);

2. развивающий аспект – «овладение психологическим содержанием иноязыч-

ной культуры» (речевая деятельность, общение, учебная деятельность);

3. воспитательный аспект – овладение педагогическим содержанием иноязычной культуры» (нравственность, патриотизм, гуманизм, интернационализм и др.);

4. учебный аспект – «овладение социальным содержанием иноязычной культуры» (умение говорить, читать, аудировать, писать) [5, с. 26-27].

Таким образом, мы видим, что Е.И. Пассов рассматривает иноязычное образование не просто как овладение ИЯ, а как развитие личности человека посредством ИЯ и иноязычной культуры, что наиболее четко отражает уникальность дисциплины «Иностранный язык», которая, как подчеркивает Е.И. Пассов, является не «учебным предметом», а «образовательной дисциплиной» [5, с. 23-24].

Перейдем к следующему важному понятию в рамках нашего исследования – «ценность». Рассматривать данный феномен будем с позиции педагогической аксиологии, которая согласно В.А. Сластенину и Г.И. Чижиковой определяется как «область педагогического знания, рассматривающая образовательные ценности с позиции самооценки человека и осуществляющая ценностные подходы к образованию на основе признания ценности самого образования» [6, с. 99]. В то время как ценности рассматриваются ими «как специфические образования в структуре индивидуального сознания, являющиеся идеальными образцами и ориентирами деятельности личности и общества» [6, с. 100]. Мы считаем, что в контексте иноязычного образования учащийся должен обладать способностью усваивать ценности иноязычной культуры, анализировать их с позиции родной культуры и строить свою собственную систему ценностей на основе полученных данных.

Рассмотрим перечисленные выше аспекты содержания иноязычного образования по Е. И. Пассову с точки зрения их ценностных ориентиров.

Познавательный аспект направлен на «духовное совершенствование учащихся на базе новой культуры в ее диалоге с родной» [5, с. 29]. Таким образом, можно сказать, что овладение иноязычной культурой – это не простое понимание другой культуры, а постижение системы ценностей другого народа, а также моральное и духовное преобразование учащихся на базе данных ценностей в сочетании с уже усвоенными ценностями родной культуры. Следовательно, иноязычная и родная культура в данном аспекте иноязычного образования выступают в качестве основных ценностей.

Развивающий аспект связан с развитием индивидуальности учащегося и способностей личности, необходимых для функционирования остальных аспектов иноязычного образования – познавательного, воспитательного и учебного. Е.И. Пассов выделяет следующие способности:

– способности к познавательной деятельности, которые подразделяются на два уровня: *перцептивный уровень* – способности к восприятию информации, способности к развитию внимания, слуховой и зрительной дифференциации; *моделирующий уровень* – способности к антиципации, анализу и синтезу, абстрагированию и обобщению, формулированию выводов, понятий, планированию высказывания и тактике общения в целом;

– способности к эмоционально-оценочной деятельности, которые включают способности к выражению различных чувств и состояний, к выражению различных видов оценки фактов, событий, мнений и т.д., к оценке своих высказываний, действий, успехов, неудач и т.д., эмпатии, коммуникабельности и пр.;

– способности, необходимые для функционирования деятельностно-преобразующей сферы, которые Е.И. Пассов делит на *способности осуществлять репродуктивные речевые действия* (способности к вызову слова и

речевого образца, к номинации и имитации речевой единицы, к подстановке лексических единиц в речевой образец, к дискурсивному осознанию правил) и способности осуществлять продуктивные речевые действия (способности к конструированию, трансформации и комбинированию речевых единиц, к выбору выражений, адекватных ситуации и цели общения, к вербализации и импровизации). [5, с. 34-36].

Е.И. Пассов подчеркивает, что в контексте иноязычного образования «развитие личности – это раскрытие и реализация способностей» [5, с. 34], приведенных выше. Таким образом, мы можем сделать вывод, что основной ценностью данного аспекта иноязычного образования является формирование личности учащегося, наряду с одной из ведущих ценностей человека – общением, причем в рамках иноязычного образования, мы говорим об общении на ИЯ.

Воспитательный аспект иноязычного образования связан в концепции коммуникативного иноязычного образования с культурой и «понимается как процесс становления, обогащения и совершенствования мира человека через творческое наследование (присвоение) доступной ему культуры» [5, с. 37]. При этом культура рассматривается Е.И. Пассовым как система ценностей, которая должна служить объектом воспитания. Следует отметить, что воспитательный аспект является приоритетным в современном образовании, а гармонично развитая личность, которая обладает высокими моральными качествами, является целью данного образовательного процесса.

Воспитательный аспект иноязычного образования детально описан Е.И. Пассовым с точки зрения его ценностного содержания, поэтому мы просто процити-

руем ученого в данном случае. Итак, исследователь выделяет следующую номенклатуру воспитательных ценностей:

1. общенациональные ценности

2. общечеловеческие ценности:

а) истина как ценность

б) жизнь как ценность

в) мировая культура как ценность

г) свободы и права личности как ценность

д) общение и сотрудничество как ценность [5, с. 38].

Учебный аспект иноязычного образования включает в себя говорение, аудирование, чтение, письмо, умение общаться на ИЯ и умение учиться. Являясь составной частью социального содержания иноязычной культуры, данный аспект направлен непосредственно на овладение студентами ИЯ. Следовательно, можно сделать вывод, что в данном случае иноязычное общение как социальный феномен выступает в качестве ценности, причем общение является средством взаимодействия культурами, иноязычной и родной. Таким образом, можно сделать вывод, что иноязычное образование направлено на «развитие индивидуальности в диалоге культур» [5, с. 45].

На основе всего выше сказанного мы пришли к выводу, что ценностный аспект пронизывает все стороны иноязычного образования (познавательную, развивающую, воспитательную и учебную), а образовательная дисциплина «Иностранный язык» имеет большой аксиологичный потенциал. Изучение ИЯ играет большую роль в развитии личности учащегося на базе ценностей своей и иноязычной культуры, что обогащает духовный и моральный мир человека, а также способствует развитию его интеллекта и умений учиться на протяжении всей жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дейкова Л.А. Становление и развитие иноязычного лингвистического образования в вузах России (историко-теоретический аспект): дисс. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2011. 217 с.

2. Ветчинова М.Н. Теория и практика иноязычного образования в отечественной педагогике второй половины XIX – начала XX века: дисс. ... доктора пед. наук. Курск, 2009. 428 с.
3. Касаткин П.И. Ценностная аксиоматика образовательного пространства: автореф. дис. ... докт. философ. наук. М., 2018. 53 с.
4. Об образовании в Российской Федерации». Федеральный закон РФ от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/
5. Пассов Е.И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования. Концепция развития индивидуальности в диалоге культур: 5-11 классы. М.: Просвещение, 2000. 173 с.
6. Слостенин В.А., Чижакова Г.И. Введение в педагогическую аксиологию: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Dejkoval L.A. Stanovlenie i razvitie inozazychnogo lingvisticheskogo obrazovanija v vuzah Rossii (istoriko-teoreticheskij aspekt): diss. ...kand. ped. nauk. Ul'janovsk, 2011. 217 s.
2. Vetchinova M.N. Teorija i praktika inozazychnogo obrazovanija v otechestvennoj pedagogike vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka: diss. ... doktora ped. nauk. Kursk, 2009. 428 s.
3. Kasatkin P.I. Cennostnaja aksiomatika obrazovatel'nogo prostranstva: avtoref. dis. ... dokt. filosof. nauk. M., 2018. 53 s.
4. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii». Federal'nyj zakon RF ot 29.12.2012 № 273-FZ // SPS Konsul'tantPljus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/
5. Passov E.I. Programma-koncepcija kommunikativnogo inozazychnogo obrazovanija. Koncepcija razvitija individual'nosti v dialoge kul'tur: 5-11 klassy. M.: Prosveshhenie, 2000. 173 s.
6. Slastenin V.A., Chizhakova G.I. Vvedenie v pedagogicheskuju aksiologiju: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2003. 192 s.

Поступила в редакцию 03.08.2020.

Принята к публикации 06.08.2020.

Для цитирования:

Браславская Е.А. Аксиологические аспекты иноязычного образования // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 28-32. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Braslavskaya.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3971919>

УДК 37

Вакина Н.Д., Пискарева А.В.

Вакина Наталья Дмитриевна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: natali101299@mail.ru

Пискарева Анастасия Вадимовна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: anastasiia.piskareva@mail.ru

К вопросу о влиянии современных технологий на изучение и преподавание иностранных языков в России

Аннотация. В статье рассматриваются возможности совершенствования обучения иностранному языку посредством внедрения в учебный процесс современных интернет-технологий и использования новых форм обучения, которые положительно влияют на мотивацию учащихся и усвоение материала. Также обсуждаются необходимость перехода от традиционных методов преподавания к более прогрессивным, учитывая новый образ мышления современной молодежи, и приводятся данные актуального опроса, подтверждающего необходимость оптимизации образовательного процесса.

Ключевые слова: новые технологии, методика преподавания, иностранные языки, коммуникация, инновации.

Vakina N.D., Piskareva A.V.

Vakina Natalia Dmitrievna, Lomonosov Moscow State University. 119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, 1. E-mail: natali101299@mail.ru.

Piskareva Anastasia Vadimovna, Lomonosov Moscow State University. 119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, 1. E-mail: anastasiia.piskareva@mail.ru.

Concerning the question of modern technologies influencing the studying and teaching of foreign languages in Russia

Abstract. The article discusses the opportunities for improving the teaching of a foreign language through the introduction of the present day Internet technologies into the educational process and the use of new forms of teaching, which should positively influence the motivation of students and the leaning of the material. It also discusses the need to move away from traditional teaching methods to more progressive ones better suited for the new way of thinking among the younger generation and presents data from an actual survey showing the need to improve the educational process.

Key words: new technologies, teaching methodology, foreign languages, communication, innovations.

С каждым годом темпы развития новых технологий продолжают увеличиваться, что, безусловно, оказывает большое влияние на привычный уклад повседневной жизни. Техни-

ческий прогресс везде оставляет свой след, и сфера образования – не исключение. Так, в образовательном процессе наблюдается постепенное введение новых технологий, которые используются

на различных уроках, в том числе на уроках иностранного языка. В данной статье мы рассмотрим, как именно современные технологии влияют на изучение и преподавание иностранных языков и действительно ли стоит внедрять больше инноваций в образовательный процесс.

Прежде всего необходимо подчеркнуть тот факт, что на сегодняшний день крайне важную роль в мире играют взаимоотношения между различными государствами. Однако на пути к полному взаимопониманию между представителями разных стран лежат препятствия, которые заключаются в частом незнании иностранных языков, без которых коммуникация между представителями разных государств будет невозможна. Для того, чтобы все-таки наладить коммуникацию, необходимы специалисты в сфере иностранных языков, которые становятся все более и более востребованными. В этой связи возникает вопрос о том, что нужно сделать, чтобы улучшить подготовку таких специалистов и какие меры необходимо предпринять, чтобы изучение и преподавание иностранных языков стало более успешным и привлекательным.

Важно заметить, что иностранный язык стоит на стыке всех предметов и областей, поэтому его развитие и развитие технологий неразделимо. Иностранный язык невозможно «зазубрить» или просто заучить, его необходимо понимать, а также важно постоянно совершенствовать свои компетенции в таких навыках, как аудирование, чтение, письмо и говорение, учить новые слова и выражения, относящиеся к самым разным сферам жизнедеятельности.

Современные технологии могут помочь в этом плане тем, что они подтолкнули преподавателей и учеников к использованию материалов на более разнообразные темы, которые в обычных учебниках могут быть не затронуты. Помимо этого, задания можно будет выполнять в разных форматах, что также поможет избежать «зубрежки» и заставит учеников

использовать не просто заученные слова и клише, а самостоятельно думать и приходиться к новому и более сложному материалу, опираясь на уже имеющиеся у них знания. Все это значительно скажется впоследствии на успехе в изучении иностранного языка, так как в процессе коммуникации заученные клише не всегда уместны, и зачастую приходится спонтанно и быстро ориентироваться в сложных ситуациях, прибегая к «живому» диалогу. Необходимость перехода, возможно не полного, но, по крайней мере, частичного к новому формату обучения становится с каждым годом все более очевидной, ведь образ мышления современных школьников сильно изменился под влиянием современных технологий, в сравнении с предыдущими поколениями, которым было присуще понятийное мышление. Сегодняшняя молодежь существует в условиях непрерывного и избыточного потребления информации: именно так часто характеризуют новый тип мышления – клиповое мышление. Так, основная проблема заключается в том, что современная образовательная программа не всегда соответствует новым реалиям, поэтому возникает необходимость ее видоизменять и искать новые формы подачи материала, чтобы задействовать клиповое мышление наиболее эффективно. Также и по этой причине старая добрая и традиционная «зубрежка» при изучении иностранных языков представляется сейчас недостаточно эффективной в сравнении с новым форматом обучения с применением современных технологий.

Для более подробного рассмотрения существующих на сегодняшний день проблем в области преподавания иностранных языков был проведен опрос среди учащихся и учителей с целью выяснить, какое отношение сложилось у них к использованию новых технологий в образовательном процессе. Так, 76,5% учащихся высказались за использование учителями современных технологий на уроках иностранного языка, а учителя в

свою очередь единогласно поддержали идею введения новых технологий в процесс обучения иностранному языку. Такие результаты позволяют нам сделать вывод, что обе стороны образовательного процесса были бы не против разнообразить учебный процесс путем использования инноваций, а также они положительно воспринимают идею введения таких новшеств.

Тем не менее, несмотря на такой интерес к использованию современных технологий на уроках иностранного языка как со стороны учащихся, так и со стороны учителей, в действительности новые технологии применяются не так часто, как показывают результаты опроса: 58,8% учащихся утверждают, что учителя редко используют новые технологии на уроках иностранного языка, и 50% учителей это признают, подтверждая, что на уроках используют технологии редко. При этом, ситуация представляется все же не такой плачевной: почти 30% учащихся и 25% учителей ответили, что часто используют современные технологии в образовательном процессе, что уже является неплохим результатом и дает основания полагать, что в будущем существующее положение вещей изменится в лучшую сторону. Действительно, использование новых технологий в образовательном процессе положительно влияет на усвоение учащимися материала и изучение иностранного языка, что подтвердили 94,1% учащихся и все опрошенные нами учителя. По их мнению, использование новых технологий способствует запоминанию информации учащимися, а также дает им дополнительную мотивацию для занятий на уроках. Учащимся же в свою очередь нравится такое разнообразие и новый формат заданий, так как для них использование современных технологий является уже привычным занятием и не вызывает лишнего стресса или непониманий. Разнообразные возможности использования технологий отмечает в

своей статье также и Л.П. Владимирова: «Увеличить объём речевого общения или плотность общения на иностранном языке как в устной, так и в письменной форме возможно средствами интернет-технологий, веб 2.0. (блог, форум, чат, скайп и др.)... В настоящее время в образовании широко используются блоги... С помощью блога можно решать такие дидактические задачи, как обучение различным видам чтения, письму, устной и письменной речи» [2, с. 7].

В общем и целом, можно заметить следующее: несмотря на то, что применение новых технологий в преподавании иностранных языков пока что не стало обыденной практикой, оно вызывает все больший интерес как со стороны учеников, так и со стороны учителей. Современные технологии в преподавании иностранного языка открывают двери к новым возможностям, источникам информации и тренировочным комплексам, направленным на эффективное развитие компетенций в различных аспектах языка. Для более эффективного внедрения этих технологий в процесс обучения необходимо выявить те технологии, которые пользуются на сегодняшний день наибольшей популярностью среди молодежи, а также те технические нововведения, которые положительно влияют на процесс преподавания. Это, несомненно, будет способствовать совершенствованию методики преподавания иностранных языков и, соответственно, увеличению количества потенциальных работников-профессионалов в данной сфере, которые могут обеспечить процесс прозрачной коммуникации без недопониманий и искажений смысла передаваемой информации. Последний аспект представляется особенно важным, ведь знание иностранных языков и умение коммуницировать сейчас крайне необходимы, учитывая происходящие в последние десятилетия события на международной арене и процесс глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов Э.Г. Теория и практика использования компьютерных программ в преподавании русского языка как иностранного. Москва: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2000. 149 с.
2. Владимирова Л.П. Дистанционное обучение иностранным языкам: специфика и перспективы // Иностранные языки в высшей школе. №2 (29), 2014. С. 68-72. Изд-во: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/3fb/distancionnoe-obuchenie-inostrannym-yazykam.pdf>
3. Воронина Е.В. и др. Инновационные технологии преподавания иностранных языков в вузе (монография) / Е.В. Воронина, Ю.В. Рындина, И.М. Кунгурова, С.Г. Долженко, Е.А. Юринова, С.В. Пахотина // Успехи современного естествознания, 2014. № 10. С. 95-97. URL: <http://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34266>
4. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учеб. пособие для студ. лингв., ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 336 с.
5. Девтерова З.Р. Новые информационные технологии в преподавании иностранного языка в вузе // Вестник Адыгейского государственного университета, 2006. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-informatsionnye-tehnologii-v-prepodavanii-inostrannogo-yazyka-v-vuze>.
6. Костина Е.В. Модель смешанного обучения (blended learning) и её использование в преподавании иностранных языков // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки, 2010. т. 1. № 2. С. 141-144.
7. Старицына О.А. Клиповое мышление vs образование. Кто виноват и что делать? // АНИ: педагогика и психология. 2018. №2 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-myshlenie-vs-obrazovanie-kto-vinovat-i-cto-delat>
8. Штурба Я.Ю. Преподавание иностранного языка посредством новых информационных технологий // Филологические науки. 2012. № 7. С. 222-225.
9. Щукин А.Н. Методика обучения речевому общению на иностранном языке: учебное пособие для преподавателей и студентов языковых вузов // Москва: ИКАР, 2011. 452 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Azimov Je.G. Teorija i praktika ispol'zovanija komp'juternyh programm v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo. Moskva: Gos. IRJa im. A.S. Pushkina, 2000. 149 s.
2. Vladimirova L.P. Distancionnoe obuchenie inostrannym jazykam: specifika i perspektivy // Inostrannye jazyki v vysshej shkole. №2 (29), 2014. S. 68-72. Izd-vo: Rjazanskij gosudarstvennyj universitet imeni S.A. Esenina. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/3fb/distancionnoe-obuchenie-inostrannym-yazykam.pdf>
3. Voronina E.V. i dr. Innovacionnye tehnologii prepodavanija inostrannyh jazykov v vuze (monografija) / E.V. Voronina, Ju.V. Ryndina, I.M. Kungurova, S.G. Dolzhenko, E.A. Jurinova, S.V. Pahotina // Uspehi sovremennogo estestvoznaniya, 2014. № 10. S. 95-97. URL: <http://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34266>
4. Gal'skova N.D., Gez N.I. Teorija obuchenija inostrannym jazykam: Lingvodidaktika i metodika: Ucheb. posobie dlja stud. lingv., un-tov i fak. in. jaz. vyssh. ped. ucheb. zavedenij. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2004. 336 s.
5. Devterova Z.R. Novye informacionnye tehnologii v prepodavanii inostrannogo jazyka v vuze // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-informatsionnye-tehnologii-v-prepodavanii-inostrannogo-yazyka-v-vuze>.
6. Kostina E.V. Model' smeshannogo obuchenija (blended learning) i ejo ispol'zovanie v prepodavanii inostrannyh jazykov // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Serija: Gumanitarnye nauki, 2010. t. 1. № 2. S. 141-144.

-
7. Staricyna O.A. Klipovoe myshlenie vs obrazovanie. Kto vinovat i chto delat'? // ANI: pedagogika i psihologija. 2018. №2 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-myshlenie-vs-obrazovanie-kto-vinovat-i-chto-delat>
 8. Shturba Ja.Ju. Prepodavanje inostrannogo jazyka posredstvom novyh informacionnyh tehnologij // Filologicheskie nauki. 2012. № 7. S. 222-225.
 9. Shhukin A.N. Metodika obuchenija rechevomu obshheniju na inostrannom jazyke: uchebnoe posobie dlja prepodavatelej i studentov jazykovyh vuzov // Moskva: IKAR, 2011. 452 s.

Поступила в редакцию 03.08.2020.

Принята к публикации 06.08.2020.

Для цитирования:

Вакина Н.Д., Пискарева А.В. К вопросу о влиянии современных технологий на изучение и преподавание иностранных языков в России // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 33-37. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/VakinaPiskareva.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3970735>

УДК 378

Ветров Ю.П., Третьяченко Д.С.

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, Армавирский государственный педагогический университет. 352901, Россия, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159. E-mail: morozovan1977@mail.ru.

Третьяченко Дмитрий Сергеевич, аспирант, Армавирский государственный педагогический университет. 352901, Россия, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159. E-mail: morozovan1977@mail.ru.

Аксиологический потенциал педагогического сопровождения социокультурной адаптации иностранных курсантов в военном вузе

Аннотация. Увеличение количества иностранных курсантов в российских военных вузах подтверждает результативность активного международного сотрудничества в научно-образовательной и военно-технической сферах. В статье рассматриваются особенности социокультурной адаптации иностранных обучающихся, обусловленные спецификой организации образовательного процесса в военных вузах, изменившимися условиями жизнедеятельности в новой социальной среде. К факторам успешной социокультурной адаптации иностранных курсантов авторы относят систему педагогического сопровождения, которая разрабатывается и реализуется на основе аксиологического подхода. Аксиологический потенциал педагогического сопровождения социокультурной адаптации иностранных курсантов в военном вузе характеризуется как ценностная интеграция цели, содержания и технологий педагогического сопровождения, краткая характеристика которых представлена в статье. Обобщение полученных результатов позволило обозначить перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: военное образование, иностранные курсанты, адаптация, социокультурная адаптация, педагогическое сопровождение, аксиологический потенциал.

Vetrov Yu.P., Tretyachenko D.S.

Vetrov Yuri Pavlovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Armavir State Pedagogical University. 352901, Russia, Armavir, R. Luxembourg st., 159. E-mail: morozovan1977@mail.ru.

Tretyachenko Dmitry Sergeevich, post-graduate, Armavir State Pedagogical University. 352901, Russia, Armavir, R. Luxembourg st., 159. E-mail: morozovan1977@mail.ru.

Axiological potential of pedagogical support of social and cultural adaptation of foreign cadets in a military University

Abstract. The increase in the number of foreign cadets in Russian military universities confirms the effectiveness of active international cooperation in the scientific, educational and military-technical spheres. The article discusses the features of socio-cultural adaptation of foreign students, due to the specifics of the organization of the educational process in military universities, changed living conditions in a new social environment. The authors refer to the factors of successful socio-cultural adaptation of foreign cadets as the system of pedagogical support, which is developed and implemented on the basis of an axiological approach. The axiological potential of pedagogical support for the socio-cultural adaptation of

foreign cadets in a military University is characterized as the value integration of the goal, content and technologies of pedagogical support, a brief description of which is presented in the article. Generalization of the obtained results allowed us to identify the prospects for further research.

Key words: military education, foreign cadets, adaptation, socio-cultural adaptation, pedagogical support, axiological potential

Иntenсификация международного научно-технического сотрудничества в военной сфере актуализирует исследовательский интерес к проблемам обучения иностранных курсантов в российских военных вузах. Наряду с образовательными задачами привлечение иностранных обучающихся рассматривается как укрепление российского геополитического влияния на международной арене в условиях обостряющихся глобальных вызовов. Это дает основания рассматривать образование как ресурс «мягкой силы» [4].

Важнейшим условием эффективности процесса овладения иностранными курсантами современными военно-профессиональными компетенциями является успешность их адаптации не только к процессу обучения в российских военных вузах, но и адаптация к условиям проживания в России [2].

В нашем исследовании мы используем трактовку адаптации как «...процесса и результата внутренних изменений, внешнего активного приспособления и самоизменения индивида к новым условиям существования» [7, с. 17].

Активное развитие международного научно-образовательного сотрудничества и военно-технического сотрудничества детерминируют исследовательский интерес к выявлению особенностей академической, психологической, социокультурной адаптации иностранных обучающихся к обучению в российских вузах [1; 2; 5; 9].

Адаптация курсантов к обучению в военных вузах имеет свои специфические особенности, которые существенным образом влияют на «...процесс активного освоения курсантом новой социальной среды, в которой он выступает не только

объектом адаптации, но и её субъектом» [1, с. 137].

Подчеркивая сложность, длительность и непрерывность процесса социокультурной адаптации иностранных студентов, исследователи отмечают влияние на этот процесс различных факторов, среди которых особое место занимают личностные, средовые и институциональные ресурсы [3].

Именно многоаспектность и противоречивость процесса социокультурной адаптации, возникающие у иностранных курсантов сложности различного характера и детерминируют особую важность системы специального педагогического сопровождения обучающихся из зарубежных стран.

Рассматривая педагогическое сопровождение как систему специально организованных действий всех участников образовательного процесса по предупреждению и преодолению затруднений при интеграции в новую социокультурную среду, исследователи отмечают важность создания условий для развития у иностранных курсантов навыков самообразования, планирования и организации самостоятельной учебно-познавательной и социальной жизнедеятельности как основы профессионально-личностного развития и овладения новыми моделями поведения [5, с. 66].

Система педагогического сопровождения социокультурной адаптации иностранных курсантов военных вузов обеспечит их быструю и успешную адаптацию с учетом специфических особенностей военно-профессионального образования, если будет разработана на основе современных теоретико-методологических подходов, актуализирующих ценность личностных смыслов, ориентацию

на создание условий для самореализации личности в новой социальной среде. Именно поэтому среди многих теоретико-методологических проблем педагогического сопровождения социокультурной адаптации иностранных курсантов в военном вузе особое место занимает реализация идей аксиологического подхода.

Аксиологический подход как философско-методологическая стратегия современного образования глубоко и всесторонне представлена в современной научной литературе. Исследователи в области теории и методики военного профессионального образования подчеркивают значение аксиологической подготовки будущих офицеров, важность формирования у них аксиологических компетенций как условия готовности к ценностно-ориентированной профессиональной деятельности [8, с. 57]. А.И. Щеголь изучает особенности формирования ценностных ориентаций личности в военных учебных заведениях как основы личностного роста и саморазвития, становления субъектного личного опыта на основе усвоенных ценностей. [10, с. 156]. В.Л. Разгонов исследует особенности и педагогические условия формирования в военном вузе ценностей офицерского корпуса на основе целенаправленного проектирования аксиологического контекста учебно-профессиональной деятельности курсантов, использования современных технологий профессионального воспитания [6, с. 173].

Таким образом, проведенный анализ научной литературы и обобщение полученных результатов позволяет нам обозначить аксиологический потенциал организации социокультурной адаптации иностранных курсантов в военном вузе, который заключается в ценностной интеграции цели, содержания и технологий педагогического сопровождения социокультурной адаптации курсантов из зарубежных стран.

Целью педагогического сопровождения социокультурной адаптации иностранных курсантов в военном вузе явля-

ется создание благоприятных психолого-педагогических условий для гармоничной интеграции иностранных обучающихся в новую образовательно-академическую и социально-профессиональную среду.

Аксиологические аспекты содержания педагогического сопровождения социокультурной адаптации иностранных курсантов в военном вузе включают в себя:

- комплексную диагностику и анализ индивидуально-психологических особенностей курсантов из зарубежных стран, системы их ценностных ориентаций;

- мотивацию иностранных курсантов к активному и осознанному включению в образовательный процесс, социально-культурную, спортивную и досуговую деятельность;

- помощь иностранным обучающимся в овладении новыми социокультурными нормами на основе признания множественности ценностных ориентаций;

- формирование у иностранных курсантов интереса к традиционным российским ценностям, ценностям и традициям других народов как основы осознанного овладения новыми нормами и правилами поведения в иносоциосреде;

- системное развитие у курсантов из зарубежных стран компетенций межкультурной коммуникации и профилактики на этой основе проявлений ксенофобии, нетерпимости, этноконфликтов в поликультурной и поликонфессиональной среде вуза и региона;

- содействие сохранению этнокультурной идентичности иностранных курсантов.

Аксиологические основания технологий педагогического сопровождения социокультурной адаптации курсантов из зарубежных стран детерминируют использование интерактивных технологий сопровождения, актуализирующих индивидуально-психологические, этнокультурные, религиозные особенности иностранных курсантов, организацию постоянного межкультурного взаимодействия

на основе ценностей разнообразия и самобытности национальных культур.

Полученные результаты позволяют обозначить перспективы дальнейших исследований:

- научное обоснование и методическое обеспечение интеграции аксиологического подхода к педагогическому сопровождению социокультурной адаптации иностранных курсантов с другими современными подходами к военно-профессиональному образованию (культурологическим, компетентностным, контекстным);

- выявление аксиологического потенциала творчески-досуговой деятельности

в структуре педагогического сопровождения социокультурной адаптации иностранных курсантов;

- разработка новых направлений педагогического сопровождения социокультурной адаптации иностранных курсантов с учетом этнокультурных особенностей принимающих регионов;

- системное развитие компетенций межкультурной коммуникации преподавателей военных вузов как условия внедрения вариативных форм педагогического сопровождения социокультурной адаптации иностранных курсантов с учетом их национально-религиозных особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воскрекасенко О.А., Бучнева О.А. Адаптация иностранных курсантов к образовательному процессу военного вуза // Высшее образование в России. 2013. №7. С. 136-140.
2. Гурьянчик В.Н., Макеева Т.В. Социокультурная адаптация иностранных курсантов российских военных вузов // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 124-133.
3. Иванова Г.П., Логвинова О.К., Ширкова Н.Н. Педагогическое обеспечение социокультурной адаптации иностранных студентов: опыт реализации // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. №3. С. 60-69.
4. Ковба Е.Г., Грибовод Д.М. Международная академическая мобильность сквозь призму теории «мягкой силы» // Образование и наука. 2019. Т. 21. №10. С. 9-31.
5. Павлушкина Т.В. Модель педагогического сопровождения адаптации иностранных военнослужащих в российском военном вузе // Теория и практика общественного развития. 2014. № 11. С. 66-69.
6. Разгонов В.Л. Ценности офицерского корпуса и условие их формирования у курсантов военного вуза // Мир науки, культуры, образования. 2015. №6(55). С. 172-174.
7. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб.: Прайм-ЕВРО-ЗНАК, 2006. 479 с.
8. Рубан А.В., Хазова С.А. Сущность и содержание аксиологической компетентности будущих офицеров // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. №4(58). С. 56-58.
9. Смирнова А.Н., Тихомирова Л.А. Педагогическое сопровождение в вопросах социокультурной и академической адаптации иностранных курсантов // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 1(32). С. 100-102.
10. Щеголь А.И. Особенности формирования ценностных ориентаций личности в военных организациях // Мир науки, культуры, образования. 2016. №6(61). С. 154-157.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Voskrekasenko O.A., Buchneva O.A. Adaptacija inostrannyh kursantov k obrazovatel'nomu processu voennogo vuza // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2013. №7. S. 136-140.
2. Gur'janchik V.N., Makeeva T.V. Sociokul'turnaja adaptacija inostrannyh kursantov rossijskih voennyh vuzov // Sociologicheskie issledovanija. 2018. №. 11. S. 124-133.
3. Ivanova G.P., Logvinova O.K., Shirnova N.N. Pedagogicheskoe obespechenie sociokul'turnoj adaptacii inostrannyh studentov: opyt realizacii // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2018. T. 27. №3. S. 60-69.

4. Kovba E.G., Gribovod D.M. Mezhdunarodnaja akademicheskaja mobil'nost' skvoz' prizmu teorii «mjagkoj sily» // *Obrazovanie i nauka*. 2019. T. 21. №10. S. 9-31.
5. Pavlushkina T.V. Model' pedagogicheskogo soprovozhdenija adaptacii inostrannyh voennosluzhashhih v rossijskom voennomu vuze // *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*. 2014. № 11. S. 66-69.
6. Razgonov V.L. Cennosti oficerskogo korpusa i uslovie ih formirovanija u kursantov voennogo vuza // *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. 2015. №6(55). S. 172-174.
7. Rean A.A., Kudashev A.R., Baranov A.A. Psihologija adaptacii lichnosti. Analiz. Teorija. Praktika. SPb.: Prajm-EVRO-ZNAK, 2006. 479 s.
8. Ruban A.V., Hazova S.A. Sushhnost' i sodержanie aksiologicheskoi kompetentnosti budushhih oficerov // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2017. №4(58). S. 56-58.
9. Smirnova A.N., Tihomirova L.A. Pedagogicheskoe soprovozhdenie v voprosah sociokul'turnoj i akademicheskoi adaptacii inostrannyh kursantov // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2015. № 1(32). S. 100-102.
10. Shhegol' A.I. Osobennosti formirovanija cennostnyh orientacij lichnosti v voennyh organizacijah // *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. 2016. №6(61). S. 154-157.

Поступила в редакцию 28.07.2020.

Принята к публикации 31.07.2020.

Для цитирования:

Ветров Ю.П., Третьяченко Д.С. Aksiologicheskij potencial pedagogicheskogo soprovozhdenija sociokul'turnoi adaptacii inostrannyh kursantov v voennom vuze // *Гуманитарный научный вестник*. 2020. №7. С. 38-42. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/VetrovTretyachenko.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3970792>

УДК 371

Гарипова И.О., Коршкова Л.С.

Гарипова Инга Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО Северо-Восточный государственный университет. 685000, Россия, г. Магадан, ул. Портовая, д. 13. E-mail: ingagar_ipova@rambler.ru.

Коршкова Лидия Степановна, ФГБОУ ВО Северо-Восточный государственный университет. 685000, Россия, г. Магадан, ул. Портовая, д. 13. E-mail: ingagar_ipova@rambler.ru.

Развитие личности учащихся учреждений дополнительного образования в процессе волонтерской деятельности

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития гармоничной личности подрастающего поколения в процессе организации волонтерской деятельности в учреждениях дополнительного образования. Приводятся результаты онлайн-опроса, целью которого было установление особенностей отношения подростков к популярному направлению их волонтерской деятельности и ее влияния на развитие участников волонтерского движения. Делается вывод, что волонтерская деятельность – это платформа для формирования базовых компетенций, социальной адаптации, приобретения опыта, знаний и навыков.

Ключевые слова: дополнительное образование, добровольчество (волонтерство), добровольческая (волонтерская) деятельность, социализация, развитие личности.

Garipova I.O., Korshkova L.S.

Garipova Inga Olegovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, North-East State University. 685000, Russia, Magadan, Portovaja, 13. E-mail: ingagar_ipova@rambler.ru.

Korshkova Lidiya Stepanovna, North-East State University. 685000, Russia, Magadan, Portovaja, 13. E-mail: ingagar_ipova@rambler.ru.

Personal development of additional education institutions students in the course of volunteer activities

Abstract. In the article, the questions of a harmonious development of a growing generation in the process of volunteerism in the additional education institutions are addressed. The article presents the results of an online survey aimed at determining the characteristics of teenagers' attitude to the popular direction of their volunteer activity and its impact on the development of participants in the volunteer movement. Volunteerism is a base for creating base competences, social adaptation, acquiring experience, knowledge and skills.

Key words: additional education, volunteerism, voluntary activity, socialization, personal development.

Дополнительное образование занимает особое место в образовательной системе, решая предметные, метапредметные, личностные задачи,

раскрывает творческий потенциал учащихся, закладывает фундамент базовой культуры, ценностей, воспитывает нравственные, духовные, патриотические, ин-

теллектуальные, социальные, профессиональные качества, формирует межличностные отношения, дает возможность накопить опыт [2, с. 1].

Педагоги дополнительного образования, выбирающие социально-педагогическое направление деятельности, в основном реализуют гражданско-правовые, гуманитарные, социокультурные, финансово-экономические программы, а также программы профессиональной ориентации. Одним из актуальных вопросов сегодня является организация на базе учреждений дополнительного образования добровольческой деятельности учащихся.

Добровольческая (волонтерская) деятельность – форма социального служения, осуществляемая по свободному волеизъявлению граждан, направленная на бескорыстное оказание социально значимых услуг на региональном, федеральном или международном уровнях, способствующая личностному росту и развитию. Существуют следующие виды добровольчества: медицинское, социальное, корпоративное, инклюзивное, экологическое, «серебряное», семейное волонтерство, волонтерство в чрезвычайных ситуациях, поиск детей, волонтерство Победы, волонтерство крупных событий в сфере культуры, образования, формирования комфортной городской среды [3, с. 12].

Волонтерская деятельность – по своей природе просоциальная деятельность в целевом, процессуальном, содержательном, технологическом компонентах. Включаясь в добровольчество, человек стремится на безвозмездных основах повлиять на трансформацию современного общества, сделать его лучше. Традиционно молодежь является социально активной демографической группой, которая является сейчас основой для крупномасштабных волонтерских движений, где важным компонентом становится социокультурная сфера, позволяющая воспитывать морально здоровое, гуманное поколение. Таким образом, современные волонтеры рассматривают свою деятельность

как инструмент социального, культурного, экономического и экологического развития.

Государственная социальная и молодежная политика открывает широкие возможности для молодых людей, заинтересованных в решении общенациональных задач. В 2018 году приоритетным направлением деятельности в Российской Федерации стало содействие и распространение добровольчества (волонтерства). По официальным данным, эта цифра на 5 декабря 2019 года составила более 15 000 000 добровольцев в РФ, на территории Магаданской области – около 7000, из них почти 3500 – молодежь, т. е. каждый десятый представитель этой возрастной категории.

В Магаданской области насчитывается 70 организаций и объединений, осуществляющих добровольческую деятельность; из них 1/3 приходится на образовательные организации, 2/3 – на культурно-досуговые, спортивные, медицинские, социальные учреждения, общественные и некоммерческие организации, политические партии. Следует отметить, что во все волонтерские объединения и организации, кроме политических партий, входят молодые люди, в том числе в возрасте до 18 лет.

Для того чтобы понять, в какой мере добровольчество оказывает влияние на формирование и становление личности, было проведено исследование, в ходе которого тридцати респондентам в возрасте от 14 до 18 лет, занимающимся волонтерством в условиях дополнительного образования, предложили пройти онлайн-опрос. В нем затронут ряд аспектов, которые в определенной степени позволяют охарактеризовать особенности отношения подростков к популярному направлению их деятельности, а также дают возможность выяснить, насколько благоприятно она влияет на всестороннее развитие испытуемого.

Обработка анкет показала, что большее количество респондентов – подростки от 14 до 16 лет (табл. 1).

Основная доля участников опроса задействована в социальном и событийном направлении добровольческой деятельности, соответственно, занимаясь подготовкой, организацией и проведением, участвуя в различных мероприятиях,

проектах, программах, у подростков расширяется кругозор, активизируется интеллектуальная деятельность, формируются социальные навыки, а значит благоприятно проходит социальная адаптация (табл. 2).

Таблица 1. Анализ возрастных характеристик респондентов

Возраст	Количество	
	Человек	%
12–13 лет	2	6,6
14–16	25	83,4
17–18	3	10
Всего:	30	100

Таблица 2. Предпочтения в выборе направлений добровольческой (волонтерской) деятельности

Направление добровольческой деятельности	Количество	
	Человек	%
Событийное	30	100
Социальное	25	83,4
Экологическое	16	53,4
Волонтеры Победы	18	60
В сфере культуры	7	23,4
В сфере формирования комфортной городской среды	3	10
Всего:	30	100

Таблица 3. Личностные качества и черты характера, присущие волонтеру

Личностные качества и черты характера, присущие волонтеру	Количество	
	Человек	%
Доброта	30	100
Отзывчивость	30	100
Милосердие	13	43,3
Уважение к людям	24	80
Ответственность	30	100
Коммуникабельность	30	100
Порядочность	22	73,3
Дисциплинированность	23	76,6
Забота об окружающих	30	100
Всего:	30	100

Вовлеченные в добровольчество молодые люди уверены, что это движение несет в себе благие намерения и пробуждает в людях доброту и отзывчивость, дис-

циплинирует, помогает открыться, проявить заботу и уважение к окружающим (табл. 3).

Для того чтобы быть успешным членом своей организации, по мнению ребят,

необходимо иметь не только желание, но и навыки общения, работы за компьютером, грамотно излагать свои мысли в устной и письменной форме, учиться слушать и обучать других и, конечно, трудиться.

Выяснилось, что учащиеся достаточно высоко оценивают степень воздействия осуществляемой деятельности на собственные личностные новоприобретения. Большинство респондентов отмечают, что они стали гораздо самостоятельнее, опытнее, научились осуществлять взаимодействие с посторонними и малознакомыми людьми, приобрели дополнительные навыки работы с компьютерной техникой, в частности, освоили программы, приложения, полезные в решении повседневных задач, обучились тайм-менеджменту. По их мнению, совокупность полученных знаний успешно применяется ими на практике, позволяет оказывать помощь педагогам и наставникам в проведении мероприятий, планировании деятельности, постановке конкретных целей и задач.

При этом в качестве значимых трудностей, с которыми пришлось столкнуться

учащимся в процессе волонтерской деятельности, были определены: нехватка опыта (90%), нерациональное распределение времени (46,6%), отсутствие поддержки среди членов семьи (30%), боязнь совершить ошибку (76,6%).

На вопрос «Помогает ли, на ваш взгляд, добровольчество развиваться человеку (обществу)?» большинство респондентов ответили положительно (90% опрошенных). Показательно, что больше половины учащихся, участвовавших в волонтерских программах, хотели бы связать дальнейшую деятельность с добровольчеством.

Немаловажным фактором для молодежи, вовлеченной в добровольческую деятельность, служит мотивация, которая бывает материальной и нематериальной. Существуют внешние (государственная политика, личные связи, знакомства, прочие выгоды) и внутренние (личностный рост, самоопределение, самореализация, приобретение и наработка опыта и знаний, продвижение по карьерной лестнице) мотивы, способные побудить на «великие дела» [2, с. 139] (табл. 4).

Таблица 4. Мотивы выбора волонтерской деятельности

Мотивы выбора волонтерской деятельности	Количество	
	Человек	%
Достижение успеха	10	33,3
Расширение круга общения	30	100
Возможность заработать	10	33,3
Интересное времяпрепровождение	30	100
Залог дальнейшей успешной карьеры	11	36,6
Возможность путешествовать	30	100
Быть в центре внимания	18	60
Быть признанным обществом	30	100
Быть грамотным в разных сферах деятельности	26	86,6
Быть полезным и нужными людям	30	100
Бороться с несправедливостью	30	100
Всего:	30	100

Таким образом, исследование показало, что добровольческое движение может выступать платформой для всестороннего развития личности человека, способного

творчески подходить к решению поставленных задач, отвечать за свои поступки, поступать в соответствии с убеждениями,

стремиться к самосовершенствованию в профессиональной и общественной сферах.

Добровольчество (волонтерство) – это эффективный инструмент, который

способен не только сформировать базовые компетенции, помочь подрастающему поколению с самоопределением, но и пробуждать просоциальное поведение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гримберг А.А. Дополнительное образование как средство социализации обучающихся // Социальная сеть работников образования. URL: <https://nsportal.ru>.
2. Смирнова О.Г., Гуляева М.С. Мотивация волонтерской деятельности // Материалы XXII Международной конференции памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». Екатеринбург: УрФУ, 2019. С. 135-144.
3. Домникова С.В. Добровольческая (волонтерская) деятельность в детском оздоровительном лагере: от замысла до реализации. Учебно-методическое пособие. Саратов: Издательство ГАУ ДПО «Саратовский областной институт развития образования», 2018. 68 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Grimberg A.A. Dopolnitel'noe obrazovanie kak sredstvo socializacii obuchajushhihsja // Social'naja set' rabotnikov obrazovanija. URL: <https://nsportal.ru>.
2. Smirnova O.G., Guljaeva M.S. Motivacija volonterskoj dejatel'nosti // Materialy XXII Mezhdunarodnoj konferencii pamjati professora L.N. Kogana «Kul'tura, lichnost', obshhestvo v sovremennom mire: metodologija, opyt jempiricheskogo issledovanija». Ekaterinburg: UrFU, 2019. S. 135-144.
3. Domnikova S.V. Dobrovol'cheskaja (volonterskaja) dejatel'nost' v detskom ozdorovitel'nom lagere: ot zamysla do realizacii. Uchebno-metodicheskoe posobie. Saratov: Izdatel'stvo GAU DPO «Saratovskij oblastnoj institut razvitija obrazovanija», 2018. 68 s.

Поступила в редакцию 27.07.2020.

Принята к публикации 30.07.2020.

Для цитирования:

Гарипова И.О., Коршкова Л.С. Развитие личности учащихся учреждений дополнительного образования в процессе волонтерской деятельности // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 43-47. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/GaripovaKorshkova.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3974624>

УДК 37.012

Кабанкова Е.Н.

Кабанкова Елена Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, Севастопольский государственный университет. 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: lenatatushko@rambler.ru.

Концептуальные основы формирования познавательной самостоятельности студентов технического университета

Аннотация. В статье рассматриваются методологические подходы (акмеологический, проблемно-технологический, системно-целостный, субъектно-ориентированный), направленные на формирование личности, способной эффективно выполнять профессиональную деятельность в постоянно меняющихся условиях. Определены основные аспекты данных подходов, что позволит раскрыть новые возможности студентов, а также повысить процесс формирования познавательной самостоятельности. Внедрение методологических подходов в обучении будет способствовать повышению эффективности и качества образования, приобретению будущим инженером необходимых профессиональных знаний, умений и навыков, его самоактуализации, самосовершенствованию, самоопределению в различных сферах самореализации.

Ключевые слова: деятельность, познавательная самостоятельность, методологический подход, профессионализм, компетентность, личность, технический университет.

Kabankova E.N.

Kabankova Elena Nikolaevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Sevastopol State University. 299053, Russia, Sevastopol, Universitetskaya st., 33. E-mail: lenatatushko@rambler.ru

Prospects of the formation of the technical university students' cognitive independence

Abstract. The article is devoted to the methodological approaches (acmeological, problem-technological, system-holistic, subject-oriented) aimed at the formation of a person which is capable to perform professional activities in constantly changing conditions effectively. The main aspects of these approaches have been determined, which reveal new opportunities for students, as well as increase the process of formation of cognitive independence. The introduction of methodological approaches in training contributes to an increase in the efficiency and quality of education, the acquisition of the necessary professional knowledge, skills and abilities by future engineers, their self-actualization, self-improvement, self-determination in various areas of self-realization.

Key words: activity, cognitive independence, methodological approach, professionalism, competence, personality, technical university.

Введение. Для современного общества характерным признаком является стабильное развитие

науки, техники, экономики, технологий, культуры, общественных отношений. Как следствие современной важной задачей

является поиск оптимальных путей подготовки специалистов в высших учебных заведениях, в основе которых направленность учебно-воспитательного процесса на формирование личности, способной эффективно выполнять профессиональную деятельность в постоянно меняющихся условиях. Следовательно, общеэкономические государственные изменения становятся в основе расширения образовательных систем, педагогических технологий и методик обучения, эффективность которых, прежде всего, зависит от правильного взаимодействия всех педагогических составляющих.

Именно поэтому обучение студентов технического университета необходимо организовывать в соответствии с социальной природы любой человеческой деятельности, а именно в сотрудничестве всех участников образовательного процесса, что будет способствовать их самозменению, преобразованию объекта в активный субъект обучения.

Мы полагаем, что именно деятельность человека обуславливает формирование его сознания, его психических связей, процессов и особенностей. Существенным нам представляется позиция Г.И. Щукиной, которая отмечает, что «проблема деятельности – важная основа развития человека, становления его как личности» [9, с. 10].

Подчеркнем, что только в процессе учебной деятельности будущие инженеры могут приобретать профессиональные качества и свойства для выполнения профессиональных обязанностей, а именно, мы считаем, в познавательной самостоятельности лежат корни профессиональной ответственности отдельного человека за свою деятельность.

Обзор литературы. Изучением проблемы формирования познавательной самостоятельности, а именно ее сущности, структуры, уровней и других категорий, занимались такие ученые, как Л.П. Аристова, Л.Г. Вяткин, П.Я. Гальперин, Б.П. Есипов, И.Я. Лернер, М.И. Махму-

тов, Н.А. Половникова, Н.Ф. Талызина, Г.И. Щукина и другие.

Цель статьи – проанализировать и раскрыть содержательную сущность концептуальных основ формирования познавательной самостоятельности студентов технического университета.

Методология исследования. Основываясь на деятельностной парадигме, являющейся основой развития личности в целом и, в частности, формирование ее познавательной самостоятельности, и на содержательной сущности понятия «познавательная самостоятельность» [5], а также учитывая достижения современной педагогической теории и методики профессионального образования, в профессиональной подготовке будущих инженеров, нами выделены следующие методологические подходы: *акмеологический, проблемно-технологический, системно-целостный и субъектно-ориентированный.* Мы считаем, что рассмотрение указанных подходов как методологических основ исследования вопросов познавательной самостоятельности личности позволит студенту включиться в познавательную деятельность всем разнообразием своих внутренних сил и возможностей, будет способствовать его самоактуализации, самосовершенствованию, самоопределению в различных сферах самореализации, в том числе в образовании, самостоятельной профессиональной деятельности, системе повышения квалификации. Кратко охарактеризуем данные методологические подходы.

Акмеологический подход. Прежде всего, отметим, что акмеология (термин «акмеология» происходит от древнегреческого «акме» и означает «высшая степень чего-либо, расцвет»; «en акму еіпаі» (быть в акме) – «быть на высоте, на высшей ступени развития» [4, с. 40]) освещает особенности важной ступени, которую проходит человек в своем развитии – ступени зрелости. Она определяет подобное и отличное у разных людей, выясняет специфические действия, факты, обу-

словливающие индивидуальные особенности зрелости.

Акцентируем внимание на том, что акмеологическая методология базируется на первичной аксиоме: вершиной зрелости личности взрослого человека (акме) является высокий уровень развития параметров – физических, физиологических, психологических, социальных, личных, духовно-нравственных, продуктивно-творческих, достигаемых ею. Такой комплекс описывает целостную систему взаимосвязанных в онтогенетическом развитии свойств, функций, характеристик субъекта: деятельности, познания, общения. Таким образом, центральным моментом акмеологически ориентированного образования является развитие личности относительно параметрической системы, описывающей состояние акме.

Понятие «акме» является основополагающей, базовой категорией акмеологии, сочетающий в себе физические, социальные, этические, профессиональные, ментальные и другие высшие достижения в развитии человека. Ведущий акмеолог Н.В. Кузьмина по этому поводу подчеркивает, что «... греки словом «акме» называли период возраста в человеческой жизни, когда появляется зрелость всего, на что способен человек, когда развернулись, расцвели и на вершине своих способностей находятся его силы ...» [6, с. 11]. Таким образом, человек рассматривается как динамическая система, которая постоянно развивается, меняется, получает новые личные и индивидуально психологические качества, которые обеспечивают широкие возможности социальной и профессиональной адаптации.

Аналогичного мнения придерживается и другой известный ученый А.А. Бодалев, утверждая, что «акме» – это вся степень зрелости человека, для которого характерны его физическая, личностная и субъективная зрелость, это пик или оптимум, которых человеку удастся достичь в своем развитии на различных возрастных этапах [3, с. 5].

Заметим, что профессионализм является неотъемлемой базовой категорией акмеологии, полностью соответствующей требованиям принципа акмеологии – единства личности и деятельности. Это две стороны одного и того же явления, категории, отражающих свойства, находящиеся в единстве. Однако, на разных этапах развития профессионализма одна из сторон профессионализма (личность или деятельность) будет доминировать.

Ученые-акмеологи (В.П. Бранский, Ю.А. Гагин, А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина и др.) обосновывают, что исследования факторов, обеспечивающих самодвижение зрелых людей к вершинам профессионализма и производительности в различных видах творческой деятельности – важный путь к развитию не только образовательных систем и их подсистем, но и общества в целом. Главным фактором устойчивого развития общества есть специалисты, которые обладают знаниями о закономерностях развития общества и образования в обществе.

Еще одной базовой категорией акмеологии является «компетентность», рассматриваемой как способность личности свободно ориентироваться в сложных условиях профессии, оперировать субъективными и объективными ее составляющими, вводить новые способы осуществления деятельности, технологии. При таком подходе вполне правомерно выделение такого интегрированного понятия, как «акмеологическая компетентность», которое рассматривается нами как готовность и способность зрелой личности (студента) проектировать свое поступательное психическое и профессиональное развитие с постоянным усложнением задач, ростом уровня их достижений.

На наш взгляд, внедрение акмеологического подхода в обучении повысит качество образования, поскольку этот процесс станет внутренней личностной потребностью, а творческое переосмысление действительности – ведущим. Необходимость акмеологического подхода в

образовательном процессе будет способствовать тому, что его выпускники будут компетентными профессионалами, стремящимися к успеху и умеющих самостоятельно строить индивидуальную траекторию своего развития.

Акмеологический подход тесно связан с *субъектно-ориентированным подходом*, поскольку благодаря субъектности, выступающей в роли интегральной характеристики, личность является организатором собственного акме-развития, оптимально использует внутренние и внешние ресурсы.

Следует отметить, что с позиций субъектно-ориентированного подхода человек рассматривается как субъект усовершенствования. Это предполагает его высокую самостоятельность и активность в выборе целей, стандартов. Как субъект личность производит индивидуальный способ организации деятельности, соответствующей ее качествам, целеустремленности, мотивации и объективным характеристикам определенного вида деятельности. К тому же субъект согласовывает всю систему своих индивидуальных, психофизиологических, психических и, наконец, личностных возможностей, особенностей с условиями и требованиями деятельности не частично, а в целом. Лицо как субъект организует деятельность в настоящее время, в соответствии с событиями, задачами деятельности, с одной стороны, и личностные психологические резервы, состояния, способности – с другой. Основным функциональным механизмом такой организации является саморегуляция, благодаря которой преодолеваются негативные состояния (усталость, стресс), согласуются с решающими ключевыми периодами деятельности высокие «психические затраты», деятельность поддерживается мотивационными и волевыми механизмами [2, с. 31].

Таким образом, вполне правомерно утверждать, что с позиции субъектно-ориентированного подхода личность является субъектом, а деятельность является средством становления и развития

субъектности личности. Этот подход ориентирован на развитие личности, способной выбирать, организовывать, анализировать проявлять виды деятельности, соответствующие ее природе и одновременно удовлетворяющие потребности саморазвития и самореализации, самоизменения и самосовершенствования.

Отметим, что субъектно-ориентированный подход проявляется из-за необходимости и возможность усовершенствования человека, предполагает ее высокую самостоятельность и активность в выборе целей и стандартов. При этом важным критерием субъектности личности является наличие «Я-концепции» С. Рубинштейна: чего *хочет* человек (это его потребности, мотивы, притязания), что он *может* (каковы его способности, возможности, ресурсы), что *есть он сам* (каково его мировоззрение, характер и т.д.). Гармонизация этих составляющих «Я-концепции» обеспечивает сверхвозможности субъекта [1, с. 53].

Формирование познавательной деятельности сквозь призму субъектно-ориентированного подхода будет, по нашему мнению, полноценным, если личность способна полностью реализовать свой потенциал. Ценным в этом плане будет связь субъектности с процессами «само», сформированность которых будет способствовать самостоятельному развитию. Личность, формируя свою познавательную самостоятельность, как субъект деятельности, сможет выбирать те средства, развивать такие свои качества и способности, которые будут необходимы ей для профессиональной самореализации, в процессе становления как профессионала.

В свою очередь, субъектно-ориентированный подход связан с *системно-целостным подходом*, который, в частности, рассматривает познавательную деятельность как целостную систему, одной из составляющих которой выступает субъект познания.

Основная идея системно-целостного подхода заключается в изучении объекта

как целого, состоящего из разных взаимосвязанных элементов. Он обеспечивает функционирование целого, и в то же время прогрессивное развитие человека и социума, которые взаимодействуют с другими системами и испытывают на себе их влияние, но не отождествляются с ними. Данный подход характеризуется изучением объекта познания или его преобразования в целом как системы. Связи отдельных частей воспринимаются в единстве отношений, обуславливающих выполнение функций. Особенность системно-целостного подхода заключается в том, что система исследуется как единый организм с учетом внутренних связей между отдельными элементами и внешних связей с другими системами и объектами.

Следует отметить, что с позиции системно-целостного подхода как процесса количественных и качественных изменений, формирование познавательной самостоятельности личности можно рассматривать в определенной системе, которая предусматривает:

- определение цели познавательной самостоятельности личности, положительно влияет на успешность подготовки будущих специалистов технического университета;

- рассмотрение познавательной самостоятельности с позиции формирования и развития личности, ее процессов самости;

- обоснование компонентно-критериальных составляющих познавательной самостоятельности личности, каждый из которых имеет свои характеристики, но в совокупности способствуют формированию познавательной самостоятельности студентов технического университета;

- установление взаимосвязей составляющих познавательной самостоятельности личности, их значимости, на основании которых можно изменять, координировать, упорядочивать связи между частями, создавая тем самым условия для достижения положительных результатов.

Очевидно, что благодаря системно-целостному подходу, формирование познавательной самостоятельности личности можно рассматривать как процесс, содержащий совокупность непрерывных взаимосвязанных действий, вытекающих из специфики деятельности, которую выполняет человек, разнообразие отношений и общения, возможностей ее саморазвития и самопознания.

Системно-целостный подход создает основу для последовательного и логического решения проблемных ситуаций на практике, применяя возможности современных информационных технологий, именно поэтому он тесно связан с *проблемно-технологическим подходом*.

Анализ научно-педагогической литературы (И.Я. Лернер, А.М. Матюшкин, Н.Ф. Талызина и др.) показывает, что для обеспечения активного отношения студентов к овладению технологическими знаниями, умениями и навыками, интенсивного развития их самостоятельной познавательной деятельности и индивидуальных творческих способностей, мастера самостоятельно приобретать, преобразовывать и продуктивно использовать информацию для решения учебных проблем, применяя образовательные технологии, необходимо сочетание идей проблемного и технологического подходов к обучению.

Целью обучения при проблемно-технологическом подходе является развитие познавательных и творческих способностей студентов, а также способности самостоятельно применять информационно-технологические умения в новых условиях, для решения проблемных учебных ситуаций. Данный подход наиболее полно отвечает задачам развития творческого мышления личности. Суть проблемно-технологического подхода заключается в познавательной деятельности студентов, начиная с постановки проблемных вопросов, решения проблем и проблемных задач, и заканчивая разнообразной самостоятельной дея-

тельностью, используя различные технологии обучения.

Проблемный подход в обучении требует учета возможностей каждого студента, способствует активизации процессов мышления, развивает познавательный интерес у студентов. По этому поводу С.Л. Рубинштейн, характеризуя психологическую природу мыслительного процесса, отмечал: Мыслить человек начинает, когда у него возникает потребность что-то понять. Мышление обычно начинается с проблемы или вопроса, с удивления или непонимания, с противоречия [8].

Следовательно, все это меняет привычный статус практических занятий. Они должны носить проблемный характер и стимулировать познавательную самостоятельность студентов. По мнению А.М. Матюшкина [7], проблемным обучением называется не потому, что весь учебный материал студенты осваивают только путем самостоятельного решения проблем и открытия новых понятий. Здесь есть и объяснение преподавателя, и репродуктивная деятельность студентов, и постановка задач, и выполнение ими упражнений. Однако организация образовательного процесса базируется на систематическом решении учебно-познавательных проблем, и является характерным признаком такого типа обучения.

При проблемном подходе, как правило, встает задача по неявно заданному условию (структуры). Студенту нужно самому сформулировать условие, составить структуру и реализовать ее, применяя определенную технологию. То есть при проблемном подходе реализуется полный технологический процесс – от проектирования информационного продукта до его практической реализации.

Использование новых образовательных технологий предполагает не столько пополнение теоретико-методологических знаний студентов, сколько формирование профессиональных и познавательных умений проектировать, конструировать процесс обучения, самостоятельно анализировать его результаты.

В частности, при использовании технологии решается ряд разноуровневых педагогических задач: развиваются познавательные навыки студентов, критическое мышление, сфера коммуникации, формируется умение самостоятельно конструировать свои знания, умения ориентироваться в информационном пространстве и т.д.

Таким образом, технология конкретизирует образовательный процесс, проявляя закономерности с целью определения и использования на практике наиболее эффективных и экономических процессов. Она представляет собой совокупность методов, направленных на изменение состояния объекта. Педагогический аспект технологии заключается в технологизации образовательного процесса, разработке приемов, повышающих образовательную эффективность, путем применения алгоритма действий и оценки имеющихся результатов. Она является составной частью дидактической или методической системы и отвечает на вопрос, как учить результативно.

Очевидно, одним из факторов развития познавательной самостоятельности студентов технического университета являются современные информационные технологии, применение которых в образовательном процессе способствует усвоению и закреплению знаний, формированию умений самостоятельного поиска знаний и применения их в любой деятельности, развитию позитивного отношения к своей профессиональной деятельности и выработку ответственности за собственные решения. Следовательно, правомерно рассматривать их эффективным средством развития познавательной самостоятельности студентов.

Основной задачей включения информационных технологий в образовательный процесс является приведение в движение механизмов познавательной деятельности и ориентаций на познавательную самостоятельность. Использование современных информационных технологий активизирует познавательную само-

стоятельность студентов в процессе поиска новых знаний и в полной мере отвечает не только потребностям информационного общества, но и современным требованиям к подготовке специалистов. Применение информационных технологий в образовательном процессе – это мощный стимул, позволяющий формировать у студентов необходимые знания и познавательные умения, а также развивать мотивацию учебной деятельности.

Таким образом, сочетание ключевых характеристик проблемного и технологического подходов к исследованию вопроса познавательной самостоятельности личности способствует развитию ее творческого представления, профессионального мышления, умению самостоятельно оценивать проблемную ситуацию, то есть качеств, необходимых для всех специалистов высокой квалификации. Существенно важным для проблемно-технологического подхода является способность ориентироваться в проблемных ситуациях, решать задачи с интересом, восхищением, применяя информационные технологии, которые открывают студентам доступ к нетрадиционным источ-

никам информации, дают возможность приобретать и закреплять навыки, реализовывать новые формы и методы обучения.

Заключение. Для удовлетворения современных требований работодателей к специалистам необходим новый подход к формированию у студентов познавательной самостоятельности, к личности новой формации, к творческому, мобильному, конкурентоспособному, морально зрелому, профессионально-культурному профессионалу, готовому к активной жизнедеятельности в условиях современных социокультурных реалий, которые складываются еще в процессе обучения. Поэтому, формирование у студентов познавательной самостоятельности на основании выделенных нами методологических подходов, является крайне необходимым в настоящем, поскольку они способствуют формированию таких характеристик личности, как: индивидуальность, самостоятельное, творческое мышление, активность, психологическая и профессиональная готовность, психологическая, моральная, профессиональная надежность, духовность, творческий потенциал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акмеология / под общ. ред. А. А. Деркача. Москва: РАГС, 2006. 424 с.
2. Акмеология в вопросах и ответах: учебн. пособие / А.А. Деркач, Е.В. Селезнева. Москва: Издательство НПО «МОДЭК», 2007. 248 с.
3. Бодалев А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристика и условия достижения. Москва: Флинта: Наука, 1998. 168 с.
4. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Москва: ГЛК Ю.А. Шичалина, 1991. 686 с.
5. Кабанкова Е.Н. Алгоритм реализации дидактических условий формирования познавательной самостоятельности студентов технического университета в процессе изучения иностранного языка. ЦИТИСЭ. 2019. № 1(18). С. 23.
6. Кузьмина Н.В. Акмеологическая теория повышения качества подготовки специалистов образования. Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2001. 144 с.
7. Матюшкин А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. Москва: «Педагогика», 1972. 208 с.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. Москва: Педагогика, 1989. Т. 2. 328 с.
9. Щукина Г.И. Роль деятельности в учебном процессе. Москва: Просвещение, 1986. 144 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Akmeologija / pod obshh. red. A. A. Derkacha. Moskva: RAGS, 2006. 424 s.
2. Akmeologija v voprosah i otvetah: uchebn. posobie / A.A. Derkach, E.V. Selezneva. Moskva: Izdatel'stvo NPO «MODJeK», 2007. 248 s.

3. Bodalev A.A. Vershina v razvitii vzroslogo cheloveka: harakteristika i uslovija dostizhenija. Moskva: Flinta: Nauka, 1998. 168 s.
4. Vejsman A.D. Grechesko-russkij slovar'. Moskva: GLK Ju.A. Shichalina, 1991. 686 s.
5. Kabankova E.N. Algoritm realizacii didakticheskikh uslovij formirovanija poznavatel'noj samostojatel'nosti studentov tehničeskogo universiteta v processe izuchenija inostrannogo jazyka. CITISJe. 2019. № 1(18). S. 23.
6. Kuz'mina N.V. Akmeologičeskaja teorija povyšhenija kachestva podgotovki specialistov obrazovanija. Moskva: Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, 2001. 144 s.
7. Matjushkin A.M. Problemnye situacii v myshlenii i obuchenii. Moskva: «Pedagogika», 1972. 208 s.
8. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshhej psihologii: v 2 t. Moskva: Pedagogika, 1989. T. 2. 328 s.
9. Shhukina G.I. Rol' dejatel'nosti v uchebnom processe. Moskva: Prosveshhenie, 1986. 144 s.

Поступила в редакцию 03.08.2020.

Принята к публикации 06.08.2020.

Для цитирования:

Кабанкова Е.Н. Концептуальные основы формирования познавательной самостоятельности студентов технического университета // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 48-55. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Kabankova.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3979194>
УДК 159.9

Лямзин Е.Н., Саванин И.А.

Лямзин Евгений Николаевич, преподаватель, Военный Университет Министерства Обороны Российской Федерации. 123001, Россия, г. Москва, ул. Б. Садовая, 14. E-mail: 79094112829@yandex.ru.

Саванин Илья Андреевич, ефрейтор, Военный Университет Министерства Обороны Российской Федерации. 123001, Россия, г. Москва, ул. Б. Садовая, 14. E-mail: 79094112829@yandex.ru.

Психологические последствия спортивной травмы и способы их преодоления

Аннотация. В статье рассматривается проблема психического здоровья, психического состояния спортсменов и травматизма. Дается характеристика различным видам спортивной травмы и подходам к их выделению. Анализируется влияние знания причин травматизма на процесс реабилитации спортсмена, психологические последствия полученной травмы, роль социального окружения в процессе восстановления. Рассматриваются особенности реакции спортсмена на травму в зависимости от вида спорта – индивидуального или командного. Выделяются гендерные различия в переживании последствий полученных травм. Определяются психологические факторы, способствующие процессу восстановления спортсмена после полученной травмы.

Ключевые слова: спорт, травма, травматизм, посттравматическое состояние, психологическая реабилитация, страх, тревога.

Lyamzin E.N., Savanin I.A.

Lyamzin Evgeniy Nickolaevich, lecturer, Military University of the Ministry of Defense of Russian Federation. 123001, Russia, Moscow, B. Sadovaya st., 14. E-mail: 79094112829@yandex.ru.

Savanin Ilya Andreevich, corporal, Military University of the Ministry of Defense of Russian Federation. 123001, Russia, Moscow, B. Sadovaya st., 14. E-mail: 79094112829@yandex.ru.

Psychological consequences of sports injury and ways to overcome them

Abstract. The article deals with the problem of mental health, mental state of athletes and injuries. The characteristics of various types of sports injuries and approaches to their allocation are given. The article analyzes the impact of knowledge of the causes of injuries on the process of rehabilitation of an athlete, the psychological consequences of the injury, the role of the social environment in the recovery process. We consider the features of an athlete's reaction to injury, depending on the type of sport – individual or team. Gender differences in the experience of the consequences of injuries are highlighted. Psychological factors contributing to the recovery process of an athlete after an injury are determined.

Key words: sport, trauma, traumatism, post-traumatic state, psychological rehabilitation, fear, anxiety.

В современном спорте общее ежегодное количество травм составляет примерно двадцать девять миллионов, что приводит к большим экономическим потерям. Это связано с тем, что реабилитация спортсменов занимает определенное количество времени и требует соответствующего денежного финансирования. К последствиям травматизма в спорте снижение эффективности команды, а также уменьшение популярности данного вида спорта. В этой связи актуальными представляются задачи восстановления психического состояния спортсмена, а также сохранение максимального уровня мотивации у спортсмена после получения травмы.

Применительно к спортивной деятельности травму можно определить как такое состояние спортсмена, при котором он пропускает один или несколько тренировочных дней. По этому параметру определяется и степень травматизма:

1. Легкая травма - спортсмен пропускает от 1 до 7 дней.

2. Средняя травма - спортсмен пропускает от 8 до 21 дней.

3. Тяжелая травма - спортсмен пропускает более 21 дня.

По системе, разработанной Б. Блеквелом и П. Маккулагом, травмы подразделяются на следующие типы:

1. Легкая – после оказания медицинской помощи спортсмен продолжает спортивную деятельность;

2. Средняя – травма приводит к ограничению физических действий спортсмена;

3. Тяжелая – требуется медицинское лечение и отказ от тренировочного процесса.

В спорте можно выделяются также следующие виды травм: макротравмы и микротравмы. Макротравма – это однократное резкое воздействие, которое приводит к ущербу. Микротравма – это повторяющиеся воздействие, которое постепенно приводит к повреждению клеток тканей. Как правило, макротравму

спортсмен осознает сразу, а вот в случае микротравмы могут пройти месяцы, прежде чем спортсмен поймет, что получил травму.

В поддержании нормального психического состояния спортсмена важную роль играет знание причин травматизма. В случае макротравмы спортсмена причина полученной им травмы известна. Тогда устанавливается определенный курс лечения и реабилитации. Ему четко понятен план лечения организма и сроки выздоровления. А последствия микротравмы, как и, собственно, и сама травма, могут в течение долгого срока времени оставаться неизвестными, что приводит к усугублению травмы, увеличению срока лечения, к определенным психологическим последствиям. В результате полученной травмы у спортсмена может возникнуть агрессия, депрессия, тревога, фрустрация. Осознание возможных последствий полученной травмы оказывает психологическое давление на спортсмена. Он боится, что потеряет свою физическую форму и отстать от своих партнеров и противников.

В некоторых видах профессионального спорта травма является частью игры. И спортсмен в связи с этим не придает важного значение полученного им повреждений. Но это также может создавать различные проблемы в определении и регистрации полученной им травмы, поскольку сам вид спорта вынуждает спортсмена игнорировать полученные им травмы.

Реакция спортсмена на полученную травму может зависеть от вида спорта. В командных видах спорта травма может иметь последствия не только для самого спортсмена, но и для его команды в целом. Вследствие этого высококвалифицированный спортсмен, получив травму, может испытывать чувство вины за то, что подвел свою команду. В тоже самое время команда может выступить некоторым катализатором в выздоровлении спортсмена. Поддержка со стороны своей

команды помогает спортсмену в быстром выздоровлении и восстановлении травм спортсмена, за счет того, что он чувствует себя востребованным и нужным.

Так же существуют и гендерные различия в переживании и получении травм. С. Волтер отмечал, что если сравнивать спортсменов женщин и мужчин, то женщины чаще обращаются за медицинской помощью при получении травматизма. Например, у женщин-атлетов больший, чем у мужчин, риск получить травму колена.

Для продуктивного восстановления после травматизма, как полагал Ф. Флинт, спортсмену необходимо знать особенности терапии. Спортсмены-новички испытывают при получении травмы сильный шок и страх. Большинство страхов происходит из-за незнания особенностей реабилитационного процесса. У спортсмена возникают новые ощущения, изменяются привычные реакции, что приводит к росту тревожности.

Несомненно, что на выздоровление спортсмена влияет социальное окружение. Именно поэтому для него важна поддержка команды, друзей, родственников. В реабилитацию спортсмена участвуют психологи, физиологи, которые корректируют курс выздоровления. В некоторых семьях занятие спортом не одобряется, считается легкомысленным делом. В этом случае уровень социальной поддержки оказывается низким, что приводит к деформации процесса реабилитации.

В науке предлагаются различные модели реабилитации спортсменов после получения травмы. Так, Ф. Флинт предложил схему, которая описывает факторы влияющие на особенности проведения в области психологических травм (рис. 1). В свою очередь, К. Эймс и Д. Дуда предлагает модель по восстановлению спортсмена после травмы, в основе кото-

рой лежит программа работы с атлетами (рис. 2).

Если рассматривать временной промежуток восстановления спортсмена после получения травмы, то можно сделать вывод что в результате этого процесса происходит восстановление анатомической целостности как результат биологической системы восстановления (рис. 3).

Рассматривая указанные схемы, следует отметить, что главной задачей психологической поддержки является концентрация внимания на основных психологических моментах, который испытывает спортсмен при реабилитации. Поэтому ему необходимо рассказать о его возможном негативном состоянии, помочь ему определить причины такого явления. В целом это помогает снять напряжение, навязчивые мысли, которые появляются у спортсмена после полученной травмы.

В связи с этим важно выделить следующий момент. В случае получения спортсменом травмы и отсутствия поддержки близких и товарищей по команде у него возникает *психологическая травма*, которая связана с нанесением вреда психическому состоянию. Такое состояние непосредственно возникает после длительного стрессового воздействия или отрицательного влияния внешних факторов. Так же зачастую психологическая травма может быть связана и с получением физической травмы, которая дезорганизует спортсмена, формирует устойчивое чувство отсутствия у спортсмена уверенности.

Восстановление спортсмена связана на 50% с психологической и 50% с физиологической. Если спортсмен физически восстановился, но психическое состояние у него не до конца восстановлено, он с трудом сможет вернуться на свой прежний уровень подготовки. А это увеличивает риски повторного получения травмы.

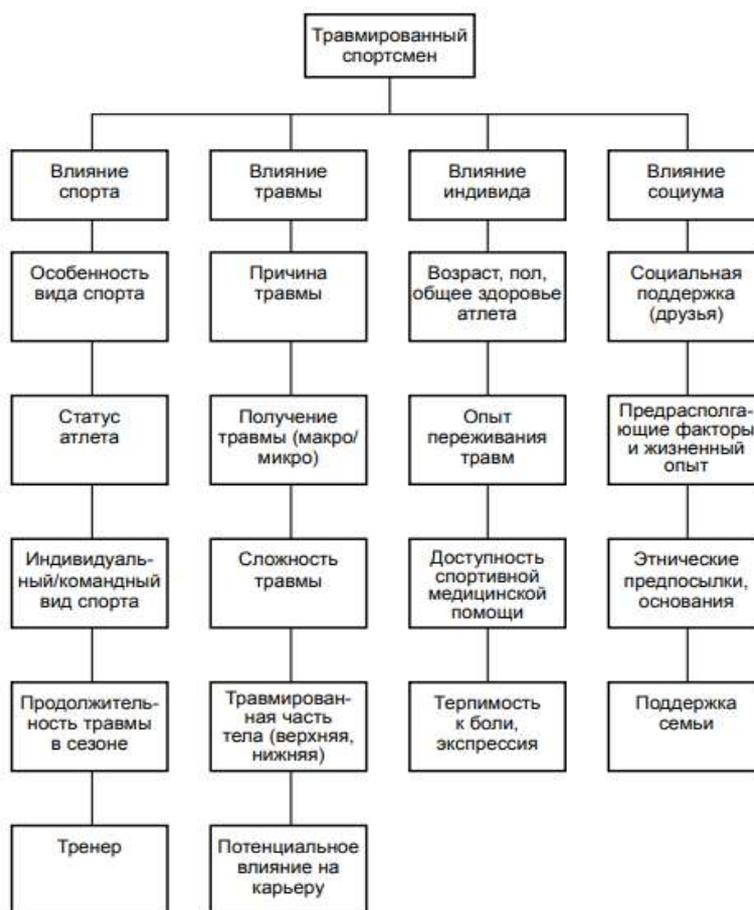

Рис. 1. Факторы влияющие на особенности проведения в области психологических травм

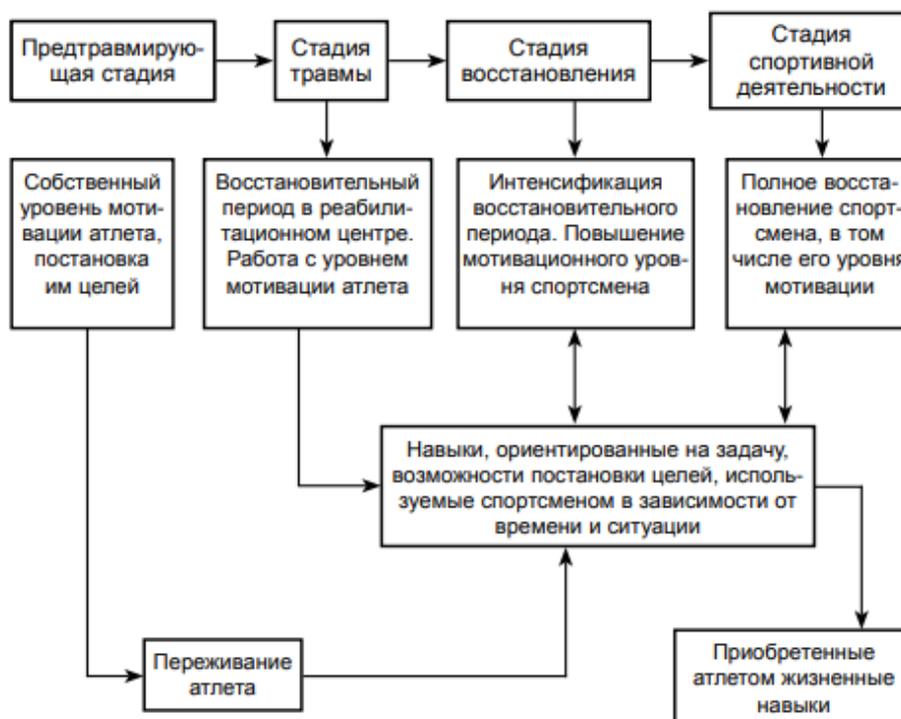

Рис. 2. Модель восстановления спортсмена после травмы

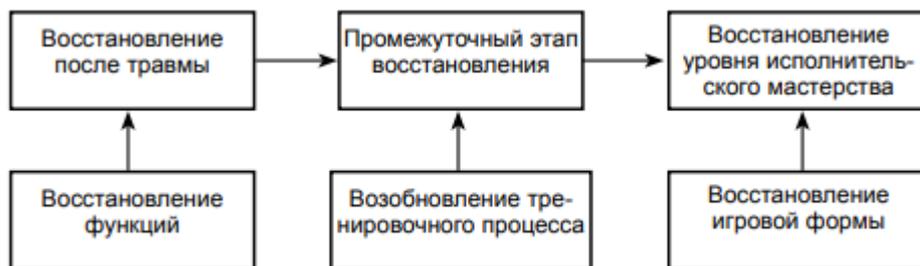

Рис. 3

В связи со сказанным в заключение выделим несколько ключевых моментов психологического восстановления. Рассмотрим их подробнее.

1. *Использование сознания для визуализации полного восстановления.* Успешный фактор восстановления производительности спортсмена начинается с разума, за которым будет стремиться тело. Спортсмену следует научиться визуализировать свою производительность в сознании. Спортсмен представляет, что травма полностью исчезает, состояние боли полностью проходит. И все это происходит в его сознании. Многие спортсмены за счет этого в два раза сокращают свой процесс реабилитации.

2. *Чувство власти своего восстановления.* У человека есть врожденное чувство осознания своего тела. Но при любой травме изначально желательно получить заключение специалиста, хотя и необходимо помнить, что спортсмен является главным лицом в своем восста-

новлении. В большинстве случаев спортсмен в вопросе лечения отдается во власть врача. Но удивительно быстро восстановления добиваются лишь те, кто самостоятельно оценивают советы доктора и самостоятельно предпринимает действия с учетом своего физического и психического состояния.

3. *Сохранение своего желания.* Спортсмен держит в уме представление о полном восстановлении и не позволяет себе сомневаться в себе не на секунду, что является предпосылкой его успешной реабилитации.

4. *Сосредоточение на своем желании, а не на страхе.* Существует большая разница между стремлением сделать хорошо и страхом не сделать хорошо. Это противоречие лежит в основе улучшения результатов и постоянное беспокойство не получить травму повторно во время выступления. Если спортсмен постоянно испытывает страх, у него повышается шанс получить травму повторно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баринов Д.Н. Тревога и страх: историко-философский очерк // Психолог. 2013. № 3. С. 1-39. DOI: 10.7256/2306-0425.2013.3.553 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=553
2. Ильин Е.П. Психофизиология физического воспитания. Деятельность и состояния. М.: Просвещение, 1980. 199 с.
3. Психология физического воспитания и спорта. М.: ФиС, 1979. 143 с.
4. Родионов А.В. Психодиагностика спортивных способностей. М.: ФиС, 1973. 216 с.
5. Черникова О.А., Дашкевич О.В. Активная саморегуляция эмоциональных состояний спортсмена. М.: ФиС, 1971. 47 с.
6. Психология спорта в терминах, понятиях, междисциплинарных связях. М.: Физкультура, образование и наука, 1996. 450 с.
7. Пилоян Р.А. Мотивация спортивной деятельности. М.: ФиС, 1984. 104 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Barinov D.N. Trevoga i strah: istoriko-filosofskij ocherk // Psiholog. 2013. № 3. S. 1-39. DOI: 10.7256/2306-0425.2013.3.553 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=553
2. Il'in E.P. Psihofiziologija fizicheskogo vospitanija. Dejatel'nost' i sostojanija. M.: Prosveshhenie, 1980. 199 s.
3. Psihologija fizicheskogo vospitanija i sporta. M.: FiS, 1979. 143 s.
4. Rodionov A.V. Psihodiagnostika sportivnyh sposobnostej. M.: FiS, 1973. 216 s.
5. Chernikova O.A., Dashkevich O.V. Aktivnaja samoreguljacija jemocional'nyh sostojanij sportsmena. M.: FiS, 1971. 47 s.
6. Psihologija sporta v terminah, ponjatijah, mezhdisciplinarnyh svjazjah. M.: Fizkul'tura, obrazovanie i nauka, 1996. 450 s.
7. Pilojan R.A. Motivacija sportivnoj dejatel'nosti. M.: FiS, 1984. 104 s.

Поступила в редакцию 17.07.2020.
Принята к публикации 22.07.2020.

Для цитирования:

Лямзин Е.Н., Саванин И.А. Психологические последствия спортивной травмы и способы их преодоления // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 56-61. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/LyamzinSavanin.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3970931>

УДК: 378.1

Пасечкина Т.Н.

Пасечкина Татьяна Николаевна, аспирант, старший преподаватель, ФГБОУ ВО Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России. 662972, Россия, Красноярский край, г. Железногорск, ул. Северная, 1. E-mail: pasechkina@yandex.ru.

Коммуникативный имидж педагога в контексте виртуальной коммуникации

Аннотация. В статье рассматриваются возможности и риски виртуальной коммуникации и те вызовы, которые она бросает современному педагогу. Внимание обращено на трансформацию в понимании коммуникативного имиджа преподавателя. Представлены результаты анкетирования обучающихся вуза, нацеленного на исследование коммуникативных качеств педагогов. Отмечается, что виртуальная учебная коммуникация, с одной стороны, усиливает потребность в реальном взаимодействии обучающегося с преподавателем и одногруппниками, а с другой стороны, оказывает влияние на понимание коммуникативных умений и качеств педагогов. Проведенное исследование показало, что к числу таких качеств относятся: терпимость, умение мотивировать, умение предотвращать недопонимание и недосказанность, грамотно использовать медиатехнологии.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, коммуникативный имидж педагога, коммуникативная компетентность, коммуникативная самооэффективность.

Pasechkina T.N.

Pasechkina Tatyana Nikolaevna, post-graduate, senior teacher, FSBEE HE Siberian Fire and Rescue Academy of Firefighting Service of EMERCOM of Russia. 662972, Russia, Krasnoyarsk region, Zheleznogorsk, Severnaya st., 1. E-mail: pasechkina@yandex.ru.

The communicative image of a teacher in the context of virtual communication

Abstract. The article examines the possibilities and risks of virtual communication and the challenges it poses to the modern teacher. Attention is paid to some transformation in understanding the teacher's communicative image. The results of a questionnaire survey of students on the issue under study are presented. It is noted that virtual educational communication, on the one hand, increases the need for real interaction of the student with the teacher and classmates, and on the other hand, affects the understanding of the communicative skills and qualities of teachers. The research has shown that these qualities include tolerance, ability to motivate, ability to prevent misunderstandings and understatement, and competent use of media technologies.

Key words: virtual communication, communicative image of a teacher, communicative competence, communicative self-efficacy.

В последнее время и педагоги и обучающиеся столкнулись с вынужденной виртуализацией процесса коммуникации [7, с. 46]. Стали оче-

видны особенности данного вида коммуникации: расширение диапазона, способов и источников получения информации, размывание пространственно-временных границ,

в некоторых случаях упрощенность, многозначность, эмоциональная бедность языка общения, риск в интерпретации смыслов, увеличение коммуникативной дистанции, недостаток эмоциональных контактов и обратной связи, снижение мотивации к учебной деятельности.

Среди новых для человека возможностей, которые дает ему виртуальная коммуникация, исследователи отмечают следующие: получение информации «из первых рук»; самовыражение среди широкого круга людей; обсуждение вопросов и проблем без цензуры и давления (что особенно важно для людей, испытывающих трудности в реальном общении); обретение единомышленников и обсуждение интересующих вопросов в профессиональной среде. Вместе с тем виртуальная коммуникация несет в себе и риски: множество и разнообразие вытесняет глубину общения; минимизация обязательств и ответственности; потеря контакта с реальным миром, информацией, исходящей непосредственно из него, из-за распространения посредников (медиа), которые представляют ее уже обработанной, как следствие, клиповость мышления, поверхностный подход к анализу информации и принятию решений; деиндивидуализация; нарушение интеракции из-за отсутствия невербальных сигналов и другие [1; 3; 10; 11].

В этой связи актуальным становится вопрос о роли педагога в виртуальной учебной коммуникации, о новом взгляде на его имидж. Компонентами имиджа педагога являются: профессиональные компетенции, психолого-педагогические и методические знания, личностно-моральные качества, ценностная система, врожденные способности, владение гибкими стилями коммуникации, владение основами мимической и пантомимической выразительности, в соответствии с педагогической ситуацией и задачей, а также взгляды, убеждения, социально-перцептивные умения.

Безусловно, коммуникативный имидж является одной из важнейших составля-

ющих имиджа педагога. Он представляет собой совокупность вербально-невербальных актов, создающих цельное типологическое представление о языковой личности [6]; долговременную коммуникативную роль человека. Коммуникативный имидж связан с внешним и поведенческим имиджем.

К универсальным чертам коммуникативного имиджа преподавателя исследователи относят: уверенность в себе и содержании сказанного; коммуникативное самообладание; решительность в выборе языкового материала для высказываний; психологическую и речевую гибкость; когнитивную и дискурсивную авторитетность [8, с. 120]. В массовом сознании каждый педагог должен обладать данным набором универсальных качеств, которые воспринимаются как профессионально необходимые признаки «хорошего» учителя.

Имиджевые цели педагогической деятельности определяются следующим образом: привлечение, организация, поддержание внимания; формирование ясности, понятности, доступности излагаемой информации; формирование ощущения доверия и симпатии к себе как к личности и профессионалу; формирование значительности и авторитетности.

Для достижения этих целей очень важно следующее:

- Правильность речи, то есть соответствие принятым литературно-языковым нормам: речь педагога должна быть грамматически, орфоэпически и лексически правильной;
- Точность речи, то есть соответствие мыслям говорящего;
- Ясность речи, то есть доступность пониманию слушающего;
- Умение убеждать, логическое построение речи. Ведь небрежность языка вызывает нечеткость мышления;
- Владение техникой речи: дыханием, голосом, дикцией;
- Экспрессивные умения: образность речи, ее интонационная вырази-

тельность, логические акценты и паузы, мелодика речи;

– Использование вспомогательных средств: жестов, мимики, пластики, дистанции общения;

– Владение терминологией определенной области знаний, умение строить монологическую научную речь, организовывать профессиональный диалог и управлять им;

– Дискуссионные умения, или этикопсихологическое конструирование совместной со слушателями деятельности;

– Перцептивные умения, связанные с учетом реакции слушателей, умение использовать наглядность;

– Развитость коммуникативной толерантности, которая проявляется в том, что педагог легко приспосабливается к характерам, привычкам, установкам и притязаниям других, не пытается переделывать и подогнать под себя партнера по общению, признает в других право на индивидуальность, уважает ее, умеет прощать ошибки других, демонстрирует в общении положительные эмоциональные реакции;

– Способность к импровизации в речи [4; 5; 8; 9].

Таким образом, педагог должен владеть не только коммуникативной компетентностью в общем понимании, но и коммуникативной самоэффективностью.

Целью нашего исследования стал не только теоретический взгляд на понятие «коммуникативный имидж педагога», но и реальная оценка обучающимися коммуникативных качеств педагогов, работающих с ними. Нами проведен опрос среди обучающихся Сибирской пожарно-спасательной академии, в котором приняло участие 67 человек.

Прежде всего, респондентам было предложено оценить по пятибалльной шкале степень владения педагогами коммуникативными умениями и качествами (правильность речи, точность, ясность и образность, умение убеждать, владение техникой речи, грамотное владение жестами и мимикой, дискуссионные умения, умения учитывать реакцию слушателей, коммуникативная толерантность, импровизация и т.д.). Полученные ответы (рис.1) свидетельствуют о средней степени удовлетворенности обучающихся коммуникативными качествами и умениями педагогов. Ответы представлены в процентах.

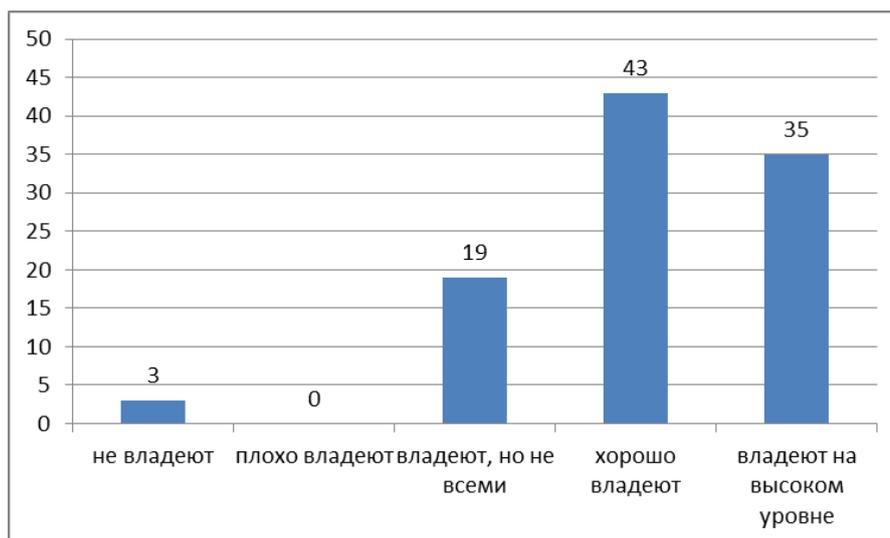

Рис. 1. Оценка обучающимися уровня владения педагогами коммуникативными умениями, качествами

В свете реконструкции деятельности преподавателя в современных условиях

считаем, что, говоря о коммуникативном имидже педагога необходимо отметить не

только владение им коммуникативными качествами и умениями на высоком уровне, но и важность осознания педагогом необходимости формирования коммуникативной компетентности и коммуникативной самоэффективности у обучающихся.

Умение наладить коммуникацию с участниками временной проектной группы, с коллегами, с начальством и так далее является одним из ведущих надпрофессиональных умений. Обладание им полезно для представителей всех профессий и возрастов и надеяться только на косвенное его развитие неправильно, важна целенаправленная работа. Мы постоянно представлены большому количеству людей и ситуаций, реальная и виртуальная коммуникация сопровождают нас постоянно. Поэтому ключевыми требованиями к современному человеку являются: умение работать в команде, улаживать конфликты и разногласия, желание сотрудничать; умение выражать свои мысли кратко, наглядно, красиво говорить, мотивировать, заряжать энтузиазмом; способность быть решительным и принимать правильные решения; гибкость и адаптируемость; юмор и умение посмотреть на ситуацию с разных сторон, умение снять стресс в сложной ситуации и другие.

Очевидно, что преподаватели, создавая все условия для формирования этих soft skills у обучающихся, сами должны демонстрировать высокий уровень сформированности коммуникативных навыков и коммуникативной самоэффектив-

ности в педагогической деятельности; уметь сотрудничать с коллегами; быть, прежде всего, партнерами для обучающихся, уметь обеспечить педагогически комфортную образовательную среду, создать ситуации успеха для каждого обучающегося, постоянно подкреплять достигнутый обучающимся результат личного и профессионального роста в контексте формирования их коммуникативной самоэффективности. Педагоги должны сами участвовать в различных коммуникативных практиках и предоставлять такую возможность своим обучающимся, активизировать их коммуникативную деятельность за счет включения их в творчество и импровизацию, использования современных интерактивных образовательных технологий, а также средств медиадидактики.

Дистанционное образование, предполагающего виртуальную коммуникацию, все больше вытесняет традиционную форму обучения. В связи с этим происходит некоторая трансформация в понимании коммуникативного имиджа преподавателя. Современный педагог должен уметь грамотно отобрать ресурсы для онлайн коммуникации, которые, с одной стороны, позволяют организовать учебное взаимодействие, а с другой стороны, способствуют формированию коммуникативной компетентности и коммуникативной самоэффективности обучающихся (табл.1).

Таблица 1. Примеры ресурсов для учебной он-лайн коммуникации

Примеры ресурсов для учебной он-лайн коммуникации	Назначение
Коммуникация как передача информации	
Блог (blogger.com)	Сетевой журнал / дневник позволяет обмениваться своими идеями, информацией в различно формате. Автор дневника управляет доступом к своим записям: делает их открытыми для конкретных пользователей. Есть возможность объединяться в сообщества, организовывать обсуждения. Удобен для организации дискуссий, проектов

Интерактивные публикации (ru.calameo.com)	Создание журналов, брошюр, каталогов, отчетов, презентаций. Публикации можно перелистывать, отмечать интересные места, добавлять музыкальное сопровождение, обсуждать и оценивать размещенные материалы
Виртуальная доска (realtimеboard.com/ru/, rizzoma.com/index-rus.html, twiddla.com)	Доска с размещенными на ней заметками, картинками, видео доступна группе пользователей. В чате в режиме реального времени возможно обсуждать этапы работы над общим заданием, проектом.+
Видеоинструкции (screen-cast-o-matic.com)	Создание, редактирование качественных обучающих видеороликов, которые потом можно распространять, передавать обучающимся.
Коммуникация как интеракция	
Коллективный мозговой штурм (mindmeister.com/ru)	Организация обсуждения заданий, проектов, идей в режиме реального времени. Участники группируются и дают друг другу задания. Управляющие группы видят все задания, а исполнители – только те задания, которые касаются непосредственно их. Есть возможность писать комментарии, прикреплять файлы, отслеживать сроки выполнения заданий, общаться посредством e-mail.
Онлайн-опрос (Socrative, google forms, banktestov.ru, anketolog.ru, simpoll.ru)	Создание веб-опросников разного вида. Результаты опроса можно оформить в виде таблицы или графика. Ссылку на опросник можно отправить с помощью любого мессенджера, а также пригласить респондентов к участию через электронную почту.
Мессенджеры (What'sApp, Viber и др.) Платформы для проведения онлайн занятий (Zoom, Skype и др.)	Общение в режиме реального времени, передача текстовых, видео и аудио сообщений, возможность организовать видеоконференции.
Коммуникация как мотивация	
Интеллект-карта (mindmup.com/, mindomo.com/ru/, popplet.com, bubbl.us)	Структурирование и обработка большого количества учебной информации в виде блок-схем, наглядно представляющая главную мысль, её основные элементы и взаимосвязи между ними. Оформляется с помощью текста, изображений, ссылок, видео. Возможно поделиться в социальных сетях, сохранить с помощью PDF. Виртуальные интеллектуальные карты позволяют находить общие решения, выяснять причины затруднений в работе и т.д.
Инфографика (easel.ly, magic.piktochart.com)	Графическое изображение информации, позволяющее быстрее усвоить сложный или объемный материал. С помощью схем, диаграмм, карт, иллюстративных инструкций, пиктограмм можно доступно и наглядно представлять результаты совместной учебной деятельности.
Интерактивные презентации (prezi.com, powtoon.com, knovio.com, emaze.com/ru/)	Коллективная работа на презентацией (одновременно, в режиме реального времени). Имеется возможность включать графические объекты, текстовые документы, видеоролики, графики.

Фотоотчет (google.com/photos, mycollages.ru)	Оформление фотоальбомов. Возможно редактировать, комментировать, создавать коллажи и фоторамки.
Обратная связь (reformal.ru; simpoll.ru)	Создание опросов любой сложности: анкетирование, голосование, тестирование. Участники могут голосовать, обсуждать, оставлять свои комментарии и отзывы.

Интересно было узнать мнение обучающихся и о том, какими коммуникативными качествами, умениями должен обладать педагог для виртуальной коммуникации, так стремительно ворвавшейся в процесс образования.

Больше всего ответов было связано с необходимостью хорошо владеть современными средствами виртуальной коммуникации, что свидетельствует о недостаточной удовлетворенности обучающихся уровнем медиаграмотности педагогов. Также были названы такие качества и умения, как ясность, образность и внятность речи, умение слушать, точность, грамотное владение жестами и мимикой.

Не случайными, на наш взгляд, оказались и ответы, которые, казалось бы, напрямую не связаны с коммуникативными умениями: умение мотивировать, давать знания в такой форме, чтобы они активно усваивались, терпение, понимание обучающихся при любых обстоятельствах. Ведь виртуализация процесса учебной коммуникации (по крайней мере, пока) может считаться ситуацией не-

определенности, часто вызывающей чувство тревоги, психологического напряжения, страха, неуверенности. Об этом свидетельствуют и ответы обучающихся на следующие вопросы:

1. Испытывали ли Вы негативные эмоции (раздражительность, недоумение, недосказанность и т.п.) во время виртуальной коммуникации в период дистанционного обучения? Утвердительно ответили 66,7% респондентов.

2. Достаточно ли только виртуальной коммуникации между людьми? 81% ответили «нет».

3. Назовите «плюсы» и «минусы» виртуальной учебной коммуникации на основе опыта, полученного Вами в период дистанционного образования.

Ответы представлены в таблице 2.

4. Оцените уровень владения преподавателями разнообразными средствами виртуальной коммуникации от 1 до 5, где 1 – не владеют совсем, 5 – очень хорошо владеют (Рис. 2).

5. Какие способы виртуальной коммуникации используются в практике дистанционного образования (Рис. 3)?

Таблица 2. Ответы обучающихся

Основные «плюсы»	Варианты ответов обучающихся	Кол-во выборов в %
Удобство	Доступность, экономия времени и средств, общение через большое расстояние. Списывать проще, времени меньше теряешь, чем на занятиях	25
Новые возможности	Больше свободного времени	16
Безопасность	Не нужно никуда идти	9
Психологический комфорт	Нет нужды общаться с преподавателем; меньшее психологическое давление на учащегося; удобно для стеснительных одиноких людей.	6

Основные «минусы»	Варианты ответов обучающихся	Кол-во выборов в %
Трудности при усвоении учебного материала	Отсутствие практики; не все предметы возможно понять самостоятельно и разобраться в них; хуже усваивается материал; слишком много домашнего задания; нет четкого контроля	36
Трудности в коммуникации	Нет полного общения между преподавателем и студентом; не хватает реальной коммуникации; случаются недопонимания; объяснения преподавателя не могут быть исчерпывающими; неправильное или неполное понимание темы; нет живого общения, невозможно понять истинные чувства другого человека; это обедняет контакт, усложняет его; неживое неискренне общение. Мало возможностей связаться с преподавателями	43
Большая психологическая и физическая нагрузка	Сложность получения знаний, повышенное количество индивидуальной работы; многих людей домашняя обстановка сильно расслабляет и они не могут заставить себя, что - либо делать; смотришь на экран, портится зрение; отсутствие реального общения, погружение в компьютерную жизнь; такое общение затягивает	32
Технические сложности	Плохое соединение, не интересные и медленно работающие сайты и приложения	15

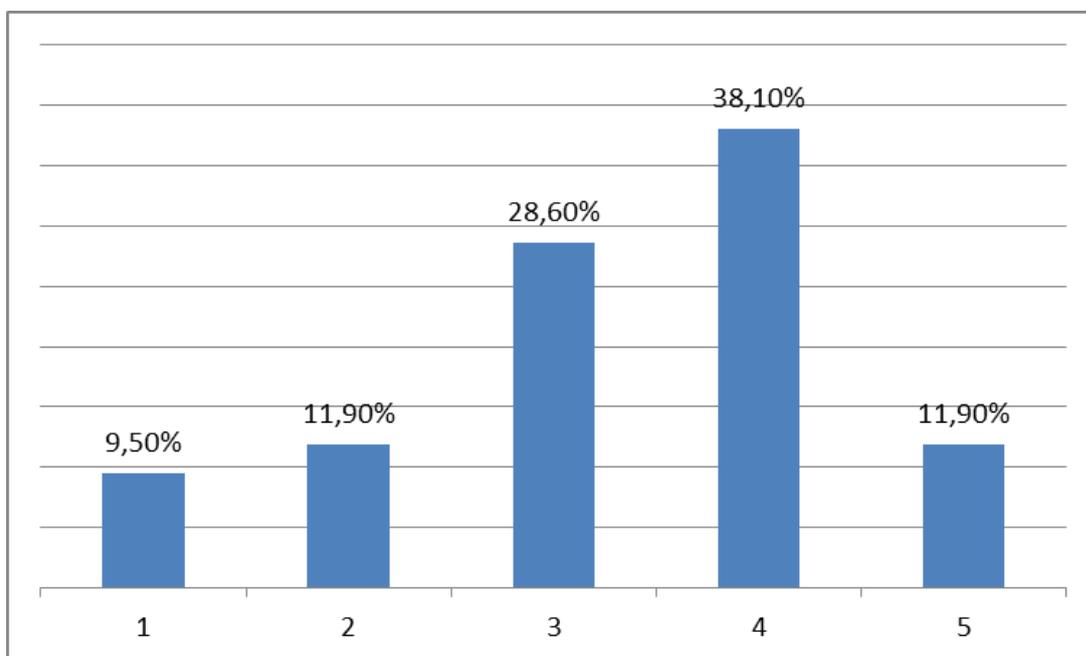

Рис. 2. Оценка обучающимися уровня владения педагогами разнообразными средствами виртуальной коммуникации

Анализ ответов показывает, что виртуальная учебная коммуникация, с одной стороны, усилила потребность в человеческом контакте, в «живом» взаимодействии с преподавателем и одногруппниками, а с другой стороны, привела к необходимости расширения границ в понимании коммуникативного имиджа преподавателя, предъявляя более серьезные требования к коммуникативным умениям

и качествам педагогов: терпимость, умение мотивировать, умение предотвращать недопонимание и недосказанность, грамотно использовать медиатехнологии как для организации учебной коммуникации (индивидуальной и групповой), так и для совершенствования коммуникативной компетентности и коммуникативной самозффективности обучающихся.

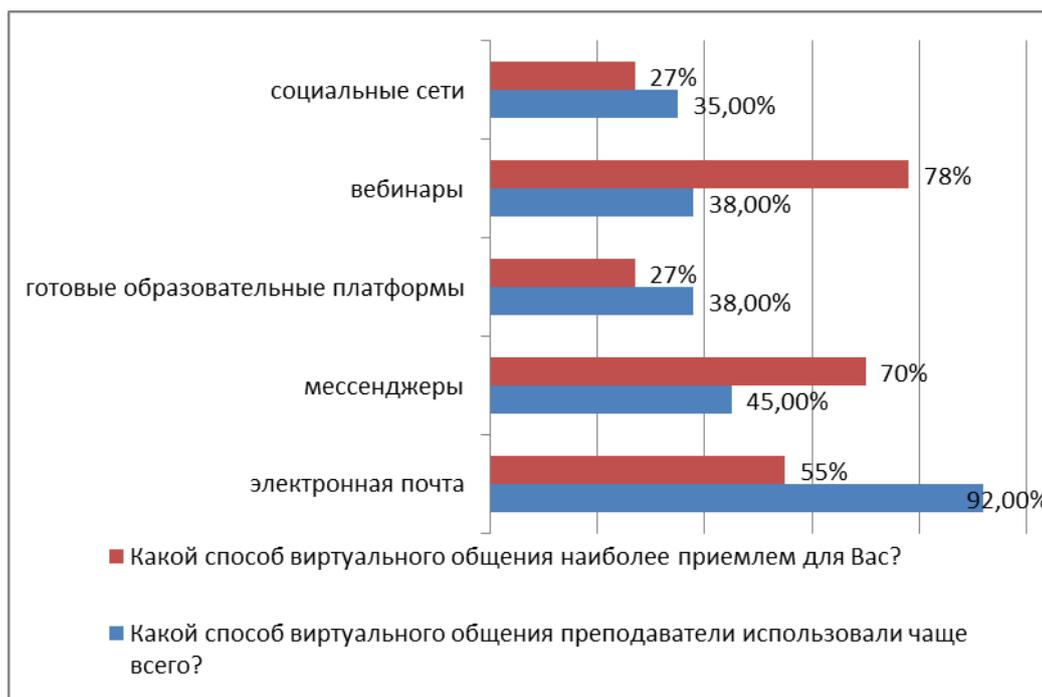

Рис. 3. Результаты ответов обучающихся на вопрос 5

Виртуализация нашей жизни и, прежде всего, виртуализация учебной коммуникации, вносит свои коррективы, в том числе заставляет по-новому взглянуть на коммуникативный имидж преподавателя. Важно, какую стратегию поведения выберет современный педагог: ничего не нужно менять, все вернется на

круги своя или, как отмечает А. Асмолов, стратегию «vigilance» (бдительность) [2], то есть желание полнее увидеть картину происходящего, искать новые возможности, прежде всего в своем саморазвитии, в совершенствовании своего коммуникативного имиджа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблам О.Э. Виртуальное общение: экзистенциальные риски или ресурс личности // Научные труды республиканского института высшей школы. 2019. №19-3. С. 3-9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39267781>
2. Асмолов А. Школа самоизоляции: как найти плюсы в карантине? // Вести образования 31.03.2020. URL: https://vogazeta.ru/articles/2020/3/31/edpolitics/12266-shkola_samoizolyatsii_

3. Баева Л.В. Виртуальная коммуникация: классификация и специфика // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. №4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-kommunikatsiya-klassifikatsiya-i-spetsifika>.
4. Булатова О.С. Педагогический артистизм: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 238 с.
5. Красношлыкова О.Г. Имидж педагога – условие успешной профессиональной деятельности. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. 168 с.
6. Кулакова Т.Б. Коммуникативный имидж как основа профессиональной деятельности будущего педагога // Научно-практический журнал «Наука і освіта» Південноукраїнського національного педагогічного університету імені К. Д. Ушинського. №2, 2010. URL: https://scienceandeducation.pdpu.edu.ua/doc/2010/2_2010/21.pdf.
7. Лысикова Н.П. Риски возрастания неопределенности в условиях виртуального общения. Человек в условиях неопределенности: сборник научных трудов в 2-х т. / Под общей и научной редакцией д.ф.н. Е.В. Бакшутовой, д.п.н. О.В. Юсуповой, к.псх.н. Е.Ю. Двойниковой. Т. 2. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2018. 247 с.
8. Седых А.П., Бузинова Л.М. Коммуникативный имидж французского преподавателя // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyy-imidzh-frantsuzskogo-prepodavatelya>.
9. Сысоева Е.Ю. Имидж педагога: учеб. пособие. Самара: Изд-во Самарского университета, 2019. 148 с.
11. Berger Charles R. Interpersonal communication: Theoretical Perspectives, Future Prospect // Journal of communication. Volume 55. No. 3. September, 2005. Pp. 415-447.
12. Przybylski A.K., Weinstein N. Can you connect with me now? How the presence of mobile communication technology influences face-to-face conversation quality // Journal of Social and Personal Relationships. 30(3). 2013. Pp. 237-246.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ablam O.Je. Virtual'noe obshhenie: jekzistencial'nye riski ili resurs lichnosti // Nauchnye trudy respublikanskogo instituta vysshej shkoly. 2019. №19-3. S. 3-9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39267781>
2. Asmolov A. Shkola samoizoljatsii: kak najti pljusy v karantine? // Vesti obrazovaniya 31.03.2020. URL: https://vogazeta.ru/articles/2020/3/31/edpolitics/12266-shkola_samoizolyatsii_
3. Baeva L.V. Virtual'naja kommunikacija: klassifikacija i specifika // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Filosofija. Psihologija. Pedagogika. 2014. №4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-kommunikatsiya-klassifikatsiya-i-spetsifika>.
4. Bulatova O.S. Pedagogicheskij artistizm: ucheb. posobie. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2001. 238 s.
5. Krasnoshlykova O.G. Imidzh pedagoga – uslovie uspeshnoj professional'noj dejatel'nosti. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002. 168 s.
6. Kulakova T.B. Kommunikativnyj imidzh kak osnova professional'noj dejatel'nosti budushhego pedagoga // Nauchno-praktichnij zhurnal «Наука і освіта» Південноукраїнського національного педагогічного університету імені К. Д. Ушинського. №2, 2010. URL: https://scienceandeducation.pdpu.edu.ua/doc/2010/2_2010/21.pdf.
7. Lysikova N.P. Riski vozrastaniya neopredelennosti v uslovijah virtual'nogo obshhenija. Chelovek v uslovijah neopredelennosti: sbornik nauchnyh trudov v 2-h t. / Pod obshhej i nauchnoj redakciej d.f.n. E.V. Bakshutovoj, d.p.n. O.V. Jusupovoj, k.psh.n. E.Ju. Dvojnukovoj. T. 2. Samara: Samar. gos. tehn. un-t, 2018. 247 s.
8. Sedyh A.P., Buzinova L.M. Kommunikativnyj imidzh francuzskogo prepodavatelja // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyy-imidzh-frantsuzskogo-prepodavatelya>.
9. Sysoeva E.Ju. Imidzh pedagoga: ucheb. posobie. Samara: Izd-vo Samarskogo universiteta, 2019. 148 s.

-
11. Berger Charles R. Interpersonal communication: Theoretical Perspectives, Future Prospect // Journal of communication. Volume 55. No. 3. September, 2005. Pp. 415-447.
 12. Przybylski A.K., Weinstein N. Can you connect with me now? How the presence of mobile communication technology influences face-to-face conversation quality // Journal of Social and Personal Relationships. 30(3). 2013. Pp. 237-246.

Поступила в редакцию 29.07.2020.

Принята к публикации 03.08.2020.

Для цитирования:

Пасечкина Т.Н. Коммуникативный имидж педагога в контексте виртуальной коммуникации // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 62-71. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Pasechkina.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3971620>

УДК 378.147:811.11

Перова Е.А.

Перова Елена Александровна, аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет. 355017, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. E-mail: alenaaperova@gmail.com.

Потенциал применения виртуальной симуляции в лингвопрофессиональной подготовке студентов направлений «Сервис» и «Гостиничное дело»

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения интерактивной виртуальной симуляции в лингвопрофессиональной подготовке будущих специалистов сферы гостеприимства. В контексте данной проблематики автором разработана и представлена система базовых критериев, необходимых в процессе выбора и оценивания виртуальной симуляции в ходе обучения иностранному языку. Для реализации целей данного исследования рассмотрена эффективность применения виртуальной симуляции для барменов «BarSim» в качестве средства лингвопрофессиональной подготовки студентов направлений «Сервис» и «Гостиничное дело». Важным выводом данного исследования является то, что виртуальная симуляция позволяет студентам применить функциональные знания в ходе овладения навыками лингвопрофессиональной иноязычной коммуникации.
Ключевые слова: виртуальная симуляция, индустрия гостеприимства, интерактивные методы, интерактивные технологии, критерии отбора симуляции, лингвопрофессиональная коммуникация.

Perova E.A.

Perova Elena Alexandrovna, post-graduate, North Caucasus Federal University. 355017, Russia, Stavropol, Pushkin st., 1. E-mail: alenaaperova@gmail.com.

Potential of virtual simulation application in vocational foreign language teaching of students of directions «Service» and «Hotel Management»

Abstract. The article endeavours to research about the implementation of an interactive virtual simulation in vocational foreign language teaching of future specialists in the hospitality industry. In this context, this paper presents a set of core criteria of simulation selection and assessment. Moreover, the current research paper aims to explore Bartending Simulation (BarSim) as an example of an interactive foreign language teaching method in Hospitality and Tourism Management curriculum. The important finding of this research is the ability of a virtual simulation to encourage hospitality students to apply their functional expertise in the course of foreign language for vocational purposes.

Key words: virtual simulation, hospitality industry, interactive methods, interactive technologies, criteria of simulation selection, vocational foreign language communication.

В последние годы поток туристов в нашу страну вырос. Данная тенденция обусловлена созданием в ряде городов современных инфраструк-

тур, приуроченных к таким международным событиям, как конкурс эстрадной песни «Евровидение» 2009 года в Москве, Всемирная летняя Универсиада

2013 года в Казани, зимние Олимпийские игры 2014 года в Сочи, чемпионат мира по водным видам спорта 2015 года в Казани, чемпионат мира по футболу 2018 года, Гран-при России - этап Формулы-1, который проводится в Сочи с 2014 года. Очевидным представляется тот факт, что для обеспечения высокого уровня сервиса иностранных гостей необходима лингво-профессиональная подготовка персонала.

Профессиональные стандарты для специалистов сферы гостеприимства предписывают владение, как минимум, двумя иностранными языками. Кроме того, рабочая программа дисциплины «Иностранный язык» для направления «Сервис» и «Гостиничное дело» определяет лингвистический минимум уровня В1 (свободное владение языком), который необходим для ведения формальной беседы с клиентами по телефону, при личном контакте, в электронной переписке.

Анализ действующих образовательных стандартов высшего образования ФГОС ВО 43.03.01 «Сервис» [1] и 43.03.03 «Гостиничное дело» [2] (уровень бакалавриата) показал, что технологический и коммуникационный модули являются профилирующими в процессе подготовки персонала сферы гостеприимства.

Технологический модуль включает организационно-управленческую; научно-исследовательскую; производственно-технологическую; проектную; сервисную деятельность, а коммуникационный модуль направлен на овладение иностранным языком; теорией межличностного и межкультурного общения; основами психологии и конфликтологии; правилами приёма контрагентов и проведения переговоров. Из данного анализа следует, что обучение иностранному языку в рамках коммуникационного модуля представляет второе по приоритетности направление обучения после технологического модуля.

Таким образом, в процесс изучения иностранного языка необходимо обеспечить тесное взаимодействие всех компонентов коммуникационного и технологического направлений знаний.

На наш взгляд, именно благодаря применению виртуальной симуляции в качестве компонента рабочей программы дисциплины «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации» возможно моделирование ситуаций профессионального общения, актуализирующих межпредметные и кросскультурные связи, включающие знания основ психологии, конфликтологии, межкультурной коммуникации, управления человеческими ресурсами, социального маркетинга, стратегического, финансового и риск менеджмента.

Проанализировав ряд исследований таких зарубежных авторов, как Г. Монтаг, М. Мак-Кинли, Э. Клиншмидт [8], Э. Чейз [3], Э. Файнштейн [4], С. Манн [7], А. Запалска, Д. Брозик [12], П. Пенфолд [9], А. Гарсиа-Карбонелл [5], нам представляется правомерным рассматривать симуляцию в двух аспектах: как аналитический инструмент моделирования бизнес-процессов реальной производственной деятельности, равно как и педагогическую технологию, направленную на практико-ориентированное обучение и визуализацию профессиональной деятельности в системе высшего образования.

Принимая во внимание комплексный характер симуляции, включающий элементы имитационных методов игрового и неигрового взаимодействия, а также неимитационные методы дискуссионного типа, мы считаем целесообразным понимать бизнес-симуляцию как форму интерактивного обучения, интегрирующую в себе особенности игротехнических, дискуссионных, проблемных, проектных и тренинговых технологий, направленных на моделирование межпредметного содержания будущей лингвопрофессиональной деятельности и активизацию иноязычной коммуникации в практико-ориентированных ситуациях делового общения.

Далее мы рассмотрим потенциал применения виртуальной симуляции для применения BarSim в лингвопрофессиональной подготовке будущих специали-

стов индустрии гостеприимства. Указанная симуляция имеет преимущественно развлекательный компонент в обучении, направленный на повышение мотивации, интереса, энтузиазма, вовлеченности и снижение компьютерной тревожности студентов. Мы считаем, что развлекательный компонент помогает достичь желаемого результата в обучении иностранному языку лишь при условии рационально, системно разработанной интегрированной программы с включением в нее профессиональной терминологии, лексики, практико-ориентированных кейсов, сценариев ролевых и деловых игр, продуктивных видов учебной деятельности, выстроенных на междисциплинарной и метапредметной основе и ориентированных на взаимодействие с профессиональной документацией: технические карты, меню, рецепты блюд, планы инвентаризации, организационные планы мероприятий, графики работы персонала, финансовые отчеты, накладные, регистрационные формы из систем бронирования.

В данном контексте нам представляется целесообразным оценить потенциал интеграции виртуальной симуляции BarSim в рабочую программу дисциплины «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации» в обучении студентов направлений «Сервис» и «Гостиничное дело» согласно представленным далее критериям.

Потенциал обучения иностранному языку, определяющий степень доступности и возможности применения предметно-ориентированного лингвистического материала, включающего лексическую, грамматическую, социолингвистическую, социокультурную информацию [10, с. 443]. На наш взгляд, BarSim соответствует данному критерию, так как анимированная графика и удобный интерфейс симуляции эффективно и наглядно презентует профильно-ориентированную терминологию индустрии гостеприимства (bar set-up essentials: mixing equipment; glassware; spirits/ liquors, liqueurs, wines) (Рис. 1).

Рис. 1. Симуляция BarSim

Кроме того, преподаватель в случае необходимости может применить сопро-

водительный материал к симуляции: стандартные выражения и фразы для ве-

дения беседы в сфере ресторанного сервиса (small talk and greetings, enquire, apologizing, offering an alternative, serving drinks, asking if a guest is ready to pay, dropping a check and expressing gratitude); стандарты профессионального поведения; требования к внешнему виду; санитарные нормы; законодательные акты; стратегии разрешения конфликтов.

Потенциал применения дополнительной справочной информации, равно как и современных интерактивных, мобиль-

ных, компьютерных и интернет-технологий. BarSim предоставляет возможность интегрировать профильно-ориентированные приложения и сайты: Theatre of Mixing; Bartender Education Program; Master Cocktail List; Cocktail Builder; Topsy Bartender Quiz; Perfect Drink (Рис. 2) а также использовать винные карты, меню и рецепты коктейлей различных ресторанов, схемы баров, бланки инвентаризации, накладные, балансовые ведомости, должностные инструкции.

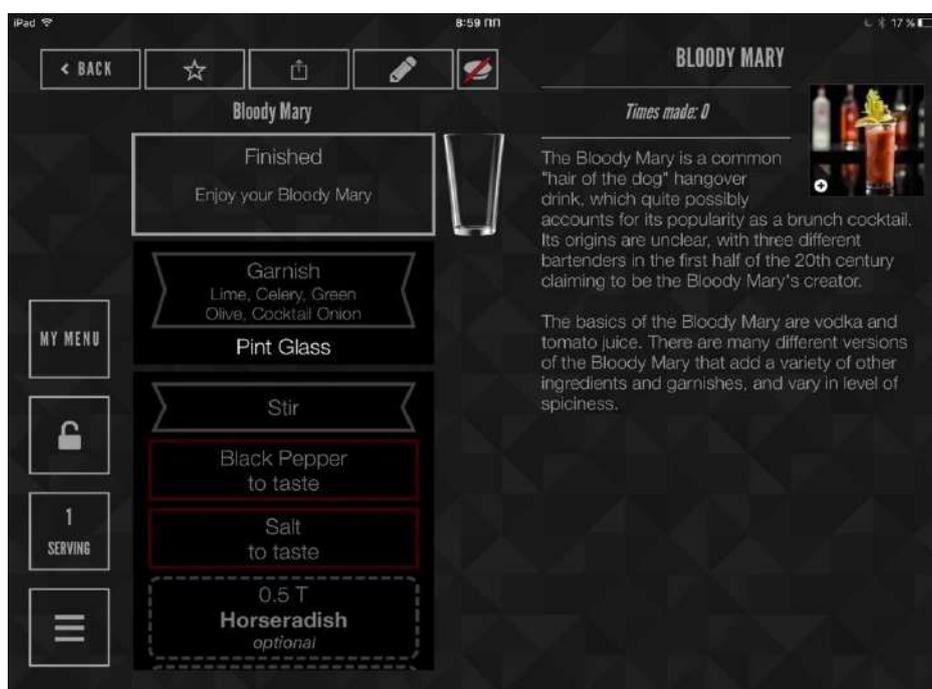

Рис. 2. Мобильное приложение Perfect Drink

Практикоориентированность [10, с. 444]. На наш взгляд, данный критерий определяет потенциал применения предметно-ориентированных компетенции в процессе формирования навыков лингво-профессиональной коммуникации на иностранном языке.

В контексте данного критерия BarSim позволяет не только сформировать компетенции операционно-технологического уровня, включающие знания видов и брендов алкогольной продукции, правил и стандартов приготовления напитков и их сервировки, но и улучшить навыки лингвопрофессиональной коммуникации

в процессе обслуживания гостей ресторана или бара, а также овладеть основами профессиональной этики, конфликтологии, психологии, межкультурной коммуникации, навыками продаж.

Адаптивность симуляции к применению различных стратегий обучения иностранному языку [11, с. 150]. У. Литлвуд представил коммуникативное обучение в форме цикла, в рамках которого происходит постепенный переход от аналитической стратегии, фокусирующей внимание на отдельных аспектах языка к практической стратегии, актуализирующей целостное применение языка в коммуни-

кативных целях [6, с. 12]. Мы полагаем, что эффективность симуляции в обучении иностранному языку определяется степенью реализации «коммуникативного цикла», включающего пять взаимосвязанных и взаимообусловленных видов деятельности: аналитический, функциональный, контекстуальный, интерактивный и когнитивно-деятельностный.

Так, BarSim дает возможность применить весь спектр педагогических стратегий, от аналитической с преимущественным вниманием к структурной организации языка, корректному применению лингвистическим форм и значений к коммуникативной и интерактивной стратегиям, основанных на проблемном, эвристическом, предметно-ориентированном, кооперативном, ситуативном и диалоговом обучении.

В рамках BarSim возможна реализация различных организационных форм работы, включающих фронтальную $T \rightarrow SS$; парную $S \rightarrow S$; групповую $SSS \rightarrow SSS$, а также применение интерактивных методов: групповая дискуссия, мозговой штурм, кейс-стади, ролевая игра, этическая дилемма, направленных на активизацию лингвопрофессиональной коммуникативной деятельности.

Следовательно, проанализировав BarSim в соответствии с представленными выше критериями, такими как потенциал обучения иностранному языку; потенциал применения дополнительной справочной информации; практикоориентированность; адаптивность к применению различных стратегий обучения, мы можем утверждать, что данная виртуальная симуляция обеспечивает моделирование ситуаций лингвопрофессионального общения будущих специалистов индустрии гостеприимства с целевой аудиторией, формируя качества, обеспечивающие успешность выполнения профессиональных обязанностей в иноязычной среде. К таковым относятся навыки операционного уровня, командного взаимодействия, разрешения конфликтов, эффективной лингвопрофессиональной коммуникации. Симуляция BarSim позволяет моделировать ситуации профессионального общения посредством применения дополнительных интерактивных методов и технологий, активизирующих разговор на общие темы и формы приветствия; ответы на вопросы в вежливой форме; предоставление общей информации; переспрос и уточнение информации; разрешение конфликтных ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Приказ Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2017 № 514 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 43.03.01 Сервис» // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71609044/>
2. Приказ Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2017 № 515 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 43.03.03 Гостиничное дело» // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <http://base.garant.ru/71708704/>
3. Chase R.M. The management game // The Cornell Hotel and Restaurant Administration Quarterly. Volume 24. Issue 2. 1983. P. 15-22.
4. Feinstein A.H. An assessment of the effectiveness of simulation as an instructional system in foodservice // Journal of Hospitality & Tourism Research. Volume 25. Issue 4. 2001. P. 421-443.
5. García-Carbonell A., Rising B., Montero B., Watts F. Simulation/gaming and the acquisition of communicative competence in another language // Simulation & gaming. Volume 32. Issue 4. 2001. P. 481-491.
6. Littlewood W. Developing a Context-Sensitive Pedagogy for Communication-Oriented Language Teaching // English Teaching (Korea). Volume 68. Issue 3. 2013. P. 3-25.
7. Mann S. The hospitality classroom, circa 2005 // Hospitality Research Journal. Volume 17. Issue 1. 1993. P. 245-258.

8. Montag G.M., McKinley M.M., Klinschmidt A.C. Predetermined motion times – A tool in food production management // Journal of the American Dietetic Association. Volume 45. 1964. P. 206-211.
9. Penfold P., Kong W.F., Lee W.K.A. VIRTEL – Teaching hospitality with a virtual hotel e-simulation // APERA 2006: Asia-Pacific Educational Research Association International Conference Proceedings. Hong Kong, 2006. P. 1-16.
10. Ranalli J. Learning English with «The Sims»: Exploiting Authentic Computer Simulation Games for L2 Learning // Computer Assisted Language Learning. Volume 21. Issue 5. 2008. P. 441-455.
11. Reeves T. Research support for interactive multimedia: existing foundations and new directions. In: C. Lat chem et al. Interactive Multimedia. London: Kogan Page, 1993. 224 p.
12. Zapalska A.M., Brozik D., Niewiadomska-Bugaj M. Decision-making: Tourism and hospitality game // Tourism. Volume 54. Issue 3. 2006. P. 259-270.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 8 iyunya 2017 № 514 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniju podgotovki 43.03.01 Cervis» // Informacionno-pravovoj portal Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71609044/>
2. Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 8 iyunya 2017 № 515 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniju podgotovki 43.03.03 Gostinichnoe delo» // Informacionno-pravovoj portal Garant.ru. URL: <http://base.garant.ru/71708704/>
3. Chase R.M. The management game // The Cornell Hotel and Restaurant Administration Quarterly. Volume 24. Issue 2. 1983. P. 15-22.
4. Feinstein A.H. An assessment of the effectiveness of simulation as an instructional system in foodservice // Journal of Hospitality & Tourism Research. Volume 25. Issue 4. 2001. P. 421-443.
5. Garcia-Carbonell A., Rising B., Montero B., Watts F. Simulation/gaming and the acquisition of communicative competence in another language // Simulation & gaming. Volume 32. Issue 4. 2001. P. 481-491.
6. Littlewood W. Developing a Context-Sensitive Pedagogy for Communication-Oriented Language Teaching // English Teaching (Korea). Volume 68. Issue 3. 2013. P. 3-25.
7. Mann S. The hospitality classroom, circa 2005 // Hospitality Research Journal. Volume 17. Issue 1. 1993. P. 245-258.
8. Montag G.M., McKinley M.M., Klinschmidt A.C. Predetermined motion times – A tool in food production management // Journal of the American Dietetic Association. Volume 45. 1964. P. 206-211.
9. Penfold P., Kong W.F., Lee W.K.A. VIRTEL – Teaching hospitality with a virtual hotel e-simulation // APERA 2006: Asia-Pacific Educational Research Association International Conference Proceedings. Hong Kong, 2006. P. 1-16.
10. Ranalli J. Learning English with «The Sims»: Exploiting Authentic Computer Simulation Games for L2 Learning // Computer Assisted Language Learning. Volume 21. Issue 5. 2008. P. 441-455.
11. Reeves T. Research support for interactive multimedia: existing foundations and new directions. In: C. Lat chem et al. Interactive Multimedia. London: Kogan Page, 1993. 224 p.
12. Zapalska A.M., Brozik D., Niewiadomska-Bugaj M. Decision-making: Tourism and hospitality game // Tourism. Volume 54. Issue 3. 2006. P. 259-270.

Поступила в редакцию 14.07.2020.

Принята к публикации 20.07.2020.

Для цитирования:

Перова Е.А. Потенциал применения виртуальной симуляции в лингвопрофессиональной подготовке студентов направлений «Сервис» и «Гостиничное дело» // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 72-77. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Perova.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3978232>

УДК 373.32

Хазыкова Т.С.

Хазыкова Тамара Саранговна, кандидат педагогических наук, доцент, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова. 358000, Россия, г. Элиста, у. Пушкина, 11. E-mail: tschazikova@yandex.ru.

Организационно-педагогические условия адаптации первоклассников к школе

Аннотация. В статье обозначена актуальность проблемы адаптации ребёнка к школе. Выполнен анализ психолого-педагогической литературы по проблеме исследования. Автор описывает психофизиологические особенности ребёнка в период адаптации к школе и делает акцент на вопросах преемственности между дошкольным и начальным образованием. В статье описывается комплексное диагностирование личности ребенка на этапе адаптации, а также перечислены критерии и показатели диагностики. Автор указывает на эффективность реализации здоровьесберегающих технологий в обучении первоклассников. В статье отмечена необходимость разработки и реализации индивидуальных программ адаптации личности ребёнка.

Ключевые слова: ребёнок, первоклассник, адаптация, преемственность, организационно-педагогические условия, комплексное диагностирование личности, здоровьесберегающие технологии в обучении, разработка и реализация индивидуальных программ адаптации.

Khazykova T.S.

Khazykova Tamara Sarangovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kalmyk state University named after B. B. Gorodovikov. 358000, Russia, Elista, Pushkin st., 11. E-mail: tschazikova@yandex.ru.

Organizational and pedagogical conditions for first-graders' adaptation to school

Abstract. The article highlights the relevance of the problem of child adaptation to school. The analysis of psychological and pedagogical literature on the research problem is performed. The author describes the psychophysiological features of a child during the period of adaptation to school and focuses on the issues of continuity between preschool and primary education. The article describes a comprehensive diagnosis of the child's personality at the stage of adaptation, as well as lists the criteria and indicators of diagnosis. The author points out the effectiveness of implementing health-saving technologies in teaching first-graders. The article highlights the need to develop and implement individual programs for adapting the child's personality.

Key words: child, first-grader, adaptation, continuity, organizational and pedagogical conditions, complex personality diagnostics, health-saving technologies in training, development and implementation of individual adaptation programs.

Поступление ребенка в школу, знакомство с новым коллективом, новые требования – все эти

события являются переломным моментом в жизни ребенка. Проблема адаптации детей к школе является одной из самых

важных проблем в начальном образовании. От того насколько благополучным будет адаптационный период ребенка в школе зависит успешность дальнейшей учебной деятельности ребёнка.

Адаптация первоклассников к обучению в школе зависит также от того, как будут складываться взаимоотношения «учитель-ученик». Успешность обучения первоклассников зависит от психоэмоциональной среды, которая окружает ребёнка в школе. Успешность обучения в школе зависит от стимулирования адаптации ребенка к обучению в школе. Родители и педагоги заинтересованы в успешной адаптации первоклассников к процессу обучения в школе.

В педагогической науке проблема адаптации ребёнка к школе рассматривалась в исследованиях Я.А. Коменского, А.Н. Леонтьева, В.В. Давыдова и др.

Впервые в отечественной психологии понятие адаптации ребенка к школе предложил советский психолог А.Н. Леонтьев. Далее этот вопрос рассматривался в работах Л.И. Божович, Л.А. Венгера, Н.И. Гуткиной, А.В. Запорожца, Е.Е. Кравцовой, Г.Г. Кравцова, М.И. Лисиной, В.С. Мухиной, Н.В. Нижегородцевой, Е.О. Смирновой, С.Л. Рубинштейна, В.Д. Шадрикова, Д.Б. Эльконина и других.

В условиях действия федеральных государственных образовательных стандартов начального общего образования (ФГОС НОО) кардинально изменились цели, задачи, структура и содержание образования. В стандартах стоит задача формирования у младших школьников универсальных учебных действий, ориентация на самообразование, самореализацию и т.д. В связи с этим возникает необходимость формирования у младших школьников системы знаний, умений и навыков как результат освоения образовательной программы и адаптация первоклассника к обучению в школе является одной из центральных. Успешность адаптации первоклассника к обучению в школе выражается в отношении ребенка к социальной действительности, определя-

ется мотивация его поведения. Все эти составляющие существенно влияют на учебную деятельность младшего школьника.

Термин «адаптация» (лат. *adapto* «приспосаблию») – «приспособление строения и функций организма, его органов и клеток к условиям внешней среды. Процессы адаптации направлены на сохранение гомеостаза» [1]. Этот термин изначально использовался в биологии.

В психологии «адаптация» - «сложный многофакторный процесс, в результате которого человек привыкает к новым условиям и становится частью общества. Через него проходят все люди, в той или иной жизненной ситуации» [3].

Ж. Пиаже характеризует «адаптацию как двунаправленный процесс, обеспечивающий равновесие между воздействием организма на среду и обратным воздействием среды» [6].

В своих исследованиях Л.И. Божович отмечает, что на ранних этапах онтогенеза «психические особенности и качества возникают путем приспособления ребёнка к требованиям окружающей среды. Но, возникнув, таким образом, они затем приобретают самостоятельное значение и в порядке обратного влияния начинают определять последующее развитие» [2].

Начало школьного обучения совпадает с периодом физиологического кризиса ребенка, который, по словам Л.С. Выготского - это кризис открывает школьный возраст. В возрасте 7 лет происходит существенные изменения в психологии ребенка, коренным образом меняется его отношение к окружающим его людям. Это проявляется, прежде всего, в поведении ребёнка. Семилетний ребёнок начинает кривляться, демонстративно ведет себя, его поведение становится не мотивированным. В своих исследованиях Л.С. Выготский обосновывает эти изменения утратой детской непосредственности. «Ребенок, вступивший в полосу кризиса, теряет детскую наивность, во всех своих проявлениях. По поведению ребенка взрослые не могут однозначно судить о

том, что думает, чувствует, переживает, чего действительно хочет. У ребёнка появляется своя внутренняя жизнь, недоступная окружающим» [4].

Г.М. Чуткина в своих исследованиях рассматривает три уровня адаптации детей к школе:

«- высокий уровень адаптации – легкий – 2 месяца;

- средний уровень адаптации – средний – 3-6 месяцев;

- низкий уровень адаптации – тяжелый – 6 месяцев – 1 год» [7].

Признаками успешной школьной адаптации является удовлетворенность ребёнком процессом обучения в школе. Если ребенок справляется с образовательной программой и у него наблюдается высокая степень самостоятельности, то смело можно говорить об успешной адаптации.

В вопросе адаптации первоклассников к школе большую роль играет преемственность между дошкольным и начальным образованием. Здесь важно взаимодействие между детским садом и школой и успехи в школе напрямую зависят от качества образования в дошкольном возрасте. Во многих учреждениях дошкольного и начального образования имеется план совместной деятельности. Такая работа осуществляется через взаимопосещение учителями начальных классов занятий в детском саду и воспитателями уроков в первом классе. Воспитатели и учителя начальных классов знакомятся с теми методами и приемами работы, которые применяются на уроках и на занятиях. Педагоги совместно определяют возможность применения тех или иных методов и приемов, направленных на качественный процесс обучения и воспитания будущих первоклассников.

Преемственность между дошкольным и начальным образованием рассматривается как непрерывный процесс воспитания и обучения ребенка. Здесь следует учитывать, что для каждого возрастного периода имеются общие и специфические цели. При постоянном взаимодействии,

при целенаправленной и систематической работе в условиях «детский сад - школа» развиваются личностные качества детей, которые необходимы для дальнейшей успешной учебной деятельности.

Современная школа находится в постоянном поиске таких систем обучения, которые могут обеспечить развитие личности с учетом их индивидуальных психофизиологических и интеллектуальных возможностей. По мнению ученых исследователей адаптация первоклассников к обучению в школе перестраивает весь образ жизни ребенка. Исследователи по данной проблеме указывают на то, что многие дети трудно проходят этап адаптации. Это, прежде всего, связано с индивидуальными психофизиологическими особенностями детей. Родители и педагоги должны понимать, что в момент поступления в школу ребёнок должен достичь определенного уровня умственного и эмоционально-волевого уровня развития, а также у него должно быть сложено положительное отношение к учению и способность к саморегуляции поведения. Поэтому очень важно в адаптационный период создать организационно-педагогические условия успешной адаптации первоклассников к школе. Такими условиями являются: комплексное диагностирование личности на этапе адаптации; реализация здоровьесберегающих технологий; разработка и реализация индивидуальных программ адаптации личности.

Одним из первых организационно-педагогических условий является комплексное диагностирование личности на этапе адаптации. Данный комплекс состоит из диагностики общей готовности детей к школе, диагностики уровня взаимодействия родителей и детей с целью совершенствования механизмов адаптации и диагностики уровня развития педагогических умений и психологической подготовленности самих педагогов к работе с детьми. В таблице 1 перечислены критерии и показатели диагностики личности на этапе адаптации.

Таблица 1. Критерии и показатели диагностики личности на этапе адаптации

№	Критерии	Показатели
1	Состояние здоровья	1. острая заболеваемость
		2. хроническая
		3. распределение учащихся по группам здоровья
2	Физическое развитие	1. уровень физического развития
		2. гармоничность физического развития
		3. уровень физической работоспособности
3	Психическое развитие	1. мотивация обучения
		2. психическое развитие
		3. личностное развитие
4.	Общеучебные способности, умения и навыки	1. темп усвоения знаний
		2. готовность к обучению

Для диагностики состояния здоровья детей составляются карты, в которых собирается вся медицинская и физиологическая информация о ребёнке. По этой информации педагоги, медицинские работники, психологи судят о характеристиках здоровья детей. На основе таких документов, в которых проведены плановые медико-физиологические обследования, готовятся рекомендации для учителей и родителей. Обычно в школе ведется целенаправленная работа по сохранению и профилактике здоровья детей.

Показатели физического здоровья отслеживаются с учетом гендерного подхода. Важно гармоничное физическое развитие девочек и мальчиков. Современные исследования свидетельствуют о том, что с каждым годом увеличивается количество детей, которые страдают сколиозом, повышенным артериальным давлением, миопией и т.д. Говоря о физическом развитии, имеется в виду комплекс различных показателей, которые определяют запас физических сил человека. При проведении мониторинга физического здоровья для определения уровня оцениваются показатели длины и массы тела, мышечная сила рук, развитие костно-мышечной системы, различные отклонения в телосложении, реакция сердечно-сосудистой и дыхательной систем на физическую нагрузку, физическая работоспособность и физическая подготовленность.

При проведении диагностики психического развития детского организма необходимо учитывать, что у детей преобладает непровольное внимание и память и на момент поступления в школу ребёнок впервые начинает управлять своим вниманием, а память начинает включаться в процесс становления личности. Речь ребёнка становится средством общения, мышления и сознательного изучения. Школьный психолог, используя различные современные методики и технологии проводит диагностику личности ребёнка. Одним из показателей психического развития ребенка является мотивация обучения. Важно соответствие возрастного психического развития на данном этапе. При личностном развитии налаживаются хорошие отношения с педагогом, одноклассниками и родителями.

Следующим критерием диагностики личности младшего школьника является общеучебные способности, умения и навыки. Показателем данного критерия являются темп усвоения знаний, готовность к обучению. Адаптация ребенка к школе протекает тяжелее, если ребенок не достигает определенного уровня физического и психического развития. Многие исследователи употребляют термин «школьная зрелость». Школьная зрелость – это понятие психолого-педагогического характера. Термин «школьная зрелость» означает соответствие определенного фи-

зического и социального развития определенным требованиям. Л.С. Выготский в своих работах говорил о том, что «в процессе развития ребёнка есть оптимальные сроки для различных типов обучения» [4]. При высоком уровне школьной зрелости достигается такой уровень развития психики, при котором обеспечивается способность ребёнка непосредственно участвовать в процессе обучения. Общеучебные способности – это универсальные способы получения и применения знаний. Они формируются в процессе обучения и обеспечивают возможность ребёнка самостоятельно осуществлять учебную деятельность, ставить учебные цели, искать, контролировать и оценивать результаты деятельности. В адаптационный период ребёнок воспринимает адекватно требования педагога, учебный материал усваивается легко и полно, ребёнок прилежен, внимательно слушает и выполняет указания учителя, проявляет самостоятельность, пользуется в классе уважением. При таком положении можно говорить о высоком уровне адаптации ребёнка к школе, об его высоком уровне развития общеучебных умений, знаний и навыков.

Вторым из организационно-педагогических условий эффективной адаптации первоклассников в школе является реализация здоровьесберегающих технологий в обучении. Здоровьесберегающие технологии направлены на сохранение работоспособности ребёнка, на исключение переутомления. Это важно в адаптационный период первоклассника. По последним исследованиям медиков и психологов около 25-30% детей-первоклассников имеют различные виды заболеваний и к концу 4 класса этот процент увеличивается. При использовании здоровьесберегающих технологий важно осознание самими обучающимися своего здоровья как высшей ценности. Осознание ведения здорового образа жизни позволяет полно осуществлять намеченные цели и планы и использовать максимально умственные и физические возможности. При исполь-

зовании здоровьесберегающих технологий необходимо у младшего школьника формировать систему гигиенических умений и навыков, которые необходимы для нормального функционирования организма. Компонентом здоровьесберегающих технологий является физкультурно-оздоровительный компонент, который предполагает, что ребёнок владеет способностями деятельности, которые направлены на повышение двигательной активности, на предупреждение гиподинамии. Роль двигательной активности детей является важной в жизнедеятельности школьника причем как в учебном режиме школы, при выполнении домашней работы, а также в повседневной жизни. Большую роль играют в этом уроки физической культуры. В движениях ребёнка заключается потенциал для роста и развития, в то же время необходимо избегать перегрузки детского организма. Двигательный режим младшего школьника является обязательной частью общего распорядка дня. Уроки по физической культуре проводятся в спортивном зале и на свежем воздухе. На уроках физкультуры необходимо создать специальные условия, отличающиеся многообразием двигательных ощущений, которые воздействуют на организм ребёнка. При этом необходимо дозировать физические упражнения количеством упражнений, их повторяемостью и длительностью выполнения. На уроках педагог следит за формированием правильной осанки. Многие педагоги включают двигательный компонент во время перемены и непосредственно во время урока. Такое систематическое проведение физкультурных мероприятий прививает у детей заботу о своем здоровье. Физминутки улучшают кровообращение, содействуют выправлению позвоночника и оптимизируют организм ребенка. Также необходимо проводить работу по снижению нагрузки на глаза, для профилактики нарушения зрения используются разнообразные специальные упражнения. Перемены должны использоваться для разумного отдыха детей и

для подготовки к следующему уроку. В своих исследованиях И.П. Павлов писал: «всякая живая работающая система, как ее отдельные элементы, должны отдыхать, восстанавливаться. А отдых таких активнейших элементов, как корковые клетки, должен в особенности тщательно быть охраняем» [5].

Правильное использование здоровьесберегающих технологий в образовательном процессе в период адаптации ребенка к школе улучшает состояние здоровья детей их физическое развитие и положительно влияет на успешную адаптацию детей к обучению в школе.

Третьим из организационно-педагогических условий эффективной адаптации ребенка в школе является разработка и реализация индивидуальных программ адаптации личности.

Деятельность любого педагогического коллектива школы направлена на организацию благоприятной адаптационной среды при переходе от дошкольного к начальному общему образованию. Для этого организуется режим школьной жизни первоклассников; создается предметно-пространственная среда; проводится оздоровительно-профилактическая работа; проводятся мероприятия по учебно-познавательной деятельности первоклассников; организуется внеурочная жизнь детей; налаживаются отношения с участниками образовательного процесса и изучается социально-психологическая адаптация детей к школе. Программа адаптации первоклассников представляет собой определенную систему действий по организации учебно-воспитательного процесса, направленную на создание благоприятных условий по адаптации первоклассников к школе. Такие программы должны учитывать возрастные и индивидуальные особенности первоклассников. Поэтому во многих школах разрабатываются и реализуются индивидуальные программы адаптации личности. В этой программе, в ее реализации участвуют учителя начальных классов, учителя – предметники (учитель физкультуры, учи-

тель музыки, учитель иностранного языка и другие), администрация школы, психолог, медицинский работник, педагоги дополнительного образования и родители. Такие индивидуальные программы позволяют скоординировать усилия всех участников. При слаженной работе максимально быстро и успешно проходит процесс адаптации первоклассников. В индивидуальные программы включаются мероприятия, которые обеспечивают выявление индивидуальных особенностей ребёнка, выявляют образовательные потребности каждого ребёнка, проводится мониторинг динамики изменения личностных качеств младшего школьника, вовремя проводится профилактика появления признаков дезадаптации. Также проводятся мероприятия, обеспечивающие интеграцию каждого ребенка в классный коллектив. Индивидуальные программы успешной эффективной адаптации к обучению в школе построены на использовании различных форм и методов. Педагоги в своей деятельности применяют ролевые, дидактические игры, проводят дискуссии, проводится работа в парах, выполняются упражнения для формирования и развития универсальных учебных действий. Эффективными методами в данной ситуации являются методы стимулирования, убеждения, психологической саморегуляции, самовоспитания и игровой терапии. Большая нагрузка по реализации индивидуальных программ адаптации ложится на учителя начальных классов, особенно тогда, когда нарушена предельная допустимая наполняемость класса, где вместо 25 человек находятся 30 человек. Педагогу необходимо наладить общение с первоклассниками с учетом особенностей поведения каждого ребёнка. Все дети требуют к себе внимания и поэтому требуются различные формы доброжелательной и терпеливой работы педагога. Конечно, здесь не допускается авторитарный стиль общения. Также своей спецификой отличается организация уроков по отдельным предметам в период

адаптации. Здесь важно уменьшить учебную нагрузку на первом этапе обучения.

Для эффективного формирования навыка письма в букварный период педагогу необходимо научить писать. При обучении письму леворуких детей следует использовать специальные прописи. Обязательно проведение специальных упражнений, которые тренируют мелкую моторику руки.

Формирование навыка чтения должно проходить в рамках нормативных значений скорости чтения. Хотя у каждого ребёнка может быть своя скорость чтения и педагогу важно совершенствовать качество чтения.

При организации уроков математики в период адаптации проводится подготовительная работа к восприятию понятия числа, отношения, величины, действий с числами. Педагогу необходимо уделить внимание развитию математической речи детей, логическому мышлению и пространственному воображению.

При организации уроков окружающего мира в адаптационный период педагоги проводят экскурсии и прогулки. Про-

исходит знакомство детей с окружающим миром, накапливается чувственный опыт. На экскурсиях проводится наблюдение и потом на уроке осмысливаются и обобщаются все наблюдения и формируется система представлений о мире.

Уроки изобразительного искусства в адаптационный период проходят в различных формах – это прогулки и экскурсии, сбор природных материалов, экскурсии в музей, игры. Для создания художественного образа ребёнку надо в него воплотиться и изобразить через движение своего тела. Все это создает разнообразие форм деятельности и полноту впечатлений на уроке, что способствует снятию напряжения.

Таким образом, организационно-педагогическими условиями эффективной адаптации первоклассников к обучению в школе являются комплексное диагностирование личности на этапе адаптации; реализация здоровьесберегающих технологий; разработка и реализация индивидуальных программ адаптации личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаптация // Wikipedia. Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Адаптация>
2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды / Под ред. Д.И. Фельдштейна; Вступительная статья Д.И. Фельдштейна. 3-е изд. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 352 с.
3. Виды и методы адаптации в психологии // mystroimmir.ru. URL: <https://mystroimmir.ru/psihologiya/adaptatsiya.html>
4. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
5. Павлов И.П. Условный рефлекс. М.: ИГ Лениздат, 2014 г. 224 с.
6. Пиаже Ж. Психология интеллекта / пер. А.М. Пятигорский. СПб.: «Питер», 2003. URL: https://booksafe.net/read/piazhe_zhan-psihologiya_intellekta-169889.html
7. Чуткина Г.М. Адаптация первоклассников к педагогическому процессу школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Мин. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького. Минск, 1987. 17 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Adaptacija // Wikipedia. Svobodnaja jenciklopedija. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Adaptacija>
2. Bozhovich L.I. Problemy formirovanija lichnosti: Izbrannye psihologicheskie trudy / Pod red. D.I. Fel'dshtejna; Vstupitel'naja stat'ja D.I. Fel'dshtejna. 3-e izd. M.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut, Voronezh: NPO «MODJeK», 2001. 352 s.

3. Vidy i metody adaptacii v psihologii // mystroimmir.ru. URL: <https://mystroimmir.ru/psihologiya/adaptatsiya.html>
4. Vygotskij L.S. Psihologija razvitija cheloveka. M.: Smysl; Jeksmo, 2005. 1136 s.
5. Pavlov I.P. Uslovnyj refleks. M.: IG Lenizdat, 2014 g. 224 s.
6. Piazhe Zh. Psihologija intellekta / per. A.M. Pjatigorskij. SPb.: «Piter», 2003. URL: https://booksafe.net/read/piazhe_zhan-psihologiya_intellekta-169889.html
7. Chutkina G.M. Adaptacija pervoklassnikov k pedagogicheskomu processu shkoly: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Min. gos. ped. in-t im. A. M. Gor'kogo. Minsk, 1987. 17 s.

Поступила в редакцию 03.08.2020.

Принята к публикации 06.08.2020.

Для цитирования:

Хазыкова Т.С. Организационно-педагогические условия адаптации первоклассников к школе // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 78-85. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Khazykova.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3971658>

УДК 378

Целоева Д.А.

Целоева Дана Алиевна, аспирант, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова. 362025, Россия, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46. E-mail: d.ts.a.194@mail.ru.

Содержание и структура иноязычной речевой культуры будущего педагога-лингвиста

Аннотация. Иноязычная речевая культура представляет собой ключевой аспект личностного развития и профессиональной подготовки будущего педагога, что обусловлено ролью педагога-лингвиста как участника общения на иностранном языке в научной и образовательной сфере. В статье обосновывается необходимость формирования иноязычной речевой культуры как одной из ключевых составляющих профессиональной культуры компетентного специалиста. Рассматривается содержание понятий «речь», «речевая культура» и «иноязычная речевая культура», подчеркивается значение развития компонентов речевой культуры, совокупность которых отражает структуру иноязычной речевой культуры будущего педагога-лингвиста.

Ключевые слова: речь, иностранный язык, речевая культура, иноязычная речевая культура, компоненты речевой культуры, речевая деятельность, педагог-лингвист.

Tseloeva D.A.

Tseloeva Dana Aliевна, post-graduate, Department of Primary and Pre-school education, North Ossetian State University n.a. K.L. Khetagurov. 362025, Russia, Vladikavkaz, Vatutina st., 44-46. E-mail: d.ts.a.194@mail.ru.

Future linguist`s foreign language speech culture: content and structure

Abstract. Foreign language speech culture is a key aspect of the future linguist`s personal development and professional training. It is related to the fact that a linguist teacher is a participant in a foreign language communication in the scientific and educational sphere. The article highlights the importance of speech culture as one of the key components of the competent specialist`s professional culture. The article analyses the concepts «speech» and «speech culture» as well as the importance of the development of speech culture components. It is also emphasized that the combination of speech culture components reflects the structure of the future linguist`s speech culture.

Key words: speech, foreign language, speech culture, foreign language speech culture, main components of speech culture, speech activity, linguist.

Научно-технический прогресс, социально-экономические изменения и создание единого информационного пространства открывают все новые возможности для продуктивного общения, главными условиями эффек-

тивности которого являются взаимопонимание и уважение к иной культуре, знание основ межкультурного общения и языка коммуникации, понимание речевого поведения представителей другой культуры и т.д. Все это приводит к необ-

ходимости формирования речевой культуры, которая, помимо осмысления речевой практики, способствует дальнейшему развитию личности, установлению межличностных связей и достижению успеха на международной арене.

Модернизация образовательных парадигм, вызванная научно-техническим прогрессом, привела к тому, что главной целью образования выступает становление квалифицированного специалиста, способного реализовать собственный потенциал как в своей стране, так и за рубежом. Подготовка педагогических кадров в таком случае предполагает развитие целенаправленной и активной личности, способной к саморегуляции и обладающей педагогическим сознанием и определенными психологическими характеристиками, которые позволяют эффективно осуществлять профессиональную деятельность. Одним из ключевых атрибутов профессионализма педагога является речевая культура, которая представляет собой совокупность и систему свойств и качеств речи, говорящих о ее совершенстве [5]. Компетентный педагог не ограничивается только повышенным знанием своего предмета. Он постоянно совершенствует собственные профессиональные навыки, обладает высоким уровнем речевого мастерства, обширным лексическим запасом, оказывает речевое воздействие на интеллектуальную, эмоциональную и иные сферы обучаемого, включая его мировоззрение и т.д.

В научной литературе существует немало работ, раскрывающих проблемы речевой культуры, ее критерии и компоненты. Среди них можно выделить научные труды В.В. Виноградова, Б.Н. Головина, Н.А. Ипполитовой, В.И. Чернышева, посвященные исследованию процесса формирования речевой культуры; работы Ш.А. Амонашвили, Л.С. Выготского, В.А. Кан-Калика, А.Н. Ксенофонтовой, направленные на изучение психологических и педагогических концепций, рассматривающих проблемы речевого общения и его составляющих; исследования

Е.И. Пассова, П.В. Сысоева, посвященные сущности иноязычной культуры и т.д.

Прежде чем приступить к определению содержания иноязычной речевой культуры будущего педагога-лингвиста остановимся на основополагающих понятиях, к которым отнесем речь, речевую деятельность и речевую культуру.

Согласно научным работам А.А. Брудного, Э.С. Маркаряна, А.А. Леонтьева, Н.И. Жинкина, А.Н. Ксенофонтовой, Е.Н. Зарецкой и др., речь выступает как деятельность человека, целью которой является общение с другими людьми, выражение и передача мыслей посредством того или иного языка [10]. В речи нет ничего коллективного: ее проявления индивидуальны и зависят от желания и цели говорящего. К главным качествам речи относится соблюдение правильности языковых норм и стили-речевых употреблений, качество содержания речевого общения и этичность коммуникативных намерений [4].

Раскрывая содержание речевой культуры, мы также опираемся на теорию речевой деятельности. Характеризуясь с позиции общей теории деятельности, речевая деятельность представляет собой специфический компонент любого вида человеческой деятельности [7]. В рамках теории речевой деятельности содержание речевой культуры, помимо владения языковыми нормами и соблюдения собственно языковых, коммуникативных и этических норм, включает в себя также речевое мастерство [2; 6], необходимое для уместного употребления языковых средств в процессе речевой деятельности, а также владение различными речевыми приемами. Можно утверждать, что речевая культура представляет собой собирательное понятие, которое включает в себя культуру речи, культуру мышления, культуру общения и речевое мастерство [1]. Такое понимание речи позволяет сформулировать определение речевой культуры как комплексного явления, которое включает в себя знание языковых норм; владение общей и специальной

терминологией; корректное употребление языковых средств, обеспечивающих наиболее эффективное речевое воздействие; способность к организации и проведению диалога; соблюдение педагогически ориентированного речевого этикета; владение основными знаниями по речевой технике [8].

Иноязычная речевая культура помимо уже перечисленных свойств опирается на уверенное использование иностранного языка в процессе общения. Иностранный язык выступает как ключевой элемент культуры, с помощью которого осуществляется общение с представителями другой культуры. Для межкультурного взаимодействия необходимо не только владеть иностранным языком, но и иметь представление о культурных привычках и понимать особенности мировоззрения носителей данного языка.

Несмотря на многочисленные работы, посвященные изучению проблем иноязычной речевой культуры (работы Л.А. Аухадеевой, Н.Б. Ишханян, Е.А. Копьёвой, В.В. Сафоновой и др.), на данный момент не существует единой трактовки понятия «иноязычная речевая культура»

Д. Хаймс под иноязычной коммуникативной культурой понимал способность обучаемого адекватно общаться в конкретной коммуникативной ситуации и его умение организовывать речевое общение с учетом социокультурных норм поведения и речевой целесообразности высказывания [13]. Согласно теории обучения иноязычной культуре Е.И. Пассова, иноязычная речевая культура представляет собой ту часть общей культуры человечества, которой обучающийся может овладеть в процессе коммуникативного иноязычного образования в познавательном, развивающем и социальном аспектах [9].

В.В. Сафонова, рассматривает иноязычную речевую культуру как «уровень владения языковыми, речевыми и социокультурными знаниями, умениями и навыками, который позволяет обучаемо-

му приемлемо и целесообразно выстраивать свою речевую деятельность в зависимости от психологических факторов общения» [11].

Говоря об иноязычной речевой культуре педагога, мы в первую очередь обращаем внимание на то, что речевая культура педагога-лингвиста, связанная с использованием индивидом иностранного языка в процессе общения, является важнейшей предпосылкой решения комплексных задач всестороннего развития личности. Иноязычную речевую культуру будущего педагога-лингвиста охарактеризуем как ключевой компонент его профессиональной культуры и компетентности, совокупность языковых и лингвистических знаний умений, наличие ценностей, норм, образцов поведения и профессиональных умений, достаточных для полноценного включения будущего в профессионально-педагогическую и культурную среду.

Определению содержания иноязычной речевой культуры педагога также способствует изучение ее структуры.

Определяя ключевые компоненты речевой культуры будущего педагога-лингвиста, мы опирались на классификацию О.В. Гавриловой. Рассматривая иноязычную коммуникативную культуру как систему культуuroобразующих элементов, О.В. Гаврилова выделяет следующие компоненты [3]:

– когнитивный компонент (развитие вторичной языковой личности, выражающееся в наличии теоретико-практических знаний, умений и навыков, необходимых для успешного речевого взаимодействия);

– деятельностный компонент (использование всего многообразия социальных, коммуникативных и этических знаний, умений и навыков, обеспечивающих качественный информационный обмен);

– этический (владение нормами и правилами речевого поведения, эмпатия, уважительное отношение к собеседнику,

студентам и коллегам, соблюдение правил речевого этикета, корректное применение речевых формул и т.д.).

Изучив представленные выше компоненты речевой культуры, считаем необходимым выделить в качестве дополнительных компонентов мотивационно-ценностный и рефлексивно-оценочный компоненты.

Под мотивационно-ценностным компонентом понимается осознанное отношение педагога к собственной речевой культуре и ее роли в профессиональной деятельности, формирование устойчивой мотивации к развитию и совершенствованию устной и письменной речи; стремление к сохранению чистоты и богатства языка и речи и т.д.

Рефлексивно-оценочный компонент позволяет специалисту оценить уровень собственной иноязычной речевой культуры, проанализировать речевую деятельность, отметить недостаточно проработанные моменты и составить план ее совершенствования. Что особенно важно для будущего педагога-лингвиста, деятельность которого во многом связана с употреблением иностранного языка в профессиональной деятельности.

Таким образом, характеризуя иноязычную речевую культуру, мы не исхо-

дим из лингвистической трактовки, согласно которой иноязычная речевая культура включает в себя только лишь владение нормами литературного языка (как в родном языке, так и в иностранном) и умение корректно использовать языковые единицы в речи. Иноязычная речевая культура, являясь частью профессионально-педагогической культуры, включает в себя теоретические знания, умения и навыки в области речевого общения, нормы речевого поведения, которые обеспечивают продуктивное сотрудничество, взаимодействие и эффективное решение профессиональных задач. Речь будущего педагога-лингвиста должна способствовать повышению уровня иностранного языка у обучающихся, развитию навыков самоанализа и самооценки, ценностному отношению к речевой культуре и соблюдению общепринятых правил речевого взаимодействия. Формирование иноязычной речевой культуры будущего педагога-лингвиста представляет собой целенаправленную профессионально-педагогическую деятельность, целью которой является изменение содержания мотивационно-ценностного, когнитивного, деятельностного, этического и рефлексивно-оценочного компонентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов З.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М.: ИКАР, 2010. 52 с.
2. Винокур Т.Г. Десять заповедей культуры речевого поведения // Русский язык (приложение к газете «Первое сентября»). 2002.
3. Гаврилова О.В. Структурные компоненты иноязычной коммуникативной культуры в изучении иностранного языка студентами педагогического колледжа // Педагогика и психология. 2008. № 2. С. 24-29.
4. Горбунова Н.В. Формирование речевой культуры будущих воспитателей дошкольных образовательных организаций // Проблемы современного педагогического образования. Ялта, 2017. С. 103-110.
5. Ксенофонтова А.Н. Речевая деятельность, речевая культура и культура речи. К определению понятий // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12. №3(3). Самара. 2010. С. 633-637.
6. Культура русской речи: Учебник для вузов / под ред. Л.К. Граудиной, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М.: Норма: ИНФРА, 2000. 52 с.
7. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

8. Лунева Л.П. Совершенствование профессионально-речевой культуры преподавателя: автореф. дисс. ... док. пед. наук. Самара, 2004. 541 с.
9. Пассов Е.И. Основы методики обучения иностранным языкам. М.: «Русский дом», 1977. 216 с.
10. Приходько О.В. Сущность и структура речевой культуры в психолого-педагогической литературе // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9 (2). С. 424-428.
11. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж - Истоки, 1996. 238 с.
12. Федеральный Государственный образовательный стандарт основного общего образования / Министерство образования и науки Российской Федерации. Москва, 2010. URL: <https://fgos.ru/>
13. Hymes D. H. Über Linguistische Theorien und kommunikative Kompetenz. In: Kochan D.C. *Sprache und Kommunikative Kompetenz*. Stuttgart, 1973. P. 109-130.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Azimov Z.G., Shhukin A.N. *Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponjatij*. M.: IKAR, 2010. 52 s.
2. Vinokur T.G. *Desjat' zapovedej kul'tury rechevogo povedenija // Russkij jazyk (prilozhenie k gazete «Pervoe sentjabrja»)*. 2002.
3. GavriloVA O.V. *Strukturnye komponenty inozazychnoj kommunikativnoj kul'tury v izuchenii inostrannogo jazyka studentami pedagogicheskogo kolledzha // Pedagogika i psihologija*. 2008. № 2. S. 24-29.
4. Gorbunova N.V. *Formirovanie rechevoj kul'tury budushhih vospitatelej doskol'nyh obrazovatel'nyh organizacij // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija*. Jalta, 2017. S. 103-110.
5. Ksenofontova A.N. *Rehevaja dejatel'nost', rehevaja kul'tura i kul'tura rechi. K opredeleniju ponjatij // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. T. 12. № 3(3). Samara. 2010. S. 633-637.
6. *Kul'tura russkoj rechi: Uchebnik dlja vuzov / pod red. L.K. Graudinoj, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shirjaeva*. M.: Norma: INFRA, 2000. 52 s.
7. Leont'ev A.A. *Osnovy psiholingvistiki*. M.: Smysl, 1997. 287 s.
8. Лунева Л.П. *Sovershenstvovanie professional'no-rechevoj kul'tury prepodavatelja: avtoref. diss. ... dok. ped. nauk*. Samara, 2004. 541 s.
9. Passov E.I. *Osnovy metodiki obuchenija inostrannym jazykam*. M.: «Russkij dom», 1977. 216 s.
10. Prihod'ko O.V. *Sushhnost' i struktura rechevoj kul'tury v psihologo-pedagogicheskoi literature // Fundamental'nye issledovanija*. 2014. № 9 (2). S. 424-428.
11. Safonova V.V. *Izuchenie jazykov mezhdunarodnogo obshhenija v kontekste dialoga kul'tur i civilizacij*. Voronezh - Istoki, 1996. 238 s.
12. *Federal'nyj Gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart osnovnogo obshhego obrazovanija / Ministerstvo obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii*. Moskva, 2010. URL: <https://fgos.ru/>
13. Hymes D. H. Über Linguistische Theorien und kommunikative Kompetenz. In: Kochan D.C. *Sprache und Kommunikative Kompetenz*. Stuttgart, 1973. P. 109-130.

Поступила в редакцию 28.07.2020.
Принята к публикации 31.07.2020.

Для цитирования:

Целоева Д.А. Содержание и структура иноязычной речевой культуры будущего педагога-лингвиста // *Гуманитарный научный вестник*. 2020. №7. С. 86-90. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Tseloeva.pdf>

ОБЩЕСТВО. ЯЗЫК. КОММУНИКАЦИИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3979395>
УДК 81'367.7

Кудряшова А.Н., Наumenко М.Г., Косякова М.С.

Кудряшова Анна Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, Российская таможенная академия, Ростовский филиал. 344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, д. 20. E-mail: fairagness@mail.ru.

Наumenко Марина Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент, Южный федеральный университет. 344082, Россия, ул. Большая Садовая, д. 33. E-mail: m_naumenko@mail.ru.

Косякова Марина Станиславовна, Южный федеральный университет. 344082, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 33. E-mail: mariiina@yandex.ru.

Парцелляция как эффективное средство художественной изобразительности в заголовке современной англоязычной газетной статьи

Аннотация. Данная статья посвящена парцелляции как одному из часто встречающихся и наиболее эффективных синтаксических средств художественной выразительности в современном англоязычном газетном заголовке. В связи с тем, что заголовок играет решающую роль в процессе принятия читателем решения о целесообразности прочтения всей статьи, в заголовке современной англоязычной газеты для привлечения внимания читателя наиболее часто употребляются такие стилистические синтаксические средства, как повествовательный вопрос, эллипсис, именительный темы, антитеза, параллельные конструкции, парцелляция. В результате исследования было установлено, что использование парцелляции в заголовке способствует достижению разнообразных стилистических эффектов, вызывает интерес читателя к прочтению статьи благодаря емкости, сжатости, а также неожиданности представления информации.

Ключевые слова: публицистический стиль, газетный заголовок, синтаксическое стилистическое средство, парцелляция, парцеллированная конструкция.

Kudryashova A.N., Naumenko M.G., Kosyakova M.S.

Kudryashova Anna Nikolaevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russian Customs Academy, Rostov Branch. 344002, Russia, Rostov-on-Don, Budennovskiy av., 20. E-mail: fairagness@mail.ru.

Naumenko Marina Georgievna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University. 344082, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya st., 33. E-mail: m_naumenko@mail.ru.

Kosyakova Marina Stanislavovna, Southern Federal University. 344082, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya st., 33. E-mail: mariiina@yandex.ru.

Parceling as an effective expressive means in the modern English newspaper article headline

Abstract. The article is aimed at analyzing parceled construction as one of the most effective syntactic stylistic means in the modern English newspaper article headline. Due to the fact that the heading plays a crucial role in the reader's decision whether to read the whole article, authors use the following syntactic stylistic means in order to attract the reader's attention: narrative question, ellipsis, nominative of the theme, antithesis, parallel constructions, parceling. Findings indicate that parceled constructions used in newspaper headings perform various stylistic functions, attract the reader's attention and make them read the article due to the concise and unexpected way of presenting the information.

Key words: publicist style, newspaper headline, syntactic stylistic means, parceling, parceled construction.

Публицистический стиль как отдельный функциональный стиль выделился в середине 18 века. Публицистический стиль представлен устной и письменной формами. В своей письменной форме публицистический стиль раскрывается в эссе, газетных и журнальных статьях. В арсенале публицистического стиля находятся те же стилистические приемы, что и в стиле художественной литературы, т.е. они берутся из базового языкового фонда. Еще одна особенность, сближающая публицистический стиль с художественной литературой – это индивидуальность автора, находящая отражение в тексте.

Большинство таких авторов как, например, И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин, Г.Я. Солганик выделяют две главные функции публицистического стиля – информационную и воздействующую [1, 2, 5]. Воздействующая функция подразумевает убеждение читателя или слушателя в правильности интерпретации событий, явлений и т.п., предлагаемой автором текста. Писатель старается навязать аудитории свою точку зрения не только посредством логической аргументации, но и с помощью эмоционального воздействия.

Эмоциональная окрашенность текстов газетных статей является результатом использования различных стилистических средств, как лексических, так и синтаксических, значительная часть ко-

торых уже стали устоявшимися, традиционными.

По мнению Н.В. Чигиной и Е.И. Петуховой, в сегодняшней газете традиционные ранее средства оценки уже могут иметь не воздействующий, а обратный эффект – эффект отторжения материала. Современная газета постепенно освобождается от «засилья клише». Освобождаясь от стандартизации речи, публицисты обращаются к поиску новых, более действенных, экспрессивных средств выражения оценочности [8, с. 138].

В современной газетной статье можно обнаружить практически любой стилистический прием, который при умелом использовании превращается в мощное средство для выражения оценки, личного отношения к затрагиваемой теме, а также для оказания необходимого эмоционального эффекта на читателя.

Первое, что привлекает читателя, просматривающего газету, – это заголовок статьи. В значительной степени именно заголовок определяет, захочет ли человек прочитать полный текст статьи, следовательно, именно в заголовке газетной статьи оправдано и уместно употребление средств выразительности. По мнению Л.Н. Мурзина и А.С. Штерна, заголовки служат «компрессированным» текстом, он является «метой» произведения, его сигналом, знаком [3, с. 87].

Многие исследователи отмечают, что для англоязычных газетных заголовков

характерно опущение артиклей, личных местоимений, вспомогательных глаголов, глаголов-связок, а также использование простых времен вместо сложных (И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин, Ю.М. Скребнев) [1, 2, 4].

Так как газетное заглавие должно быть выразительным и привлекающим внимание, при его создании авторы стараются использовать те или иные языковые средства художественной изобразительности. Для именованности средств художественной выразительности также используются понятия «средства экспрессии», «стилистические средства», «фигуры речи».

По определению из «Толкового переводоведческого словаря» фигура речи – это оборот речи, особое сочетание слов, синтаксическое построение, используемое для усиления выразительности высказывания [7, с. 429]. Фигуры речи можно разделить на две большие группы: лексические и синтаксические.

Проблемой исследования синтаксических средств занимались многие отечественные ученые. Ю.М. Скребнев в своей классификации выделяет синтаксические средства, характеризующиеся отсутствием элементов, обязательно присутствующих в нейтральных конструкциях, и средства, в которых, наоборот, выразительность достигается за счет избыточности несущественных элементов. В первую группу входят эллипсис, умолчание, номинативные предложения, отсутствие вспомогательных элементов, во вторую проlepsis, выделение ремы высказывания, многосоюзие; средства, основанные на переосмыслении синтаксических конструкций (косвенные речевые акты) будто бы утвердительные предложения, будто бы отрицательные предложения, будто бы повелительные предложения, будто бы вопросительные предложения. Отдельно Ю.М. Скребневым выделяется инверсия [4].

Материалом нашего исследования послужили заголовки статей, опубликованных в британской газете «The Times»

и американской газете «The New York Times».

Приведем примеры некоторых традиционно употребляемых в публицистике синтаксических стилистических приемов.

1) Повествовательный вопрос – вопрос, ответ на который тут же дает сам автор. В случае газетных заголовков, такие вопросы-ответы позволяют автору статьи сразу выразить своё мнение по поводу освещаемой проблемы.

Why Don't You Donate for Syrian Refugees? Blame Bad Marketing (The New York Times).

Get Married, Get Healthy? Maybe Not (The New York Times).

2) Эллиптические предложения – предложения, в которых опускается какой-либо из членов предложения.

Pretty in Pink (The New York Times).

Газетные заголовки, представленные эллиптическими предложениями, привлекают внимание читателя, создают эффект содержательной неопределенности, которая может быть устранена после прочтения статьи, а также выполняют функцию экономии языковых средств.

3) Именительный темы (именительный представления) – это фигура речи, в которой вначале представлено существительное в именительном падеже, называющее тему последующей фразы.

Cyber fraud: why every generation is at risk (The New York Times).

В данном синтаксическом приеме выразительности сразу же обозначается тема статьи, а также раскрываются основные аспекты её содержания. Данный прием как нельзя лучше подходит для роли газетного заголовка, и потому он часто используется авторами статей. Его функция заключается в вызове особого интереса к предмету высказывания и усилении его звучания.

4) Антитеза – сопоставление двух противоположных мыслей или образов для большей силы и яркости выражения.

A Husband for Home; a Wife for Away (The New York Times).

Why Are So Many Young Voters Falling for Old Socialists? (The New York Times).

Несомненно, антитеза привлекает внимание, в заголовке, построенном на основе антитезы, усиливается эффект воздействия на читателя.

5) Параллельные конструкции представляют собой такую композицию высказывания, в которой отдельные части построены однотипно. Параллелизм создает, как и всякий повтор, ритмическую организацию высказывания и благодаря своему однообразию служит фоном для эмфатического выделения нужного отрезка высказывания или слова.

Trump Talks; America Trembles (The New York Times).

Анализ фактического материала показал, что в современных газетах все чаще используется такой эффективный и не «избитый» стилистический прием, как парцелляция. Парцелляция – стилистический прием, состоящий в таком расчленении единой синтаксической структуры предложения, при котором она воплощается не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, или фразах [6, с. 279].

6) Парцеллированная конструкция состоит из основной части и парцеллята, который может отделяться от неё разными знаками препинания: точкой, многоточием, тире, точкой с запятой, вопросительным знаком, восклицательным знаком, скобками.

Для современного синтаксиса характерен номинативный стиль, основой которого часто служит парцелляция. Информация подается сжато, емко и предельно компактно.

Парцеллированные конструкции обладают богатыми возможностями в плане воздействия на читателя. Использование парцелляции в заголовке способствует достижению разнообразных стилистических эффектов и повышает привлекательность заголовка. Парцелляция привлекает внимание читателя, застает его врасплох, заставляет испытать некоторое недоумение, а, следовательно, несомнен-

но вызывает желание прочитать статью целиком. Приведем примеры:

A Treehouse – With Wi Fi And A Kitchen (The Times). Здесь экспрессивность заголовка достигается за счет выделения в основную часть дома на дереве и помещения в парцеллят тех вещей, которые придают этому дому особое своеобразие, тем самым интригуя читателя и вызывая его интерес.

Prince exposed as fraud who fooled politicians, priests ... and Pamm (The Times). В данном случае парцелляция делает заголовок более «игривым» и создает некоторый контраст. В статье речь идет о человеке, который притворялся принцем и заставил поверить в это не только политиков, священников, но и американскую актрису Памелу Андерсон, с которой он проводил время.

For Macron's Party in France, Success Is Broad. But How Deep? (The New York Times). Парцеллированный вопрос подчеркивает сложность, неоднозначность и дискуссионность описываемой в статье проблемы.

Climate Change Isn't Just a Fact for the Dutch. It's an Opportunity (The New York Times). Парцелляция создает интригу и вызывает у читателя интерес узнать, какую же возможность предоставляет Нидерландам изменение климата.

Trump Is Praised – by the Cabinet He Appointed (The New York Times). Парцелляция в этом заголовке придает ему оттенок иронии.

Don't Leave the W.H.O. Strengthen It (The New York Times). В данном случае парцелляция создает необходимый автору контраст, призыв укреплять Всемирную организацию здравоохранения, а не выходить из нее звучит гораздо более эмоционально благодаря использованию исследуемого стилистического приема.

Парцелляция является одним из немногих синтаксических стилистических средств, способных передать интонацию в письменном тексте. Данный эффект достигается за счет создания особого ритма.

You Look Familiar. Now Scientists Know Why (The Times).

There Is a «Great Silent Majority». But It Stands Against Trump (The New York Times). В данном заголовке автор статьи выносит в парцеллят то, на что он хочет обратить внимание читателя.

В следующих примерах с помощью использования парцелляции в заголовках авторам удается заинтриговать читателя, удивить, заставить заинтересоваться статьей.

Grenfell Tower: public give hijabs, sweets, games ... and Gucci shoes (The Times);

Grenfell Tower: How to catch a falling baby – unharmed (The Times);

Несмотря на расчлененность текста в парцеллированной конструкции, он обладает структурной и коммуникативной целостностью.

Таким образом, в заголовке современной англоязычной газеты для привлечения внимания читателя наиболее часто употребляются такие стилистические синтаксические средства, как повествовательный вопрос, эллипсис, именительный

темы, антитеза, параллельные конструкции, парцелляция. Все они направлены на то, чтобы сделать заголовок более ярким и привлекающим внимание читателя. При этом наиболее эффективным средством выразительности, на наш взгляд, является парцелляция. Данный синтаксический стилистический прием не является избитым, читатель еще не привык к нему, а, следовательно, парцелляция, как правило, делает заголовок более интригующим, вводит элемент неожиданности, сочетает, казалось бы, мало сочетаемые вещи.

Парцелляция занимает важное место среди других синтаксических стилистических средств, используемых в заголовках современных статей, привлекая внимание читателя и побуждая его прочитать статью. Являясь не избитым приемом, отличаясь ёмкостью, сжатостью и неожиданностью представления информации, парцелляция обладает большей образностью и эффективностью по сравнению с другими синтаксическими средствами выразительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л., 1990. 301 с.
2. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1981. 316 с.
3. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1991. 172 с.
4. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., испр. М.: Астрель, 2003. 221 с.
5. Солганик Г.Я., Клушина Н.И. Публицистический стиль, или газетно-публицистический стиль, или стиль массовой коммуникации // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Красноярск, 2014. С. 499-501.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М: «Флинта», «Наука». Под редакцией М.Н. Кожинной. 2003. 696 с.
7. Толковый переводоведческий словарь. 3-е издание, переработанное. М.: Флинта: Наука, 2003. 457 с.
8. Чигина Н.В., Петухова Е.И. Специфика английского газетного стиля // Инновационная наука. 2016. № 11-2. С. 137-139.
9. The Times & The Sunday Times. URL: <https://www.thetimes.co.uk/>
10. The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/>

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Arnol'd I.V. Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka. L., 1990. 301 s.
2. Gal'perin I.R. Stilistika anglijskogo jazyka. 3-e izd. M.: Vysshaja shkola, 1981. 316 s.

3. Murzin L.N., Shtern A.S. Tekst i ego vosprijatie. Sverdlovsk: izd-vo Ural. un-ta, 1991. 172 s.
4. Skrebnev Ju.M. Osnovy stilistiki anglijskogo jazyka. Uchebnik dlja in-tov i fak. inostr. jaz. 2-e izd., ispr. M.: Astrel', 2003. 221 s.
5. Solganik G.Ja., Klushina N.I. Publicisticheskij stil', ili gazetno-publicisticheskij stil', ili stil' massovoj kommunikacii // Jeffektivnoe rechevoe obshhenie (Bazovye kompetencii). Slovar'-spravochnik. Krasnojarsk, 2014. S. 499-501.
6. Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka. M: «Flinta», «Nauka». Pod redakciej M.N. Kozhinoj. 2003. 696 s.
7. Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'. 3-e izdanie, pererabotannoe. M.: Flinta: Nauka, 2003. 457 s.
8. Chigina N.V., Petuhova E.I. Specifika anglijskogo gazetnogo stilja // Innovacionnaja nauka. 2016. № 11-2. S. 137-139.
9. The Times & The Sunday Times. URL: <https://www.thetimes.co.uk/>
10. The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/>

Поступила в редакцию 29.07.2020.

Принята к публикации 03.08.2020.

Для цитирования:

Кудряшова А.Н., Науменко М.Г., Косякова М.С. Парцелляция как эффективное средство художественной изобразительности в заголовке современной англоязычной газетной статьи // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 91-96. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Kudryashova.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3956355>

УДК 81'23

Романов А.С., Шнякина К.В.

Романов Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, Военный университет. 123001, Россия, Москва, ул. Б. Садовая, 14. E-mail: research2021@mail.ru.

Шнякина Кира Вениаминовна, кандидат филологических наук, доцент, Военный университет. 123001, Россия, Москва, ул. Б. Садовая, 14. E-mail: 1881772@mail.ru.

Профессиональный образ мира представителя военного социума США

Аннотация. Предлагаемая вниманию читателя статья посвящена анализу профессионального образа мира американского военнослужащего. Формулируется тезис о том, что аксиосфера военного социума США представлена совокупностью субкультурных констант. Последние имеют как официальную (декларативно-риторическую), так и неофициальную (социолектную) вербализацию. Статья адресована специалистам филологического профиля, военным переводчикам и широкой аудитории.

Ключевые слова: профессиональный образ мира, аксиосфера, система ценностей, военный социум США, субкультурная константа, военнослужащий, военный подъязык.

Romanov A.S., Shnyakina K.V.

Romanov Alexander Sergeevich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Military University. 123001, Russia, Moscow, B. Sadovaya st., 14. E-mail: research2021@mail.ru.

Shnyakina Kira Veniaminovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Military University. 123001, Russia, Moscow, B. Sadovaya st., 14. E-mail: 1881772@mail.ru.

Professional world image of the USA military community

Abstract. This article focuses on the U.S. military professional world image. It asserts that the U.S. military community axiosphere embraces a set of subcultural constants of military service. Subcultural constants have both official (declarative and rhetorical) and unofficial (sociolect) verbalization. This paper is intended for specialists in linguistics, military interpreters, and a broad audience.

Key words: professional image of the world, axiosphere, system of values, U.S. military community, subcultural constant, service member, military sublanguage.

В результате взаимодействия человека с предметной реальностью складываются представления о мире, формируется некоторая модель мироздания. Означенное понятие, введенное в научный обиход А.Н. Леонтьевым, созвучно с семантически родственными понятиями «картина мира», «когнитивная карта», «модель объективной действительности» и др. Традиционно под образом мира понимается структурированная

многоуровневая система знаний человека о сущем и своей роли в нём.

В работе А.Н. Леонтьева «Образ мира» (1983. Т. 2) формулируется тезис о том, что предметный мир многомерен и являет собой интегральную систему значений человека. Четыре измерения пространства и времени дополнены пятым квазиизмерением – полем значений. А.Н. Леонтьев приходит к выводу о том, что индивид строит не мир, а лишь его

образ, «вычерпывая» его из предметного мира. При этом значения несут в себе особую мерность внутрисистемных связей объективной действительности [4].

Образы мира различных людей отличаются из-за разной культурно-исторической обусловленности их формирования (культура, язык, национальность, социум) и различий индивидуальных образов жизни (личностных, профессиональных, возрастных, геоклиматических, бытовых и пр.) [6].

Любая профессиональная деятельность предполагает овладение некой суммой специализированных знаний, умений и навыков, приобретаемых индивидом с опытом в процессе вторичной социализации и освоения профессиональной деятельности. Профессия (лат. *professio*), по Е.А. Климову, представляет собой социально значимую «область приложения физических и духовных сил человека», ограниченную вследствие разделения труда [1, с. 107]. Названная сфера человеческой деятельности характеризуется совокупностью профессиональных задач, форм и видов профессиональной деятельности, направленных на достижение общественно полезного результата, продукта [2, с. 167].

Военный социум – исторически сложившееся, устойчивое и гетерогенное по своему составу социокультурное образование внутри порождающей культуры. Военный социум характеризуется институциональной и корпоративной спецификой, общностью нормативно-правового регулирования государственно значимой функции вооруженного насилия, воинской культуры, профессионального образа мира, аксиосферы, армейского идиома как иноформы бытования общенародного языка. «Военному социуму присущи *преемственность, традиционность* (принято различать, например, боевые традиции, традиции обучения, воспитания, воинского быта), *ритуальность, институциональность, субкультурная самобытность*» [7, с. 62].

Аксиосфера военного социума представлена совокупностью профессиональ-

ных и духовных ценностей, выступающих в роли сверхличностных морально-этических императивов военной службы (писанных и неписанных). С точки зрения философии, под ценностями армейской субкультуры понимаются понятийные концепты, составляющие глубинный слой всей интенциональной структуры коллективной идентичности военнослужащего.

Профессиональный образ мира военнослужащего представлен совокупностью субкультурных констант. Последние передаются в процессе вторичной социализации и представляют собой необходимые, устойчивые, аксиологически и функционально значимые паттерны мышления и поведения социально-профессиональной группы военнослужащих. Субкультурные константы военного социума – внутрисистемные связи, выступающие *conditio sine qua non* армейской части общества. Субкультурные константы имеют как официальную (декларативно-риторическую), так и неофициальную (социолектную) вербализацию и детерминируют профессиональный образ мира социальной группы. К основополагающим субкультурным константам военного социума США отнесены: *приверженность Конституции, идея национальной исключительности, профессионализация вооруженного насилия, патриархальность, консерватизм, коллективизм, авторитарность, иерархичность, единоначалие, дисциплина, относительная социальная герметичность, жертвенность, воплощенная в теле языкового знака и символике культуры* [7, с. 62].

Социально-профессиональная группа военнослужащих характеризуется совокупностью отличительных особенностей. Во-первых, военные обладают специфическим социокультурным опытом. Последний обусловлен функциональным предназначением института вооруженного насилия, его правовым статусом, спецификой условий повседневной трудовой деятельности и особенностями социально-бытового характера.

Согласно пп. 1-43 и 1-44 боевого устава Сухопутных войск США, перво-степенными институциональными ценностями американского воинства значатся *верность Конституции США, иерархия служебных отношений, профессионализм*. Американский военнослужащий присягает на верность Конституции, а не политическому руководству, народу, правительству или территории. Военнослужащие всех видов вооруженных сил объединены общей целью защиты Конституции США и национальных интересов от любых угроз, как внутренних, так и внешних [9, р. 11]. «Присягая на верность Отечеству, военнослужащие берут на себя «неограниченную ответственность». <...> Возлагаемые на плечи военнослужащих обязательства, связанные с риском для жизни и отказом от личного благополучия во имя всеобщего блага, в значительной мере уникальны» (перевод приводимого фрагмента из боевого устава СВ США – Романов А.С., Шнякина К.В.) [9, р. 11]. Идея *жертвенности воинского служения и самоотречения* выступает одной из фундаментальных субкультурных констант военного социума.

Во-вторых, профессиональная деятельность представителя армейской субкультурной среды протекает в жестко регламентированных условиях, охватывающих все стороны жизни. Речевая культура человека в погонах имеет специфические черты. «Особый социальный институт военнослужащих со строгой регламентацией всех действий (речевых и неречевых), с высокой степенью контроля всех сфер жизни, в том числе и личной, сформировал тип общения, существенно отличающий социальную группу военнослужащих от других социальных групп. Правила унификации, решительные действия по приказу распространяются на все области человеческой

жизни» [5, с. 101-102]. Все возможные речевые действия подчинены строгому регламенту уставных документов (порядок взаимоотношений начальника и подчиненного, формы воинского приветствия, обращения, просьбы, распоряжения). Коммуникативные цели и согласованность действий достигаются максимально эффективно именно благодаря однозначно понимаемым речевым выражениям [8, с. 30].

В-третьих, профессиональный образ *GI* опирается на ряд уникальных концептов, реалий и компетенций, необходимых для успешного прохождения военной службы. Речь военнослужащих тесно связана с особенностями армейской службы, опытом боевых действий, военно-технической терминологией. Использование военной лексики и терминологии позволяет выделить профессиональную группу военнослужащих на фоне остальных социальных групп.

Анализ позволяет считать, что армейский идиом отражает культурную память военного социума и выступает неотъемлемой составляющей воинской культуры. Будучи одной из экзистенциальных форм общенародного языка (данный термин мы заимствуем у В.П. Коровушкина), военный субъязык характеризуется относительной устойчивостью для данного исторического отрезка, системностью и автономностью. Язык военной службы обнаруживает совокупность орфоэпических, грамматических и, главным образом, лексических «диагностирующих пятен» (Т.М. Николаева). Лексический пласт армейского идиома представлен литературным стандартом (речь идет о профессиональной терминосистеме) и специализированным социолектом. Нормированная и ненормированная составляющие армейского идиома связаны понятийно и функционально.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Климов Е.А. Введение в психологию труда. М.: Культура и спорт. ЮНИТИ, 1988. 350 с.
2. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учебное пособие. Ростов-на-Дону, Феникс, 1996. 512 с.

3. Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии: Монография: в 2 ч. Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2005. Ч. I. 245 с.
4. Леонтьев А.Н. Образ мира // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251-261.
5. Лурье Е.И., Нургалиева Р.М. Формирование языковой картины мира военного специалиста в процессе изучения иностранных языков // Педагогический журнал Башкортостана. 2010. № 5(30). С. 98-104.
6. Серкин В.П. «Пять определений понятия «образ мира» // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2006. №1. С. 11-19.
7. Романов А.С. Стереотипизация субкультурных констант в аксиологии социально-группового диалекта (на материале ценностей и реалий военной службы в языковой культуре США): дис. ... уч. ст. доктора филол. наук. М.: ВУ, 2020. 436 с.
8. Романов А.С. Этнические стереотипы армейской субкультурной среды США в знаках языка и культуры: монография. М.: Военный университет, 2017. 231 с.
9. Field Manual I. The Army. Headquarters Department of the Army, 2005. 75 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Klimov E.A. Vvedenie v psihologiju truda. M.: Kul'tura i sport. JuNITI, 1988. 350 s.
2. Klimov E.A. Psihologija professional'nogo samoopredelenija: uchebnoe posobie. Rostov-na-Donu, Feniks, 1996. 512 s.
3. Korovushkin V.P. Osnovy kontrastivnoj sociolektologii: Monografija: v 2 ch. Cherepovec: GOU VPO ChGU, 2005. Ch. I. 245 s.
4. Leont'ev A.N. Obraz mira // Leont'ev A.N. Izbrannye psihologicheskie proizvedenija. M.: Pedagogika, 1983. S. 251-261.
5. Lur'e E.I., Nurgaliev R.M. Formirovanie jazykovoj kartiny mira voennogo specialista v processe izuchenija inostrannyh jazykov // Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana. 2010. № 5(30). S. 98-104.
6. Serkin V.P. «Pjat' opredelenij ponjatija «obraz mira» // Vestnik MGU. Ser. 14. Psihologija. 2006. №1. S. 11-19.
7. Romanov A.S. Stereotipizacija subkul'turnyh konstant v aksiologii social'no-gruppovogo dialekta (na materiale cennostej i realij voennoj sluzhby v jazykovoj kul'ture SShA): dis. ... uch. st. doktora filol. nauk. M.: VU, 2020. 436 s.
8. Romanov A.S. Jetnicheskie stereotipy armejskoj subkul'turnoj sredy SShA v znakah jazyka i kul'tury: monografija. M.: Voennyj universitet, 2017. 231 s.
9. Field Manual I. The Army. Headquarters Department of the Army, 2005. 75 p.

Поступила в редакцию 30.06.2020.

Принята к публикации 03.07.2020.

Для цитирования:

Романов А.С., Шнякина К.В. Профессиональный образ мира представителя военного социума США // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 97-100. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/RomanovShnyakina.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3956371>

УДК 81

Шнякина К.В.

Шнякина Кира Вениаминовна, кандидат филологических наук, доцент, Военный университет. 123001, Россия, Москва, ул. Б. Садовая, 14. E-mail: 1881772@mail.ru.

Идиоматичность как отличительное свойство профессионального подязыка военнослужащих США

Аннотация. Военный подязык, обслуживающий коммуникативные потребности социально-профессиональной группы военнослужащих, характеризуется спецификой лексического состава, точностью и лаконичностью формулировок, идиоматичностью. Предметную область исследования составляет фразеологический пласт языка военной службы в лексических единицах социально-группового диалекта. Статья выполнена на материале английского языка и адресована лингвистам, военным переводчикам и широкой аудитории.

Ключевые слова: вооруженные силы США, военнослужащий, военный подязык, идиома, фразеологическая единица.

Shnyakina K.V.

Shnyakina Kira Veniaminovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Military University. 123001, Russia, Moscow, B. Sadovaya st., 14. E-mail: 1881772@mail.ru.

The idiomatic nature of the USA military sublanguage as a distinctive feature

Abstract. The military sublanguage serving communicative needs of the military socio-professional group shows specific lexical composition, accuracy and conciseness of its wording, idiomaticity. The subject area of the study is the phraseological layer of the military professional sociolect. This article is exemplified in English and addresses linguists, military interpreters and a broad audience.

Key words: U.S. Armed Forces, serviceman, military lingo, idiom, phraseological unit.

Настоящая статья посвящена анализу характерных особенностей профессионального подязыка американских военнослужащих, представленного литературным стандартом и социально-групповым диалектом. Предметную область исследования составляет профессионально маркированная фразеология, которая находит свое выражение в армейском социально-групповом диалекте. Целью работы является обоснование тезиса о том, что образность профессиональной картины мира военнослужащего находит выражение в идиоматике речево-

го узуса представителя армейской субкультуры. Значимость исследований фразеологических единиц (ФЕ) с позиции национально-культурной специфики и социально обусловленной стратификации сохраняет свою актуальность.

Взаимодействие языков и культур достигается в ходе освоения культурных артефактов, в процессе анализа письменных и устных текстов, изучения фольклорных произведений, реалий повседневной жизни народа. Фразеологический пласт национального языка отражает исторический путь народа, его этнически

обусловленное мировосприятие. Фразеологизмы представляют собой особые вербальные знаки, наделенные «культурной памятью». Исследование фразеологического пласта национального языка позволяет осмыслить концептосферу культуры. Под фразеологизмом В.И. Мокиенко понимает «относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» [3, с. 4].

Взаимосвязанными и универсальными признаками фразеологизмов выступают семантические сдвиги в значениях лексических компонентов, устойчивость, воспроизводимость, образность и выразительность (экспрессивность). Возникновение фразеологизмов в национальных языках, отмечает В.Н. Телия, происходит на основе образного отображения предметного мира. ФЕ позволяют запечатлеть «обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который, безусловно, связан с его культурными традициями <...>» [7, с. 13]. Под фразеологизмами В.Н. Телия понимает семантически несвободные сочетания слов, воспроизводимых в речи «в узуально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определённого лексико-грамматического состава» [8, с. 605].

Под фразеологизмами понимаются лексически неделимые устойчивые словосочетания, характеризующиеся семантическим и интонационным единством. Фразеологизмам присущи такие признаки, как *многокомпонентность, устойчивость, метафоричность, оценочность, образность, экспрессивность, неоднословность* [9, с. 144-145].

Наряду с перечисленными признаками А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский отмечают свойство *идиоматичности*, присущее фразеологизмам. Под идиоматичностью авторы понимают слитное значение фразеологической единицы, не выводимое из значений отдельных лексем [1, с. 28]. Фразеологизм – особая единица языка, сверхсловное наименование. Его значение не выводится из пря-

мого значения составляющих его лексических компонентов. Возьмем, например, такие распространенные в армейской профессиональной среде идиомы, как *to hit the glory road / to go West / to die in the blaze of glory* – ‘пасть смертью храбрых’, *to die with ones boots on* – ‘погибнуть при исполнении воинского долга’, *to bite the bullet* – ‘стойко переносить тяготы и лишения военной службы’ (в том числе физические и морально-психологические нагрузки), *sleeping Jesus* – ‘нерасторопный, медлительный человек’, *coffee cooler* – ‘лодырь’ [6; 10].

Одной из важнейших характеристик фразеологических единиц выступает свойство *оценочности*, выражаемое эксплицитно или имплицитно. В качестве иллюстративного материала приведем ряд идиом, акцентирующих внимание реципиента на важности боевого опыта как безусловной ценности армейской субкультурной среды. Ср.: *to be as hard as nails / been there, done that* – ‘пройти сквозь огонь, воду и медные трубы’, *baptism of fire* – ‘боевое крещение’ (получение военным служащим первого боевого опыта). Отсутствие боевого опыта, отмечают А.С. Романов и Е.В. Лупанова, нередко становится «питательной средой для порождения ряда фразеологизмов, имеющих негативно-оценочную коннотацию» [5, с. 36]. В подкрепление изложенной мысли приведем такие устойчивые обороты речи, как *a man behind the man behind the gun* – ‘военнослужащий, профессионально-должностные обязанности которого не предполагают непосредственного участия в боевых действиях’, *chair-borne commando / desk jokey / pencil pusher* ‘штабная (канцелярская) должность’.

Принято различать два типа фразеологизмов или идиом. Первый тип представлен а) фразеологическими сращениями, имеющие абсолютно немотивированные значения (*see the elephant* – ‘иметь за плечами опыт боевых действий, пройти боевое крещение’; *Big Six in the Sky* – ‘Всевышний’); б) фразеологическими единствами, имеющими мотивиро-

ванные значения (*alligators inside the boat* – ‘серьезные проблемы, решение которых не терпит отлагательства’, *to do smth with flying colours* – ‘успешно справиться с поставленной задачей’, *blood and guts* – ‘мужество, стойкость и готовность к самопожертвованию’, *to burn one’s bridges / boats* – ‘готовность идти к намеченной цели, невзирая ни на что’). Второй тип фразеологизмов – устойчивые сочетания, в которых переосмыслению подвергается лишь один из лексических компонентов (*last ditch effort* – ‘прилагать все возможные усилия, стараться изо всех сил’, *to face the music* – ‘стойко переносить критику’, *to turn one’s coat* – ‘перейти на сторону неприятеля; проявить вероломство’) [2, с. 12; 6; 10].

Приведенные примеры показывают, что идиоматический пласт языка военных отражает особую профессиональную картину мира, систему ценностных ориентаций, культурно-историческое наследие. Идиомы военнослужащих обнаруживают совокупность отличительные особенности, связанные главным образом с уникальным социокультурным опытом и функциональным предназначением социального института вооруженных сил. В этой связи отметим, что практическое значение изучения специфики речевого репертуара американских военнослужащих отвечает интересам профессиональной подготовки военных переводчиков, способствует налаживанию взаимопонимания на уровне субкультур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
2. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – Изд. 3-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. 456 с.
3. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: уч. пособие для филол. специальностей ун-тов. М.: Высшая школа, 1980. 207 с.
4. Романов А.С. Стереотипизация субкультурных констант в аксиологии социально-группового диалекта (на материале ценностей и реалий военной службы в языковой культуре США): дис. ... уч. ст. доктора филол. наук. М.: ВУ, 2020. 436 с.
5. Романов А.С., Лупанова, Е.В. Дихотомические диады фразеологических единиц как средство выражения ключевых ценностей армейской субкультуры // Филологические науки в МГИМО: Журнал. № 1 (21). 2020. М.: МГИМО-Университет, 2020. С. 34-30.
6. Судзиловский Г.А. Сленг – что это такое? Английская просторечная военная лексика. М.: Воениздат, 1973. 182 с.
7. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. 269 с.
8. Телия В.Н. Фразеологизм // Русский язык: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия; Дроф, 1997. С. 605-607.
9. Шевчук В.Н. Лексикология и фразеология английского языка: курс лекций. М.: Военный Краснознаменный Институт, 1980. 172 с.
10. Dickson P. War Slang: America fighting words and phrases since the Civil War. 2nd ed. Dulles, Virginia: Brassey’s Inc, 2003. 428 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Baranov A.N., Dobrovolskij D.O. Aspekty teorii frazeologii. M.: Znak, 2008. 656 s.
2. Kovshova M.L. Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: Kody kul'tury. – Izd. 3-e. M.: LENAND, 2016. 456 s.
3. Mokienco V.M. Slavjanskaja frazeologija: uch. posobie dlja filol. special'nostej un-tov. M.: Vysshaja shkola, 1980. 207 s.
4. Romanov A.S. Stereotipizacija subkul'turnyh konstant v aksiologii social'no-grupпового dialekta (na materiale cennostej i realij voennoj sluzhby v jazykovej kul'ture SShA): dis. ... uch. st. doktora filol. nauk. M.: VU, 2020. 436 s.

5. Romanov A.S., Lupanova, E.V. Dihotomicheskie diady frazeologicheskikh edinic kak sredstvo vyrazhenija kljuчевых cennostej armejskoj subkul'tury // Filologicheskie nauki v MGIMO: Zhurnal. № 1 (21). 2020. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 34-30.
6. Sudzilovskij G.A. Sleng – chto jeto takoe? Anglijskaja prostorechnaja voennaja leksika. M.: Voenizdat, 1973. 182 s.
7. Telija V.N. Tipy jazykovyh znachenij. Svjazannoe znachenie slova v jazyke. M.: Nauka, 1981. 269 s.
8. Telija V.N. Frazeologizm // Russkij jazyk: Jenciklopedija. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija; Drof, 1997. S. 605-607.
9. Shevchuk V.N. Leksikologija i frazeologija anglijskogo jazyka: kurs lekcij. M.: Voennyj Krasnoznamennyj Institut, 1980. 172 s.
10. Dickson P. War Slang: America fighting words and phrases since the Civil War. 2nd ed. Dulles, Virginia: Brassey's Inc, 2003. 428 p.

Поступила в редакцию 30.06.2020.

Принята к публикации 03.07.2020.

Для цитирования:

Шнякина К.В. Идиоматичность как отличительное свойство профессионального подъязыка военнослужащих США // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 101-104. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Shnyakina.pdf>

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3979213>
УДК 338.65

Акперли Ю.Б.

Акперли Юсиф Бабир оглы, докторант, Азербайджанский Государственный Университет Нефти и Промышленности. AZ1010, Азербайджанская Республика, Баку, пр-т Азадлыг, 16/21. E-mail: yusif.akperli@mail.ru.

Инвестиционная обеспеченность производственного бизнеса в нефтегазовой промышленности Азербайджана

Аннотация. В статье раскрывается экономическая природа инвестиций, ее наиболее важные признаки, роль в развитии бизнес-деятельности. На основе многолетних статистических и отчетных данных анализируется состояние инвестиционной обеспеченности производственного бизнеса в нефтегазовой промышленности Азербайджана со стороны иностранных и совместных предприятий. Выявлены резервы и предложены рекомендации по их рациональному использованию.

Ключевые слова: нефтегазовая промышленность; инвестиционная обеспеченность, производственный бизнес, инвестиции в основной капитал.

Akperli Yu.B.

Akperli Yusif Babir oglu, doctoral, Azerbaijan State University of Oil and Industry. AZ1010, Azerbaijan Republic, Baku, Azadlig ave., 16/21. E-mail: yusif.akperli@mail.ru.

Investment security of production business in the oil and gas industry of Azerbaijan

Abstract. The article reveals the economic nature of investments, its most important features, the role in the development of business activities and, based on long-term statistical and reporting data, analyzes the state of investment security of the manufacturing business in the oil and gas industry of Azerbaijan by foreign and joint ventures, identifies reserves and makes recommendations on their rational use.

Key words: oil and gas industry; investment security, manufacturing business, fixed capital investment.

В условиях рыночной экономики главной целью бизнес-деятельности является получение высокого дохода от вложенных средств (инве-

стиций). Последние являются осознанным отказом от текущего потребления в пользу возможно относительно большого

дохода в будущем. Наиболее важными признаками инвестиции являются:

- осуществление вложений инвесторами, которые имеют собственные цели;
- потенциальная способность инвестиций приносить доход;
- определенный срок вложения средств;
- целенаправленный характер вложения капитала в объекты и инструменты инвестирования;
- использование разных инвестиционных ресурсов, характеризующихся спросом, предложением и ценой;
- наличие риска вложения капитала [7; с. 13].

Экономическая природа инвестиций состоит в опосредовании отношений, возникающих между участниками инвестиционного процесса по поводу формирования и использования инвестиционных ресурсов в целях расширения и совершенствования производства.

Исключительно важную роль играют инвестиции в нефтегазовой промышленности, где месторождения находятся на поздней стадии своей разработанности.

Разработка нефтяной стратегии суверенного Азербайджана в контексте заключения «Контракта века» 20 сентября 1994 года приток иностранных инвестиций в экономику Азербайджана из года в год усиливался и становился одним из неперемennых условий экономического возрождения страны, когда в период низкой национальной инвестиционной активности бюджетная система не располагала достаточным инвестиционным потенциалом. Именно в тот период зарубежные прямые инвестиции сыграли важную роль в модернизации нефтегазовой промышленности Азербайджана. В дальнейшем увеличение притока иностранных инвестиций способствовало оживлению экономики страны, привлечению в страну новой техники и технологии, современных методов международного маркетинга и передового управлен-

ческого опыта, а также решению проблемы равномерного участия республики в мировой торговле. По данным Госкомстата республики за 1995-2019 гг. в экономику страны из различных источников было вложено 270 млрд. долл. инвестиций, из которых 50% направлено на развитие нефтегазовой промышленности республики, строительство терминалов, экспортных трубопроводов, перерабатывающих заводов и других инфраструктурных объектов. При этом со стороны иностранных и совместных предприятий в экономику Азербайджана вложено около 13 млрд. иностранных инвестиций [2; с. 401-407].

Сведения об объеме прямых иностранных инвестиций, вложенных в экономику республики, приводятся в таблице 1. Анализ данных таблицы показал, что объем прямых инвестиций в 2000-2019 годах увеличился в 7,6 раза. Если в 2000 году из общего объема прямых инвестиций 82,2% было направлено в нефтяной, а 17,8% - в ненефтяной сектор, то в 2005 году эти соотношения составили – 94,3% и 5,7%; в 2010 году 81,7% и 18,3%, в 2015 88,5% и 11,5%, а в 2019 году 63,6% и 36,4% соответственно. За указанный период объем прямых инвестиций, направленных в нефтяной сектор; увеличился почти в 5,9 раза, а в ненефтяной сектор – в 15,6 раза, хотя в отдельные годы сумма этих инвестиций по указанным секторам несколько превышала объем инвестиций предыдущих годов.

За указанный период в нефтяной и газовой промышленности республики в основной капитал в общей сложности было направлено 83,2 млрд. ман. инвестиций, из которых 86,2% составляли прямые иностранные инвестиции. Если в 2000-2005 гг. доля инвестиций в основной капитал указанной отрасли в общем объеме однородных инвестиций составляла 68,8%; в 2006-2010 гг. – 40,2%; 2011-2015 гг. – 31,5%; в 2016 г. – 54,8%, то в дальнейшем она имела тенденцию снижения и в 2019 году составила 31,9%.

Таблица 1. Объем прямых иностранных инвестиций, вложенных в экономику Азербайджана (млн. доллар)

Отрасли	Годы								Темп роста 2019 к 2000 году в процентах
	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	
Прямые инвестиции, Всего, в том числе	664,1	4030,4	3614,9	7483,1	7323,6	5713,8	4109,1	5075,7	в 7,6 раза
в нефтяной сектор	546,1	3799,9	2955,3	6622,7	5617,4	4900,8	3142,0	3229,1	в 5,9 раза
Удельный вес инвестиций, вложенных в нефтяной сектор, в процентах	82,2	94,3	81,7	88,5	76,7	85,8	76,5	63,6	- 18,6
в ненефтяной сектор	118	230,5	659,6	860,4	1706,2	813,0	967,1	1846,6	в 15,6 раза
Удельный вес инвестиций, вложенных в ненефтяной сектор, в процентах	17,8	5,7	18,3	11,5	23,3	14,2	23,5	36,4	+ 18,6

Источник: Статистические показатели Азербайджана [2, с. 403];
Социальный экономический рост [6, с. 43].

Таблица 2. Инвестиционная обеспеченность нефтяной и газовой промышленности Азербайджана

	Инвестиции в основной капитал, мм		Прямые иностранные инвестиции	
	Сумма млн. ман.	Удельный вес в общей инвестиции %	Сумма млн.ман.	Удельный вес в общей иностранной инвестиции %
2000-2005	12872	68,8	13920	81,4
2006-2010	16576	40,2	16144	50,0
2011-2015	25117	31,5	25985	45,6
2016	8648	54,8	5617,4	55,3
2107	8484	48,7	4901	53,7
2018	5995,2	34,8	3142	38,1
2019	5489,5	31,9	2050	39,5

Источник: Таблица составлена и рассчитана автором на основе данных стат. сборников ГСКАР «Строительство в Азербайджане» [3, с. 107-108]; «Социальный экономический рост» [3, с. 40-45; 6].

За этот же период удельный вес прямых иностранных инвестиций по отрасли в общем объеме всех иностранных инвестиций имел тенденцию резкого снижения, т.е. от 81,4% до 39,5% (табл.2).

Интенсификация процесса обеспечения экономики республики иностранными инвестициями способствовала повышению ее рейтинга на международ-

ном уровне. Неслучайно в отчете Всемирного Банка по «Doing Business» за 2018 год индикаторы, характеризующие степень защиты иностранных инвестиций в Азербайджане, несколько выше стран Южной Европы и Центральной Азии. Значение отдельных индикаторов по защите прямых иностранных инвестиций отражено на диаграмме 1.

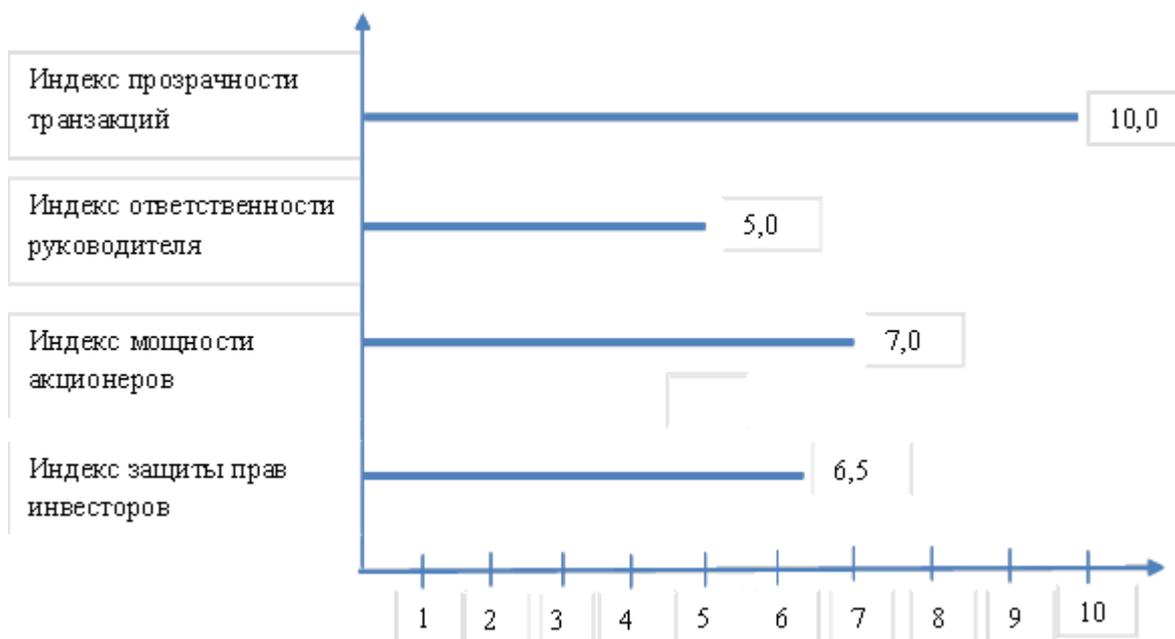

Диаграмма 1. Индикаторы, характеризующие степень защиты иностранных инвестиций в Азербайджане в 2018 году (Doing Business – Latest available data)

Благоприятная инвестиционная обеспеченность нефтегазовой отрасли республики способствовала разработке и эксплуатации нефтяных месторождений «Азери-Чираг-Гюнешли» и газового месторождения «Шахдениз». Образовалась в республике Международная Операционная Компания (АМОК).

С момента эксплуатации в 1997 г. этих месторождений со стороны АМОК было добыто 474,2 млн. тон нефти и 153 млрд. куб метров газа. Из месторождения «Шахдениз» с 2006 года по 2018 год было добыто 100 млрд. куб. метров газа и 24,5 млн. тон конденсата. В 2012 году сдано в эксплуатацию газоконденсатное месторождение «Умуд», где до начала 2019 года добыто 344,5 млн. тон конденсата и 2164,3 млн. куб метров газа [4; 5].

Несмотря на то, что за последние годы по весьма объективным причинам снижается добыча нефти в республике, экономические результаты в целом по нефтегазодобывающей промышленности оцениваются высоко. По-прежнему, да и в дальнейшем несколько десятков лет эта отрасль займет доминирующее положение в экономике республики. В подтверждение этому является продление срока Соглашения по разработке блока «Азери-Чираг-Гюнешли» до 2050 года. Договор ратифицирован в сентябре 2017 года. До 2050 года в реализацию этого проекта будет направлено 40 млрд. долл. инвестиций. В проекте доля SOCAR составит 25%, кроме этого компания в виде бонуса будет иметь 3,6 млрд. долл. денежных средств. В данном проекте доля других

компаний составит: BP (30,37% - оператор); Chevron (9,56%); Exxon Mobil - Америка (6,79%); ONGC - Индия (2,31%); Inpex Corp (9,31%); ITOCHU Oil - Япония (3,65%); Statoil - Норвегия (7,27%) ТРАО – Турция (5,73%).

В целях реализации приоритетных направлений развития нефтегазовой промышленности, которые предусмотрены в Стратегической Дорожной Карте [1], со стороны SOCAR сформулированы стратегические аспекты – это сохранение стабильного уровня добычи нефти, увеличения добычи и экспорта природного газа, консолидация деятельности в секторе переработки, нефтехимии, маркетинга в местном и региональных масштабах. Для этого требуется увеличить международную деятельность компании путем расширения инвестиционного портфеля и географии операций; диверсифицировать рынки сбыта и экспортные маршруты; расширить южно-энергетический коридор. А это все, в свою очередь, требует рационального использования потенциала освоенных месторождений и открытие новых. В рамках вложенных инвестиций потребуются повышение инновационной активности совместных нефтегазовых

компаний путем внедрения современных инновационных и информационных технологий, к числу которых можно отнести использование беспилотных летательных аппаратов, «умных скважин», «интеллектуальных месторождений», цифровой технологии и др. Думается, что разработка и осуществление отраслевой инновационной программы в нефтегазовой сфере республики в конечном итоге дает высокий синергетический эффект. Эта программа должна содержать в себе следующие мероприятия, связанные с максимальной разработкой и восстановлением текущих нефтегазовых запасов:

– для наращивания добычи нефти в старых и сравнительно малых месторождениях улучшить их инвестиционное обеспечение;

– выделение грантов и субсидий для осуществления геологоразведочных работ на суше;

– продление эксплуатационных сроков разработанных месторождений путем восстановления бездействующих скважин, бурения новых скважин, сокращения потерь и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стратегическая Дорожная Карта по развитию отрасли нефти и газа (включая химические продукции). Баку, 2016. 176 с.
2. Статистические показатели Азербайджана. Баку. ГСКАР, 2019. 780 с.
3. Строительство в Азербайджане. Статистический ежегодник. Баку. ГСКАР, 2019. 264 с.
4. Годовые отчеты о производственно-хозяйственной деятельности SOCAR за 2005-2018 годы // SOCAR. URL: www.socar.az.
5. Основные показатели совместных и иностранных предприятий за 2010-2018 годы // Статистический ежегодник. URL: <https://www.stat.gov.az/>
6. Социальный экономический рост. Ежегодный статистический бюллетень № 12. Баку, 2019. 201 с.
7. Инвестиции / под ред. Г.П. Подшиваленко. 2-е изд. Москва: КНОРУС. 2009. 496 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Strategicheskaja Dorozhnaja Karta po razvitiju otrasli nefti i gaza (vkljuchaja himicheskie produkcii). Baku, 2016. 176 s.
2. Statisticheskie pokazateli Azerbajdzhana. Baku. GSKAR, 2019. 780 s.
3. Stroitel'stvo v Azerbajdzhane. Statisticheskij ezhegodnik. Baku. GSKAR, 2019. 264 s.
4. Godovye otchety o proizvodstvenno-hozjajstvennoj dejatel'nosti SOCAR za 2005-2018 gody // SOCAR. URL: www.socar.az.

5. Osnovnye pokazateli sovmestnyh i inostrannyh predpriyatij za 2010-2018 gody // Statisticheskij ezhegodnik. URL: <https://www.stat.gov.az/>
6. Social'nyj jekonomicheskij rost. Ezhegodnyj statisticheskij bjulleten' № 12. Baku, 2019. 201 s.
7. Investicii / pod red. G.P. Podshivalenko. 2-e izd. Moskva: KNORUS. 2009. 496 s.

Поступила в редакцию 13.07.2020.

Принята к публикации 27.07.2020.

Для цитирования:

Акперли Ю.Б. Инвестиционная обеспеченность производственного бизнеса в нефтегазовой промышленности Азербайджана // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 105-110. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Akperli.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3979272>

УДК 336.7

Краснова М.А.

Краснова Марина Алексеевна, аспирант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. 125167, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 49. E-mail: makrasnova329@gmail.com.

Влияние моделей оценки рисков на рынок финансовых инструментов

Аннотация. Исторически развитие количественных показателей оценки риска способствовало развитию финансовых рынков. Модели Блэка-Шоулза, VaR вносили большую ясность и позволяли инвесторам точно оценить стоимость инструмента и возможные потери. Однако удобная когда-то метрика оценки риска (VaR) не раз показывала свою неспособность «предсказывать» потери в нестабильных рыночных условиях. Поскольку финансовый рынок не стоит на месте, создавая все новые и новые инструменты, важно уже сейчас начинать работу над ошибками в части оценки риска, чтобы это не привело к очередному коллапсу в экономике.

Ключевые слова: Value-at-Risk (VaR), модели оценки риска, структурные продукты, финансовые потери.

Krasnova M.A.

Krasnova Marina Alekseevna, post-graduate, Financial University under the Government of the Russian Federation. 125167, Russia, Moscow, Leningradsky av., 49. E-mail: makrasnova329@gmail.com.

Impact of risk assessment models on financial markets

Abstract. Historically, the development of quantitative indicators of risk assessment contributed to the development of financial markets. Black-Scholes and VaR models brought more clarity to the markets and allowed investors to assess the value of instruments and possible losses. However, such convenient metric of risk assessment as VaR has repeatedly shown its inability to "predict" losses in unstable market conditions. Since financial markets grow every day, creating new incredible instruments, it is important to start working on mistakes in risk assessment right now so that previous mistakes do not lead to collapse in the economy.

Key words: Value-at-Risk (VaR), risk assessment models, structured products, financial losses.

Прошедшие финансовые кризисы, в особенности крах 2008 года, демонстрировали неспособность финансовых институтов и их моделей противостоять негативным тенденциям на рынке. Более того, модели, используемые для управления банковскими рисками и рейтинговыми агентствами, часто называли движущими силами пузыря на рынке недвижимости, взрывного роста

токсичных структурированных финансовых продуктов и общей неготовности к назревающему финансовому шторму.

Цены опционов, полученные из уравнения Блэка-Шоулза, Value-at-Risk (VaR), гауссовские копулы и другие формулы и теории, заполняющие академическую литературу, представляют собой элегантные методы финансового моделирования, которые, по мнению многих, считаются

подтвержденными и испытанными в полевых условиях высококвалифицированными экспертами по управлению рисками и всеми соответствующими контролирующими органами. Эти модели и экономические теории являются наиболее удобными представлениями функционирования финансового рынка даже несмотря на накопленные доказательства неудачи или последовательной критики и предупреждений от некоторых ученых.

Этому есть вполне понятное объяснение. Рынок опционов, например, долгое время окружало так называемое «игровое клеймо», из-за которого привлечение инвесторов становилось огромной проблемой. Торговля опционами приравнивалась к азартным играм, потому что участникам было непонятно ценообразование активов и, конечно, риск, который они несут, приобретая эти инструменты. Поэтому модель Блэка-Шоулза, несмотря на некоторые свои недостатки, была принята и более того, способствовала развития рынка опционов.

Появление и распространение такой метрики как VaR, способствовало распространению мнения, что неопределенность можно снизить, справиться с рисками и оценить потенциальные потери с заданным уровнем вероятности. В данной статье я попытаюсь объяснить, что количественные модели, призванные играть второстепенную роль, стали движущей силой того, как мы представляем и обсуждаем финансовые рынки.

Финансовые модели и экономическая теория обеспечивают удобное представление о понятном и управляемом мире, но институционализация этих убеждений может иметь неблагоприятные непреднамеренные последствия предполагаемого контроля, стабильности или определенности.

Количественная оценка риска VaR

Value at Risk (VaR или «стоимость под риском») суммирует худшие потери за целевой горизонт и заявляет, что с определенной вероятностью они не будут превышены. На основе различных методов расчета VaR призван дать вполне по-

нятный ответ, что делает его довольно привлекательным показателем для инвесторов. Однако с другой стороны, многие ученые заявляют, что VaR не предназначен для измерения катастрофических рисков, он может дать только оценку диапазона возможных прибылей и убытков, что полностью противоречит определению этого показателя. Кроме того, VaR не предназначен для того, чтобы рассчитывать риск вне «нормальных» рыночных условий.

Дэвид Эйнхорн, президент Greenlight Capital, разделяет данную точку зрения: работа риск-менеджера заключается в том, чтобы беспокоиться о том, подвергает ли банк риску в нестандартные критические времена - или в статистическом плане - в хвостах распределения. Однако VaR в большинстве своем игнорирует то, что происходит в хвостах, что делает как минимум потенциально опасным, когда его использование создает ложное чувство безопасности среди руководства менеджеров и регулирующих органов. VaR - статистика мирного времени (Аарон Браун).

Ключевая проблема здесь, это то, что не углубляясь в детали, VaR кажется простым для понимания методом количественной оценки рыночного риска, что может создавать дополнительные иллюзии относительно его оценок.

Однако идея «эталона», связанная с желанием официального сектора привести нормативно-правовую базу в соответствие с наилучшей отраслевой практикой управления рисками, сделала VaR, который казался воплощением этой практики управления наилучшими рисками», основой Базельских требований к капиталу банков.

Несмотря на имеющиеся в истории свидетельства «плохой» работы VaR в качестве оценки риска, данный показатель не был исключен.

Одним из примеров стал крах LTCM (Long-Term Capital Management) – компании, которая была главным приверженцем VaR и банкротство которой полностью разрушило миф о его «непобеди-

мости». До этой истории VaR продемонстрировал свои недостатки во время кризиса текилы в Мексике в 1994-1995 годах. Тогда провал заставил валютного трейдера Дэвида ДеРоса назвать VaR «маяком для тех, кто скоро потерпит крушение».

Также VaR среди прочего был обвинен в ипотечном кризисе 2008 года на страницах журнала *New York Times* и *Financial Times*. Однако эта критика экспертов была проигнорирована органами управления рисками. Регуляторы и специалисты в области политики довольно невосприимчивы к критике VaR практиками и продолжают проводить регулирование, которое требует от финансовых учреждений использовать эту метрику. На признание любого недостатка VaR рекомендуется реформа и его техническое усовершенствование.

Существуют постоянные вопросы о достоверности VaR как меры риска, особенно учитывая, что математическое управление рисками бывает очень запутано и может дать ложную уверенность регулирующим органам и исполнительным советам.

Основные категории проблем, связанные с VaR:

1). Периоды наблюдения (образцы исторических данных), использованные для построения VaR, считаются слишком короткими;

2). VaR предполагает нормальное распределение на финансовых рынках, так что даже если бы использовались большие выборки данных, модели вряд ли когда-либо предвидели бы маловероятные, но существенно влияющие на финансовые рынки события;

3). VaR предполагает, что финансовое учреждение является «покупателем цен», так что его торговля не меняет рыночные цены и что в целом нет внешних факторов, которые необходимо рассматривать с точки зрения управления рисками. Из-за этого VaR может говорить о все еще низком риске в то время, как системный риск повышается или уже высок (как это было в 2007 году);

4). Предполагается, что прошлое надежно предсказывает будущее, что может привести к серьезным проблемам, если слепо верить в это.

Однако несмотря на все эти недостатки, VaR все еще предлагается реформировать, а не менять. Многие критики уверены, что технические совершенствования неспособны критично изменить ситуацию. Даже использование альтернативных распределений вероятности или расширение временных горизонтов оцениваются критиками как безнадежные задачи.

Нассим Талеб называет VaR шарлатанством, потому что этот показатель пытается оценить то, что с научной точки зрения невозможно оценить, а именно риск редких событий. Это дает людям вводящую в заблуждение точность, которая может привести к наращиванию позиций хеджерами и усыплению бдительности. А риск-менеджеры, в свою очередь, обязаны считать VaR, потому что этого требуют регуляторы.

В то же время VaR поощряет торговые стратегии, которые изо дня в день демонстрируют низкую волатильность, но на самом деле сталкиваются с высоким риском взрыва в определенный момент времени в будущем. Данная метрика перестала быть нейтральной из-за психологической привязки, управление рисками с помощью VaR позволяет думать, что риски под контролем, что не всегда является правдой.

Заключение

Поскольку инвесторы и клиенты зачастую требуют количественной определенности, невозможно им ее не дать. В таком случае они просто уйдут туда, где эту определенность получают. Независимо от того, на чем конкретно будет построена оценка – если она позволит клиенту чувствовать себя более комфортно и активнее торговать на рынке, такой обман кажется вполне оправданным. Более того, некоторые инвесторы, не имея глубоких знаний о финансовых рынках, так или иначе не поймут логику «ненадежности VaR как оценки риска». Это будет выгля-

деть так, словно компания не понимает куда и во что вкладывать и как торговать на финансовом рынке так, чтобы обеспечить клиенту уверенность в завтрашнем дне.

Однако несмотря на некоторый обман для клиентов, риск-менеджеры компаний должны уметь извлекать уроки из ошибок прошлых лет, знать о всех недостатках количественных метрик и понимать, на что стоит в действительности опираться и в чем можно быть уверенным на 100%.

Например, в 1991 году OCC (Option Clearing Corporation) приняла решение использовать распределения Леви вместо нормального распределения в моделях, определяющих маржинальные требования. Такие техники, как VaR, значительно преуменьшают риск в периоды низкой волатильности, что является плюсом для финансовых компаний. Привлеченные низкой волатильностью, организации идут на большие риски в «хорошие времена», но остаются в довольно сомнительном положении, когда наступают худшие (или хвостовые события в понятиях VaR).

Напротив, в распределении Levy капризное поведение в хорошие времена обходится дороже, и, так как в большинстве случаев маржинальные требования относительно выше, когда ситуация начинает ухудшаться, нет резких изменений в маржинальных требованиях и нет процикличности. Распределение Леви имеет 99% доверительные интервалы, которые включают то, что в гауссовых терминах будет называться событиями с 6 стандартными отклонениями. Однако исследований, позволяющих более детально изучить внедрение методологии на основе данного распределения, найти не удастся, как и свидетельств успешного использования этого подхода. Что усложняет использование чужой практики в своей компании для остальных предпринимателей.

Исторический опыт показывает, что внедрение и распространение определенных количественных характеристик спо-

собствует развитию финансового рынка, потому что снижается определенность вокруг тех или иных инструментов.

Аналогичная ситуация сейчас наблюдается со структурными продуктами. И речь не столько о давно уже известных типах таких, как CLN (credit linked note), CDOs (collateralized debt obligations), MBS (mortgage-based securities) и т.д. Сейчас все большее распространение получают структурные ноты и продукты, которые могут «следить» как за одним базовым активом, так целыми их корзинами, которые могут иметь практические любые структуры выплат и условия. Далеко не все инвесторы готовы вкладываться в такие инструменты, потому что непонятно, как такие активы оценивать.

Разрешение выпускать свои собственные структурные ноты банки получили не так давно, и методология оценивания рисков по ним еще не до конца проработана. Сейчас используется тот же VaR, однако вопрос о легитимности этой метрики в разрезе данного продукта все еще вызывает сомнения. Структурные продукты из-за своей «начинки» могут стать бомбой замедленного действия, если своевременно не будут замечены некоторые риски или если риск-менеджеры будут полностью полагаться на такую количественную метрику, как VaR. В работе со структурными продуктами финансовым организациям важно уметь правильно оценивать эти инструменты, а также учитывать все риски, им присущие.

Изменения в количественном управлении рисками вряд ли произойдут просто так. Должно случиться что-то глобальное и серьезное (возможно даже не один раз), чтобы регуляторы обратили внимание на все недостатки существующих систем и начали действовать не просто в стороны их совершенствования, а в сторону полного перехода на что-то новое. Никто не говорит о создании «совершенной» метрики, которая позволит идеально рассчитывать риски – это невозможно. Финансовые рынки сейчас оказываются под влиянием действий не только финансистов, но и экономистов,

политиков, настроений и опасений инвесторов. Ни одна модель не сможет идеально предсказывать действия всех заинтересованных сторон, но рассмотреть

другие модели оценки риска и возможно использовать сразу несколько, чтобы снизить влияние недостатков каждой из них, - вполне в наших силах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буваев Б.Л. Методика оценки рисков Value-at-Risk // Научный журнал. 2016. №5 (6). С. 28-31.
2. Криничанский К.В., Анненская Н.Е. Финансовые рынки и институты: монография. Москва: РУСАЙНС, 2020. 360 с.
3. Шогенова Ф.О. Современное состояние и пути развития контактного надзора Банка России за деятельностью кредитных организаций // Инновации и инвестиции. 2017. №2. С. 176-178.
4. Matthew R. Tubin Dr. Strange-Economist or How I Learned to Stop Worrying and Love Financial Models // SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2108901

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Buvaev B.L. Metodika ocenki riskov Value-at-Risk // Nauchnyj zhurnal. 2016. №5 (6). S. 28-31.
2. Krinichanskij K.V., Annenskaja N.E. Finansovye rynki i instituty: monografija. Moskva: RUSAJNS, 2020. 360 s.
3. Shogenova F.O. Sovremennoe sostojanie i puti razvitija kontaktnogo nadzora Banka Rossii za dejatel'nost'ju kreditnyh organizacij // Innovacii i investicii. 2017. №2. S. 176-178.
4. Matthew R. Tubin Dr. Strange-Economist or How I Learned to Stop Worrying and Love Financial Models // SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2108901

Поступила в редакцию 03.08.2020.

Принята к публикации 06.08.2020.

Для цитирования:

Краснова М.А. Влияние моделей оценки рисков на рынок финансовых инструментов // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 111-115. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Krasnova.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3935374>

УДК 336.71

Моисеенко Д.В.

Моисеенко Дмитрий Васильевич, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». 241036, Россия, Брянск, ул. Бежицкая, 14. E-mail: moiseenko.dmitry@inbox.ru.

Банковская система России: современное состояние и перспективы развития

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние и перспективы развития банковской системы России. Раскрывается специфика функционирования банковских учреждений в условиях режима санкций, определяются ограничения деятельности банковского сектора. Установлены особенности влияния политики санации ЦБ на банковскую сферу. Рассмотрены тенденции цифровизации российского банковского сектора. В статье отмечается, что перспективы развития банковского сектора напрямую определяются повышением конкурентоспособности банковских учреждений и оптимизацией системы управления банковской деятельностью.

Ключевые слова: банковский сектор, Центральный банк, кредитные организации, финансовый рынок, санкции, цифровизация банковских услуг.

Moiseenko D.V.

Moiseenko Dmitry Vasilievich, Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky. 241036, Russia, Bryansk, Bezhitskaya st., 14. E-mail: moiseenko.dmitry@inbox.ru.

The banking system of Russia: current state and prospects of development

Abstract. The article considers the current state and prospects of development of the Russian banking system. The article reveals the specifics of the functioning of banking institutions under the sanctions regime, and defines restrictions on the banking sector. The features of the impact of the Central Bank's rehabilitation policy on the banking sector are established. Trends in digitalization of the Russian banking sector are considered. The article notes that the prospects for the development of the banking sector are directly determined by increasing the competitiveness of banking institutions and optimizing the banking management system.

Key words: banking sector, Central Bank, credit organizations, financial market, sanctions, digitalization of banking services.

В условиях сложностей постсоветского развития рыночных отношений в России, периодически возникающих финансово-экономических кризисов, экономической глобализации возникает проблема осмысления специфики функционирования современной банковской системы России и тенденций ее развития, поскольку, как принято счи-

тать, от состояния банковской системы зависит «здоровье» национальной экономики.

Проблемы функционирования банковской системы в условиях рыночной экономики, вопросы управления банками, ключевые особенности современного банковского дела, условия и факторы стабильности и безопасности работы

банковской системы, ее финансовой устойчивости в ситуации социальных трансформаций изучались в трудах отечественных и зарубежных ученых. Это работы Абалкина Л.И., Валенцевой Н.И., Жукова Е.Ф., Журавлева А.Ю., Захарова В.С., Константинова Ю.А., Красавиной Л. Н., Лаврушина О.И. Ларионовой И.В., Мамоновой И.Д., Миркина Я.М., Павлова В.В., Пановой Г.С., Таранковой Л.Г., Фетисова Г.Г., Шенаева В.Н., а также Бруннера А., Давенпорта Т., Кейнса Дж., Маршалла А., Нортона Д., Самуэльсона П., Смита В., Чампи Дж. и др. Однако следует отметить, что работы указанных авторов не охватывают все проблемы банковской сферы, особенно когда речь заходит о специфике современного состояния и перспектив ее развития в новых социально-экономических и социально-политических условиях.

На фоне экономических кризисов 2008-2009 гг., кризиса, начавшегося в 2014 г., экономических проблем, возникших в условиях пандемии коронавирусной инфекции в 2020 г. возникает потребность в исследовании теоретических и прикладных аспектов функционирования банковской системы современной России, выявления важнейших проблем и путей их решения и на этой основе определение перспектив развития банковского сектора страны.

Одна из особенностей функционирования современной банковской системы России – это проблемы, возникающие в деятельности и развитии банков вследствие влияния санкционного режима со стороны Евросоюза и США. Находясь под давлением санкций, российские банки ограничены в привлечении финансовых ресурсов на рынках США и Западной Европы. При этом в санкционные списки попали крупнейший российский банки. Это Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк, Внешэкономбанк и др. Как следствие, в 2014 г. прибыль кредитных организаций России сократилась более чем на 40%. Другое негативное последствие санкционного режима – это сокращение объемов кредитования в банковском секторе.

В 2014 году объем кредитования сократился примерно на 10%. Наконец, необходимо отметить, что санкции привели к возникновению валютных рисков, связанных с ростом спроса на валюту, который лишь усугубил кризисную ситуацию на финансово-экономическом рынке России.

В такой ситуации возникает вопрос о том, какая стратегия развития является наиболее оптимальной? Так, например, государственная помощь в виде выделения банковскому сектору 1 млрд. рублей стала не столько фактором развития банковской системы, сколько поддерживающей мерой.

Выскажем предположение, что в условиях санкций устойчивое развитие банковской системы во многом зависит от конкурентоспособности банков. Решение задачи повышения конкурентоспособности банковской системы напрямую определяет условия ее деятельности и дальнейшего развития. Как отмечают Никулина О.В. и Чалик А.В., высокая конкурентоспособность банковской системы России позволит конкурировать с банковскими системами стран с высоко развитой экономикой, создаст высокий уровень доходов, заработной платы, а также станет одним из эффективных инструментов при решении задач повышения уровня конкурентоспособности страны на международном финансовом рынке [2]. С нашей точки зрения, повышение конкурентоспособности банков напрямую связано с моделью организации банковской деятельности и управленческими решениями. Речь идет как о стратегии управления, так и о тактических мерах, которые необходимо принимать в неожиданно возникающих, плохо прогнозируемых условиях. Примером удачного управленческого решения в условиях санкций можно считать создание национальной платежной системы «Мир» в ответ на угрозу отключения России от систем VISA и Mastercard.

Другая особенность развития современной российской банковской системы – это санация банков, которую в послед-

ние годы осуществляет Центральный банк. В результате этих мероприятий более трех сотен банков были вынуждены уйти с финансового рынка. Так, в 2019 г. количество кредитных организаций сократилось на 42, до 442 организаций. У тридцати одной кредитной организации ЦБ отозвал лицензии, 11 лицензий ликвидировано в связи с реорганизацией [6].

По мнению экспертов рейтингового агентства «Fitch Ratings», ЦБ РФ будет продолжать сокращение количество финансовых организаций в ближайшие четыре года, т.е. число банков может сократиться до трехсот. На начало 2020 г. в стране действует 442 кредитных организаций, в том числе 402 банка. Чем меньше банков остается на финансовом рынке, тем лучше они себя чувствуют, так как они получают возможность поделить освободившуюся после ухода конкурентов долю рынка. На сегодняшний момент уже более 70% рынка приходится на долю банков с государственным участием. Специалисты рейтингового агентства «Fitch Ratings» считают, что внимание регулятора обращено на большие частные банки. Но полного их ухода с финансового рынка ЦБ РФ не хочет, поэтому вводит базовую лицензию для банков с капиталом меньше 1 млрд р. [7]. Некоторые эксперты предполагают, что на российском финансовом рынке могут остаться около 10 банков, которые ЦБ РФ сможет контролировать и ручаться за их деятельность, чтобы население и компании могли без сомнений доверять им свои деньги [3].

В экономической теории и практике утвердилось мнение, что применяемые государством меры оздоровления банковской системы могут иметь как положительные, так и негативные последствия. Так, например, ужесточение регулирования банковского сектора на фоне падения доходов населения и периодически возникающих угроз новых санкций привело к тому, что в 2018 году российские банки сократили прибыль на 19% (Доклад ЦБ «Динамика развития банковского сектора» (2018 г.)).

К числу негативных последствий санации эксперты относят: сокращение кредитования бизнеса, отток вкладов физических лиц, финансовые потери бюджета, снижение качества банковского надзора и др. В то же время отмечаются и позитивные тенденции. Меры по оздоровлению банковской системы способствуют снижению банковской паники, поддержанию финансовой устойчивости, сохранению стоимости активов [10]. Таким образом, вновь возникает вопрос о качестве управленческих решений в банковской сфере. Например, в число санлируемых российских банков, с одной стороны, попали организации, потерявшие платежеспособность из-за непродуманной кредитной политики, а с другой, банки, практиковавшие манипулирование финансовой отчетностью.

Наконец, следует выделить еще одну тенденцию развития банковской системы современной России. Это цифровизация банковского сектора. Крупные многопрофильные банки имеют тенденцию к сокращению своих внутренних структурных подразделений за счет активного наращивания дистанционных услуг. Все чаще кредитные организации в целях оптимизации своей деятельности ориентируются на расширение спектра предоставляемых дистанционных банковских услуг для населения и бизнеса.

Признаком цифровизации стали биометрические технологии, которые активно интегрируются в разные сферы по всему миру. Биометрические технологии предполагают идентификацию человека по уникальным биологическим признакам, присущим только ему. В Российской Федерации механизм биометрической идентификации был запущен 30 июня 2019 г. Все банки в обязательном порядке должны заниматься сбором биометрии в соответствии с установленным законом. Благодаря снятию биометрических данных у населения появилась возможность дистанционного получения банковских услуг, а именно: получение кредитов, открытие счетов (вкладов) и осуществление переводов.

Многие банки начинают применять механизм удаленной идентификации клиентов, в том числе с использованием мобильного приложения на смартфонах. Благодаря внедрению удаленной идентификации повышается финансовая доступность для всех категорий граждан, в том числе людей с инвалидностью, пожилого и маломобильного населения, а также проживающих в удаленных регионах. В дальнейшем это приведет к повышению конкуренции на финансовом рынке и снижению стоимости предоставляемых финансовых услуг.

Исходя из сказанного, можно полагать, что внедрение удаленной идентификации является одной из ключевых задач для перевода финансовых услуг в цифровую среду. В апреле 2018 г. Центральный банк утвердил порядок работы и создания платформы «Маркетплейса» для финансовых услуг и продуктов, основная цель которой направлена на развитие конкуренции на финансовом рынке, повышение удобства, прозрачности и оперативности получения финансовых услуг населением в режиме «единого окна», а также устранение барьеров для доступа к финансовым продуктам. Для клиентов это означает облегчение поиска финансовых услуг и продуктов, а также удобное их предоставление всеми участниками рынка, посредствам применения чатов, ботов и робо-эдвайзинга. Платформа «Маркетплейс» предусматривает объединение данных по предложениям участников финансовой системы, персонализацию предложений для клиентов и анализ потребностей. В ближайшее время планируется разработка дизайна платформы, проведения пилотирования, разработка дорожной карты по технологическому и правовому обеспечению реализации проекта, а также запуск платформы на финансовом рынке [5].

Применение цифровых финансовых технологий в банковском секторе, с одной стороны, способствует его развитию, повышая финансовую доступность и развитие конкуренции. С другой стороны, появляются новые риски, связанные с во-

просами информационной безопасности [5]. Интеграция цифровых технологий ведет к возникновению киберугроз, требующих своевременного и оперативного обнаружения, разработки и оценки соответствующих мер по их предотвращению и минимизации возможных последствий.

Для обеспечения устойчивости и безопасности на финансовом рынке Центральный Банк будет осуществлять ряд мероприятий в соответствии со Стратегией развития Системы обеспечения информационной безопасности (СОИБ), Банка России и информационной безопасности банковской сферы и иных сфер финансового рынка Российской Федерации на 2018-2022 гг. Это проведение комплекса мер по повышению безопасности при применении финансовых технологий, мониторингу состояния информационных систем финансовых организаций, а также по повышению технологической устойчивости и бесперебойности работы; совершенствование комплекса отраслевых правил и стандартов и требований к обеспечению технологической устойчивости, безопасности и бесперебойности при применении финансовых технологий, и нормативное закрепление обязанности по их применению; разработка новых методов и форм взаимодействия и реагирования на информационные угрозы в рамках деятельности ФинЦЕРТ Банка России.

В результате применения указанных мер планируется повысить уровень технологической безопасности при использовании финансово-цифровых технологий, а также оперативного взаимодействия с участниками финансового рынка на базе ФинЦЕРТ Банка России для своевременного реагирования и предотвращения кибератак [5].

Резюмируем основные тенденции развития банковского сектора в России. Стабильность функционирования банковской системы России подрывают санкции со стороны стран Запада, направленные на ограничение операций государственных банков на внешних рынках. Политика Центрального банка

РФ, направленная на «оздоровление» национальной банковской системы, продлится и в 2020 г. и, вероятно, будет способствовать уходу с рынка средних и мелких банков, не отвечающих ужесточающимся требованиям. В результате данных мер доля крупных банков с государственным участием будет увеличиваться. Трендом банковского сектора становятся цифровые технологии и инно-

вации, которые вносят изменения в операционные процессы банков, механизмы взаимодействия с клиентами. В подобных условиях позитивные перспективы развития банковского сектора, на наш взгляд, связаны с повышением конкурентоспособности банковских учреждений и оптимизацией системы управления банковской деятельностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каплунов А.А., Коваженков М. А., Рябикова Т. А. Состояние банковской системы в России в настоящий момент и перспективы ее развития // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. №8 (34). С. 143-148.
2. Никулина О.В., Чалик А.В. Исследование эффективности функционирования российской банковской системы в условиях усиления международной межбанковской конкуренции // Экономика устойчивого развития. 2017. № 3 (31). С. 18-28.
3. Стародубцева Е.Б., Медведева М.Б., Маркова О.М. Влияние регуляторных требований на деятельность системно значимых банков: мировая практика, опыт в России // Финансы и кредит. 2019. Т. 25. № 5 (785). С. 1071-1085.
4. Анализ тенденций на рынке кредитования физических лиц в 2015-2019 гг. на основе данных бюро кредитных историй. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/85889/20191101_dfs.pdf.
5. Основные направления развития финансовых технологий на период 2018-2020 гг. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/84030/ON_FinTex_2017.pdf
6. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2018 г. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/72560/bsr_2018.pdf
7. Официальный сайт Рейтинговое агентство Fitch Ratings. URL: <https://www.fitchratings.com/site/home>
8. Официальный сайт ЦБ РФ. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/pdco/lic>
9. Российских заемщиков начали оценивать по долговой нагрузке. URL: <https://www.rbc.ru/finances/01/10/2019/5d91fbb89a794726403485af>
10. Леонов М.В., Заернюк В.М. Финансовое оздоровление как инструмент регулирования банковской деятельности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11. Вып. 27. С. 2-11.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Kaplunov A.A., Kovazhenkov M. A., Rjabikova T. A. Sostojanie ban-kovskoj sistemy v Rossii v nastojashhij moment i perspektivy ee razvitija // Innovacionnaja jekonomika: perspektivy razvitija i sovershenstvovaniya. 2018. №8 (34). S. 143-148.
2. Nikulina O.V., Chalik A.V. Issledovanie jeffektivnosti funkcio-nirovaniya rossijskoj bankovskoj sistemy v uslovijah usilenija mezhduna-rodnoj mezhbankovskoj konkurencii // Jekonomika ustojchivogo razvitija. 2017. № 3 (31). S. 18-28.
3. Starodubceva E.B., Medvedeva M.B., Markova O.M. Vlijanie regu-ljatornyh trebovanij na dejatel'nost' sistemno znachimyh bankov: miro-vaja praktika, opyt v Rossii // Finansy i kredit. 2019. T. 25. № 5 (785). S. 1071-1085.
4. Analiz tendencij na rynke kreditovaniya fizicheskikh lic v 2015-2019 gg. na osnove dannyh bjuro kreditnyh istorij. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/85889/20191101_dfs.pdf.
5. Osnovnye napravlenija razvitija finansovyh tehnologij na period 2018-2020 gg. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/84030/ON_FinTex_2017.pdf

6. Otchet o razvitii bankovskogo sektora i bankovskogo nadzora v 2018 g. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/72560/bsr_2018.pdf
7. Oficial'nyj sajt Rejtingovoe agentstvo Fitch Ratings. URL: <https://www.fitchratings.com/site/home>
8. Oficial'nyj sajt CB RF. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/pdco/lic>
9. Rossijskih zaemshhikov nachali ocenivat' po dolgovej nagruzke. URL: <https://www.rbc.ru/finances/01/10/2019/5d91fbb89a794726403485af>
10. Leonov M.V., Zaernjuk V.M. Finansovoe ozdorovlenie kak in-strument regulirovanija bankovskoj dejatel'nosti // Nacional'nye inte-resy: priority i bezopasnost'. 2015. t. 11. Vyp. 27. S. 2-11.

Поступила в редакцию 04.07.2020.

Принята к публикации 06.07.2020.

Для цитирования:

Моисеенко Д.В. Банковская система России: современное состояние и перспективы развития // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 116-121. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Moiseenko.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3959173>

УДК 339.5

Пушкарева П.П., Захаров Г.В., Клименко А.О.

Пушкарева Полина Павловна, ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)». 105005, Россия, Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1. E-mail: pushkarevapp@student.bmstu.ru.

Захаров Георгий Вадимович, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». 119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1. E-mail: zakharov1007@mail.ru.

Клименко Артур Олегович, ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации». 119285, Россия, Москва, Воробьевское шоссе, 6-А. E-mail: arturklimenko@inbox.ru.

Обзор и классификация методов и стратегий выхода промышленных компаний на внешние рынки

Аннотация. В статье выявлены и систематизированы внутренние и внешние факторы выбора стратегии выхода промышленной компании на зарубежные рынки высокотехнологичной продукции, описаны основные барьеры на пути организации эффективной внешнеэкономической деятельности. Дана классификация и изложены основные характеристики методов и стратегий выхода промышленных компаний на внешние рынки в зависимости от факторов риска, степени контроля и уровня потенциальной прибыли. Выполнен обзор подходов к классификации методов и стратегий выхода на внешние рынки в работах отечественных и зарубежных авторов. Рассмотрены виды и особенности организации инвестиций во внешнеэкономической деятельности промышленных компаний.

Ключевые слова: промышленная компания, внешние рынки, внешнеэкономическая деятельность, методы, стратегии, факторы, барьеры.

Pushkareva P.P., Zakharov G.V., Klimenko A.O.

Pushkareva Polina Pavlovna, Bauman Moscow State Technical University. 105005, Russia, Moscow, 2nd Baumanskaya str., 5, building 1. E-mail: push-karevapp@student.bmstu.ru.

Zakharov Georgy Vadimovich, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Russia, Moscow, Vernadsky Ave., 82, building 1. E-mail: zakharov1007@mail.ru.

Klimenko Artur Olegovich, Russian Foreign Trade Academy. 119285, Russia, Moscow, Vorobyovskoe highway, 6 A. E-mail: arturklimenko@inbox.ru.

Review and classification of methods and strategies for industrial companies entering foreign markets

Abstract. Identified and systematized internal and external factors for choosing a strategy for an industrial company to enter foreign markets for high-tech products, described the main barriers to organizing effective foreign economic activity. A classification is given and the main characteristics of methods and strategies for industrial companies entering foreign markets are given, depending on risk factors, the degree of control and the level of potential profit. A review of approaches to the classification of methods and strategies for entering foreign markets in the works of domestic and foreign authors is carried out. The types

and features of the organization of investments in the foreign economic activity of industrial companies are considered.

Key words: industrial company, foreign markets, foreign economic activity, methods, strategies, factors, barriers.

В условиях глобализации высокотехнологичные промышленные компании стремятся не только обеспечить свою конкурентоспособность на внутреннем рынке, но и освоить внешние рынки продукции и инженерно-технических услуг. Однако несмотря на стремление многих стран быть более открытыми и сокращать барьеры для иностранных компаний при выходе на рынок, многие промышленные компании испытывают существенные затруднения при организации внешнеэкономической деятельности и не достигают желаемых результатов в этой области. Поэтому особенно актуальным становятся вопросы обоснования и рационального выбора стратегии выхода промышленной компании на внешние рынки с учетом организационно-экономических характеристик ее деятельности, видов и номенклатуры выпускаемой продукции и оказываемых услуг. Целью настоящей работы является обзор актуальных научных публикаций по данной тематике, систематизация и исследование современных подходов, методов и стратегий выхода промышленных компаний на внешние рынки.

Все компании, успешно освоившие свой внутренний рынок, находятся в поиске возможностей расширить свою долю рынка. Большинство акцентируют внимание на международной деятельности, а именно – на организации мероприятий по выходу на внешние рынки. Внешнеэкономическую деятельность предприятий рассматривают как деятельность, находящуюся в тесной взаимосвязи с внешней торговлей, включающую в себя импорт и экспорт товаров и услуг, иностранную инвестиционную и кредитную деятельность, а также совместную деятельность с компаниями других государств [1]. В результате успешной внешнеэкономической деятельности компании

ожидают получить выход на внешние рынки, что влечет за собой рост объемов производства и продаж, увеличение конкурентоспособности, использование и адаптацию иностранных технологий, а также укрепление бренда компании и обеспечение лояльности потребителей ее продукции.

Результаты анализа современных научных публикаций показывают, что эффективная внешнеэкономическая деятельность является важнейшим инструментом развития национальных инновационных систем и формирования государственных инновационных стратегий [2, 3], интенсификации международного трансфера промышленных технологий и повышения эффективности НИОКР при создании инновационной продукции [4, 5], использования результатов интеллектуальной деятельности для повышения эффективности управления инновационными промышленными предприятиями [6, 7, 8]. Особое значение имеет развитие международной производственно-технологической кооперации в оборонной сфере в условиях военно-гражданской интеграции и диверсификации военного производства [9, 10].

Подчеркнем, что процесс выхода на внешние рынки представляет собой довольно длительный и сложный процесс, который под силу не каждому предприятию, поэтому зачастую внешнеэкономическую деятельность начинают уже состоявшиеся промышленные компании, у которых уже есть крупная сеть на внутреннем рынке. На международной арене объемы предложения значительно выше, как и уровни других барьеров, кроме того каждая страна имеет свою специфику, свои потребности и свои требования к продукту, поэтому очень важно не только соответствовать требованию международных стандартам, но также и локаль-

ным стандартам конкретной страны, и более того иметь преимущества в сравнении с местными производителями.

Вопрос о необходимости и готовности выхода компании на внешние рынки имеет характер управленческих решений и зависит от ряда внешних и внутренних факторов.

Внутренние факторы зависят от сферы деятельности предприятия, при этом можно выделить универсальный перечень факторов, которые влияют на каждую промышленную компанию, а именно:

- величина компании;
- квалификация и объем кадровых ресурсов;
- специфика производственной деятельности;
- финансовая состоятельность предприятия;
- уровень НИОКР;
- состояние имущества компании.

К внешним факторам относят параметры внешней среды функционирования компании, на которые она не имеет на них никакого влияния. Среди таких факторов можно выделить:

- уровень развития и состояние экономики;
- национальная политика государства;
- система ценностей и культура потенциальных потребителей;
- уровень спроса;
- уровень конкуренции;
- возможность поставки ресурсов;
- состояние экологии и риски чрезвычайных ситуаций.

Вышеупомянутые факторы имеют косвенное или прямое влияние на предприятие и влекут за собой изменения в его деятельности, в том числе и во внутренних факторах. К примеру, возможность поставки ресурсов и уровень спроса вызывает корректировки объемов производства, система ценностей населения ведет к необходимости дополнительной квалификации у персонала, в то время

как чрезвычайные ситуации могут повлиять на все внутренние факторы.

После анализа внутренних и внешних факторов предприятию необходимо выявить цели, которые перед собой ставит компания, начиная внешнеэкономическую деятельность. Зачастую выход на внешние рынки мотивируется следующими [11, 12]:

- привлечение новых клиентов – компания расширяет долю рынка за счет зарубежных рынков с целью увеличения прибыли и расширения компании;
- повышение конкурентоспособности и сокращение издержек – компания расширяет долю рынка по средствам экспорта продукции с целью достижения большего эффекта масштаба;
- наличие ключевой компетенции, под которыми подразумевается уникальность, ценность и доступность компании, проявляющуюся в различных формах: технические/содержательные ноу-хау, надежный процесс и/или крепкие отношения с клиентами и поставщиками;
- сокращение странового риска: имея свою долю рынка не в одной, а сразу в нескольких странах позволяет сократить воздействие внешних факторов, а именно при ухудшении условий торговли в одной стране компания может компенсировать убытки за счет успеха в другой стране;
- рост рыночного капитала компании;
- привлечение иностранных инвестиций и рост инвестиционной привлекательности на внутреннем рынке.

Однако стоит подчеркнуть, что мотивы у каждой компании индивидуальны и требуют многоэтапного управленческого анализа целого ряда вышеперечисленных факторов.

Необходимо отметить, что важнейшим фактором выбора стратегии выхода на внешний рынок является оценка барьеров, препятствующих внешнеэкономической деятельности в определенной стране. На сегодняшний день в условиях стремительно развивающейся мировой

экономики имеют большой потенциал к росту и расширению не только международных, но и национальных рынков. В связи с этим множество крупнейших мировых компаний стремятся расширить свой бизнес за счет выхода на рынки отдельных стран. В данном контексте приобретает первостепенное значение выявление и анализ барьеров на международном рынке высокотехнологичной продукции. В работе [13] они классифицируются на четыре подгруппы:

- экзогенные (внешние) – институциональные и «затратные» барьеры, а также барьеры по дифференциации продуктов;

- эндогенные (внутренние) – барьеры, обусловленные недостаточной квалификацией кадров компании и нехваткой компетенций в области международного трансфера технологий;

- макроэкономические – барьеры, связанные с недостаточной развитостью инновационной среды, низким уровнем привлекательности инвестиций и их недоступностью;

- микроэкономические – барьеры, создающиеся конкурентными фирмами.

Эффективным инструментом преодоления барьеров внешнеэкономической деятельности является создание внешнеэкономических торговых палат, которые становятся проводниками в сфере внешнеэкономической деятельности для тех промышленных компаний, которые пока не имеют клиентов и партнеров за рубежом и не владеют информацией о текущем состоянии рынка и отрасли. Внешнеторговые палаты создаются как внутри межгосударственных интеграционных союзов, так и в рамках внешнеторговой деятельности с конкретной страной. Наиболее крупными в России на сегодняшний день являются Российско-Германская внешнеторговая палата, Европалата и Французская торгово-промышленная палата.

В научных публикациях [4, 14] выделен ряд методов и стратегий выхода промышленных компаний на внешние рынки. Наиболее распространенным является

метод организации экспорта, который включает три подвиды внешнеэкономической деятельности:

- прямой экспорт, при котором компания самостоятельно занимается вывозом товара за границу и его последующей реализацией. Прямой экспорт может осуществляться по средствам контрактного производства, зарубежного представительства или дочерней компании, дистрибьютеров. Сложность метода заключается в том, что компания самостоятельно проходит весь путь от маркетингового исследования до послепродажного обслуживания товара. Однако в таком методе компания лично контролирует все процессы и имеет личный контакт с потребителем, что является основным преимуществом прямого экспорта.

- косвенный экспорт, при котором продажа продукции осуществляется через компании-посредников. Зачастую данные компании-посредники имеют налаженные механизмы сбыта продукции и уверенно ориентируются на внешних рынках. Но в отличие от прямого экспорта компания не контактирует лично с потребителем, а значит и не может контролировать уровень удовлетворенности и лояльности клиентов.

- совместный экспорт, при котором две и более компаний объединяются с целью экспорта продукции на внешние рынки и для этого создают новое предприятие. К такому методу обычно склоняются компании, у которых недостаточно возможностей для самостоятельного выхода на рынок и таким образом они минимизируют риски при выходе на внешние рынки.

Метод лицензирования заключается в передаче зарубежной компании прав на использование результатов интеллектуальной деятельности в своем производстве [4, 6]. Одним из подвидов лицензирования является франчайзинг. В таком случае предоставляющая франшизу компания предоставляет другой компании не только право пользования интеллектуальными наработками, но и маркетинго-

вую концепцию, при этом строго контролирует ее исполнение.

Одним из популярных методов выхода на внешние рынки также является открытие дочерней компании за рубежом. В таком случае компания открывает новую компанию в иностранной стране с целью реализации товаров или организации производства. К преимуществам этого метода относят простоту работы внутри рынка зарубежной страны, отсутствие внешних барьеров, однако он также является очень рискованным. Поэтому метод может быть рекомендован компаниям, у которых уже есть представительства и база клиентов в стране будущей дочерней компании.

Существуют также и другие варианты по выходу на внешние рынки. Такие как поглощение или покупка иностранной компании, продажа продукции через

иностранного партнера или по контакту с иностранной компанией.

Каждая компания по-своему уникальна, у каждой компании свои цели по выходу на внешние рынки, свои ресурсы и возможности, также, как и у каждого рынка свои угрозы и барьеры. Поэтому исследователи рекомендуют различные классификации методов и стратегий выхода на внешние рынки. Рассмотрим подробнее подходы к классификациям.

В работе Акулич И.Л. предлагается упорядочить методы выхода на внешние рынки по возрастанию уровней ответственности, риска, контроля и потенциальной прибыли (см. Рисунок 1) [11]. При этом наименее рискованным считается косвенный экспорт, за которым следует прямой экспорт, далее – лицензирование, совместные предприятия, и максимально рискованным методом является прямое инвестирование.

Рисунок 1. Классификация по уровню ответственности, риска, контроля и потенциальной прибыли

Иная классификация методов выхода на внешние рынки предложена в работе Чан В. Л. [15], где выделены три группы в зависимости от уровня управленческого риска (см. Рисунок 2). Наименее рискованными, по мнению автора, являются прямой экспорт, контрактное производство, создание дочерней компании и кон-

трактное управление. В группе со средним риском управления находятся косвенный экспорт и поглощение иностранной компании. Наибольшей долей риска обладают стратегии лицензирования, включая франчайзинг, создания стратегических альянсов и совместных предприятий.

Рисунок 2. Классификация по уровню управленческого риска

Ряд авторов [16, 17] предлагает группировать методы выхода на международный рынок на три сектора: экспорт, совместная предпринимательская деятельность и прямое инвестирование. К первой группе относят прямой и косвенный экспорт и подразделяют их в зависимости от регулярности совершения сделок. Во вторую группу входят стратегии лицензирования, подрядного производства, контрактного управления и создания совместного предприятия. К сектору прямого инвестирования относят производственные и сборочные предприятия.

Методы выхода на внешние рынки также классифицируют в зависимости от степени внедрения на рынок зарубежной компании [1]. Наименьший уровень внедрения имеет способ прямого и косвенного экспорта, к группе среднего проникновения на рынок относят совместную работу и наивысший уровень владения иностранным рынком имеет дочерние компании.

Также стоит подчеркнуть, что при выходе на внешний рынок компании необходимо не только выбрать метод осуществления внешнеэкономической деятельности, но и стратегию – определенный порядок действий, при этом различают (см. Рисунок 3) [4]:

– стратегию «волны», при которой компания выходит на внешние рынки по-

следовательно, осваивая рынки один за другим;

– стратегию «водопада», суть которой состоит в освоении нескольких внешних рынков одновременно в течение определенного периода времени;

– стратегию «глобальной компании», когда компания с самого начала своего образования работает на мировом рынке и является международной, что является характерным для сферы высоких технологий.

В исследовании Морозовой А.С. [17] предложена классификация стратегий выхода на внешние рынки по десяти характеристикам, среди которых – цель стратегии, скорость выхода на рынок, уровень контроля управления и рисков, статус объекта в другой стране и прочие.

Полагаем наиболее целесообразными использовать классификации в соответствии с уровнем риска управления и уровнем потенциальной прибыли, а также в соответствии со степенью внедрения на внешний рынок. Поэтому компаниям, стремящимся выйти на зарубежные рынки, для выявления подходящей стратегии следует провести анализ уровней риска компании и определить для себя желаемую долю внедрения на иностранном рынке.

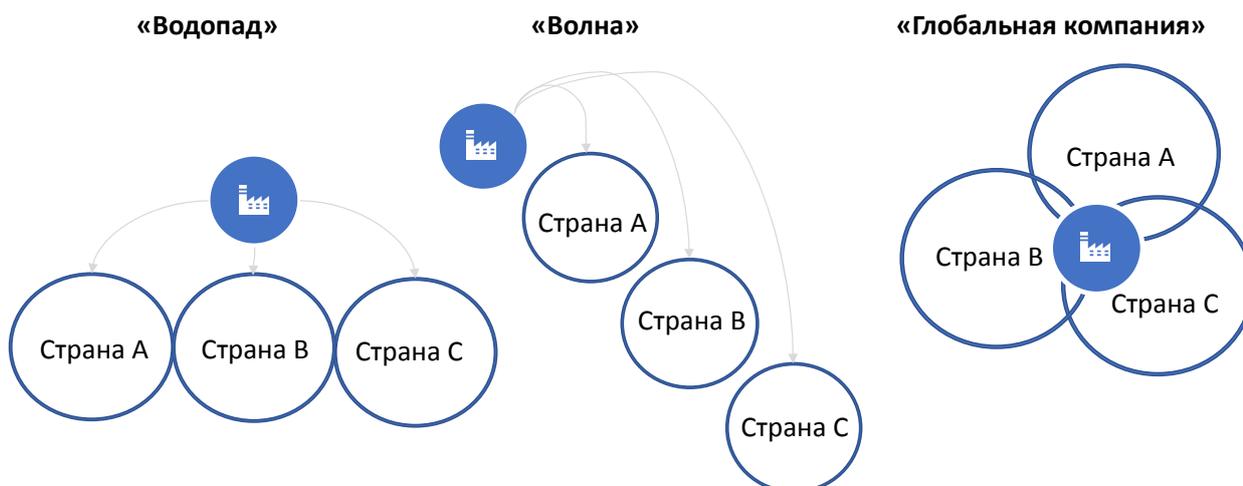

Рисунок 3. Виды стратегий выхода на внешние рынки

Следует отметить, что важнейшим и одним из наиболее рискованных методов внешнеэкономической деятельности в области техники и технологий является осуществление инвестиций. Принято различать следующие типы инвестиций [7]:

- инвестиции в нематериальные активы – капиталовложения в НИОКР, приобретение лицензий на использование новых технологий, повышение квалификации работников, а также приобретение прав на использование торговых марок известных фирм и т.п.

- реальные (прямые) инвестиции – капиталовложения в основные фонды предприятий;

- портфельные (финансовые) инвестиции – капиталовложения в корпоративные и государственные ценные бумаги.

Без активного участия страны в международных хозяйственных отношениях сегодня невозможно повышение инвестиционного потенциала национальной экономики. В мировой экономике эффективность сотрудничества стран теперь

отражает не только международная торговля, но и международные потоки инвестиций. Вопрос иностранных инвестиций является приоритетно важным касательно развития потенциала национальной экономики, поскольку ресурсы каждой страны ограничены, в том числе и финансовые, и поиск альтернативных способов финансирования также сильно ограничен внутри каждой страны.

Анализ современных стратегий и методов выхода промышленных компаний на внешние рынки показал, что наиболее целесообразными являются подходы, учитывающие риски управления и уровень потенциальной прибыли, а также степень внедрения продукции и технологий на внешнем рынке. Поэтому компаниям, осуществляющим выбор стратегии и разрабатывающим мероприятия по организации внешнеэкономической деятельности, следует провести анализ уровней риска и определить организационно-экономические параметры присутствия на зарубежных рынках с учетом выявленных барьеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агиевич Т.Г., Даева Т.А. Особенности выбора критериев оценки эффективности системы управления // Дискуссия. 2014. №4 (45). С. 56-61.
2. Дроговоз П.А., Пасхина О.М. Национальные инновационные системы в машиностроении: зарубежный опыт // Вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Серия: Машиностроение. 2011. №4. С. 45-59.

3. Дроговоз П.А., Шиболденков В.А., Иванов П.Д. Обзор зарубежной практики формирования государственных инновационных стратегий и оценка возможности их адаптации в отечественных условиях // Экономика и предпринимательство. 2015. №5. Ч. 1. С. 137-142.
4. Организационно-экономические механизмы международного трансфера промышленных технологий: Монография / П.А. Дроговоз, В.И. Мухопад, Т.Г. Садовская, Н.П. Капран, С.А. Летун, Д.В. Александров, О.М. Юсуfoва; под ред. П.А. Дроговоза. М.: Ваш формат, 2018. 244 с.
5. Дроговоз П.А., Юсуfoва О.М. Анализ зарубежной практики государственного регулирования реализации НИОКР при создании инновационной продукции // Экономика и предпринимательство. 2017. №3. С. 200-205.
6. Дроговоз П.А., Кашеварова Н.А. Анализ зарубежных моделей и механизмов управления интеллектуальной собственностью и их адаптация на российском предприятии ракетно-космической отрасли // Электронное научно-техническое издание «Инженерный журнал: наука и инновации». Рег. № ФС77- 53688. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2013. Выпуск № 3. URL: <http://engjournal.ru/articles/645/645.pdf>
7. Дроговоз П.А. Управление стоимостью инновационного промышленного предприятия: Монография / Под ред. Т.Г. Садовской. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2007. 240 с.
8. Дроговоз П.А. Организационно-экономическое проектирование бизнес-архитектуры наукоемкого промышленного предприятия: Монография. М.: Ваш формат, 2018. 108 с.
9. Садовская Т.Г., Дроговоз П.А., Куликов С.А., Стрельцов А.С. Стратегическое управление процессами военно-гражданской интеграции высокотехнологичных предприятий в условиях глобализации экономики // Аудит и финансовый анализ. 2012. № 3. С. 325-344.
10. Дроговоз П.А., Куликов С.А., Ралдугин О.В. Национальные модели стратегического развития оборонной промышленности: зарубежный опыт и отечественная практика // Экономические стратегии. 2016. №4. С. 20-37.
11. Акулич И. Л. Международный маркетинг. Минск: Тетралит, 2014. 509 с.
12. Бекетов А. А., Ларионова Н.А. Реализация экспортной стратегии как способ выхода промышленных предприятий на внешний рынок // Кант. 2012. №3 (6). С. 50-53.
13. Еремкин В.А., Рыбалкин В.В. Входные барьеры на российском рынке высокотехнологичной продукции и роль государственных институтов в их снижении // Экономический журнал. 2014. №1 (33). С. 64-78.
14. Бикмаева Ф.Х., Козейчук Д.А. Стратегии выхода иностранных компаний на российский рынок // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2007. №03 (69). С. 176-185.
15. Чан В. Л. Стратегии выхода компаний на новые внешние рынки // Молодой ученый. 2011. №7. Т.1. С. 121-124.
16. Буйкин В.Ю. Методы воздействия на риски традиционных форм внешнеэкономической деятельности // Российское предпринимательство. 2009. №2-2. С. 90-95.
17. Морозова А.С. Сравнительная характеристика стратегий выхода на внешние рынки // Наука и техника. 2009. №3. С. 72-78.
18. Anderson E., Coughlan A. T. International market entry and expansion via independent or integrated channels of distribution // The Journal of Marketing. 1987. Vol. 51. No. 1. P. 71-82.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Agievich T.G., Daeva T.A. Osobnosti vybora kriteriev ocenki jeffektivnosti sistemy upravlenija // Diskussija. 2014. №4 (45). S. 56-61.
2. Drogovoz P.A., Pashina O.M. Nacional'nye innovacionnye sistemy v mashinostroenii: zarubezhnyj opyt // Vestnik MGTU im. N.Э. Bauman. Serija: Mashinostroenie. 2011. №4. S. 45-59.
3. Drogovoz P.A., Shiboldenkov V.A., Ivanov P.D. Obzor zarubezhnoj praktiki formirovanija gosudarstvennyh innovacionnyh strategij i ocenka vozmozhnosti ih adaptacii v otechestvennyh uslovijah // Jekonomika i predprinimatel'stvo. 2015. №5. Ch. 1. S. 137-142.
4. Organizacionno-jekonomicheskie mehanizmy mezhdunarodnogo transfera promyshlennyh tehnologij: Monografija / P.A. Drogovoz, V.I. Muhopad, T.G. Sadovskaja, N.P. Kapran, S.A. Letun, D.V. Aleksandrov, O.M. Jusufova; pod red. P.A. Drogovoza. M.: Vash format, 2018. 244 s.

5. Drogovoz P.A., Jusufova O.M. Analiz zarubezhnoj praktiki gosudar-stvennogo regulirovanija realizacii NIOKR pri sozdanii innovacionnoj produkcii // Jekonomika i predprinimatel'stvo. 2017. №3. S. 200-205.
6. Drogovoz P.A., Kashevarova N.A. Analiz zarubezhnyh modelej i mehanizmov upravlenija intellektual'noj sobstvennost'ju i ih adaptacija na rossijskom predpriyatii raketno-kosmicheskoj otrasli // Jelektronnoe nauchno-tehnicheskoe izdanie «Inzhenernyj zhurnal: nauka i innovacii». Reg. № FS77- 53688. M.: MGTU im. N.Je. Baumana, 2013. Vypusk № 3. URL: <http://engjournal.ru/articles/645/645.pdf>
7. Drogovoz P.A. Upravlenie stoimost'ju innovacionnogo promyshlennogo predpriyatija: Monografija / Pod red. T.G. Sadovskoj. M.: Izd-vo MGTU im. N.Je. Baumana, 2007. 240 s.
8. Drogovoz P.A. Organizacionno-jekonomicheskoe proektirovanie biz-nes-arhitektury naukoemkogo promyshlennogo predpriyatija: Monografija. M.: Vash format, 2018. 108 s.
9. Sadovskaja T.G., Drogovoz P.A., Kulikov S.A., Strel'cov A.S. Strategicheskoe upravlenie processami voenno-grazhdanskoj integracii vysokotehnologichnyh predpriyatij v uslovijah globalizacii jekonomiki // Audit i finansovyj analiz. 2012. № 3. S. 325-344.
10. Drogovoz P.A., Kulikov S.A., Raldugin O.V. Nacional'nye modeli strategicheskogo razvitija oboronnoj promyshlennosti: zarubezhnyj opyt i otechestvennaja praktika // Jekonomicheskie strategii. 2016. №4. S. 20-37.
11. Akulich I. L. Mezhdunarodnyj marketing. Minsk: Tetralit, 2014. 509 s.
12. Beketov A. A., Larionova N.A. Realizacija jeksportnoj strategii kak sposob vyhoda promyshlennyh predpriyatij na vneshnij rynek // Kant. 2012. №3 (6). S. 50-53.
13. Eremkin V.A., Rybalkin V.V. Vhodnye bar'ery na rossijskom rynke vysokotehnologichnoj produkcii i rol' gosudarstvennyh institutov v ih snizhenii // Jekonomicheskij zhurnal. 2014 . №1 (33). S. 64-78.
14. Bikmaeva F.H., Kozejchuk D.A. Strategii vyhoda inostrannyh kompa-nij na rossijskij rynek // Marketing i marketingovye issledovaniya. 2007. №03 (69). S. 176-185.
15. Chan V. L. Strategii vyhoda kompanij na novye vneshnie rynki // Molodoy uchenyj. 2011. №7. T.1. S. 121-124.
16. Bujkin V.Ju. Metody vozdejstvija na riski tradicionnyh form vneshnejekonomicheskoj dejatel'nosti // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2009. №2-2. S. 90-95.
17. Morozova A.S. Sravnitel'naja harakteristika strategij vyhoda na vneshnie rynki // Nauka i tehnika. 2009. №3. C. 72-78.
18. Anderson E., Coughlan A. T. International market entry and expansion via independent or integrated channels of distribution // The Journal of Marketing. 1987. Vol. 51. No. 1. P. 71-82.

Поступила в редакцию 17.07.2020.

Принята к публикации 23.07.2020.

Для цитирования:

Пушкарева П.П., Захаров Г.В., Клименко А.О. Обзор и классификация методов и стратегий выхода промышленных компаний на внешние рынки // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 122-130. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Pushkareva.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3979298>

УДК 316.4

Сагетдинов А.Ф.

Сагетдинов Айдар Фаатович, Казанский государственный энергетический университет. 420066, Россия, г. Казань, ул. Красносельская 51. E-mail: 5194291@mail.ru.

Система наставничества рабочей молодежи: реальность и ожидания

Аннотация. В статье представлены материалы социологического исследования, цель которого заключалась в опросе руководителей различного вида предприятий и организаций, которые работают с молодыми специалистами. Освещается проблема наставничества молодежи, трудящейся по рабочей специальности. Раскрыты такие аспекты как понимание сущности наставничества, его наличие или отсутствие в организации, роль наставничества в ходе адаптации молодых специалистов. Продемонстрированы возрастные и гендерные различия в понимании наставничества для специалистов рабочих специальностей, а также разница ответов руководителей в зависимости от форм собственности предприятия (государственная, частная, индивидуальный предприниматель).

Ключевые слова: наставничество, молодой специалист, рабочая профессия, мнение экспертов-руководителей.

Sagatdinov A.F.

Sagatdinov Aidar Fatovich, Kazan state power engineering University. 170026, Russia, Kazan, Krasnoselskaya st., 51. E-mail: 5194291@mail.ru.

Mentoring system for working youth: reality and expectations

Abstract. The article presents the materials of the author's sociological study, the purpose of which was to interview managers of various types of enterprises and organizations that work with young specialists. The problem of mentoring youth working in the specialty is highlighted. Such aspects as understanding of the essence of mentoring, its presence or absence in the organization, the role of mentoring in the adaptation of young professionals are disclosed. Demonstrated age and gender differences in the understanding of mentoring for specialists in working professions, as well as the difference in the answers of managers depending on the ownership of the enterprise (state, private, individual entrepreneur).

Key words: mentoring, young specialist, working profession, opinion of expert managers.

Материал статьи основан на результатах авторского социологического исследования проведенного в 2020 г. Методом полуструктурированного интервью было опрошено 30 руководителей, в подчинении которых находятся молодые специалисты, трудящиеся по рабочей специальности. При составлении инструментария социологического исследования, а также проведе-

нии интервью использовались методические разработки и материалы региональных исследователей [1, 2, 3].

Один из блоков вопросов был посвящен системе наставничества на предприятии/в организации. В частности руководителям был задан вопрос: «Какие из приведённых ниже слов наиболее точно отражают суть наставничества?» Согласно полученным результатам 48,1% опро-

шенных считают, что это советник и помощник, для 40,7% процентов это образец для подражания и источник знаний. Каждый третий руководитель назвал наставника экспертом (33,3%), каждый

четвертый – проводником (25,9%), каждый пятый – инструктором (22,2%), а каждый десятый другом (11,1%). Вариант «источник вдохновения» выбрали 3,7% опрошенных (см. рис. 1).

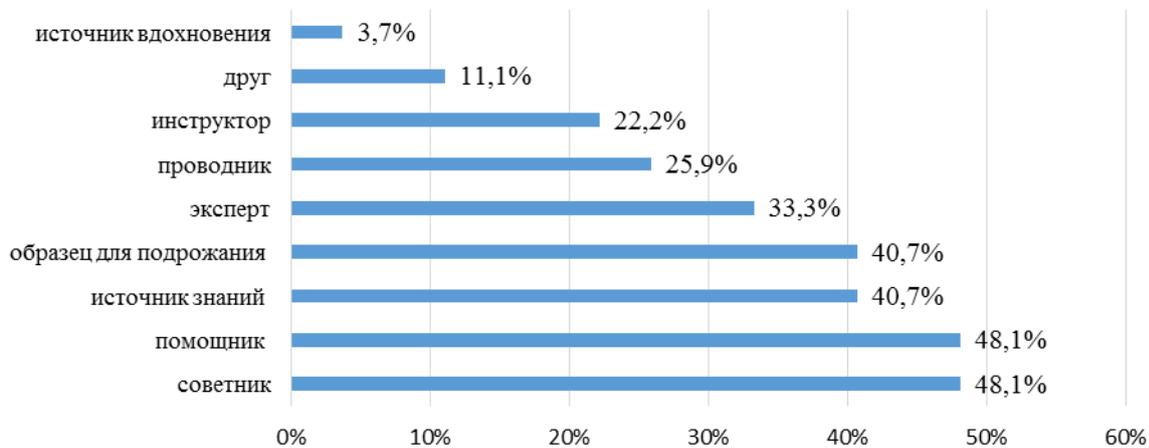

Рис. 1. Смысловая характеристика наставничества

Гендерный срез показал, что мужчины рассматривают наставника как образец для подражания (57,1%), советник и эксперт делят второе место (42,9%), затем следуют помощник и источник знаний (35,7%), проводник и друг (21,4%). Наименьшее количество опрошенных мужчин выбрали такой вариант ответа как «источник вдохновения» (7,1%). У женщин лидирует помощник (61,5%), на втором месте советник (53,8%), потом источник знаний (46,2%), одинаково образец для подражания и проводник (30,8%), наименьший процент набрал вариант «эксперт» (23,1%), тогда как ответы «друг» и «источник вдохновения» отсутствовали.

Возрастной аспект вопроса показал следующую картину. Среди опрошенных руководителей до 30 лет лидирует вариант «эксперт» (66,7%), советник выбрали 44,4% респондентов. Варианты помощник, инструктор, образец для подражания, друг выбрал каждый третий руководитель указанной возрастной группы (33,3%), а каждый пятый назвал наставника проводником и источником знания (22,2%), тогда как вариант «источник вдохновения» вовсе был не выбран. Сре-

ди опрошенных в возрасте 31-40 лет чаще выбирали помощник и советник (60%). Варианты «образец для подражания» и «источник знания» набрали одинаковое количество выборов (40%), варианты инструктор и эксперт выбирал каждый пятый опрошенный (22,1%), вариант источник вдохновения также не был выбран.

Среди респондентов старше 40 лет лидерами стало понимание наставника в качестве источника знания и помощника (53,8%). На втором месте советник и образец для подражания (46,2%), затем проводник (38,5%). Реже выбирали инструктора и эксперта (15,4%), источник вдохновения не был выбран ни разу.

На государственных предприятиях лидирует соотнесение наставника с помощником (62,5%). Советник, источник знания и инструктор выбрал каждый второй руководитель государственных форм собственности предприятий (50%). Следующие варианты расположились в таком порядке: эксперт (37,5%), проводник и друг (25%), образец для подражания и источник вдохновения (по 12,5% каждый вариант). На предприятиях с частной формой собственности каждый второй руководитель называет наставника по-

мощником, советником и образцом для подражания (50%), каждый третий – источником знания (31%), каждый четвертый – экспертом (25%), каждый пятый – проводником (19%). Руководители (ИП) не считают наставника помощником. У

них лидирует понимание его как источника знания, эксперта, проводника, образца для подражания (67,7%), на втором месте идет советник и инструктор (33%), варианты друг и помощник не были выбраны (см. рис. 2).

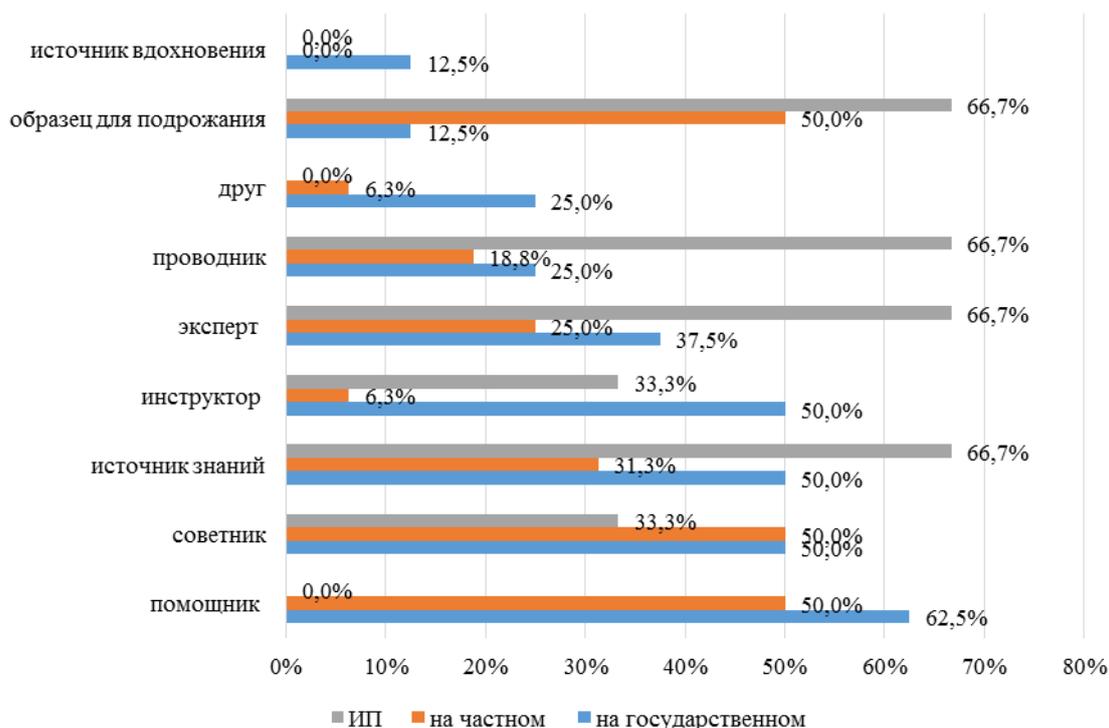

Рис. 2. Смысловая характеристика наставничества в зависимости от формы собственности предприятия

На вопрос: «Организована ли система наставничества для молодых специалистов на вашем предприятии/вашей организации?» большинство ответило утвердительно (90%), среди них процент муж-

чин был выше 93,8 к 85,7 у женщин. 6,7% респондентов выбрали вариант «нет, но была ранее», тогда как 3% вариант «нет» (см. рис. 3).

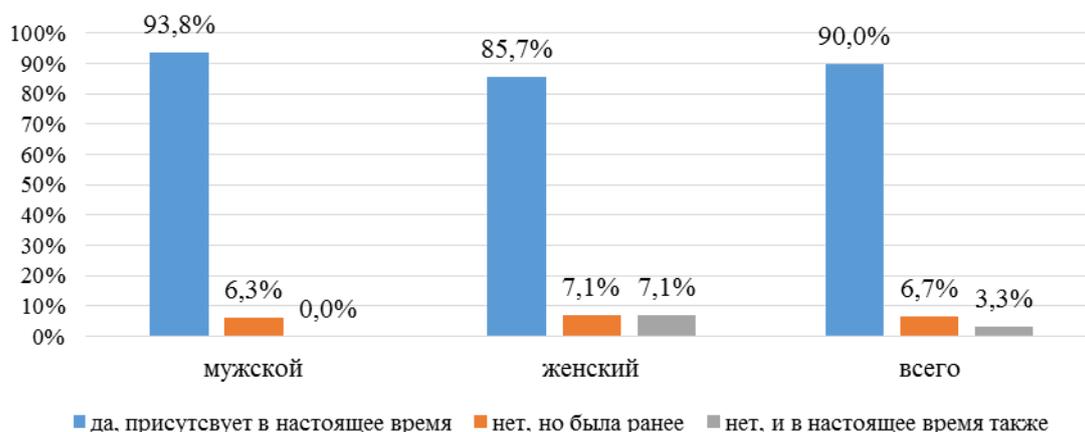

Рис. 3. Наличие наставничества на предприятии/в организации

Руководители до 30 лет чаще оставили свой выбор на варианте «да, присутствует в настоящее время» (88,9%), вариант «нет, но была ранее» выбрал каждый десятый респондент (11,1%), тогда как вариант «нет, и в настоящее время также отсутствует» никто не выбрал. Опрошенные в возрасте от 30 до 40 лет выбрали только вариант «да, присутствует в настоящее время» (100%).

Среди опрошенных старше 40 лет вариант «да, присутствует в настоящее время» набрал (85,7%), а вариант «нет» – 14,3 % от общего числа опрошенных.

Согласно результатам опроса руководители, работающие в государственном секторе, все без исключения утверждали, что система наставничества присутствует в их организации в полном объеме (100%). Руководители частного сектора вариант ответа «да, присутствует в настоящее время» выбирали реже (82%). Каждый десятый из них отрицает наличие наставничества на данный период времени, тогда как 6 % указывают на то, что она была ранее. Среди представителей индивидуальных предпринимателей выбирали только вариант «да, присутствует в настоящее время» (100%).

По итогам проведенного социологического исследования большинство руководителей в наставнике видят в первую очередь советника и помощника, а также

образец для подражания и источник знаний. Ответы мужчин и женщин в этом вопросе не имели существенных отличий, за исключением только одного – руководители мужчины поставили акцент на образце для подражания, а женщины на помощнике.

Были выявлены и возрастные различия. Руководители до 30 лет видят в наставнике эксперта и советника, тогда как у респондентов старше 40 лет лидером стало понимание наставника в качестве источника знания и помощника.

Руководители работающие на государственных предприятиях в смысловое понимание наставничества вкладывают такие значения: помощь, совет, источник знания и инструктор. На предприятиях с частной формой собственности и у индивидуальных предпринимателей помимо данных вариантов этого акцент ставится и на образце для подражания.

Большинство опрошенных утверждают, что по месту из работы система наставничества имеет место быть. Однако каждый десятый руководитель частного сектора и моложе 30 лет говорит об отсутствии наставника в их организации. В целом данную систему наставничества и ее дальнейшее развитие необходимо рассмотреть как значительную меру привлечения молодых специалистов на рабочие специальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Махиянова А.В. Жизненные ценности современной личности: состояние и роль агентов социализации в их формировании // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Философия и социология; культурология. Научный журнал. 2011. № 1 (4). С. 99-102.
2. Махиянова А.В. Методика оценки мнения населения по социальным проблемам общества // Электронный экономический вестник Татарстана. 2014. № 2. С. 70-75.
3. Махиянова А.В. Социализация личности в современных условиях. Монография. Изд-во КГЭУ, Казань, 2011.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Mahijanov A.V. Zhiznennye cennosti sovremennoj lichnosti: sostojanie i rol' agentov socializacii v ih formirovanii // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filosofija i sociologija; kul'turologija. Nauchnyj zhurnal. 2011. № 1 (4). S. 99-102.
2. Mahijanov A.V. Metodika ocenki mnenija naselenija po social'nym problemam obshhestva // Jelektronnyj jekonomicheskij vestnik Tatarstana. 2014. № 2. S. 70-75.

-
3. Mahijanova A.V. Socializacija lichnosti v sovremennyh uslovijah. Monografija. Izd-vo KGJeU, Kazan', 2011.

Поступила в редакцию 07.07.2020.

Принята к публикации 11.07.2020.

Для цитирования:

Сагетдинов А.Ф. Система наставничества рабочей молодежи: реальность и ожидания // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 131-135. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Sagatdinov.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3979332>

УДК 338.47

Упоров И.В.

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России. 350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128. E-mail: uporov@list.ru.

Муниципальный пассажирский транспорт как важнейшая составляющая социально-экономической жизни муниципальных образований

Аннотация. В статье на концептуальной основе рассматриваются вопросы, связанные организацией пассажирского транспортного обслуживания в муниципальных образованиях. Показана важность этой сферы для социально-экономической жизни местного сообщества, описано состояние муниципального пассажирского транспорта, рассмотрены имеющиеся сложности, препятствующие эффективной работе транспорта. На основе анализа научных трудов по заявленной теме, нормативно-правовых актов, статистических данных формулируется понятие «транспортной инфраструктуры», обосновываются пути решения типичных проблем, с которыми сталкиваются муниципалитеты.

Ключевые слова: муниципальный пассажирский транспорт, маршрут, органы местного самоуправления, инфраструктура, транспортные средства, общество, экономические интересы, эффективность экономических решений.

Uporov I.V.

Uporov Ivan Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 350005, Krasnodar, Yaroslavskaya st., 128. E-mail: uporov@list.ru.

Municipal passenger transport as the most important component of socio-economic life municipalities

Abstract. The article on a conceptual basis examines the issues related to the organization of passenger transport services in municipalities. The importance of this area for the socio-economic life of the local community is shown, the state of municipal passenger transport is described, the existing difficulties that hinder the efficient operation of transport are considered. On the basis of the analysis of scientific works on the stated topic, regulatory legal acts, statistical data, the concept of "transport infrastructure" is formulated, ways of solving typical problems faced by municipalities are substantiated.

Key words: municipal passenger transport, route, local governments, infrastructure, vehicles, society, economic interests, efficiency of economic decisions.

Как отмечал в своем знаменитом «Капитале», «революция в процессе производства промышленности и земледелия сделала необходимой революцию в общих условиях обще-

ственного процесса производства, то есть в средствах связи и транспорта ... связь и транспорт были постепенно приспособлены к способу производства крупной промышленности посредством системы

речных пароходов, железных дорог, океанских пароходов и телеграфов» [5, с. 395]. В дальнейшем, по мере трансформации индустриального общества в постиндустриальное (со второй половины XX века) транспорт, продолжая оставаться важнейшим механизмом экономической деятельности, все более и более усиливает свою роль как фактор социально-потребительский, и в данном контексте важнейшее значение приобретает организация пассажирских перевозок в административно-территориальных единицах, в нашем случае – в муниципальных образованиях, что является, в свою очередь, неотъемлемым признаком экономического развития. Дома, улицы, школы, места проведения досуга, парки и т.д. – везде жители муниципальных образований являются потребителями различных продуктов развивающейся городской инфраструктуры и, среди которой общественный пассажирский транспорт занимает важнейшее место, следовательно, качественные характеристики транспортной инфраструктуры детерминируют соответствующее социальное самочувствие проживающих в городах людей [1, с. 304].

Если говорить конкретнее применительно к муниципальному транспорту, то после принятия муниципалитетами этого вопроса к своему ведению в начале 1990-х гг., то произошел заметный спад в его развитии, что было связано с уменьшением финансирования, поскольку местные бюджеты не справлялись с финансовыми проблемами, что зачастую приводило к уменьшению численности выпускаемого на маршруты подвижного состава и убыточности его эксплуатации. Следует заметить, что последствия указанного спада не преодолены до сих пор. Между тем сетью муниципального пассажирского транспорта (далее – МПТ) пользуется около 65% всего населения России, которое обеспечивает не менее 80% внутреннего валового продукта страны. В целом же о месте и значении транспорта говорит его значительный удельный вес в основных производственных фондах России, существенная доля транспортных

услуг в ВВП (до 8%), в инвестициях, направляемых на развитие экономики (более 10%), в количестве занятых работников (6-73%), а также в потреблении энергии разных видов, металла и в ряде других показателей, характеризующих экономику страны [9]. Поэтому успешно решать дальше экономические, социальные и иные проблемы, которая ставит современная жизнь, без надежного и доступного транспорта общего пользования крайне затруднительно.

При этом ситуация циклически обостряется, поскольку по мере ухудшения работы МПТ в большинстве городов из-за заторов и ставших так привычных пробок в часы пик все больше жителей предпочитают индивидуальные автомобили, и соответственно и потребность в расширении дорог для каждого пассажира увеличивается в разы. Здесь нельзя не учитывать зарубежный негативный опыт. Так, в Париже в 1960-е гг. власти обещали выполнить невозможное – обеспечить всем возможность бесплатного передвижения по городу на автомобиле, и в результате ситуация дошла до «мокрых брюк» водителей, которые простаивали в заторах по 6–8 часов и более. Городским властям Парижа пришлось принимать кардинальные меры. Россия также подошла к рубежу, когда без срочных мер по исправлению транспортной проблемы экономику городов России ожидает серьезное испытание, в частности, как отмечается в литературе, с большой долей вероятности может нарастать социальная напряженность, которая будет вызываться снижением качества жизни в городах [6].

О сложностях, с которыми сталкивается муниципальная транспортная отрасль в настоящее время, свидетельствует и возросшая нагрузка на устаревший подвижной состав МПТ (автобусы, трамваи, троллейбусы). Так, в постсоветский период число городов в России возросло более чем на шесть процентов, при этом доля населения, которое проживает в них, увеличилось в 3,5 раза. За эти годы численность только автомобильного пассажирского парка была наращена более

чем в два раза. В настоящее время в городах сосредоточено 80% автомобильного пассажирского подвижного состава, и такой масштаб намного превышает возможности имеющейся улично-дорожной сети, которая, к тому же, проектировалась еще в середине прошлого века [3]. Нужно также иметь в виду, что все больше и больше российских жителей переориентируются с общественного на личный транспорт, числе единиц которого, как отмечалось выше, с каждым годом растет и все более усложняет функционирование МПТ.

Поэтому следует согласиться с Н.А. Пахолковым и Д.А. Перваловым в том, что существенным условием необходимого ускорения социально-экономического развития нашей страны является развитие современной транспортной инфраструктуры конкретных территорий муниципальных образований. От решения столь важной проблемы зависит не только укрепление единства государства, успешное развитие различных отраслей экономики, но и в целом, как следствие, рост благосостояния населения. И это не случайно – дело в том, что основная специфика пассажирских автотранспортных перевозок заключается, бесспорно, в их социальной значимости, и «от того, насколько будут обеспечены объемы, качество и доступность транспортных услуг населению, в значительной степени зависит социальная стабильность в муниципальных образованиях, субъектах Российской Федерации и во всей стране» [8, с. 71].

В данном контексте следует остановиться на понятии транспортной инфраструктуры как организационной и материальной основы функционирования МПТ. Имеется распространенное мнение, согласно которому под транспортной инфраструктурой полагают только сеть путей сообщения. Разумеется, пути сообщения представляют важнейшую составляющую транспортной инфраструктуры, однако сводить ее лишь к этому вряд ли правильно, поскольку неотъемлемой частью транспортной инфраструктуры являются техническая часть, а также управленческая часть.

В этом смысле, согласно точке зрения Э.Р. Салимовой, понятие «инфраструктура» означает многообразие общих условий, которые создают предпосылки для эффективного развития материального производства, равно как и социальной сферы. При этом инфраструктура функционально всегда связана с территориальной структурой, то есть с деятельностью служб, предприятий и учреждений, необходимых для обеспечения как материального производства территории (субъекта Российской Федерации, муниципального образования) и нормальной жизнедеятельности проживающего на этой территории населения. Соответственно территориальной системе каждого общественного производства (в нашем случае это транспорт), в зависимости от уровня развития экономики, характерна своя инфраструктура. Например, в зонах сосредоточения тяжелой промышленности имеется большая потребность в грузовых перевозках, а для рекреационной зоны характера повышенная потребность в пассажирских перевозках [10, с. 86]. Как видно, здесь автор за основу берет фактическое положение в развитии определенной отрасли промышленности.

Исследователи транспортных проблем выделяют также понятие инфраструктуры пассажирских перевозок, что несколько шире, чем понятие транспортной инфраструктуры. При этом несмотря на достаточно активное использование данного термина, пока отсутствует нормативное его определение. Вместе с тем законодатель определяет смежное понятие – объекты транспортной инфраструктуры. Это было сделано с принятием федерального Устава автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта [12], где в п. 10 ч. 1 ст. 2 указывается, что объекты транспортной инфраструктуры – это сооружения, производственно-технологические комплексы, которые предназначены для обслуживания пассажиров, грузоотправителей, фрахтователей, грузополучателей, перевозчиков и фрахтовщиков, а также для обеспечения работы транспортных средств.

Как видно, транспортные средства не включаются в состав транспортной инфраструктуры. Такой подход законодателя находит подтверждение и в других нормативно-правовых актах, в частности, в УК РФ само название введенной в 2010 г. ст. 263.1 («Неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах») весьма показательно. Мы полагаем целесообразным уточнить эту позицию.

Как представляется под муниципальной транспортной инфраструктурой следует понимать совокупность следующих составляющих, находящихся в ведении органов местного самоуправления: 1) транспортные средства (прежде всего - трамваи, автобусы, троллейбусы, в некоторых муниципальных образованиях востребован водный транспорт); 2) дорожно-магистральная сеть (дороги, мосты, эстакады, рельсовые пути и т.д.); 3) объекты материально-технического обеспечения (депо, гаражи, ремонтные цеха, системы связи и навигации и т.д.).

Что касается принадлежности элементов транспортного комплекса к тому или иному виду собственности, то здесь не может быть общего знаменателя, поскольку в каждом муниципальном образовании исторически и фактически ситуация складывается сугубо индивидуально [2, с. 95]. При этом преобладает, бесспорно, муниципальная собственность. Но в любом случае организующую роль и законодательно и фактически по организации МПТ выполняют органы местного самоуправления, поскольку транспортное обслуживание населения является одним из вопросов местного значения – согласно в ст. 14-16 ФЗ-131 от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [11] (далее – ФЗ-131), для реализации которых муниципальная власть наделяется законодателем соответствующими полномочиями. Организация соответствующих мер со стороны органов местного самоуправления осуществляется прежде всего посредством

выбора на конкурсной основе перевозчиков, способных осуществить наиболее качественное и, что не менее важно, безопасное оказание услуг по перевозке жителей муниципальных образований на регулярных маршрутах. При этом следует отметить, что организация перевозок как составные части включает выбор вида и количества подвижного состава на регулярных маршрутах, разработку соответствующих маршрутных схем, а также координацию работы автомобильного и электрического транспорта, то есть, то, что и является маршрутной сетью.

Если затронуть далее вопрос о создании маршрутной сети, то он является прерогативой органов местного самоуправления, поскольку данная деятельность содержательно представляет собой, собственно, реализацию органами местного самоуправления вопроса местного значения, связанного с обеспечением транспортного обслуживания населения муниципального образования.

В практике здесь наблюдается немало проблем, из наиболее актуальных отметим связанную с конкурсным распределением среди перевозчиков маршрутов МПТ, в частности, некоторыми авторами обосновываются позиции, согласно которым подвергаются сомнениям правомерность и целесообразность самой конкурсной процедуры распределения городских маршрутов [7, с. 54]. Здесь действительно не все однозначно. Наша позиция заключается в том, что маршруты МПТ не могут функционировать отдельно от транспортных инженерных и иных коммуникаций, являющихся, как правило, муниципальной собственностью, что дает основание органам местного самоуправления распоряжаться маршрутами МПТ. Кроме того, сама потребность в объемах и видах МПТ определяют муниципалитеты, и вполне логично, что разработка маршрутов и их распределением должны заниматься органы местного самоуправления.

Другое дело, что, поскольку МПТ – это разновидность хозяйственной деятельности, приносящая экономическую

прибыль, то она должна осуществляться на основе общих требований в сфере предпринимательства, и здесь, конечно, муниципалитеты обязаны проводить конкурсы среди перевозчиков с целью достижения наиболее полного удовлетворения жителей муниципальных образований в транспортных услугах. Вместе с тем нужно иметь в виду, что указанный тезис относится в основном к городам, где широко востребованы транспортные услуги и жителей – потребителей данных услуг имеется в достаточном количестве, что делает транспортный бизнес прибыльным, и в этом смысле муниципалитеты значительно облегчают себе задачу.

Но не будем забывать, что в России из 22 тысяч муниципальных образований городов только 1117, а муниципальных районов – 1731 (по состоянию на 1 января 2020 г. по данным Росстата) – в них, как правило, есть возможность передать МПТ в обслуживание транспортному бизнесу. Однако во многих муниципальных образованиях ввиду разных причин (небольшой пассажиропоток, плохое состояние дорог и т.д.) эта деятельность убыточна, и тогда приходится создавать муниципальные унитарные предприятия (МУП) с заведомыми убытками. Но, как мы отмечали, бюджетная обеспеченность большинства муниципальных образований очень низкая, не позволяющая эффективно решать организацию МПТ. В этой связи, учитывая важность транспорта в социально-экономической жизни любого территориально-публичного образования, целесообразно, на наш взгляд, в ситуации, когда муниципалитет не в состоянии решать данный вопрос, передать его (на определенный срок) в ведение субъектов Федерации, и здесь мы солидарны с Т.А. Лукасевич о том, что в этой сфере нужно использовать не только экономические, но и политические механизмы [4, с. 31], что, разумеется, не исключает инициативы муниципальных образований в поиске и реализации различных способов и методов решения транспортной проблемы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что пассажирский транспорт общего пользования занимает важнейшее место в муниципальной инфраструктуре, поскольку направлен на удовлетворение как экономических, так и социально-потребительских интересов большинства населения муниципальных образований. Организацией транспортного обслуживания на территории муниципального образования занимаются органы местного самоуправления, что является их обязанностью, вытекающей из содержания вопросов местного значения, определенных в ст. 14-16 ФЗ-131. Реализация данной обязанности осуществляется с большими сложностями, учитывая дефицитные бюджеты абсолютного большинства муниципальных образований. Вместе с тем с переходом России на рыночные отношения в начале 1990-х гг. в муниципальных образованиях стали активно использоваться возможности перевозчиков не только традиционно муниципальной, но и частных форм собственности (хозяйственных обществ и индивидуальных предпринимателей), что позволило улучшить положение с МПТ. Однако рыночные механизмы не всегда приводят к положительному эффекту, поскольку частные перевозчики не владеют достаточной транспортной инфраструктурой, включая ремонтные базы, медицинский контроль и т.д. С другой стороны, МУП, реализующие функцию транспортного обслуживания населения, не имеют экономической самодостаточности, поэтому в муниципальных образованиях в настоящее время идет активный и очень сложный поиск оптимального сочетания муниципальной и иных форм собственности при организации регулярных пассажирских перевозок. При этом основные показатели результативности работы по организации общественного транспорта в муниципальных образованиях должны заключаться в качестве предоставляемых транспортных услуг, обеспечении безопасности пассажиров, доступности транспортных услуг большинству населения муниципального образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамян Г.П. Транспортная инфраструктура города Владикавказ в общественном мнении граждан // Известия государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 117. С. 301-310.
2. Володькин П.П. Оптимизация транспортного обслуживания населения муниципальных образований с учетом социальных факторов: дис. ... д-ра техн. наук. Волгоград, 2011. 455 с.
3. Изъюрова Л. Неустойчивая устойчивость // Транспорт России. 2012. 5 июля. URL: <http://transportrussia.ru/gorodskoy-passazhirskiy-transport/neustoychivaya-ustoychivost.html>
4. Лукасевич Т.А. Планирование развития общественного транспорта в муниципальном образовании (на примере г. Хабаровска): дис. ... канд. экон. наук. Хабаровск, 2007. 177 с.
5. Маркс К. Сочинения. В 39 т. Т. 23. М.: Гос. изд. полит. лит-ры, 1966. 517 с.
6. Морозов А. Нужна стратегия (в крупных городах России транспортная проблема стала проблемой номер один) // Транспорт России. 2012. 2 февраля. URL: <http://transportrussia.ru/item/1170-nuzhna-strategiya.html>
7. Новик А.А. Проблемные вопросы законодательства, регулирующего пассажирские перевозки автомобильным транспортом // Транспортное право. № 1. 2005. С. 51-63.
8. Пахолков Н.А., Перевалов Д.А. Формирование и развитие транспортной инфраструктуры региона // Проблемы и перспективы развития общественного транспорта. Вологда, 2010. С. 68-76.
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.11.2008 N 1734-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации» (ред. от 12.05. 2018 г.) // СПС «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82617/
10. Салимова Э.Р. Структура муниципального сектора экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 3. С. 85-88.
11. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 23.05.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ОРГАНИЗАЦИЯ%20СБОРА%20И%20ВЫВОЗА%20ТБО/
12. Федеральный закон от 08.11.2007 N 259-ФЗ (ред. 08.03. 2020 г.) «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // СПС «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=72388#03615144261455221>

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Abramjan G.P. Transportnaja infrastruktura goroda Vladikavkaz v obshhestvennom mnenii grazhdan // Izvestija gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2009. №117. S. 301-310.
2. Volod'kin P.P. Optimizacija transportnogo obsluzhivanija naselenija municipal'nyh obrazovanij s uchetom social'nyh faktorov: dis. ... d-ra tehn. nauk. Volgograd, 2011. 455 s.
3. Iz#jurova L. Neustojchivaja ustojchivost' // Transport Rossii. 2012. 5 ijulja. URL: <http://transportrussia.ru/gorodskoy-passazhirskiy-transport/neustoychivaya-ustoychivost.html>
4. Lukasevich T.A. Planirovanie razvitija obshhestvennogo transporta v municipal'nom obrazovanii (na primere g. Habarovska): dis. ... kand. jekon. nauk. Habarovsk, 2007. 177 s.
5. Marks K. Sochinenija. V 39 t. T. 23. M.: Gos. izd. polit. lit-ry, 1966. 517 s.
6. Morozov A. Nuzhna strategija (v krupnyh gorodah Rossii transportnaja problema stala problemoj nomer odin) // Transport Rossii. 2012. 2 fevralja. URL: <http://transportrussia.ru/item/1170-nuzhna-strategiya.html>
7. Novik A.A. Problemnye voprosy zakonodatel'stva, regulirujushhego passazhirskie perevozki avtomobil'ny'm transportom // Transportnoe pravo. № 1. 2005. S. 51-63.
8. Paholkov N.A., Perevalov D.A. Formirovanie i razvitie transportnoj infrastruktury regiona // Problemy i perspektivy razvitija obshhestvennogo transporta. Vologda, 2010. S. 68-76.
9. Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 22.11.2008 N 1734-r «O Transportnoj strategii Rossijskoj Federacii» (red. ot 12.05. 2018 g.) // SPS «Konsul'tantPljus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82617/

10. Salimova Je.R. Struktura municipal'nogo sektora jekonomiki // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 3. S. 85-88.
11. Federal'nyj zakon ot 06.10.2003 N 131-FZ (red. ot 23.05.2020) «Ob obshhih principah organizacii mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPljus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ORGANIZACIJa%20SBORA%20I%20VYVOZA%20TBO/
12. Federal'nyj zakon ot 08.11.2007 N 259-FZ (red. 08.03. 2020 g.) «Ustav avtomobil'nogo transporta i gorodskogo nazemnogo jelektricheskogo transporta» // SPS «Konsul'tantPljus». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=72388#03615144261455221>

Поступила в редакцию 24.07.2020.

Принята к публикации 27.07.2020.

Для цитирования:

Упоров И.В. Муниципальный пассажирский транспорт как важнейшая составляющая социально-экономической жизни муниципальных образований // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 136-142. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/UporovSE.pdf>

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА И ПРАВО

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3971946>
УДК 35.08

Гатина Л.И.

Гатина Лейсан Ильясовна, кандидат социологических наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет. 420015, Россия, г. Казань, ул. К. Маркса, 68. E-mail: gli@yandex.ru.

Проблемы и перспективы ротации государственных служащих в Республике Татарстан

Аннотация. В статье представлены результаты пилотажного исследования методом анкетирования двух групп респондентов – государственных служащих органов власти Республики Татарстан и студентов, являющихся потенциальными государственными служащими. Анкетирование было направлено на апробацию инструментария исследования и определение представления о ротации у двух групп респондентов. На основе полученных ответов от респондентов были определены проблемные аспекты ротации на государственной службе в органах власти Республики Татарстан и перспективы развития механизма ротации.

Ключевые слова: ротация, государственные служащие, государственная служба, кадровый состав государственной службы, проблемы ротации, профессиональное развитие, управление кадрами на государственной службе.

Gatina L.I.

Gatina Leysan Ilyasovna, Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Kazan national research technological university. 420015, Russia, Kazan, K. Marx st., 68, E-mail: gli@yandex.ru.

Problems and prospects of rotation of public servants in Tatarstan Republic

Abstract. The article presents the results of a pilot study using a survey of two groups of respondents – civil servants of Tatarstan Republic and students who are potential public servants. The survey was aimed at testing the research tools and determining the perception of rotation in two groups of respondents. Based on the responses received from the two groups of respondents, the problem aspects of rotation in the public administration of Tatarstan Republic and the prospects for the development of the rotation mechanism were identified.

Key words: rotation, public servants, public administration, personnel structure of public administration, rotation problems, professional development, human resources management in the public administration.

От результатов деятельности каждого государственного служащего, их профессионализма зависит в итоге эффективность государственных органов власти. Одну из задач при этом выполняет управление кадрами государственной службы. Одним из механизмов реализации управления кадровым составом государственной службы (имеется в виду гражданская служба) является ротация государственных гражданских служащих [1].

В литературе можно встретить различные трактовки понятия «ротация», одно из наиболее полных – ротация «представляет собой процесс перемещения работника (государственного служащего) с одной должности на другую по горизонтали в порядке осуществления регулярной сменяемости кадров с целью их оптимального использования» [2, с. 86]. Также можно назвать таких авторов, занимающихся исследованием механизма ротации, как Дятлов В.А., Кибанов А.Я., Пихало В.Т., Федосеев В.Н., Капустин С.Н., Базаров Т.Ю., Еремин Б.Л. и др.

К настоящему времени в практике управления кадрами государственных органов используется ряд нормативно-правовых актов и методических рекомендаций, касающихся ротации государственных служащих. Например, в концепции федеральной программы реформирования системы государственной службы Российской Федерации определен механизм ротации: «ротация кадрового состава государственных служащих осуществляется путем перевода с одной должности на другую в пределах одного государственного органа либо перевода из одного государственного органа в другой - как на федеральном, так и на региональном уровне» [3]. В ст. 60.1 Федерального закона № 79-ФЗ ротация определяется как «предусмотренное служебным контрактом и осуществляемое в установленном порядке на определенный срок, перемещение или перевод (с согласия) государственных служащих, замещающих утвержденные соответствующим нормативным правовым актом на должности государственной службы, в

пределах одной местности или в другую местность на плановой, а в отдельных установленных случаях – внеплановой основе на иную равнозначную (или в ряде случаев более высокую) должность государственной службы с учетом уровня квалификации, профессионального образования и стажа государственной службы или работы (службы) по специальности в том же государственном органе либо в другом государственном органе» [4].

В целом особенность ротации состоит в горизонтальном перемещении работника в соответствии с различными целями, которые могут состоять в создании основы для карьерного роста, развитии управленческого потенциала, преодолении функциональной ограниченности, получении новых знаний, противодействии коррупции, предупреждении усталости и профессионального выгорания и т.п.

Ротация часто используется на государственной службе таких стран, как ФРГ, Япония, Сингапур. Последняя интересна в данном случае тем, что является образцовой моделью для Республики Татарстан. В Сингапуре постоянная ротация государственных служащих является основным принципом кадровой политики в государственных органах власти, что помогло освободиться от коррупции, о чем говорит пятое место рейтинг индекса восприятия коррупции [5].

В Республике Татарстан в настоящее время действует «План проведения ротации государственных гражданских служащих Республики Татарстан на 2014-2024 годы», утвержденный распоряжением Кабинета Министров Республики Татарстан от 27.12.2013 №2780-р [6], в соответствии с которым происходит перемещение кадров государственной службы региона. Но за последние годы само пространство ротации даже сузилось. В Татарстане на момент разработки плана по проведению ротации указывались следующие должности гражданской службы в следующих органах исполнительной власти:

- Министерство экологии и природных ресурсов Республики Татарстан (14 должностей);

- Министерство труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан (2 должности);

- Государственный комитет РТ по тарифам (2 должности);

- Государственная жилищная инспекция РТ (14 должностей);

- Государственная инспекция РТ, обеспечивающая государственный контроль, за производством, оборотом и качеством этилового спирта, алкогольной продукции и защите прав потребителей (2 должности);

- Инспекция государственного строительного надзора Республики Татарстан (5 должностей);

- Управление по охране и использованию объектов животного мира Республики Татарстан (28 должностей);

- Управление по надзору за техническим состоянием самоходных машин и других видов техники Республики Татарстан (36 должностей).

Всего в Перечень должностей, подлежащих ротации, от 2 марта 2020 года включены 103 должности [6], которые наиболее подвержены коррупции, наделенные полномочиями государственного контроля. По сравнению с Перечнем должностей 2013 года, подлежащих ротации, сократилось количество министерств и ведомств, в которых необходимо проводить ротацию, но при этом увеличилось количество должностей. В 2020 году уже было проведено 29 перемещений регионального уровня и федерального, из них 19 перемещений регионального уровня было вертикального характера и только одно – горизонтального. Ранее 2020 года ротация проводилась в 16 министерствах и ведомствах Республики, сейчас будет проводиться только в двух министерствах и в шести ведомствах, перемещение будет возможно как внутри одного ведомства, так и между ними.

Официальная точка зрения на ротацию в России в целом и в частности в Республике Татарстан не исчерпывает представление о ротации и ее состоянии в государственных органах, поэтому в качестве пилотного исследования в апре-

ле 2020 года было проведено анкетирование тридцати государственных служащих органов власти Татарстана и ста студентов, обучающихся по направлениям «Экономика и управление», «Юриспруденция», «Гуманитарные и социологические науки», «Математические и естественные науки» в университетах региона. Цель анкетирования заключалась в определении значения и смысла ротации для государственных служащих и потенциальных кадров государственной службы. Анкетирование двух групп респондентов проводилось по разным анкетам, разработанным в соответствии с особенностями их настоящего профессионального статуса.

Респонденты от государственной службы были представлены различными возрастными группами от 19 до 61 года, женщин среди них было 73,3% (22 чел.), мужчин – 26,7% (8 чел.). Из опрошенных госслужащих 30% (9 чел.) занимают должности гражданской службы категории «руководители», должности категории «специалисты» занимают 70% (21 чел.) респондентов. Высшее образование имеют 80% (24 чел.) респондентов, неполное высшее – 13,3% (4 чел.), специальное – 6,7% (2 чел.). Опрос показал, что только 20% госслужащих имеют профессиональное образование в области экономики и управления, большая часть респондентов имеют гуманитарное, математическое естественное образование. Из всех опрошенных всего 13,3% (4 чел.) имеют два образования по направлению «Экономика и управление» и по профилю конкретной сферы деятельности. Выявляется недостаточный уровень образования у большинства респондентов в сфере государственного и муниципального управления, что напрямую должно быть учтено в осуществлении кадровой политики в органах государственного управления.

Из опрошенных государственных служащих только 26,7% (8 чел.) подпадали под ротацию, то есть только четвертая часть. Большинство опрошенных респондентов – 76,7% к ротации относятся по-

ложительно, 6,7% – отрицательно, 6,7% – относятся по ситуации, 3,3% ответили, что отношение зависит от принудительности ротации, 3,3% указали необходимость учета согласия работника, еще 3,3% респондентов не знают, что такое ротация, что говорит об их низком уровне знаний в сфере государственного и муниципального управления. Положительные качества ротации, указанные

государственными служащими, представлены в Табл. 1. Среди ответов нужно обратить внимание, что только 30% респондентов указывают на предупреждение коррупции с помощью ротации. В основном упор в положительных характеристиках ротации респондентами делается на профессиональное развитие, карьерное продвижение государственного служащего.

Таблица 1. Оценка положительных характеристик ротации государственными служащими

Критерий	% ответивших
Обеспечение профессионального развития госслужащего	60%
Профилактика профессионального выгорания госслужащего	53,3%
Обеспечение карьерного продвижения госслужащего	56,7%
Повышение универсальности сотрудников, расширение их функционала	40%
Предупреждение внутренних конфликтов в государственных органах власти	20%
Предотвращение коррупции в государственных органах власти	30%
Помогает повышать мотивацию или внедрять новые идеи в работе	20%
Подбор служащему более подходящего места в штате при низких результатах его деятельности на его прежней должности	30%
Выявляются наклонности служащего и возможности его наилучшего использования	50%

Отрицательные характеристики ротации, указанные государственными служащими, представлены в Табл. 2, из которой видно, что главными отрицательными качествами ротации являются неготовность и нежелание служащих покидать привычные должности, снижение производительности в период адаптации перемещённых сотрудников, их привыкание к новым должностям, коллегам, условиям работы, необходимость преодоления психологических барьеров при кадровом перемещении.

Государственные служащие также отвечали на вопрос о том, что они хотели бы изменить в механизме проведения ротации, ответы представлены в Табл. 3. По мнению респондентов, механизм проведения ротации необходимо персонализировать, расширяя мотивацию государственных служащих к должностному перемещению с помощью социальных га-

рантий, обоснования ее проведения, материального стимулирования.

Также необходимо указать, что 70% (21 чел.) опрошенных государственных служащих считают ротацию необходимой в рамках кадровой политики на государственной службе.

Теперь обратимся к результатам анкетирования студентов – потенциальных будущих государственных служащих. В анкетировании приняли участие сто человек от 18 до 24 лет, из них девушки - 57% (57 чел.), юноши - 43% (43 чел.). 41% опрошенных студентов обучаются по направлению «математические и естественные науки», 37% – по направлению «Экономика и управление», 12% – по направлению «Гуманитарные науки», 10% – по направлению «Юриспруденция». 47% опрошенных студентов изъявили желание работать на государственной службе. Подавляющее большинство

из опрошенных студентов (87%) положительно оценивают ротацию на государственной службе, и только 6% отозвались отрицательно о ней. В анкету было включено определение ротации, возможно, с этим отчасти связаны такие результаты. В Табл. 4 приведены результаты ответов студентов о положительных характеристиках ротации. В целом результаты ответов студентов коррелируют с ответами государственных служащих, но предотвращение коррупции у студентов встре-

чается почти в два раза меньше, чем в ответах первой группы респондентов.

Основными минусами ротации опрошенные студенты считают неготовность и нежелание служащих покидать привычные должности - 57%; снижение производительности в период адаптации перемещённых сотрудников, их привыкание к новым должностям, коллегам, условиям работы - 51%; необходимость переезда - 43%. Подобные ответы преобладают также у государственных служащих.

Таблица 2. Отрицательные характеристики ротации, по мнению государственных служащих

Критерий	% ответивших
Слишком часто по времени проведения (каждые 3-5 лет)	26,7%
Неготовность и нежелание служащих покидать привычные должности	63,3%
Снижение производительности в период адаптации перемещённых сотрудников, необходимость привыкания к новым должностям, коллегам, условиям работы	53,3%
Осложнение персональной ответственности за принимаемые решения	23,3%
Необходимость переезда (смена места жительства)	36,7%
Необходимость преодолевать психологические барьеры при кадровом перемещении	40%
Отношение служащих к кадровой ротации как к очередному «заскоку» руководителей	26,7%

Таблица 3. Пожелания государственных служащих относительно проведения ротации на государственной службе

Вариант ответов	Количество ответов
Подвергать ротации только тех, кто согласен	2
Увеличить время перемещения до 7 лет	1
Обеспечить социальные гарантии членам семьи (места в школе, детсадах, работу супругу/супруге)	3
Материально стимулировать работника на проведение ротации	3
Проводить ротацию при застое в учреждении, при низких результатах работы служащего	2
Проводить ротацию только после обоснования ее необходимости	3
Максимально (в т.ч. морально) подготовить работника	2
Упростить проведение ротации	1
Совершенствовать систему проведения ротации	1

Таблица 4. Положительные характеристики ротации на государственной службе, по мнению студентов

Критерий	% ответивших
Обеспечение профессионального развития государственного служащего	64%
Обеспечение карьерного продвижения государственного служащего	56%
Повышение универсальности сотрудников, расширение их функционала	54%
Для профилактики профессионального выгорания	41%
Предупреждение внутренних конфликтов	20%
Предотвращение коррупции	18%

Большинство опрошенных студентов считают процедуру ротации необходимой – это 66%, что также коррелирует с величиной подобных ответов государственных служащих.

Таким образом, обе группы респондентов – работающие государственные служащие и студенты – потенциальные в будущем кадры органов государственного управления в Республике Татарстан демонстрируют похожее в целом мнение о ротации на государственной службе, существенных отличий в плюсах и минусах ротации в ходе анализа результатов анкетирования обнаружено не было. Ротация является необходимой для большинства респондентов для осуществления карьерного роста, профессионального развития, мотивации и предупреждения профессионального выгорания. Но немногие из опрошенных рассматривают ротацию как один из инструментов противодействия коррупции.

Проблемы ротации можно выделить следующие: неготовность и нежелание покидать привычные должности; снижение производительности в период адаптации, привыкание к новым должностям, коллегам, условиям работы; психологический барьер; необходимость переезда и смены места жительства. На эти аспекты необходимо обратить внимание при проведении ротации, так как они требуют индивидуального решения в каждом конкретном случае, а также выстраивать механизм перемещения в условиях замотивированности самих потенциальных участников ротации. Перспективно продвигать в средствах массовой информации, профессиональной подготовке разные цели ротации на государственной службе, акцентируя внимание на том, что ротация государственных служащих позволяет противодействовать коррупции. Полученные данные в ходе пилотажного исследования необходимо подтверждать в рамках репрезентативного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О государственной гражданской службе: Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2004 №79-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601.
2. Литвинцева Е.А. Организационно-методические основы проведения ротации государственных гражданских служащих // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. №3. С. 86-89.
3. О Федеральной программе Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013): Указ Президента РФ от 10.03.2009 №261 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85601.
4. О государственной гражданской службе: Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2004 №79-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601.

5. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ О государственной гражданской службе Российской Федерации (постатейный) / Н.И. Воробьев, В.А. Галкин, М.М. Мокеев, И.Н. Осипова, А.Б. Юдина. URL: <https://base.garant.ru/57631767>.
6. О плане проведения ротации государственных гражданских служащих Республики Татарстан на 2014-2024 годы: Распоряжение Кабинета министров Республики Татарстан от 27.12. 2013 года №2780-р // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/22509963/>.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe: Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 27.07.2004 №79-FZ // SPS «Konsul'tantPljus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601.
2. Litvinceva E.A. Organizacionno-metodicheskie osnovy provedenija rotacii gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashhih // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. 2017. №3. S. 86-89.
3. Federal'noj programme Reformirovanie i razvitie sistemy gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii (2009–2013): Ukaz Prezidenta RF ot 10.03.2009 №261 // SPS «Konsul'tantPljus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85601.
4. gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe: Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 27.07.2004 №79-FZ // SPS «Konsul'tantPljus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601.
5. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 27 ijulja 2004 g. N 79-FZ O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / N.I. Vorob'ev, V.A. Galkin, M.M. Mokeev, I.N. Osipova, A.B. Judina. URL: <https://base.garant.ru/57631767>.
6. plane provedenija rotacii gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashhih Respubliki Tatarstan na 2014-2024 gody: Rasporjazhenie Kabineta ministrov Respubliki Tatarstan ot 27.12. 2013 goda №2780-r // SPS «Garant». URL: <https://base.garant.ru/22509963/>.

Поступила в редакцию 14.07.2020.
Принята к публикации 18.07.2020.

Для цитирования:

Гатина Л.И. Проблемы и перспективы ротации государственных служащих в Республике Татарстан // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 143-149. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Gatina.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3972026>

УДК 351.354/291.1

Ли Янг

Ли Янг, докторант, Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет. Республика Казахстан, г. Семей, ул. Мәңгілік ел., 11. E-mail: liyang721@inbox.ru.

Государственная политика Китайской Народной Республики в отношении религии

Аннотация. В данной статье автор рассматривает вопросы государственной политики КНР в отношении религии. Выбор темы обусловлен актуальностью и значимостью проблем религии для сохранения мира и стабильности в обществе. Религиозная ситуация в Китае отличается от общемировой. Международные исследования общественного мнения показали, что в Китае гораздо ниже число верующих, чем в других странах. Особенностью религиозной политики является регламентация норм поведения верующих, обусловленная стремлением КПК сохранять контроль над идеологией. Это продиктовано тем, что ситуация с мусульманами и буддистами представляется сложной. Скрытая конфликтность в Синцзяне и на Тибете может серьезно угрожать внутренней стабильности.

Ключевые слова: государство, религия, политика, свобода вероисповедания, государственно-конфессиональные отношения, ситуация.

Li Yang

Li Yang, PhD Student, Kazakh State Academy of Law. Republic of Kazakhstan, Semey, Mengilik el st., 11. E-mail: liyang721@inbox.ru.

State policy the people republic of china in relation of religion

Abstract. In the paper considered issues of state policy in the PRC in relation to religion. The choice of topic is due to the relevance and significance the problems of religion for maintaining peace and stability in society. The religious situation in China is different from the global. International opinion polls have shown that the number of believers in China is much lower. A feature of religious policy seems to be the regulation of the norms of behavior of believers, due to the desire of the CCP to maintain control over ideology. This is dictated by the fact that the situation with Muslims and Buddhists seems complicated. The latent conflict in Xinjiang and Tibet can ultimately seriously threaten internal stability.

Key words: state, religion, politics, religious freedom, state-confessional relations, situation.

Религия составляла и будет продолжать составлять важную часть человеческой ментальности. Именно религиозная компонента формирует идентичность существенной части современных этносов. Это в полной мере соответствует ситуации Китайской Народной Республики, так как Китай на всем протяжении своей истории был

страной, населенной разными народами, исповедующими разные религии.

После провозглашения КНР руководство страны не стало агрессивно внедрять атеизм в систему государственного управления, наоборот оказывало поддержку тем религиозным течениям, которые были лояльны к новой власти. В настоящее время религиозный ландшафт Китая представлен:

– буддизмом, самой распространенной религией в Китае;

– исламом, который исповедуют проживающие в КНР уйгуры, хуэйцы, узбеки, таджики, казахи, киргизы, татары, сала, баоань и дунсян;

– христианством (католичество и протестантизм);

– даосизмом.

В статье речь идет о формах и подходах государственной политики в области религии. Китайский опыт интересен тем, что религиозные процессы там развиваются в отличном от общемирового направления, что показывают итоги экспертного опроса, сделанного институтом Гэллапа [см.: 13]. Доля тех, кто заявил, о своем неверии в Бога составила 67 %, и лишь 9 % респондентов указали на то, что они верят в Бога. Для сравнения в мире, примерно 70 % верующих в бога, в той или иной форме [12].

Особенность китайского управления религиозной политикой состоит в прагматизме и сочетании интересов власти и нужд граждан. В связи с этим для исследователя интересно изучить пути формирования политической стабильности и оценить степень влияния религиозного фактора на безопасность Китайской Народной Республики.

Цель статьи заключается в обосновании роли государства в обеспечении мира и внутренней стабильности в Китае, исходя из возрастания роли религиозного фактора для социального развития общества.

Постановка цели обусловила необходимость решения следующих задач: формулирование базовых принципов деятельности религиозных учреждений в Китае; анализ основных тенденций развития религиозной ситуации; изучение особенностей регулирования религиозной политики в КНР, с целью построения действующей модели государственно-конфессиональных взаимодействий.

Российский исследователь Л. Афонина [1-4] посвятила несколько работ оценке роли и места государства при формировании религиозной политики в Китае.

Невозможно обойти вниманием личность Дэн Сяопина, которого по праву считают отцом современного Китая, Р.Р. Мухаметзянов и А.А. Миннебаева [10] рассматривают религиозную ситуацию в этот период, делая упор на оценку влияния религии на социальные процессы. Конфликты между политической властью КНР и религиозными движениями предмет исследования С.В. Будаева, Н.В. Черкасова и В.А. Белоганова [5], рассматривают, как изменения религиозной ситуации отражаются на безопасности.

Вопрос государственно-конфессиональных отношений изучали такие китайские авторы, как Моу Чжун Цзянь [20] и др. Историография вопроса довольно обширна, вместе с тем есть определенный разнобой в оценках и принципах анализа.

Источниками выступают материалы китайской прессы, которая уделяет внимание религиозной ситуации, исходя из разбора основных политических проблем в стране [16; 1].

В целом, религиозная политика в Китае продумана и прагматична. Для китайских властей очень важно не допускать роста напряженности в связи с большой чувствительностью религиозного вопроса. Есть определенная сложность с подсчетом числа верующих. По оценкам Ван Цзоань, главы управления по делам религий КНР в 2013 г. число верующих составляло примерно 100 млн человек. При этом китайский чиновник затруднился точно назвать число последователей буддизма и даосизма. А вот в отношении христианства и ислама он был более точен. По его мнению, в Китае было порядка 5,5 млн католиков, 23 млн протестантов, 21 млн мусульман [13].

При этом есть различие в официальной статистике, и тех данных, которые публикуются на Западе. В ряде западных источников фигурирует цифра в 350 млн [17].

В основу государственного регулирования религиозной сферы современного Китая положены соответствующие статьи Конституции, законы, постановления Госсовета, документы Государственного

Управления по делам религий, постановлениям местных исполнительных органов.

При этом вопросы религиозной свободы в Китае являются темой чувствительной, так часть международных экспертов настаивают на том, что есть определенные ограничения на свободу вероисповедания. В частности, руководитель Human Rights Watch по Китаю Софи Ричардсон указывает на ограничения религиозной свободы в Китае, аргументируя это тем, что в Конституции есть такое понятие как «нормальная религиозная деятельность», никак не расшифровывая его. В этом определении правозащитник видит возможность для ограничения религиозной активности со стороны власти [14].

Власти КНР очень внимательно относятся к религиозной политике. Официально признаются пять религий: буддизм, католицизм, даосизм, ислам и протестантизм. Для граждан создаются необходимые условия для религиозного поклонения, если это не входит в конфликт с государственными интересами. Религиозным организациям предписывается обязательная регистрация в объединениях, которые находятся под надзором Государственной администрации по делам религий [2, л. 67]. В статье 36 Основного закона зафиксирована мысль о том, что любой гражданин Китая имеет право на отправление религиозных культов и обрядов [8]. В 2005 г. было принято «Положение о религиозной деятельности (2005 г.)». Отдельного закона о религии в КНР нет.

Религиозная политика серьезно эволюционировала с момента провозглашения КНР. Мао Цзедун и его ближайшее окружение относились к религии негативно. По мнению атеистически настроенных руководителей, религия должна была постепенно заместиться верой в прогресс [2, л. 121].

На III пленуме ЦК КПК в 1978 г. впервые прозвучала мысль о том, что у граждан КНР есть право на свободу вероисповедания. С этого момента власть фактически признала важное место религии в жизни КНР [15, с. 3-28]. Реформы

Дэн Сяопина, направленные на воплощение в жизнь курса на осуществление четырех модернизаций привели к определенной либерализации религиозной политики [6, с. 80].

На рубеже XX–XXI вв. руководство Китая пришло к решению о необходимости пересмотреть курс религиозной политики, отчасти это было связано с событиями 25 апреля 1999 г. и попытками последователей потребовать прямых ответов от руководителей компартии в связи с арестами и задержаниями последователей секты [23].

На усиление государственного влияния на религию также сказался побег, в конце 1999 г. верховного ламы традиции Карма Кагью Кармапа Ургьен Тринле в Индию, где по просьбе Далай-ламы ему была предоставлена убежище в монастыре Гьютсо. На прошедшем в конце 2001 г. Всекитайском совещании по религиозной работе религию признали ненаучным мировоззрением, плохо влияющим на общественный прогресс [9, с. 115]. Линия на усиление административного влияния государства продолжилась, определенные изменения совпали по времени с тем периодом, когда Фалуньгун вступила в фактическую конфронтацию с КПК. Руководство партии в свою очередь отрицательно реагировало на политические амбиции Ли Хунчжи, руководителя секты [19].

Анализируя ситуацию начала 2000 гг. можно говорить о том, что властям не нравилась ситуация, когда религиозные лидеры могли хотя бы потенциально выступить альтернативой официальной идеологии. В первые десятилетия текущего столетия имели место меры ограничительного характера в отношении общин христиан и псевдохристианских сект [7]. В 2014 г. в провинции Чжэцзян был снесен большой протестантский храм, в массовом порядке убирались знаки отличия с христианских храмов. Официально говорилось о том, что все знаки религиозной принадлежности не соответствовали архитектурным нормам и были сделаны с нарушениями правил, всего под санкции попало примерно 1200 христи-

анских храмов, главным образом, протестантских лишили своих шпилей и крестов. Фактически лишая церкви своих отличительных особенностей власти преследовали цель сделать их максимально незаметными [20, с. 101].

Очень тщательно власти КНР ведут мониторинг религиозной ситуации в таком регионе как СУАР. В попытке противостоять этническому сепаратизму и религиозному экстремизму официальные власти КНР ведут жесткий контроль над мусульманами. Глобализация исламофобии отразилась на положении исповедующих ислам этнических меньшинств, причем наиболее сильно это сказалось на уйгурах. Собственно, из-за угроз безопасности, исходящих от «Исламской партии Восточного Туркестана» Китай вынужден обеспечивать военное присутствие в Ваханском районе Бадахшана, пользоваться объектами в южном Таджикистане, а также жестко контролировать ситуацию в приграничном Синцзяне [21].

В 2006 г. были введены в действия «Правила аттестации и назначения религиозных служителей ислама». В Кашгаре будущие имамы проходили обязательное подготовительное обучение на специальных курсах, организованных исламским объединением и отделом по делам религий. Затем кандидаты должны были сдать экзамен и получить соответствующий документ. Получение свидетельства предполагало обязательную аттестацию по арабскому языку, Корану, истории ислама, китайскому языку, современной политике и т. д. Согласно новым правилам без такого обучения и получения специального свидетельства имам не мог вести религиозную проповедь [15; 18].

В январе 2015 г. в Синцзяне был введен в действие запрет на ношение паранджи в общественных местах в Урумчи. Со стороны официальных властей в общественное мнение внедрялось положение о том, что паранджа не была частью традиционной одежды уйгурских женщин [8].

В августе 2016 г. главой парткома КПК Синцзян-Уйгурского автономного района стал Чэнь Цюаньго, до этого он

возглавлял партком КПК Тибетского автономного района. Именно с его подачи методы контроля верующих, использовавшиеся в проблемном Тибете стали переноситься в Синцзян [22].

Стоит заметить, что проблема с ограничениями в отношении мусульман присутствует в СУАР, при этом мусульманские народы, проживающие в других частях КНР, не испытывают жестких ограничений религиозной жизни. Например, граждане национальности хуэй, являются наиболее китаизированными, и в меньшей степени испытывают ущемление своих религиозных прав, поскольку активно показывают свою лояльность властям [5, с. 524].

Ограничения в СУАР в отношении мусульман связаны в большей степени с общей нестабильностью в регионе. Под знаменем борьбы с экстремизмом ведется работа по идеологической работе с национальными меньшинствами, для того, чтобы устранить проявления инакомыслия. Это необходимое условие для продвижения политики «Пояса и Пути», через которую Китай продвигает себя в Центральной Азии.

Еще один проблемный вопрос в религиозной сфере связан с Тибетом. Большие усилия прикладываются для снижения влияния Далай-ламы. Некоторые чиновники высокого ранга пытаются искать параллели между действиями сторонников Далай-ламы и террористами. Правительство 22 октября 2013 г. опубликовало «Белую книгу», в которой были разделы, обосновывающие религиозную политику в Тибете политику. Далай-ламу, обвиняющие его в сепаратистской деятельности и саботаже развития региона. Актуальность, тибетского вопроса очевидна исходя, из того, что за один 2015 г. было издано две «Белых книги», посвященных Тибету [11].

Далай-лама неоднократно публично заявлял, что намерен прекратить со своей смертью линию перерождений Далай-лам, чтобы ограничить влияние китайского правительства на Тибет [см.: 1].

В ответ на это председатель комитета национальностей и религий НПКСК Чжу

Вэйцзюнь заявил, что «только центральное правительство может принимать решения о сохранении или упразднении системы перерождения лам» [21]. Проблема Тибета довольно сложна и невозможно предложить ее решение в рамках одной статьи. Можно констатировать, что в рамках политики в отношении тибетских буддистов преобладает желание контролировать, а не бороться за сохранение религиозной аутентичности. К буддистам власти Китая применяют дифференцированный подход. Особенно сильному контролю подвергаются незарегистрированные религиозные организации в Тибетском автономном районе и тибетских районах провинций Цинхай, Сычуань, Юньнань и Ганьсу, а также во Внутренней Монголии [13].

Таким образом, религиозный фактор является важной составляющей внутренней стабильности. В многонациональном Китае к основным религиям относятся ислам, буддизм, христианство и даосизм. При этом, с момента образования КНР коммунистическая партия достаточно жестко контролирует религиозно настроенных граждан, считая религиозную идеологию потенциально опасной. К настоящему времени Китай стал государством, где число практикующих религии относительно невелико. Светскость стала нормальным явлением в КНР.

Основными постулатами государственной религиозной политики Китая являются:

– декларированная, на основе Конституции свобода вероисповедания, при этом члены коммунистической партии не могут принадлежать к религиозным об-

щинам. В соответствии с партийным уставом коммунист должен выбрать атеизм;

– церкви в Китае запрещается вмешиваться в административные дела государства, в ответ государство берет на себя обязательство не принимать участия во внутренних церковных делах;

– церковь подчиняется Конституции и законам, которые требуют от религиозных институтов действовать в соответствии с принципами государственной политики;

– гражданам КНР запрещается заниматься религиозной пропагандой, которая может нанести урон, как делам личности, так и обществу в целом;

– при этом нормальная религиозная деятельность, которая ведется в местах, зарегистрированных, предназначенных для отправления одного из четырех, официально разрешенных законом конфессий поддерживается и защищается со стороны государства;

Религиозная ситуация в Китае – это один из важных показателей стабильности и эффективности государственного управления. Китай сегодня демонстрирует четко выстроенную и функциональную систему управления религиями. Несмотря на то, что в СУАР и на Тибете религиозный фактор имеет большой вес, в целом Китай умеет регулировать ситуацию, сохраняя стабильность в государстве, и умело реагируя на внешние вызовы, связанные с исламистскими угрозами, которые исходят со стороны радикально настроенных представителей уйгурской общины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афолина Л.А. Пятое поколение руководителей КНР и китайские верующие: конфликт интересов или поиск пути развития? // Политические процессы в условиях смены экономической модели. Издательство: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук. Москва, 2016. С. 33-44.
2. Афолина Л.А. Государственная политика Китайской Народной Республики в сфере религий в период реформ (1978–2015 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03; Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2016. 218 с.

3. Афонина Л.А. Новые тенденции в государственном регулировании вопросов религии в КНР // Общество и государство в Китае. Т. XLIV, ч. 2: ученые записки ИВ РАН. Отдел Китая. Вып. 15. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014. С. 730-739.
4. Афонина Л.А. Особенности политики в сфере религий в начальный период реформ в КНР (Документ ЦК КПК № 19 от 1982 г.) // Внутренняя политика КНР: история и современность: материалы ежегод. конф. Центра современной истории и политики Китая Ин-та Дальнего Востока РАН. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2011. С. 223-248.
5. Будаева С.В. Конфликты между политической властью КНР и религиозными движениями: возможность представления угрозы национальной безопасности России / С. В. Будаева, Н. В. Черкасова, В. А. Белоганов // Молодой ученый. 2015. № 7 (87). С. 523-527.
6. Делюсин Л. Дэн Сяопин – революционер, маоист, реформатор // Азия и Африка сегодня. 1994. № 8. С. 79-81.
7. Джонсон И. Китай намерен взять христианство под контроль – с помощью переговоров и бульдозеров (The New York Times (США)) // ИНОСМИ.РУ. 25.09.2018. URL: <https://inosmi.ru/social/20180925/243318185.html>
8. Манукян Ж.Р. Религиозная политика Китая / Ж.Р. Манукян, Т.Л. Гурулева, М.В. Скрипарь // Междунар. Журн. прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 8, Ч. 3. С. 175.
9. Монгуш М.В. Кармапа XVII и Панчен-лама XI: незавершенная интрига // Новые исследования Тувы. 2013. № 3. С. 112-127.
10. Мухаметзянов Р.Р., Миннебаева А.А. Религиозная ситуация в Китайской Народной Республике при Дэн Сяопине на фоне социально-экономических реформ // Ученые записки Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, Кн. 6. С. 1566-1574.
11. Полный текст Белой книги «Исторический выбор пути развития Тибета» // Китайское информационное интернет-агентство. 15.04.2015. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2015-04/15/content_35331729.htm
12. Религии в Китае // ChinaHighlights. URL: <https://www.chinahighlights.ru/culture/religions-in-china.htm>
13. Самый высокий процент атеистов в мире зафиксирован в Китае // Сибирская католическая газета. 05.06.2018. URL: <https://sib-catholic.ru/samyiy-vyisokiy-protsent-ateistov-v-mirezafiksirovan-v-kitae/>
14. Albert E. Religion in China // Council on Foreign Relations. 11.10.2018. URL: <https://www.cfr.org/background/religion-china>
15. 伊斯兰教教职人员资格认定办法 // 安徽省伊斯兰教协会 版权所有. 5.12.2006. URL: <http://www.ahislam.org.cn/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=9&id=275>
16. Ван Дунли. 伊斯兰教中国化历史看我国“多元通和”宗教文化模式 // 湖北省人文社科重点研究基地 湖北民族地区经济社会发展研究中心. 04.09.2018. URL: <https://www.scuec.edu.cn/s/211/t/1322/f5/88/info128392.htm>
17. 以制度优势推动我国宗教治理现代化 // 宗教研究中心. 26.02.2020. URL: <http://www.sara.gov.cn/zjyj/326387.jhtml>
18. 乌鲁木齐公共场所禁止穿戴蒙面罩袍的规定获批 // 新华网. 10.01.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-01/10/c_1113948748.htm
19. 东突厥斯坦伊斯兰运动 // 中国搜索. 11.09.2002. URL: <http://baike.chinaso.com/wiki/doc-view-5292.html>
20. 简明中国宗教史读本 作者：牟钟鉴 张贱 中国社会科学出版社 2015年9月1日 2015. 603 с.
21. 年西藏十七世噶玛巴大宝法王出走印度事件始末 URL: <http://club.xilu.com/zenzenzen/msgview-816613-9604.html>
22. 2016年11月中央及地方党委人事任免一览 // 人民网-中国共产党新闻. 05.12.2016. URL: <http://renshi.people.com.cn/n1/2016/1205/c139617-28924272.html>
23. 中国反邪教网 // 来源：中国反邪教网. 24.04.2019. URL: <http://www.chinafxj.cn/c/2019-04-24/535242.shtml>

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Afonina L.A. Pjatoe pokolenie rukovoditelej KNR i kitajskie verujushhie: konflikt interesov ili poisk puti razvitija? // Politicheskie processy v uslovijah smeny jekonomicheskoy modeli. Izdatel'stvo: Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe uchrezhdenie nauki Institut Dal'nego Vostoka Rossijskoj akademii nauk. Moskva, 2016. S. 33-44.
2. Afonina L.A. Gosudarstvennaja politika Kitajskoj Narodnoj Respubliki v sfere religij v period reform (1978–2015 gg.): dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.03; In-t Dal'nego Vostoka RAN. M., 2016. 218 s.
3. Afonina L.A. Novye tendencii v gosudarstvennom regulirovanii voprosov religii v KNR // Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae. T. XLIV, ch. 2: uchenye zapiski IV RAN. Otdel Kitaja. Vyp. 15. M.: In-t vostokovedenija RAN, 2014. S. 730-739.
4. Afonina L.A. Osobennosti politiki v sfere religij v nachal'nyj period reform v KNR (Dokument CK KPK № 19 ot 1982 g.) // Vnutrennjaja politika KNR: istorija i sovremennost': materialy ezhegod. konf. Centra sovremennoj istorii i politiki Kitaja In-ta Dal'nego Vostoka RAN. M.: In-t Dal'nego Vostoka RAN, 2011. S. 223-248.
5. Budaeva S.V. Konflikty mezhdru politicheskoy vlast'ju KNR i religioznymi dvizhenijami: vozmozhnost' predstavlenija ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossii / S. V. Budaeva, N. V. Cherkasova, V. A. Beloganov // Molodoj uchenyj. 2015. № 7 (87). S. 523-527.
6. Deljusin L. Djen Sjaopin – revoljucioner, maoist, reformator // Azija i Afrika segodnja. 1994. № 8. S. 79-81.
7. Dzhonson I. Kitaj nameren vzjat' hristianstvo pod kontrol' – s pomoshh'ju peregovorov i bul'dozerov (The New York Times (SShA)) // INOSMI.RU. 25.09.2018. URL: <https://inosmi.ru/social/20180925/243318185.html>
8. Manukjan Zh.R. Religioznaja politika Kitaja / Zh.R. Manukjan, T.L. Guruleva, M.V. Skripar' // Mezhdunar. Zhurn. prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. 2013. № 8, Ch. 3. S. 175.
9. Mongush M.V. Karmapa HVII i Panchen-lama HI: nezavershennaja intriga // Novye issledovanija Tuvy. 2013. № 3. S. 112-127.
10. Muhametdzhanov R.R., Minnebaeva A.A. Religioznaja situacija v Kitajskoj Narodnoj Respublike pri Djen Sjaopine na fone social'no-jekonomicheskikh reform // Uchenye zapiski Kazan. un-ta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2016. T. 158, Kn. 6. S. 1566-1574.
11. Polnyj tekst Beloj knigi «Istoricheskij vybor puti razvitija Tibeta» // Kitajskoe informacionnoe internet-agentstvo. 15.04.2015. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2015-04/15/content_35331729.htm
12. Religii v Kitae // ChinaHighlights. URL: <https://www.chinahighlights.ru/culture/religions-in-china.htm>
13. Samyj vysokij procent ateistov v mire zafiksirovan v Kitae // Sibirskaja katolicheskaja gazeta. 05.06.2018. URL: <https://sib-catholic.ru/samyiy-vyisokiy-protsent-ateistov-v-mire-zafiksirovan-v-kitae/>
14. Albert E. Religion in China // Council on Foreign Relations. 11.10.2018. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/religion-china>
15. 伊斯兰教教职人员资格认定办法 // 安徽省伊斯兰教协会 版权所有. 5.12.2006. URL: <http://www.ahislam.org.cn/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=9&id=275>
16. Van Dunli. 伊斯兰教中国化历史看我国“多元通和”宗教文化模式冬丽 // 湖北省人文社科重点研究基地 湖北民族地区经济社会发展研究中心. 04.09.2018. URL: <https://www.scuec.edu.cn/s/211/t/1322/f5/88/info128392.htm>
17. 以制度优势推动我国宗教治理现代化 // 宗教研究中心. 26.02.2020. URL: <http://www.sara.gov.cn/zjyj/326387.jhtml>
18. 乌鲁木齐公共场所禁止穿戴蒙面罩袍的规定获批 // 新华网. 10.01.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-01/10/c_1113948748.htm
19. 东突厥斯坦伊斯兰运动 // 中国搜索. 11.09.2002. URL: <http://baike.chinaso.com/wiki/doc-view-5292.html>
20. 简明中国宗教史读本 作者：牟钟鉴 张贱 中国社会科学出版社 2015年9月1日 2015. 603 s.

-
21. 年西藏十七世噶玛巴大宝法王出走印度事件始末 URL: <http://club.xilu.com/zenzenzen/msgview-816613-9604.html>
 22. 2016年11月中央及地方党委人事任免一览 // 人民网-中国共产党新闻. 05.12.2016. URL: <http://renshi.people.com.cn/n1/2016/1205/c139617-28924272.html>
 23. 中国反邪教网 // 来源 : 中国反邪教网. 24.04.2019. URL: <http://www.chinafxj.cn/c/2019-04-24/535242.shtml>

Поступила в редакцию 22.07.2020.
Принята к публикации 25.07.2020.

Для цитирования:

Ли Янг Государственная политика Китайской Народной Республики в отношении религии // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 150-157. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/LiYang.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3980517>

УДК 340.15

Морев М.П.

Морев Михаил Павлович, кандидат исторических наук, доцент, преподаватель, ФГКВООУ ВО «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации». 410023, Россия, г. Саратов, ул. Московская, 158. E-mail: mikhail.morev.70@mail.ru.

К вопросу о нравственных началах современного российского права

Аннотация. В статье анализируются особенности отечественной правовой системы, дан краткий анализ её состояния с точки зрения соответствия нравственным критериям, ставится ряд вопросов её будущего качественного состояния, в частности, насколько в ней приживутся нравственные принципы, известные правовым системам прошлого. Дается анализ правового закрепления в нормах действующего законодательства нравственных принципов, в частности, в Конституции, в ряде отраслевых кодексах. Намечены пути выхода из того кризисного состояния, в котором оказалась правовая система в последние десятилетия.

Ключевые слова: Россия, правовая система, правовая традиция, нравственные начала, норма права, советское право, справедливость, гражданское, уголовное, семейное право, правовой нигилизм.

Morev M.P.

Morev Mikhail Pavlovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, lecturer, Federal state official military establishment of higher education «Saratov military Order of Zhukov Red Banner order Institute of National Guard Troops of the Russian Federation». 410023, Russia, Saratov, Moskovskaja st., 158. E-mail: mikhail.morev.70@mail.ru.

On the question of the moral principles of modern Russian law

Abstract. The article analyses the characteristics of the domestic legal system, briefly analyses its state from the point of view of its compliance with moral criteria, and raises a number of questions about its future quality, in particular the extent to which it will adhere to moral principles, The well-known legal system of the past. Examples are given of the legal enshrinement of moral principles in existing legislation, particularly in the Constitution, in a number of sectoral codes. Excellencies of the past and the present on the state of the domestic legal system have also been cited. There are also ways to overcome the crisis it has experienced in recent decades.

Key words: Russia, legal system, legal tradition, morality, rule of law, Soviet law, justice, civil, criminal, family law, legal nihilism.

Для современного правоведения актуальным является следующий вопрос: возможно ли в современном российском обществе добиться того, чтобы нравственные критерии были определяющими в правоотношениях? Го-

товы ли наши сограждане руководствоваться моральными принципами в своих поступках?

Возьмём для примера ряд статей из разных федеральных законов. Уже сама Конституция России обязывает граждан

соблюдать её, возлагая на детей обязанность заботиться о нетрудоспособных родителях. Статья 38 2. Забота о детях, их воспитание - равное право и обязанность родителей. 3. Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях. В ряде других статей самой Конституции и ФЗ на граждан возлагаются обязанности нравственного содержания.

Так, в тексте ГК РФ более 100 раз встречаются упоминания о разумности, трижды подчёркнуто значение принципа справедливости: в статье 6 (При невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости), в статье 1101. Способ и размер компенсации морального вреда (При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости), в статье 1252 (Размер компенсации определяется судом в пределах, установленных настоящим Кодексом, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости).

В СК РФ примером императивного введения нравственного начала является норма статьи 17, запрещающая мужу добиваться развода во время и через год после беременности его жены, а также статьи, регулирующие вопросы воспитания детей.

Эти примеры говорят о том, что современному законодателю (при всей его обезличенности в лице депутатов ГД ФС РФ) не чужды представления об основополагающих началах права.

По-прежнему актуальным является вопрос о том, насколько и в чём расходятся моральные и правовые оценки тех или иных поступков людей. К сожалению, далеко не всегда то, что с моральной точки зрения неприемлемо, встречает должную правовую оценку как противоправного деяния. Наверное, причина в том, что чем дальше, тем больше совре-

менное право отрывается от своих корней, от религии. Аксиомой является утверждение о том, что в первобытном обществе существовали так называемые мононормы, объединявшие в себе религиозные заповеди, нравственные наставления и правовые предписания. Самый яркий пример – иудаизм и выросшие из него христианство и ислам. Примером иного рода являются, к сожалению, самые развитые правовые системы римского и английского права, в которых секуляризация прошла слишком явственно, зримо и привела к разделению сферы права на право справедливости и право юристов.

И даже несмотря на это жестокость отдельных законов сохранялась в праве английском ещё очень долгое время, вплоть до конца XIX века.

О советском периоде развития отечественного права написано уже предостаточно, в том числе дана и оценка степени нравственности отдельных его норм и принципов. Вкратце о его особенностях. Следуя высказыванию основателя советского государства Ленина о том, что мы не признаём никакого деления права, и что оно всё публично, в правовой системе страны сфера действия частного права была существенно сужена.

В первые десятилетия Советской власти в связи с началом строительства общества, в котором частная собственность искоренялась, а государственная доминировала, сокращалась сфера гражданско-правовых отношений, интерес к вкладыванию в него нравственных начал был вполне сознательно приглушен.

В уголовном праве были ужесточены наказания, негласно применялись пытки, отменённые ещё Екатериной II (к сожалению, в последние годы эта проблема приобрела свою актуальность, о чём шла речь 11 декабря 2018 года на заседании Совета по правам человека и развитию гражданского общества), объективное вменение; процветала криминализация деяний; публичные интересы довольно резко преобладали над частными. Вряд ли получают оправдание репрессии 30-50-х

годов прошлого века, в результате которых пострадали миллионы наших сограждан.

Естественно, что в таких условиях ни о каком нравственном начале речь идти не могла: *de jure* и *de facto* это было невозможно, поскольку официальная правовая доктрина в первые годы Советской власти предполагала постепенное отмирание права в будущем бесклассовом обществе. В дальнейшем были выработаны понятия о советской (социалистической) законности, правопорядке и т.д. После осознания невозможности быстрого построения нового бесклассового общества власти страны взяли курс на привитие гражданам страны привычки жить не по совести, а по праву. Отдельного внимания заслуживает и проблема правового нигилизма, повлиявшая и на безнравствование нашего общества.

О задачах русских правоведов с учётом опыта первых десятилетий Советской власти писал выдающийся философ права 1-й половины XX века И.А Ильин (1883-1954): «России необходимо, – заканчивал свою речь Ильин, – «поколение прозревших и перевоспитавших себя правоведов, которые сумели бы начертать и осуществить систему верного социального воспитания – воспитания в массе нормального субъекта права. Это поколение не будет уже беспочвенно мечтать о химерической утопии и подетски требовать немедленного осуществления любимой химеры. Оно сумеет предохранить свою родину от повторения злосчастных ошибок прошлого – и в то же время оно сумеет усвоить верную мудрость старого. Россия нуждается в том, чтобы её правоведы и вожди постоянно воспитывали в самих себе художников естественной правоты» [1, с. 229-230].

После отказа от выбранного курса на построение нового общества, основанного (не всегда в реальности) на высоких моральных принципах (классового начала), начался медленный возврат российской правовой системы в ту гавань, из которой она вышла в 20 годы прошлого века.

В настоящее время российская правовая система находится на распутье, и выбор её во многом склоняется в пользу германской ветви континентальной правовой семьи, в которой нормы римского права имеют значительный вес. В качестве постороннего взгляда на особенности правовой системы сегодняшней России можно привести мнение ведущего американского компаративиста Кристофера Осаке: «...на данном этапе развития российское право нельзя считать полноценным членом континентально-европейской правовой семьи или западно-правовой традиции вообще. Чтобы достичь этого статуса, российскому праву ещё требуется широкомасштабное реформирование, особенно в направлении очищения российского права от остатков правовой идеологии социалистического права, ... развитие подлинной европейской правовой культуры, для того, чтобы Россия смогла стать настоящим правовым государством. В западном праве существует минимальный порог приемлемости для рассмотрения заявления о принятии нового члена в эту правовую традицию, который на данный момент российское право ещё не перешагнуло. А на уровне живого права современная российская правовая система однозначно относится к внезападному праву: менталитет среднего россиянина по вопросам правопонимания и роли права в обществе носит скорее азиатский характер, чем западный» [2, с. 45-46]. Несмотря на события последних лет, в представлениях европейцев Россия остаётся страной европейской ориентации. Сохраняя свою самобытность и лучшее из прошлого, наша страна должна преодолеть то негативное, что мешало и мешает её нормальному развитию.

В очередной раз хотелось бы подчеркнуть, что одним лишь совершенным законодательством нельзя добиться того, чтобы в обществе все действовали так, как оно предписывает. Нужна серьёзная и долгосрочная номодидактика (неологизм: в лексиконе компьютера такого слова не оказалось), т.е. целенаправленная, долго-

срочная политика правовоспитания, привития нашим согражданам уважительного отношения к праву, законности, не забывая о том, что закон лишь тогда начнут чтить, когда в его справедливости убедятся на практике. К сожалению, она весьма далека от идеала. Бесполезно учить студентов необходимости строгого следования принципам законности и справедливости, когда в судейской среде

процветают сговор, «кураторство», негласно возрождается телефонное право, когда предпринимаются попытки не улучшить закон, а обойти его. Тем самым дискредитируется сама идея построения правового государства. Необходимо помнить и о том, что пренебрежение к праву, правовой нигилизм в нашей стране уже привели более 100 лет к конфликту власти и общества и к революциям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин И.А. Основные задачи правоведения в России. Собрание сочинений в десяти томах. М.: Русская книга, Т. 9-10. 1999. 506 с.
2. Осакве К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части. М.: Дело, 2002. 464 с.
3. Цыбулевская О.И. Нравственные начала современного российского права. Саратов: Саратов. гос. акад. права. 2004. 219 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Il'in I.A. Osnovnye zadachi pravovedenija v Rossii. Sbranie sochinenij v desjati tomah. M.: Russkaja kniga, T. 9-10. 1999. 506 s.
2. Osakve K. Sravnitel'noe pravovedenie v shemah: Obshhaja i Oso-bennaja chasti. M.: Delo, 2002. 464 s.
3. Cybulevskaja O.I. Nravstvennye nachala sovremennogo rossij-skogo prava. Saratov: Sarat. gos. akad. prava. 2004. 219 s.

Поступила в редакцию 27.07.2020.
Принята к публикации 31.07.2020.

Для цитирования:

Морев М.П. К вопросу о нравственных началах современного российского права // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 158-161. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Morev.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3980559>

УДК 342

Упоров И.В.

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России. 350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128. E-mail: uporov@list.ru.

Советское (российское) законодательство 1989-1991 гг.: политико-правовая характеристика накануне распада СССР

Аннотация. В статье раскрываются особенности законодательного процесса в СССР и РСФСР в последние годы существования советского государства. Отмечается, что в условиях экономического кризиса и стремления союзных республик обрести больше государственной самостоятельности «война» союзных и республиканских законов была неизбежной. Анализируются примеры, когда законодательные органы РСФСР принимали акты, прямо противоречившие как законам СССР, так и Конституции самой РСФСР. Такой правовой нигилизм может быть объяснен масштабами геополитических изменений, имевших место на территории СССР, при которых обязательность законодательных процедур отходила на задний план.

Ключевые слова: законодательство, конституция, СССР, РСФСР, законы, республики, депутаты, государство.

Uporov I.V.

Uporov Ivan Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 350005, Russia, Krasnodar, Yaroslavskaya st., 128. E-mail: uporov@list.ru.

Soviet (Russian) legislation 1989-1991: political and legal characteristics on the eve of the collapse of the USSR

Abstract. The article reveals the features of the lawmaking process in the USSR and the RSFSR in the last years of the existence of the Soviet state. It is noted that in the conditions of the economic crisis and the desire of the union republics to gain more state independence, the "war" of union and republican laws was inevitable. The examples are analyzed when the legislative bodies of the RSFSR adopted acts that directly contradicted both the laws of the USSR and the Constitution of the RSFSR itself. Such legal nihilism can be explained by the scale of geopolitical changes that took place on the territory of the USSR, in which the obligatory nature of legislative procedures faded into the background.

Key words: legislation, constitution, USSR, RSFSR, laws, republics, deputies, state.

В последние годы функционирования СССР наблюдались особенности развития законодательства, обусловленные сложными общественно-политическими и социально-политическими явлениями, которые, в свою

очередь, стали возможными в результате политики «перестройки» (1985-1991 гг.), инициированной Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым. При этом выделяются две тенденции развития советского государства на завершающем

этапе его функционирования (1989-1991 г.):

1) ухудшение экономического состояния, снижение уровня жизни советских людей; 2) центробежные настроения в союзных республиках, где, вслед за прибалтийскими Латвией, Литвой и Эстонией также рассматривались возможности стать самостоятельными государствами. В этих условиях законодательный процесс значительно усложнился, и прежде всего с точки зрения соотношения союзных и республиканских законов, между которыми стали возникать коллизии по поводу верховенства юридической силы законов (далее мы рассматриваем взаимоотношения только СССР и РСФСР). Кроме того, в 1989-1990 гг. на союзном и республиканском уровнях были проведены, впервые в истории, свободные выборы в высшие органы государственной власти (съезды народных депутатов СССР и РСФСР, которые, в свою очередь формировали постоянно действовавшие законодательные органы в лице Верховных советов СССР и РСФСР); финансирование избирательных кампаний тогда еще не определяло результатов выборов, и депутатами становились действительно авторитетные, уважаемые и занимавшие активную жизненную позицию люди, которые, в отличие от прежних времен, не голосовали «единогласно» за разработанные аппаратчиками законопроекты, а сами их писали и обсуждали.

К тому моменту (1989 г.) в Союзе ССР как федеративном государстве действовала двухуровневая система законодательства – союзная (уровень федерации) и республиканская (уровень субъектов федерации – союзных республик). В соответствии с Конституцией СССР 1977 г. (с последующими изменениями) [1] законы СССР принимались Верховным Советом СССР или всенародным голосованием (референдумом), проводимым по решению Верховного Совета СССР (ст. 108). При этом право законодательной инициативы в соответствии со ст. 114 Конституции СССР принадлежало: «народным депутатам СССР, Совету Союза, Совету Национальностей, Председа-

телю Верховного Совета СССР, постоянным комиссиям палат и комитетам Верховного Совета СССР, Президенту СССР, Совету Министров СССР, Комитету конституционного надзора СССР, союзным и автономным республикам в лице их высших органов государственной власти, автономным областям, автономным округам, Комитету народного контроля СССР, Верховному Суду СССР, Генеральному прокурору СССР, Главному государственному арбитру СССР. Правом законодательной инициативы обладают также общественные организации в лице их общесоюзных органов и Академия наук СССР» [1]. Из смысла п. 4 ст. 73 Конституции СССР следовало, что к исключительному ведению СССР в лице его Верховного Совета относится установление основ законодательства Союза ССР и союзных республик. В ст. 74 указывалось также, что законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик, а согласно ст. 74 в случае расхождения закона союзной республики с общесоюзным законом действует закон СССР (заметим, что такие же положения содержатся в ст. 76 действующей Конституции России 1993 г. – применительно соответственно к федеральным законам и нормативным актам субъектов Федерации).

В РСФСР законы согласно статьям главы 13 Конституции РСФСР 1978 г. (с последующими изменениями) [2] принимались Верховным Советом РСФСР или народным голосованием (референдумом), проводимым по решению Верховного Совета РСФСР, то есть, та же, как на союзном уровне (равным образом это касалось и Президиума Верховного Совета РСФСР). В соответствии со ст. 110 Конституции РСФСР право законодательной инициативы принадлежало: «народным депутатам РСФСР, Совету Республики, Совету Национальностей, Президиуму Верховного Совета РСФСР, Председателю Верховного Совета РСФСР, Комитету конституционного надзора РСФСР, Совету Министров РСФСР, автономным республикам в лице их высших органов гос-

ударственной власти, краям, областям, автономным областям и автономным округам в лице Совета народных депутатов, постоянным комиссиям палат и комитетам Верховного Совета РСФСР, Комитету народного контроля РСФСР, Верховному Суду РСФСР, Прокурору РСФСР, Главному государственному арбитражу РСФСР. Правом законодательной инициативы обладают также общественные организации в лице их республиканских органов, а в случае их отсутствия - общесоюзных органов» [2]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, перечень субъектов законодательной инициативы в рассматриваемой редакции Конституции РСФСР был заметно расширен (ранее таковой не обладали, например, края, области). Существенной особенностью законотворческого процесса стала работа депутатов (как на уровне СССР, так и на уровне РСФСР) на постоянной основе – в отличие от прежних времен, когда депутаты приезжали в Москву всего на несколько дней; сейчас же на несколько дней приезжали только депутаты съездов народных депутатов, а депутаты законодательных органов (верховных советов) становились профессиональными политиками.

Ни в Конституции СССР, ни в Конституции РСФСР вопросы, касающиеся разногласий между союзными и российскими законами, длительное время никаким образом не регулировались, и соответственно не был выработан механизм разрешения такого рода юридических конфликтов. И это несмотря на указанную выше возможность расхождения общесоюзных и республиканских законов (ст. 74 Конституции СССР). Косвенно о вероятности такого рода свидетельствовало и конституционное положение о возможности «свободного выхода» союзной республики из состава СССР (ст. 72 Конституции СССР). И лишь в период «перестройки» в Конституции СССР в редакции от 1 декабря 1988 г. такой механизм появился, хотя и далеко не совершенный. В частности, предусматривалось учреждение Комитета конституционного надзора (далее – ККН), избирае-

мого Съездом народных депутатов СССР (ст. 108). Согласно ст. 125 Конституции СССР при выявлении противоречия нормативных актов или отдельных их положений, в том числе принимаемых в союзных республиках, Конституции СССР или законам СССР, ККН направлял органу, издавшему акт, свое заключение для устранения допущенного нарушения. Принятие ККН такого заключения приостанавливало исполнение принятого акта. По смыслу указанной статьи ККН в случае неисправления указанного в заключении нарушения мог входить с представлением на Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР или Совет Министров СССР об отмене акта, содержащего нарушение. 23 декабря 1989 г. была принята новая редакция ст. 125 Конституции СССР, где уточнялось, в частности, что принятие ККН заключения не может приостанавливать действие законов СССР, принятых Съездом народных депутатов СССР, а также конституций союзных республик. Заключение ККН могло быть отменено (в прежней редакции вопрос об отмене вообще не затрагивался) лишь решением Съезда народных депутатов СССР, принятым двумя третями голосов от их общего числа.

Однако эти решения оказались запоздалыми, и указанный пробел определенным образом обострил последовавшие противоречия между союзными и российскими законами. К тому времени значительные изменения произошли и в Конституции РСФСР. В частности, как отмечалось выше, появился новый субъект законотворчества – Съезд народных депутатов РСФСР, который в соответствии со ст. 104 Конституции в редакции от 27 октября 1989 г. объявлялся высшим органом государственной власти и соответственно был правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению РСФСР. Однако в той редакции Конституции РСФСР по-прежнему (в отличие от союзной) ничего не говорилось о возможных коллизиях союзного и российского законодательства.

С учетом отмеченных выше центробежных тенденций со стороны союзных республик возникновение коллизий союзного и республиканского законодательства было неизбежным. Такие столкновения в отличие от политических действий и решений не носили какого-либо драматического характера. Тем не менее создавалась путаница, нечеткость в понимании того, какие нормативные акты имеют силу, а какие нет, что в целом некоторым образом ослабляло правовое поле как в СССР в целом, так и в отдельных республиках. Рассмотрим это на примере уголовного законодательства. Как указывалось выше, в СССР действовала двухуровневая система законодательства. Применительно к уголовному праву это к концу 1980-х гг. выглядело следующим образом. На союзном уровне действовали следующие основные правовые акты: Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (1958 г.); Закон СССР «Об уголовной ответственности за воинские преступления» (1958 г.); Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» (1958 г.). Кроме того, действовал ряд общесоюзных законов об уголовной ответственности за отдельные виды преступлений. В РСФСР действовал Уголовный кодекс, принятый 27 октября 1960 г. УК РСФСР был разработан на базе указанных выше Основ уголовного законодательства. Другие общесоюзные законы до включения их в тексты уголовных кодексов союзных республик действовали на их территории непосредственно, а после включения на территории РСФСР действовал единственный уголовно-правовой акт – УК РСФСР.

Так было до 1990 г., когда вновь стали приниматься общесоюзные уголовные законы. Однако если раньше с введением их в действие не было никаких проблем, то в указанный период ситуация сложилась весьма неоднозначно. Например, 31 октября 1990 г. был принят Закон СССР «Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и злоупотребление в торговле» [5].

Текст данного Закона не был включен Верховным Советом РСФСР в российский УК РСФСР, его действие не приостановили, хотя это допускалось в соответствии с Законом РСФСР «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР» от 24 октября 1990 г. [4] Сложилось положение, когда одновременно формально действовали и общесоюзный закон, и российский, которые несколько по-иному регулировали вопросы ответственности за спекуляцию и незаконную торговлю. Так, если в соответствии со ст. 154 УК РСФСР под спекуляцией понималась скупка и перепродажа товаров с целью наживы независимо от того, где эти товары куплены, то согласно общесоюзному закону состав спекуляции мог иметь место лишь тогда, когда скупка товаров осуществлялась на предприятиях и в организациях торговли. Этим противоречием воспользовалось немало спекулянтов. Затем, несмотря на неотмененную норму Конституции РСФСР об обязательности законов СССР на территории РСФСР, 28 февраля 1991 г. принимается Закон РСФСР «О действии на территории РСФСР Закона СССР «Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и за злоупотребление в торговле»» [6], которым статья 154 УК РСФСР вообще отменялась, в то время как соответствующая союзная уголовно-правовая норма формально оставалась в силе.

2 июля 1991 г. были приняты новые Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Верховный Совет РСФСР не отреагировал на этот нормативный акт и не приступил к разработке на базе Основ нового Уголовного кодекса РСФСР. Нужно учесть также, что помимо указанных были приняты такие общесоюзные уголовно-правовые законы, как «Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР», «О защите чести и достоинства Президента СССР», «Об уголовной ответственности за блокировку транспорт-

ных коммуникаций и иные незаконные действия, посягающие на нормальную и безопасную работу транспорта», «Об ответственности за нарушение порядка использования воздушного пространства СССР». В результате на территории РСФСР сложилась довольно запутанная ситуация с уголовно-правовыми законами.

Подобные коллизии отражали сложные политические процессы, начавшиеся в конце 1980-х гг. и связанные со стремлением бывших союзных республик обрести полную государственную независимость. После весьма неуклюжих попыток союзного центра предотвратить указанные процессы (включая драматические события в Вильнюсе, Тбилиси, Баку, связанные с применением вооруженных сил) они ускорились, и союзные республики, несмотря на наличие союзного Закона о порядке выхода союзной республики из состава СССР, предусматривающего, в частности, пятилетний срок, стали явочным порядком объявлять о своей независимости (так называемый «парад суверенитетов»). В этот процесс включилась Россия. 12 июня 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете РСФСР [3]. Здесь, правда, еще говорится о намерении быть «в составе обновленного Союза ССР» (преамбула). Однако в целом содержание Декларации однозначно показывало стремление Съезда народных депутатов РСФСР, где она была принята, сделать Россию независимым государством. В контексте рассматриваемых вопросов нас интересуют следующие положения Декларации. В ст. 5 провозглашалось верховенство Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории РСФСР вопреки действовавшей Конституции РСФСР (ред. от 31 мая 1990 г.), где указывалось на обязательность законов СССР на территории РСФСР (ст. 76 – «Законы СССР обязательны на территории РСФСР»). В Декларации было записано также, что «действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливаются Республикой на своей террито-

рии» [3]. Как видно, здесь была допущена определенная юридическая некорректность. Однако, как показывает история, при столь коренных изменениях общественных отношений, близких по масштабу социальной революции, подобного рода правовой нигилизм всегда имел место.

Вместе с тем следует отметить, что в Декларации о государственном суверенитете некоторым образом обозначался и механизм решения противоречий между союзными актами и законами РСФСР – это должно было осуществляться «в порядке, устанавливаемом Союзным договором» (ст. 5). При этом предполагалось, что Союзный договор будет заключен на принципиально новых условиях, а союзный центр будет иметь столько полномочий, сколько в его ведение будет добровольно передано суверенными республиками, а не столько, сколько союзный центр сам себе брал, принимая соответствующие общесоюзные конституции и законы, как было до этого. И в этом смысле складывалась ситуация, когда достижение государственного суверенитета союзной республики было невозможно без отрицания союзных актов, которые тому препятствовали.

Между тем проблема «войны» союзных и российских законов оказалась весьма существенной. Это и неудивительно, поскольку создавалась юридическая «анархия», при которой без отсутствия определенных критериев правоприменители в зависимости от своих интересов могли использовать либо союзные, либо республиканские нормативные акты. В этой связи 24 октября 1990 г. был издан упомянутый выше Закон РСФСР «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР». В ст. 1 этого Закона указывалось, что законы и иные акты высших органов государственной власти Союза ССР, указы и другие акты Президента СССР, акты Совета Министров СССР, министерств и ведомств СССР, принятые в пределах полномочий, делегированных Российской Федерацией Союзу ССР в соответствии с Декларацией о государственном суверенитете РСФСР и

Постановлением Съезда народных депутатов РСФСР «О разграничении функций управления организациями на территориях РСФСР», действуют на территории РСФСР *непосредственно*. Вместе с тем там же было записано, что Верховный Совет РСФСР (и Совет Министров РСФСР соответственно) вправе приостановить действие союзных актов, если они *нарушают суверенитет* Российской Федерации. Нельзя не видеть, что в последней формуле присутствует весьма неопределенный оценочный критерий – как и кто должен был определять нарушение суверенитета? Об этом в законе ничего не сказано, и поэтому данное положение заранее было обречено на невыполнение. Далее в Законе предусматривались случаи, не охваченные ст. 1. Указывалось, в частности, что законы и иные акты высших органов государственной власти СССР, указы и другие акты Президента СССР вступают в действие на территории РСФСР только *после их ратификации* Верховным Советом РСФСР. То же касалось актов Совета Министров СССР, министерств и ведомств СССР – их должны были подтверждать соответствующие российские государственные органы. Наконец, акты органов СССР, изданные до принятия настоящего закона, действовали на территории РСФСР, если они не были *приостановлены* Верховным Советом РСФСР или Советом Министров РСФСР (ст. 2-4 Закона).

По своей сути этот Закон более детально и четко закреплял верховенство российских законов и других нормативных актов, провозглашенное в Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Такие процессы происходили не только в РСФСР – в некоторых других союзных республиках они имели более радикальный характер. Союзный центр пытался их приостановить. Так, 26 апреля 1990 г. был принят Закон СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» (здесь под федерацией имелся в виду Союз ССР как федеративное государство), где достаточно подробно разделяются полно-

мочия союзного центра и союзных республик, причем в отношении последних заметно явное стремление союзного центра «угодить» путем расширения полномочий субъектов Союза ССР. Но тщетно. Этот закон уже ничего не менял. Равно как не возымел действия Указ Президента СССР «О признании недействительным постановления Верховного Совета Эстонской ССР "О государственном статусе Эстонии"» от 14 мая 1990 г. в ответ на то, что в марте того же года Верховный Совет Эстонии признал незаконной государственную власть Союза ССР в Эстонии и объявил эту республику независимым государством. Позже союзному центру не осталось ничего иного, как признать независимость Эстонии, поскольку фактически она ее явочным порядком уже приобрела; это и было сделано решением Государственного Совета СССР от 6 сентября 1991 г.

Что касается РСФСР, то 12 декабря 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял Постановление «О ратификации соглашения о создании Содружества независимых государств» и «О денонсации договора об образовании СССР» (договор был заключен 30 декабря 1922 г.). С принятием этих решений, Российская Федерация (название РСФСР больше не применялось) в качестве независимого государства окончательно отделила себя от СССР. Это означало, что проблема, связанная с конфликтом союзных и российских нормативных актов, была в основном снята. Окончательное решение этой проблемы содержится в двух документах. Во-первых, в Постановлении Верховного Совета РСФСР «О ратификации соглашения о создании Содружества независимых государств», где в ст. 2 устанавливалось, что «на территории РСФСР до принятия соответствующих законодательных актов РСФСР нормы *бывшего* Союза ССР применяются в части, не противоречащей Конституции РСФСР и настоящему соглашению». Во-вторых, в принятой несколько позже (26 декабря 1991 г.) Декларации Совета республик СССР, где было констатировано, что «с

созданием Содружества Независимых Государств Союз ССР как государство и субъект международного права прекращает свое существование», что означало автоматическое, однозначное и оконча-

тельное аннулирование возможностей союзных органов издавать нормативные акты, обязательные для исполнения на территории бывших союзных республик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977, в ред. от 14.03. 1990 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3009#043974219892927136>
2. Конституция (Основной Закон) РСФСР (принята ВС РСФСР 12.04.1978, ред. от 31.05. 1990 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3136#023911373778343625>
3. Декларация СНД РСФСР от 12.06.1990 N 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. N 2. Ст. 22.
4. Закон РСФСР от 24.10.1990 N 263-1 «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1990. N 21. Ст. 237.
5. Закон СССР от 31.10.1990 N 1767-1 «Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и за злоупотребления в торговле» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. N 45. Ст. 953.
6. Закон РСФСР от 28.02.1991 г. № 752-1 «О действии на территории РСФСР Закона СССР «Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и за злоупотребление в торговле»» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. N 9. Ст. 204.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Konstitucija (Osnovnoj Zakon) Sojuza Sovetskih Socialisticheskikh Respublik (prinjata VS SSSR 07.10.1977, v red. ot 14.03. 1990 g.) // SPS «Konsul'tantPljus». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3009#043974219892927136>
2. Konstitucija (Osnovnoj Zakon) RSFSR (prinjata VS RSFSR 12.04.1978, red. ot 31.05. 1990 g.) // SPS «Konsul'tantPljus». URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3136#023911373778343625>
3. Deklaracija SND RSFSR ot 12.06.1990 N 22-1 «O gosudarstvennom suverenitete Rossijskoj Sovetskoj Federativnoj Socialisticheskoj Respubliki» // Vedomosti SND i VS RSFSR. 1990. N 2. St. 22.
4. Zakon RSFSR ot 24.10.1990 N 263-1 «O dejstvii aktov organov Sojuza SSR na territorii RSFSR» // Vedomosti SND i VS RF. 1990. N 21. St. 237.
5. Zakon SSSR ot 31.10.1990 N 1767-1 «Ob usilenii otvetstvennosti za spekuljaciju, nezakonnuju trgovuju dejatel'nost' i za zloupotreblenija v trgovle» // Vedomosti SND SSSR i VS SSSR. 1990. N 45. St. 953.
7. Zakon RSFSR ot 28.02.1991 g. № 752-1 «O dejstvii na territorii RSFSR Zakona SSSR «Ob usilenii otvetstvennosti za spekuljaciju, nezakonnuju trgovuju dejatel'nost' i za zloupotreblenie v trgovle»» // Vedomosti SND RSFSR i VS RSFSR. 1991. N 9. St. 204.

Поступила в редакцию 24.07.2020.

Принята к публикации 27.07.2020.

Для цитирования:

Упоров И.В. Советское (российское) законодательство 1989-1991 гг.: политико-правовая характеристика накануне распада СССР // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 162-168. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/UporovJ.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3980575>

УДК 343

Упоров И.В.

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России. 350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128. E-mail: uporov@list.ru.

Совершенствование правоприменительной практики в сфере борьбы с преступностью

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правоприменительной практики в сфере борьбы с преступностью и пути ее совершенствования. Автор обосновывает свои предложения по совершенствованию указанной деятельности правоохранительных органов, в том числе предлагается расширить полномочия полиции по вторжению в права и свободы законопослушных граждан – при условии соблюдения законности и наличия доверия общества к правоохранительным структурам.

Ключевые слова: преступность, права и свободы, граждане, государство, правоохранительные органы, законность, доверие.

Uporov I.V.

Uporov Ivan Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 350005, Russia, Krasnodar, Yaroslavskaia st., 128. E-mail: uporov@list.ru.

Improving law enforcement practices in the fight against crime

Abstract. The article discusses the features of law enforcement practice in the field of fighting crime and ways to improve it. In the article, the author substantiates his proposals for improving the specified activities of law enforcement agencies, including the proposal to expand the powers of the police (militia) to invade the rights and freedoms of law-abiding citizens - subject to the rule of law and public confidence in law enforcement structures.

Key words: crime, rights and freedoms, citizens, state, law enforcement agencies, legality, trust.

Статистическими данными многих стран подтверждается неуклонный рост преступности. Этот феномен не признает различий в общественно-политическом строе, религиозной, национальной специфики, географии. Он наблюдается в течение многих десятилетий. Есть основание говорить об объективном характере непрерывного возрастания количества покушений на установленные в обществе законы (правила поведения).

Некоторое снижение темпов роста преступности и даже абсолютных цифр в отдельные периоды в СССР, а затем России и сравнительно спокойная криминальная обстановка в ряде стран (Швейцария, Бельгия, Дания и др.) не меняет общемировой тенденции, поскольку, во-первых, не учитывается латентная преступность (не говоря о задаваемой сверху «нужной» статистике в недавнем прошлом нашей страны) и, во-вторых, это

касается в основном тяжких преступлений, тогда как по иным и в целом ситуация другая.

В последнее время все чаще высказывается справедливое, на мой взгляд, мнение об утопичности задачи искоренения преступности, которая так же вечна, как и общество. Речь приходится вести лишь о максимально возможном сдерживании роста противоправных проявлений. В этой связи необходимо менять и стратегию, и тактику государственной антипреступной политики. Сферы, где в первую очередь требуется изменение акцентов, представляются мне следующими:

- пределы вторжения государства (правоохранительных органов) в права и свободы законопослушных граждан (профилактика);

- объем и характер уголовных наказаний;

- условия отбывания наказания осужденными в исправительных учреждениях;

- содержание оперативно-розыскной деятельности.

Анализ войны с преступной армией наводит на мысль о необходимости расширить пределы вторжения государства в права и свободы законопослушных граждан. На первый взгляд это противоречит логике демократии, требованиям правового государства. Однако углубление в суть дела показывает иное.

Исходная позиция здесь состоит в объективной неспособности государства защитить всех граждан от злонамеренных посягательств. Как ни прискорбно, ради этого приходится чем-то поступаться. Задача - свести потери к минимуму. Для этого правоохранительным органам не обойтись без такой информации, которая позволяла бы контролировать потенциальное криминогенное пространство и при необходимости своевременно принимать меры. Другими словами, нужно в большем объеме отслеживать поведение граждан: непосредственным наблюдением, прослушиванием, изучением разного рода документов, аудио- и видеозаписей.

Подчеркну: отслеживать - не значит вмешиваться в поведение, если оно, ко-

нечно, не переходит границы дозволенного. Примеры: патруль наблюдает за людьми, попадающими в поле зрения на маршруте; налоговая инспекция проверяет документацию предпринимателя; участковый интересуется личностью вновь прибывшего жильца и т. д. Во всех этих случаях государственное око блюдет правопорядок в интересах большинства граждан. Из этого ряда, в частности, и необдуманно отвергнутая в нашей стране служба дворников, которые знали жильцов дома и уже тем самым предупреждали многие, прежде всего бытовые, преступления. Погоня за дешевизной жилых домов-«коробок», подъезды которых распахнуты для любого проходимца, обернулась потерей и сломом тысяч жизней и судеб и утратой покоя.

Полиция, считаю, обязана «совать нос» всюду, где на ее взгляд «пахнет жареным». Безопасность общества должна быть выше интересов отдельного гражданина, которому, наверное, будет неприятно, если в его дверь постучат инспектора и, объяснив причину, предложат дать осмотреть квартиру, но надо с этим смириться: коль он законопослушен, ему нечего опасаться. Кроме того, будучи сознательным гражданином, он поймет необходимость таких действий. Подобные неудобства вполне терпимы, ибо за ними более спокойная и безопасная жизнь. За ними - более прочные гарантии основополагающих прав: на жизнь, свободу, достоинство, а значит, и больше демократии.

В новом УК РФ предусматриваются более суровые наказания, чем в прежнем (срок лишения свободы до 20 лет и пожизненно, ужесточение санкций за убийство и др.). В США принятый несколько лет назад закон о борьбе с преступностью также резко усилил репрессии. В странах, где отменена смертная казнь, значительная часть населения с этим не согласна, и не исключено движение вспять (как в США). Представляется в связи с этим, что утверждение о бессмысленности «жестоких» наказаний нередко абсолютизируется.

Жесткость принуждения по отношению к преступнику – естественная реакция населения на злодейские и чудовищные преступления. Общественное мнение требует возмездия, и сам факт преобладания именно такой точки зрения служит мощным предупредительным фактором.

Водворив преступника в исправительное учреждение, государство заинтересовано в том, чтобы, отбыв наказание, осужденный вернулся в общество как можно более законопослушным. Это невозможно, если содержать его, как зверя в клетке. Речь идет о сносных, в минимальной степени ущемляющих человеческое достоинство условиях. В этом смысле полезно использовать пенитенциарный опыт Российской империи. Тогда, например, свидания заключенным могли предоставляться каждый выходной и в праздничные дни. Тут расчет прост: стремясь к самосохранению, общество не должно превращать «зону» в рассадник преступности, как нередко бывает сейчас. Достаточно упомянуть наличие в колониях общежитий-казарм, где правят бал паханы и где правопослушный осужденный беззащитен...

Несколько лет назад в США дискутировался вопрос о возможности расширения оперативных полномочий полицейских в связи с тем, что размах преступности превысил уровень средств и сил, используемых для борьбы с ней. По одному из дел верховный суд США признал недопустимым использование доказательств, добытых в обход процессуальных норм (речь шла о несанкционированном прослушивании разговора лица из телефонной будки, благодаря чему удалось уличить его в хранении наркотиков). Несмотря на очевидную виновность, обвинение из-за процессуального нарушения было снято. Подобная полемика в преддверии принятия нового УПК РФ ведется и в нашей стране. Предлагается, в частности, использовать в качестве доказательств показания негласных сотрудников без их расшифровки (в суде показания под присягой дает руководитель оперативного подразделения). В

этом же ряду - допустимость использования метода провокаций, приманки.

Думается, с порога отвергать подобные предложения не следует. Ведь ясно, что в «белых перчатках» бороться с преступностью невозможно. Нужны и хитрость, и обман противника.

Достаточно высокий чин из правительства Москвы (бывший полковник милиции, сыщик) на страницах центральной газеты недавно высказался за диалог и достижение определенных договоренностей властей с лидерами преступных групп на условиях, с одной стороны, не трогать их (хотя компромат имеется), а с другой - обеспечить с их помощью относительный порядок на контролируемых территориях (чтобы не было убийств, грабежей, угонов и т. д.). Трудно заподозрить полковника в симпатиях к мафиозным структурам. Его предложение, скорее, отражает бессилие власти добиться нужных результатов законными средствами.

Другой пример: в Бразилии в недалеком прошлом действовал «отряд мести», состоявший из полицейских. Он самовольно и «натурально» отстреливал лидеров бандитских групп, поскольку правоохранные органы не могли (коррупция, страх, низкий уровень обеспечения) с ними справиться законными средствами.

Примеры показывают сложность проблемы. Имеющимися правовыми средствами остановить вал преступности, и особенно организованной, как правило, не удастся. Логика подсказывает: полиции нужно больше полномочий, тем более что фактически она ими пользуется. В противном случае критическая масса достигнет предела, за которым начинается чрезвычайщина и заканчивается демократия.

Разумеется, расширение пределов государственного вторжения в права и свободы граждан должно осуществляться исключительно на законной основе. Особую роль играет доверие к правоохранительным органам, поскольку их специфическая деятельность, затрагивающая

фундаментальные права и свободы, во многом не поддается контролю. В связи с этим представляется целесообразным кандидатуры на посты руководителей УВД подвергать широкой и тщательной общественной «обкатке» с обязательным утверждением не менее чем 4/5 голосов

от общего числа депутатов соответствующего представительного органа.

Вероятно, кто-то оспорит мои предложения, но пусть учет при этом, что они продиктованы заботой об обеспечении правопорядка, без чего не может быть речи о правовом государстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Упоров И.В. В белых перчатках преступность не одолеть // Юридический вестник. 1997. № 20 (октябрь).

REFERENCES (TRANSLITERATED)

2. Uporov I.V. V belyh perchatkah prestupnost' ne odolet' // Juridicheskij vestnik. 1997. № 20 (oktjabr').

Поступила в редакцию 24.07.2020.

Принята к публикации 27.07.2020.

Для цитирования:

Упоров И.В. Совершенствование правоприменительной практики в сфере борьбы с преступностью // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 169-172. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/UporovJU.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3972063>

УДК 327

Усманов С.А.

Усманов Сардорбек, Университет мировой экономики и дипломатии. 100007, Узбекистан, г. Ташкент, проспект Мустакиллик, 54. E-mail: SardorUsmanov@mail.ru.

Турецкий фактор на Ближнем Востоке

Аннотация. В статье освещены геополитические интересы Турции на Ближнем Востоке, отношения с мусульманскими странами, стабильность этого региона как необходимое условие для достижения геополитических устремлений. Рассматривается историко-географическое положение страны, и в этой связи активизация Турции на международной арене. Анализируется турецкий фактор в решении внешне- и внутривосточных вопросов, усилении геополитического влияния на ближневосточное пространство.

Ключевые слова: турецкий фактор, геополитическое влияние, внешнеполитические приоритеты, региональный игрок, модель умеренной силы.

Usmanov S.A.

Usmanov Sardobek, University of World Economy and Diplomacy. 100007, Uzbekistan, Tashkent, Mustakillik av., 54. E-mail: SardorUsmanov@mail.ru.

Turkish factor in The Middle East

Abstract. The article highlights the geopolitical interests of Turkey in the Middle East, relations with Muslim countries, the stability of this region as a necessary condition for achieving geopolitical aspirations. The author studies the historical and geographical position of the country, the activation of Turkey in the international arena. He focuses on the Turkish factor in solving foreign and domestic political issues of the country, strengthening geopolitical influence on the Middle East.

Key words: Turkish factor, geopolitical influence, foreign policy priorities, regional player, moderate power model.

История формирования турецкого государства как центра Османской империи во все времена свидетельствовала о неугасающих амбициях и приоритетах страны в утверждении национальных интересов в пользу сферы влияния на Ближневосточном регионе, стремлении к урегулированию внешнеполитических проблем, а также обеспечении гарантии безопасности на трансграничных территориях данного государства.

Историко-географическое положение Турции свидетельствует о скрещенности дорожных путей объединяющих Запад и Восток, Европу и Азию, а также полно-

правном владении страной проливом Босфор и Дарданеллы, что обеспечило стратегическое преимущество Турции в Средиземноморье.

Активизация Турции на международной арене под руководством Президента Эрдогана в последние годы свидетельствует об использовании имеющихся возможностей для внутривосточных реформ и внешних преобразований. Внешнеполитические приоритеты страны направлены на стабилизацию конфликтного потенциала в турецко-сирийских отношениях, в том числе в решении курдской проблемы. А на Ближнем Востоке созданы предпосылки для того,

чтобы взять на себя роль регионального лидера.

Усиление турецкого фактора на Ближнем Востоке стало приобретать ключевую роль, вызванную все большим нагнетанием регионально-этнического противостояния с Сирией. Лейтмотивом турецко-сирийских отношений стала доктрина государства под названием «ноль проблем с соседями» [1]. Ее предназначение состояло в достижении мирных договоренностей с соседями, утверждении безупречного статуса и сферы влияния в Ближневосточном регионе.

Исторические события, захлестнувшие арабский континент в 2011 году и получившие продолжение сегодня, существенным образом изменили ситуацию на Ближнем Востоке, повлияли на перестановку сил, разделили региональное пространство на ряд противоборствующих сторон. Уязвимое положение стран, пострадавших из-за массовых движений в период «Арабской весны», переросло в протесты против Турции, бросая тень на внешнюю политику страны, основанную на концепции «ноль проблем с соседями».

Наращение желания занять свое место в «новом арабском мире», продвижение собственной модели умеренной силы в регионе, неизбежность сосуществования с нестабильными соседями в лице Египта, Ливии и Сирии способствовали трансформации внешнеполитического курса страны, в том числе переосмыслению геополитического влияния Турции в Ближневосточном регионе.

В политике турецкого государства мирное отношение с соседями во многом предопределило избегание людских, материальных и территориальных потерь. Еще в 2011 году выступая после победы на выборах, глава Турецкой Республики Реджеп Эрдоган обратился с посланием как ближневосточный лидер ко всем дружественным братским народам из Багдада, Дамаска, Бейрута, Каира, Сараева, Баку и Никосии, заявив, что надежды жертв и угнетенных сбылись, и «Бейрут выиграл так же, как и Измир. Западный берег, Газа, Рамалла, Иерусалим выигра-

ли так же, как и Диярбакыр. Ближний Восток, Кавказ и Балканы выиграли так же, как и Турция» [2]. Таким образом, «Арабская весна» принудила Турцию пересмотреть приоритеты во внешней политике, по-новому определить свое участие в геополитическом влиянии в ближневосточном регионе.

В последнее десятилетие более четко обозначились добрососедские отношения Турции со странами Ближнего Востока, в том числе с Сирией, Ираном и Ливией. Реализация концепции современного курса турецкого правительства привела к тому, что страна постепенно стала отдаляться от политических установок Запада в лице США и нагнетать враждебную ситуацию вокруг Израиля.

Утверждение турецкого фактора в решении внешнеполитических вопросов привело к укреплению внутривосточного статуса страны, способной смело заявить о себе как о региональном игроке, усилить свое геополитическое влияние на ближневосточное пространство. По словам Г. Мирского, «процветающая, набирающая силу Турция уверенным шагом вступает на ближневосточную арену, завоевывая все больше симпатий в первую очередь благодаря тому, что ее возглавляют исламисты, пусть и умеренные. Включившись в борьбу за региональную гегемонию, Турция намерена стать региональным тяжеловесом» [3].

Следует отметить, что Турция направляет свои силы на сохранение стабильного внешнеполитического курса, принимает участие в решении широких проблем по Ближнему Востоку, с уверенностью популяризирует свою позицию в контексте геополитического влияния в регионе. Обеспечение данных приоритетов стало возможным в современный период развития государства некогда принадлежавшего Османской империи.

Как известно, в период XX – начала XXI вв. внешняя политика Турции осуществлялась на основе концепции Мустафы Кемала Ататюрка, приоритетным направлением которой было занять достойное место на Западном континенте,

стать союзницей США и НАТО на Востоке при дальновидном сохранении дружественных отношений с СССР. При этом вначале 90-х гг. Турция столкнулась с новыми условиями миропорядка, ознаменованными окончанием «холодной войны». Это событие повлияло на переход от биполярного мироустройства к постбиполярному с зарождением полицентрической системы в мировой политике и международных отношениях. Процесс изменения акцентов в мировой системе представляет с собой периодизацию событий, породивших, по мнению Д.Б. Малышевой, трансформацию политических сил и приоритетов [4].

В исследовании турецкого фактора в событиях на Ближневосточном регионе важным моментом выступает внешнеполитический курс Турции, направленный на переоценку возможностей страны повлиять на сирийскую проблему, переосмысление амбиций регионального лидера урегулировать сирийский конфликт. Вместе с тем посредством геополитического влияния на Сирию утвердить приоритеты модели нового неоосманизма [5].

Проблема турецкого фактора на Ближнем Востоке представлена в исследованиях различных ученых, аналитиков и специалистов. Ссылки на работы авторов свидетельствуют о роли исторических событий 2011 года, когда существенным образом изменилась ситуация в арабском мире, появились силы, заинтересованные в разделении регионального пространства, активизировались массовые движения повстанцев. События «арабской весны» стали причиной протестов против Турции, была брошена тень на внешнюю политику страны, стремящейся к мирному сосуществованию с соседями.

Следует отметить, что демократические реформы, либеральная политическая жизнь, экономическое развитие – ведущие символы турецкого политического ислама. Тем не менее турецкая модель имеет свои особенные черты, которые не могут быть применены к условиям других ближневосточных стран. По мнению

Хью Поуп, турецкая модель не подходит ни для одного регионального или идеологического блока. В действительности Турция не может служить приемлемой моделью для многих мусульман, которые не в состоянии примирить псевдодемократические практики со своими ожиданиями от демократического режима.

При создавшемся положении возникает потребность в объединении усилий Ирана и Турции против региональной политики Запада, в особенности в лоббировании со стороны США израильских интересов на Ближнем Востоке. Однако Анкара и Тегеран по-разному видят свое участие в судьбе ближневосточного региона, в чем кроется глубокое противоречие между ними, которое может усугубить создание турецко-иранского альянса [6].

Что касается Турции и Израиля, то между этими двумя странами сохраняется напряженность. Еще совсем недавно Израиль видел в лице Турции надежного партнера, с которым можно заключать взаимовыгодные договоры и соглашения. Однако реформаторская политика внутри страны предопределила дальнейшее изменение отношения Израиля к Турции. Израильская сторона все больше стала наращивать свои силы против Ирана и собирать вокруг себя сторонников суннитского толка в лице Саудовской Аравии, Египта, ОАЭ и др. По мнению В. Ханина, при создавшемся положении статус Турции постепенно стал отходить на второстепенную позицию, чему способствовала еще и «категоричная антиизраильская риторика, которую Эрдоган должен был неизбежно предъявлять исламскому миру на фоне признания Соединенными Штатами Иерусалима как единой столицы Израиля и других конфликтных вопросов» [7].

Значительна роль Турции в катарском кризисе и в фактической нейтрализации экономической блокады Катара государствами Персидского залива. Турция является гарантом безопасности для Катара. В июне 2017 года парламент Турции принял решение о создании в Катаре военной базы. Она рассчитана на 5000 военно-

служащих и несколько сотен единиц боевой техники. Турция намеревается также разместить боевую авиацию и флот. Катар приобретает значительные партии турецкого вооружения. Как отмечают эксперты, Катар трансформируется в крупнейшего внешнего вкладчика в турецкий ВПК, формированию которого Анкара придает большое значение [8].

Внешняя политика Эрдогана по отношению к Ираку и Сирии сосредоточена больше всего на курдской проблеме. Активное участие Турции в событиях вокруг этих стран направлено на попытки Анкары «перекроить» границы Ирака и Сирии. В Ираке Турция находит поддержку со стороны иракских суннитов и туркоманов (иракских туркмен), традиционно оказывает покровительство опальным иракским политикам-суннитам. Ресурсом влияния Анкары в Ираке служит присутствие там турецкого воинского контингента, ведущего борьбу с рабочей партией Курдистана (РПК). Ослабляет позиции Турции необходимость балансировать между отношениями с центральным правительством и Иракским Курдистаном [9]. Последний остается активным субъектом политики в данном регионе.

Что касается Сирийского Курдистана позиция Эрдогана ясна – уничтожить существующую систему самоуправления в лице лидеров РПК. При этом, чтобы установить свое влияние на Сирию, по крайней мере, следует рассчитывать на расположение Дамаска к себе. А пока Эрдогану удается ограничиться программой минимум, с помощью которой можно будет применить тактику сдерживания независимых автономных сил Курдистана, усилить свой «протекторат» вдоль турецко-сирийских границ. Как утверждают эксперты, при имеющихся шансах «Иран представляет с собой ту региональную силу, с помощью которой можно воздействовать на курдский фактор изнутри» [10].

Между Анкарой и Королевством Саудовской Аравии устойчивая экономическая основа для формирования двусто-

ронных связей не наблюдается. Торгово-экономические отношения воссоздают отрицательную динамику в политической среде. Единый объем торговли после 2012 года уменьшался (с 8 до 5 млрд. долл. в 2016 году). Однако нужно отметить, что совершалось это, прежде всего за счет снижения практически вдвое турецкого импорта из КСА.

Таким образом, с учетом вышеизложенного следует вывод о том, что турецкий фактор на Ближнем Востоке обусловлен геополитическими интересами страны. При этом ключевыми выступают нынешние региональные перемены и учет особенностей каждой страны. Отношения Турции с мусульманскими странами дают значительные преимущества для внешней политики Анкары. Стабильность этого региона воспринимается турецкими политиками как необходимое условие для достижения геополитических устремлений. Однако цель Анкары – расширить свое влияние в арабском мире. Это обуславливает и предприимчивый взгляд на сирийский конфликт. Развитие высокопоставленного по своим военным и финансовым потенциалам суннитского союза с Катаром приводит к конфронтации между Турцией и квартетом (КСА, ОАЭ, Египет, Бахрейн).

Турция все больше ориентируется на страны Ближнего Востока. Турецкое руководство опровергает все заявления о смене вектора развития страны и переориентации с Запада на Восток, называя внешнеполитическую активизацию нормализацией и восстановлением баланса, который был нарушен в период «холодной войны». Турция пытается предложить Ближнему Востоку некую турецкую модель развития, которая позволит соединить демократию и ислам. Турецкая Республика стремится усилить свои региональные позиции на Ближнем Востоке, чему способствует мощный экономический потенциал государства, который имеет тенденцию к увеличению, а также крепкие внешнеполитические связи.

В начале XXI в. активные усилия внешней политики Турции на Ближнем

Востоке были направлены на углубление своего регионального влияния. С этой целью использовался широкий спектр геополитических, экономических, исторических, идеологических и других факторов, способствующих закреплению «особой роли» Турции в ближневосточном регионе. Стремление Анкары к региональному лидерству получило новое концептуальное оформление в стратегии внешней политики правящей исламской Партии справедливости и развития.

Вместе с тем весьма очевидно, что доктрина внешней политики Турции находится на стадии формирования, не-

смотря на ее определенную связь с концепциями, которые можно считать традиционными для внешней политики Турции. Примечательно то, что формирование доктрины связано с поиском вариантов идеологического обоснования региональных претензий. О незавершенности формирования подходов республики к развитию отношений с государствами региона свидетельствуют абсолютно разные, а порой и противоположные оценки внешнеполитических устремлений Турции на Ближнем Востоке не только среди зарубежных аналитиков, но также и внутри турецкого общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Davutoğlu A. Turkey's Zero-Problems Foreign Policy // Foreign Policy. 2010. May 20. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/05/20/turkeys_zero_problems_freign_policy?page=full
2. Протопапас Д. Геополитические интересы Турции и восстания на Ближнем Востоке // Международная жизнь. 2011. № 10. С. 50-60.
3. Мирский Г.И. Международные отношения на Ближнем Востоке // Азия и Африка в современной мировой политике. Сборник статей / Отв. ред. д.п.н. Д.Б. Малышева, к.э.н. А. А. Рогожин. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 77-95.
4. Малышева Д.Б. Современная мировая политика в контексте формирования многополюсного мира // Азия и Африка в современной мировой политике. Сборник статей / Отв. ред. д.п.н. Д.Б. Малышева, к.э.н. А. А. Рогожин. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 9-21.
5. Dede O. Batı'nın Türk Dış Politika Algısı ve 'Yeni Osmanlılık' // BİLGESAM. 2011. 18 Temmuz. URL: http://www.bilgesam.org/tr/index.php?option=com_content&view=article&id=1384:batnn-tuerk-d-politika-algs-ve-yeni-osmanlclik-&catid=168:ortadogu-analizler
6. Osman Çelik Yeni Osmanlılık Projesine Eleştirel Bir Bakış // Haberiniz. 2011. 29 Haziran. URL: <http://y-tm.blogspot.com/2009/12/yeni-osmanlicilik-projesine-elestirisel.html>
7. Majidyar A. Rouhani, Erdogan pledge cooperation, but mutual distrust remains // Middle East Institute. 8.02.2018. URL: <https://www.mei.edu/publications/rouhani-erdogan-pledge-cooperation-mutual-distrust-remains>
8. Ханин (Зеэв) В. Турецко-израильская «разрядка»: мотивы Анкары // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=17296>
9. Butler D., Karadeniz T. Turkey sends Qatar food and soldiers, discusses Gulf tensions with Saudi // ISTANBUL/ANKARA Reuters. 13.06.2017. URL: <https://uk.reuters.com/article/uk-gulf-qatar-turkey-saudi/turkey-sends-qatar-food-and-soldiers-discusses-gulf-tensions-with-saudi-idUKKBN19D0CY>
10. Кобринская И.Я., Вартазарова Л.С., Уткин С.В. Современная Турция: тренды развития и значение для России / Под ред. Л.С. Вартазаровой, И.Я. Кобринской, С.В. Уткина. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 54 с.
11. Дюрре М.Э. Курдский вопрос в современных реалиях Ближнего Востока // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. №2(27). С. 13-16.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Davutoğlu A. Turkey's Zero-Problems Foreign Policy // Foreign Policy. 2010. May 20. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/05/20/turkeys_zero_problems_freign_policy?page=full

2. Protopapas D. Geopoliticheskie interesy Turcii i vosstaniya na Blizhnem Vostoke // *Mezhdunarodnaja zhizn'*. 2011. № 10. S. 50-60.
3. Mirskij G.I. Mezhdunarodnye otnosheniya na Blizhnem Vostoke // *Azija i Afrika v sovremennoj mirovoj politike. Sbornik statej / Otv. red. d.p.n. D.B. Malysheva, k.je.n. A. A. Rogozhin. M.: IMJeMO RAN, 2012. S. 77-95.*
4. Malysheva D.B. Sovremennaja mirovaja politika v kontekste formirovaniya mnogopoljuskogo mira // *Azija i Afrika v sovremennoj mirovoj politike. Sbornik statej / Otv. red. d.p.n. D.B. Malysheva, k.je.n. A. A. Rogozhin. M.: IMJeMO RAN, 2012. S. 9-21.*
5. Dede O. Batı'nın Türk Dış Politika Algısı ve 'Yeni Osmanlılık' // *BİLGESAM*. 2011. 18 Temmuz. URL: http://www.bilgesam.org/tr/index.php?option=com_content&view=article&id=1384:batnn-tuerk-d-politika-algs-ve-yeni-osmanlcik-&catid=168:ortadogu-analizler
6. Osman Çelik Yeni Osmanlılık Projesine Eleştirel Bir Bakış // *Haberiniz*. 2011. 29 Haziran. URL: <http://y-tm.blogspot.com/2009/12/yeni-osmanlicilik-projesine-elestirisel.html>
7. Majidyar A. Rouhani, Erdogan pledge cooperation, but mutual distrust remains // *Middle East Institute*. 8.02.2018. URL: <https://www.mei.edu/publications/rouhani-erdogan-pledge-cooperation-mutual-distrust-remains>
8. Hanin (Zejev) V. Turecko-izrail'skaja «razrjadka»: motivy Ankary // *Institut Blizhnego Vostoka*. URL: <http://www.iimes.ru/?p=17296>
9. Butler D., Karadeniz T. Turkey sends Qatar food and soldiers, discusses Gulf tensions with Saudi // *ISTANBUL/ANKARA Reuters*. 13.06.2017. URL: <https://uk.reuters.com/article/uk-gulf-qatar-turkey-saudi/turkey-sends-qatar-food-and-soldiers-discusses-gulf-tensions-with-saudi-idUKKBN19D0CY>
10. Kobrinskaja I.Ja., Vartazarova L.S., Utkin S.V. Sovremennaja Turcija: trendy razvitija i znachenie dlja Rossii / Pod red. L.S. Vartazarovoj, I.Ja. Kobrinskoj, S.V. Utkina. M.: IMJeMO RAN, 2019. 54 s.
11. Djurre M.Je. Kurdsnij vopros v sovremennyh realijah Blizhnego Vostoka // *Azimut nauchnyh issledovanij: jekonomika i upravlenie*. 2019. №2(27). S. 13-16.

Поступила в редакцию 02.07.2020.

Принята к публикации 06.07.2020.

Для цитирования:

Усманов С.А. Турецкий фактор на Ближнем Востоке // *Гуманитарный научный вестник*. 2020. №7. С. 173-178. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Usmanov.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3978274>

УДК 327

Хлопов О.А.

Хлопов Олег Анатольевич, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, Миусская пл., д. 6. E-mail: rggu2007@rambler.ru.

Вызовы и угрозы международной безопасности в XXI веке

Аннотация. В статье рассматриваются вызовы и угрозы системе международной безопасности в XXI веке. Анализ позволяет говорить об изменении расстановки сил и баланса влияния среди государств, что обусловлено возникновением новых вызовов и угроз. Дается характеристика растущему значению терроризма как главной международной угрозы в XXI веке, возрастанию военных угроз, связанных с ядерными арсеналами, которыми обладают великие державы, угрозе распространения оружия массового уничтожения, а также гонке обычных вооружений. В статье делается вывод, что ограниченное сотрудничество ведущих стран приводит к возрастающему соперничеству между ними в военной области.

Ключевые слова: международная безопасность, глобальные угрозы, терроризм, ядерное оружие, военные расходы, Россия, США.

Khlopov O.A.

Khlopov Oleg Anatolyevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of American Studies, Russian State Humanitarian University (RGGU). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Miusskaya Sq. Bld. 6. E-mail: rggu2007@rambler.ru.

Challenges and threats to international security in the XXI century

Abstract. The article reveals new challenges and threats of military nature in XXI century. The analysis of these threats indicates the ongoing changes in the international system in which there are new challenges and threats to national and international security, changes of the balance of power and influence among states. The author points to the growing significance of international terrorism as the main threat in the twenty-first century, the increasing military threats of nuclear arsenals possessed by the great powers, the danger of proliferation of weapons of mass destruction and conventional arms race. Among the non-military threats there are cyber threats, economic and environmental threats and problems associated with uncontrolled migration.

Key words: international security, global threats, terrorism, nuclear weapons, military expenditure, Russia, USA.

При изучении международных отношений понятие безопасности является ключевой категорией, с помощью которой определяются основные потребности, интересы и угрозы международных акторов. Этот процесс

происходит в международной среде, и его последствия затрагивают не только заинтересованные страны, но и всю международную систему.

В традиции политического реализма безопасность понимается в контексте

угроз, возникающих извне по отношению к государствам как основным участникам международной системы. При анализе угроз важно понимать то, как воспринимаются угрозы активными субъектами международных отношений. Это восприятие может быть отражением реального состояния (реальной, потенциальной или вероятной угрозы) или может быть ложным (так называемое неправильное восприятие). Часто ошибочное восприятие представляет собой естественный эффект высокой степени сложности среды безопасности (особенно международной), и одновременно ведет к распространению ложной информации, а также к когнитивным ограничениям воспринимающих субъектов.

Эти соображения, а также значительные колебания во времени и пространстве основных элементов системы безопасности, порождают трудности познания данного явления, что побуждает ученых отказаться от усилий по созданию общей теории безопасности. Поэтому основные исследования в рамках теории международных отношений по проблемам безопасности сосредоточены на анализе объективных и субъективных аспектов угроз, а также рассматривают безопасность как состояние сознания, то есть как исключительно субъективное понятие [1, 2]. Как правило, феномен безопасности противопоставляется угрозам и предполагает такие действия акторов, которые направлены на предотвращение и нейтрализацию угроз. Используя такой подход, мы можем рассматривать безопасность с точки зрения диалектического взаимодействия объективного и субъективного. Кроме того, под безопасностью мы будем понимать уверенность в существовании, выживании, свободном функционировании и перспективах развития конкретного актора [3]. Рассмотрим основные угрозы международной безопасности, которые препятствуют стабильному развитию государств и обществ.

Терроризм. В XXI веке наиболее заметной угрозой безопасности является быстрый рост политического терроризма.

Серьезной угрозой является исламский терроризм, в который вовлечены граждане западных стран. После терактов 11 сентября 2001 г., в которых погибло около 3300 человек, в том числе около 300 тех, кто оказал первую помощь во время спасательных операций, президент США Джордж Буш объявил «войну с террором». Первой крупной операцией международного масштаба было военное вмешательство США и их союзников в Афганистан в октябре 2001 г. с целью уничтожения Аль-Каиды. Эта «война с террором» продолжается до сих пор и является одним из генераторов исламского терроризма. Например, несмотря на официальный вывод американских войск из Ирака в декабре 2011 г., дестабилизация и гражданская война, вызванная вмешательством, продолжается [4].

Во время американской войны с терроризмом произошла деформация в восприятии терроризма, которая заключается в обвинении мусульманских стран и установлении знака равенства между терроризмом и исламом. Количество террористических групп увеличилось, и их атаки стали более частыми. Растущее число террористических групп признало свою преданность Аль-Каиде. Так было в случае нападения, совершенного в Мадриде 11 марта 2004 г., в Лондоне 7 июля 2005 г. В первом случае 191 человек погиб и более 1900 были ранены; во втором – погибли 52 человека и более 700 получили ранения. «Аль-Каида» взяла на себя ответственность за оба террористических акта.

Отсутствие у Запада стратегического мышления и иррациональные действия с начала 2011 г. в отношении «арабской весны» создали еще больше условий для роста терроризма. Военное вмешательство стран НАТО в Ливию и Сирию усилило новую волну религиозного экстремизма и терроризма. Исламские экстремисты начали ответные действия, в основном в Европе, взяв ответственность за серию террористических актов в Париже. Первая атака произошла 7 января 2015 г. в редакции еженедельника «Charlie

Hebdo», когда 12 человек погибли и 11 получили ранения. Весной 2015 г. мир был потрясен новостями о террористических атаках, совершенных исламскими фундаменталистами в Тунисе (погибли 23 туриста) и в Кении (были убиты 147 человек в Университетском колледже Гариссы). В ночь на 13 ноября 2015 г. исламские террористы провели серию нападений в столице Франции. 129 человек погибли и 350 получили ранения. Спустя четыре месяца, 22 марта 2016 г., в Брюсселе были скоординированы три взрыва бомбы: погибли 3 террориста-смертника и еще 32 человека; 316 получили ранения. 14 июля 2016 г. 84 человека погибли и 202 получили ранения в результате нападения в Ницце. 12 человек погибло, 48 получили ранения в результате аналогичного нападения в Берлине 19 декабря 2016 г. 22 мая 2017 г. 22 человека погибли и около 120 получили ранения в результате нападения в Манчестере. 14 человек погибло и 130 были ранены в результате нападений в Барселоне и Камбрильсе 17 августа 2017 г. Другие атаки были предотвращены спецслужбами рядом западноевропейских стран, но угроза терроризма осталась.

Политический терроризм связан с транснациональной организованной преступностью, с которой необычайно сложно бороться. Эта преступность функционирует в различных сферах общественной жизни и в различных формах. Особо опасными видами организованной преступности являются торговля наркотиками, перевозка нелегальных иммигрантов, торговля женщинами, детьми и человеческими органами, радиоактивными материалами подкуп политиков, системы правосудия и бизнесменов, отмывание денег. Методы действия организованной преступности включают политический, религиозный, биологический и химический терроризм [5].

Среди актуальных для XXI века угроз и вызовов следует выделить военные угрозы, связанные с использованием разного рода вооружений, вероятностью военного вторжения иностранных госу-

дарств. Вооружения обычно считаются угрозой международной безопасности, что находит отражение в так называемой дилемме безопасности. Суть ее заключается в том, что если военная мощь одной страны увеличивается, то ощущение угрозы среди соперников и противников автоматически возрастает. Здесь следует сделать важную оговорку, выдвигаемую сторонниками конструктивистского подхода в изучении международных отношений, которые указывают, что материальные объекты, то есть вооружения, сами по себе не вызывают угроз, поскольку вопрос о том, должно ли оружие использоваться или нет, определяется политической волей лиц, принимающих решения. Мы же в целом будем придерживаться реалистической парадигмы и сохраним традиционное, хотя и несколько упрощенное, отношение к вооружениям как угрозе международной безопасности.

Ядерное оружие и угроза его распространения. Несмотря на договоры о разоружении, которые были подписаны в конце XX в., мир вступил в новую эпоху с большими арсеналами ядерного оружия, которые находятся у России, США, Франции, Великобритании, Китая. В начале 2001 г. у России было в общей сложности 9196 активных ядерных боеголовок (в том числе 6806, размещенных на стратегических видах вооружений); у США – 8876 (включая 7206 на стратегических видах вооружений); у Франции – 348; и Великобритании – 185. Это означает, что в евроатлантическом регионе было 18605 ядерных боеголовок, или 96,6% всего ядерного арсенала в мире, что составляло тогда 19265 ядерных боеголовок [6].

Большое значение для создания системы международной безопасности имели договоры о сокращении ядерных арсеналов – Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) (1987 г.), Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1) (1991 г.). Тем не менее в начале XXI века мир не находится в большей безопасности, поскольку существующие

запасы ядерного оружия по-прежнему обладают огромным потенциалом избыточного уничтожения, и не один раз способны уничтожить жизнь на Земле.

Произошедшие сокращения ядерных вооружений были девальвированы продолжающейся модернизацией имеющихся ядерных вооружений, односторонним выходом США в декабре 2001 г. из договора по противоракетной обороне (ПРО 1972 г.), а также намерением Вашингтона построить противоракетный щит в Европе. В этой ситуации важную роль приобрели инициативы, направленные на укрепление режима Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО 1968 г.), осуществление соглашения от 23 июня 1994 г. о прекращении производства плутония в военных целях, а также на борьбу с организованной контрабандой расщепляющегося материала для ядерного оружия.

Международное сообщество также было обеспокоено несоблюдением Индией, Пакистаном и Северной Кореей Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний от 1996 г. Индия впервые испытала ядерную бомбу в 1974 г., а после того, как Пакистан провел аналогичные испытания в 1998 г., обе эти страны совершили серию ядерных взрывов [8]. Это явилось тревожным сигналом для мира, когда еще две страны оказались в группе держав, обладающих ядерным оружием. Дальнейшее беспокойство, особенно в США, было вызвано первым успешным ядерным испытанием в Северной Корее в 2006 г. В целом можно констатировать, что несмотря на бессрочное продление действия ДНЯО в мае 1995 г., опасность распространения ядерного оружия сохраняется.

С начала XXI в. мировые арсеналы ядерного оружия сократились более чем на 20%. Согласно данным Стокгольмского института изучения проблем войны и мира (СИПРИ), в начале 2017 г. насчитывалось примерно 14935 боеголовок, из которых 4150 были развернуты на оперативном боевом дежурстве, а 1800 находились в состоянии повышенной готов-

ности. Хотя это на 460 единиц меньше, чем в предыдущем году, сокращение идет медленно, и Россия и США по-прежнему обладают 93% мировых ядерных боеголовок. Это сокращение, главным образом, связано с выполнением нового договора СНВ-3, подписанного президентами РФ и США Д. Медведевым и Б. Обамой в 2010 г. Но эта общая картина несколько вводит общественность в заблуждение, поскольку, несмотря на сокращение ядерных зарядов, и Россия, и США проводят масштабные и дорогостоящие программы модернизации своего ядерного вооружения.

В 2017 г. ядерные державы, обладали следующим количеством боеголовок: Россия – 7000, США – 6800, Франция – 300, Китай – 270, Великобритания – 215, Пакистан – 130-140, Индия – 120-130, Израиль (официально не отрицает и не признает наличия ядерного оружия) – 80, Северная Корея – 10-20 [9].

Несмотря на то, что действует множество важных международных соглашений, угроза распространения ядерного оружия все еще существует и будет сохраняться. Тремя основными мотивами, побуждающие неядерные страны искать доступ к ядерному оружию, являются соображения национальной безопасности, престижа и внутренней политики. Таким образом, работа по предотвращению распространения ядерного оружия и по поддержанию строгого контроля над использованием ядерных технологий в мирных целях является общей задачей для всего международного сообщества [10].

Предотвращение распространения наиболее опасных видов оружия является одной из важнейших задач политики консолидации международной безопасности, хотя также не должна быть игнорировать задача полной ликвидации оружия массового уничтожения. Однако сегодня нет единого мнения стран относительно того, как предотвратить распространение оружия массового уничтожения (ОМУ). Существующие режимы нераспространения, такие как ДНЯО, МАГАТЭ, конвенции о биологическом и химическом ору-

жии и связанный с ними международный контроль сумели замедлить распространений ОМУ и нуждаются в адаптации к новым реалиям. Современные научно-технические знания позволяют все большему количеству государств развивать ядерные технологии и подойти к созданию ядерного оружия. Другая проблема – риск распространения оружия массового поражения среди негосударственных акторов, действия которых существующие режимы нераспространения не регулируют. Сохранение угрозы распространения оружия массового уничтожения в будущем, а также противоречивость подходов к решению ядерной проблемы, требует от международного сообщества интенсивных усилий по укреплению режима нераспространения оружия массового поражения [11].

Обычное вооружение. Гонка обычных вооружений также продолжает оставаться источником угроз. В начале нового века размер армий в евроатлантическом регионе был фактически ограничен, но в настоящее время идет технологическое перевооружение, в связи чем армии снабжаются все более современным оборудованием. Локальные вооруженные конфликты создают прямую угрозу международной безопасности: например, грузино-российский конфликт в августе 2008 г., военный конфликт на востоке Украины (Донбасс), вспыхнувший в 2014 г., сирийский вооруженный конфликт, длящийся с 2012 г. Более того, приостановка Россией выполнения Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) в декабре 2007 г., а также аналогичное решение, принятое государствами-членами НАТО в ноябре 2011 г., негативно сказались на ощущении и состоянии безопасности на востоке Европы.

Продолжающаяся гонка обычных вооружений сопровождается быстрым ростом торговли оружием и контрабандой стрелкового оружия и легких видов вооружений. В июле 2001 г. на конференции ООН 140 странами были приняты необязательные ограничения на незаконную торговлю стрелковым оружием и

легких видов вооружений. Однако позднее соглашение по этому вопросу не было достигнуто. Это означало, что у ряда стран есть ресурсы для ведения вооруженных конфликтов, которые главным образом происходят за пределами евроатлантической сферы. В апреле 2013 г. Генеральная Ассамблея приняла договор о торговле оружием, позволяющий регулировать международную торговлю различных видов обычных вооружений: от военных кораблей и самолетов до стрелкового оружия и легких вооружений. Договор вступил в силу 24 декабря 2014 г. Он создал инструменты для контроля за незаконной торговлей обычными вооружениями со стороны международного сообщества.

Однако даже тогда, когда торговля оружием осуществляется легально, она не способствует укреплению международной безопасности. Оружие попадает в зоны конфликтов и к преступным организациям, в том числе террористическим. С начала века страны евроатлантического региона – США, Россия, Франция, Германия и Великобритания – занимали наибольшую долю в мировой торговле оружием. В первое десятилетие после окончания «холодной войны» крупнейшим экспортером оружия были Соединенные Штаты, которые в 1997-2001 гг. обеспечивали 44,5% всей передачи оружия в мире. В 2001 г. их доля значительно сократилась, но они все еще оставались на первом месте в качестве поставщика оружия с 28%-ой долей на мировом рынке вооружений.

С начала нынешнего столетия торговля оружием систематически росла. Как и в 1990-е гг. США и Россия остаются крупнейшими экспортерами оружия (соответственно 33% и 23% от общего объема экспорта в 2012–2016 гг.). В результате значительного роста экспорта вооружений (на 74%) в 2012 г. третье место среди поставщиков занял Китай (доля 6,2%), опередив Францию (6,0%), Германию (5,6%) и Великобританию (4,6%). Крупнейшим импортером оружия в 2012–2016 гг. стала Индия (13% закупок),

за ней следуют Саудовская Аравия (8,2%), Объединенные Арабские Эмираты (4,6%), Китай (4,5%), Алжир (3,7%), Турция (3,3%), Австралия (3,3%), Ирак (3,2%) и Пакистан (3,2%).

По данным СИПРИ, по сравнению с торговлей оружием в 2007-2011 гг. объем мировой торговли оружием в 2012-2016 гг. вырос на 8,2% [12]. Тем не менее объем мировой торговли оружием в настоящее время на треть меньше, чем он был в начале своего пика в 1980-х гг.

Военные расходы. Скорость, с которой растет объем вооружений в мире, отражается в расходах на военные цели. После окончания «холодной войны», когда роль военных средств в урегулировании конфликтов снизилась, расходы на военные цели также сократились. Они находились на самом низком уровне в 1998 г., но затем выросли на 5% в реальных ценах во всех регионах мира.

В 2000 г. мировые военные расходы достигли пика в \$798 млрд. в текущих ценах, то есть около \$130 долларов на душу населения, а их доля в мировом ВВП составила 2,5%. У США была самая большая доля в этих расходах – 37% в 2000 г. Военные расходы США росли на 2,3% в год, главным образом в связи с принятым в 2001 г. решением о создании противоракетного щита. Военные расходы России росли еще быстрее в 1990-х гг., хотя и на значительно более низком уровне: в 1999-2000 гг. они выросли почти на 44% в фиксированных ценах. В 2000 г. они составляли всего 6% мировых военных расходов. И они были на 10% выше, чем у Франции, но на 85% ниже, чем у США.

Наблюдая за первыми годами XXI в., следует констатировать, что мировые военные расходы непрерывно росли в 1998–2011 гг. На самом деле этот рост был наиболее быстрым в неевропейских регионах, но тем не менее наибольшее количество вооруженных сил осталась в евроатлантическом регионе, особенно в США и России. Позже, в течение трех лет, в этих двух странах наблюдалась сильная тенденция к снижению. Тогда

военные расходы США снизились в реальных ценах, прежде всего в связи с выводом США своих вооруженных сил из Афганистана.

Возврат тенденции к росту стал очевидным в 2015 г. (на 1,0%), когда мировые военные расходы достигли максимума – в 1676 млрд. долл. или 2,3% валового мирового продукта, или 228 долларов на душу населения. В следующем году незначительный рост военных расходов составил около 0,4% в реальном выражении по сравнению с 2015 г. (до уровня 1,668 млрд. долл.). В 2010-2014 гг. военные расходы США и стран Западной Европы сократились – на 21%.

В середине десятилетия после 2006 г. военные расходы сократились на 3,9%. В 2015 г. военные расходы в США составили \$596 млрд., но в 2016 г. они снова выросли впервые с 2010 г. на 1,7%, до уровня \$611 млрд. С приходом в Белый дом Д. Трампа США существенно увеличили расходы на оборону на 2018 финансовый год до уровня \$696 млрд.

Это огромная сумма, которая превышает совокупные расходы на вооружение следующих стран с самым высоким уровнем расходов: Китай, Россия, Саудовская Аравия, Франция, Великобритания, Индия и Германия. США выделяют военным больше денег, чем их крупнейшие противники, то есть Китай (\$215 млрд.) и Россия (\$69,2 млрд.). В то же время следует отметить, что военные расходы Пекина и Москвы демонстрируют постоянную тенденцию роста. Как правило, военные расходы США составляют 36% мировых военных расходов, в то время как расходы Китая и России составляют соответственно 13 % и 4,1% [13].

Военные расходы в Европе в 2016 г. достигли уровня \$334 млрд., что составило 20% от всех мировых военных расходов. Это, несомненно, стало следствием украинского кризиса и известных решений НАТО в 2014–2016 гг. с целью укреплении военного потенциала своего восточного фланга. В 2015 г. и 2016 г. расходы на вооружение особенно выросли в странах Центральной и Восточной

Европы. В 2016 г. этот рост в Западной Европе составил 2,6%, в Центральной Европе – 2,4%, а в Восточной Европе – 3,5% по сравнению с предыдущим годом. Рост военных расходов продолжался в 2016 г., а наибольший процент роста пришелся на Латвию (44%) и Литву (35%). Среди стран Центральной Европы наибольшую долю в военных расходах занимает Польша. В 2015 г. на эти цели было выделено \$10,6 млрд. или 44% от общих военных расходов Центральной Европы [14].

В 2016 г. общие военные расходы европейских стран-членов НАТО (исключая Турцию) составили \$918,3 млрд. и были почти на 3% выше по сравнению с прошлым годом. В то же время главный конкурент этих стран Россия, воспринимаемая ими как противник, увеличила свои военные расходы на 4,1% (до \$69,2 млрд.) по сравнению с 2015 г. [13].

Увеличение военных расходов в странах, граничащих с Россией, было вызвано конфликтом, который разразился на востоке Украины и стал интернационализированным весной 2014 г. В связи с этим стоит упомянуть, что ранее в результате продолжающегося финансово-экономического кризиса в 2008-2011 гг. сокращение бюджета на военные нужды происходило в ведущих странах Западной Европы: во Франции, Великобритании, Германии, Италии и Испании

Следует отметить, что международная безопасность в XXI веке также определяется невоенными вызовами и угрозами глобального характера, к которым следует отнести – киберугрозы, экономические и энергетические угрозы, экологические угрозы, миграционные проблемы. Но военные угрозы рассматриваются всеми государствами как ключевые при формировании своей военной доктрины и стратегии национальной безопасности.

Анализ угроз и вызовов XXI века позволяет сделать вывод, что сегодня мы наблюдаем эволюцию международной системы безопасности, в которой имеет место ограниченное сотрудничество между Западом и Россией и другими лидирующими странами, что приводит к возрастающему соперничеству между великими державами в военной области. Следовательно, уровень международной безопасности в рамках глобального мирового порядка после окончания «холодной войны» значительно снизился. Необходимо поиск компромиссов среди ведущих стран, чтобы значительно снизить уровень военных угроз, что можно реализовать только на основе расширения диалога, сотрудничества и доверия с целью создания коллективной системы безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Frei D. Sicherheit. Grundfragen der Weltpolitik. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer. 1997. 133 p.
2. Buzan B., Hansen L. The Evolution of International Security Studies. New York, 2009. 383 p.
3. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis Boulder, CO: Lynne Renner Publishers. 1998. pp. 23-24.
4. Body Count: Casualty Figures after 10 Years of the «War on Terror» Iraq, Afghanistan, Pakistan. Washington DC, Berlin, Ottawa, March 2015. 100 p.
5. Politi A. European Security: The New Transnational Risks. Chaillot Paper, 1997. P. 29.
6. Kristensen H.M., Handler J.M. Table of Nuclear Forces, SIPRI Yearbook 2001. Oxford: Oxford University Press. 2001. Pp. 457-486.
7. Norris R., Kristensen H. Global Nuclear Stockpiles, 1945–2006. Federation of American Scientists. Bulletin of Atomic Scientists, 2006. №62(4). Pp. 64-66.
8. Бакланов А.Г. После ядерных взрывов в Индии и Пакистане // Международная жизнь 1998. № 7. С. 21-29.
9. Global Nuclear Weapons: Modernization Remains the Priority. SIPRI, July 3. 2017. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2017/global-nuclear-weapons-modernization-remains-priority>

10. Schmitt B. (Ed.). Nuclear Weapons: A New Great Debate. Chaillot Paper, 2001. P. 48.
11. Cottey A. Security in 21st Century Europe. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2013.
12. Trends in International Arms Transfers, 2016. SIPRI Fact Sheet, February 2017.
13. Trends in World Military Expenditure, 2016. SIPRI Fact Sheet, April 2017.
14. Trends in World Military Expenditure, 2015. SIPRI Fact Sheet, April 2016.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Frei D. Sicherheit. Grundfragen der Weltpolitik. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer. 1997. 133 p.
2. Buzan B., Hansen L. The Evolution of International Security Studies. New York, 2009. 383 p.
3. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis Boulder, CO: Lynne Renner Publishers. 1998. pp. 23-24.
4. Body Count: Casualty Figures after 10 Years of the «War on Terror» Iraq, Afghanistan, Pakistan. Washington DC, Berlin, Ottawa, March 2015. 100 p.
5. Politi A. European Security: The New Transnational Risks. Chaillot Paper, 1997. P. 29.
6. Kristensen H.M., Handler J.M. Table of Nuclear Forces, SIPRI Yearbook 2001. Oxford: Oxford University Press. 2001. Pp. 457-486.
7. Norris R., Kristensen H. Global Nuclear Stockpiles, 1945–2006. Federation of American Scientists. Bulletin of Atomic Scientists, 2006. №62(4). Pr. 64-66.
8. Baklanov A.G. Posle jadernyh vzryvov v Indii i Pakistane // Mezhdunarodnaja zhizn' 1998. № 7. S. 21-29.
9. Global Nuclear Weapons: Modernization Remains the Priority. SIPRI, July 3. 2017. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2017/global-nuclear-weapons-modernization-remains-priority>
10. Schmitt B. (Ed.). Nuclear Weapons: A New Great Debate. Chaillot Paper, 2001. P. 48.
11. Cottey A. Security in 21st Century Europe. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2013.
12. Trends in International Arms Transfers, 2016. SIPRI Fact Sheet, February 2017.
13. Trends in World Military Expenditure, 2016. SIPRI Fact Sheet, April 2017.
14. Trends in World Military Expenditure, 2015. SIPRI Fact Sheet, April 2016.

Поступила в редакцию 15.07.2020.
Принята к публикации 23.07.2020.

Для цитирования:

Хлопов О.А. Вызовы и угрозы международной безопасности в XXI веке // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 179-186. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Khlopov.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3929348>

УДК 347.9

Шаклеин В.В.

Шаклеин Вячеслав Владимирович, старший преподаватель, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники. 634034, Россия, г. Томск, ул. Красноармейская, д. 146. E-mail: ppkuitsuSV@mail.ru.

К вопросу о реформировании системы судов общей юрисдикции Российской Федерации

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вступившие в силу с 1 октября 2019 г. изменения в систему судов Российской Федерации. Рассматривается вопрос о динамике удовлетворения кассационных жалоб с момента создания кассационных судов общей юрисдикции (на примере Восьмого кассационного суда общей юрисдикции) и возможная этому причина. Рассматривается возможность полной унификации системы судов общей юрисдикции и системы арбитражных судов. Делается вывод о том, что проведенная судебная реформа на настоящий момент выглядит удачной и многообещающей.

Ключевые слова: гражданский процесс, судебная реформа, судебная система, апелляционные суды общей юрисдикции, кассационные суды общей юрисдикции, судебные присутствия, унификация судов.

Shaklein V.V.

Shaklein Vyacheslav Vladimirovich, senior lecturer, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, 634034, Russia, Tomsk, Krasnoarmejskaya st., 146. E-mail: ppkuitsuSV@mail.ru.

To the question about the reform of the courts of general jurisdiction in Russian Federation

Abstract. In the present article analyzes changes in system of courts of general jurisdiction, that has been coming into force since 1-st of October 2019. Analyzes the question about the dynamics of allowing of cassation appeals since cassation courts of general jurisdiction has been created (on the example of Eighth cassation court of general jurisdiction) and the possible reason of it. Analyzes the possibility of complete unification systems of courts of general jurisdiction and commercial courts. As a result of analyze made a conclusion, that accomplished judicial reform at the current moment looks quite successful and hopeful.

Key words: civil procedure, judicial reform, court system, appellate court of general jurisdiction, cassation court of general jurisdiction, judicial presence, judicial unification.

С 1 октября 2019 года вступили в силу многочисленные поправки в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее ГПК РФ). Одним из главных нововведений стало изменение кассационной инстанции. Вместо Президиумов областных

и равных им судов кассационные жалобы стали рассматривать кассационные суды общей юрисдикции. На настоящий момент действует девять кассационных судов общей юрисдикции (далее – КСОЮ).

Председатель Комитета ГосДумы ФС РФ по государственному строительству и

законодательству П. Крашенинников, разъяснил, что благодаря данной реформе рассмотрение апелляционных и кассационных жалоб и представлений на судебные акты не будет осуществляться в том же суде, который рассматривал дело в первой инстанции. Ожидается, что это позволит укрепить независимость судебной системы, снизить коррупционные риски и влияние региональных связей при отправлении правосудия [16].

Ряд авторов соглашается с данным утверждением, говоря о том, что данная реформа позволит снизить коррупцию, а также снизить нагрузку на суды [1, с. 71-75]. Хотя второе утверждение достаточно сомнительно с учётом того, что КСОЮ обязан рассмотреть кассационную жалобу в судебном заседании, тогда как ранее большая часть кассационных жалоб даже не рассматривались президиумами областных судов в судебных заседаниях.

Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» указывает, что за период с 2014 по 2016 года суды кассационной инстанции отменили или изменили всего 0,1% судебных актов от общего количества вынесенных судебных решений. И хотя указывается, что приведённые данные свидетельствуют о стабильности судебных решений, это свидетельствует, скорее, о нежелании изменять ранее вынесенные решения [4].

Для сравнения рассмотрим статистику нескольких областных судов в отношении рассмотрения кассационных жалоб по гражданским делам за 2018 год. В ходе рассмотрения гражданских дел в кассационной инстанции в Томском областном суде за 2018 год можно увидеть следующую картину. Было рассмотрено 689 кассационные жалобы, из которых лишь 54 были переданы на рассмотрение суда кассационной инстанции, 54 были

удовлетворены, что составляет примерно 7,8% от поступивших жалоб и представлений [10].

Сравнивая указанные цифры со статистикой Новосибирского областного суда можно увидеть, что всего было рассмотрено 2456 кассационных жалоб и представлений по гражданским делам, из которых 109 передано на рассмотрение суда кассационной инстанции, 107 были удовлетворены, что составляет примерно 4,4% [14].

Возьмём также статистику Иркутского областного суда по гражданским делам за аналогичный период. Было рассмотрено 1644 кассационных жалоб и представлений, из которых было передано на рассмотрение 55 жалоб и представлений, удовлетворено – 59. Что составляет примерно 3,6% [15].

Красноярским краевым судом за аналогичный период было рассмотрено 2 895 кассационных жалоб и представлений, из которых передано на рассмотрение лишь 149. Удовлетворено 140. Что составляет примерно 5,1% [13].

Забайкальский краевой суд рассмотрел 850 кассационных жалоб и представлений, из которых передано на рассмотрение суда кассационной инстанции 77. Это составляет примерно 9% [9].

И, наконец, возьмём Кемеровский областной суд. Статистика выглядит следующим образом: было рассмотрено 2302 кассационных жалоб и представлений, из которых передано на рассмотрение 87, удовлетворено – 85. Что составляет примерно 3,7% [12].

Из вышеперечисленных данных можно сделать вывод, что подавляющее большинство кассационных жалоб не рассматривалось судом кассационной инстанции, в то же время, если она рассматривалась, то практически со стопроцентной вероятностью была удовлетворена. Средний процент рассмотрения и удовлетворения кассационных жалоб по вышеприведённым судам составляет только лишь примерно 5,6% от общего числа рассмотренных. Эта цифра не

слишком отличается от показателей каждого из рассмотренных судов.

В то же время, если взять статистику рассмотрения гражданских дел Восьмого кассационного суда общей юрисдикции (в чей округ входят все вышеперечисленные суды), то можно увидеть, что из рассмотренных за 2019 год (фактически с октября по декабрь 2019 года) 1248 гражданских дел, удовлетворено 154 жалоб и представлений, что составляет примерно 12% [11]. Данный показатель повысился более, чем в 2 раза по сравнению с вышеприведённым средним процентом. Представляется, что такой скачок в удовлетворении кассационных жалоб и представлений связан, в первую очередь, с тем, что КСОЮ обязаны рассмотреть кассационную жалобу по существу, если она соответствует предъявляемым требованиям.

Из этого следует положительная сторона создания КСОЮ: они обобщают судебную практику лучше областного звена, поскольку действуют на большей территории. Следовательно, повысится единообразие в применении норм права и нижестоящими судами. Таким образом, нововведение должно положительно повлиять на правильность рассмотрения и разрешения гражданских дел судами.

Тем не менее, у этого есть и отрицательная сторона. Проблемой является большой территориальный охват, что затрудняет участие граждан в рассмотрении дел, рост судебных расходов, о чём указывается рядом авторов. Конечно, такие проблемы являются техническими, и они решаемы за счёт систем видеоконференцсвязи [7, с. 124-129]. Хотя на регулирование этого процесса уйдёт время и бюджетные средства. Правда, надо иметь в виду разницу часовых поясов, что может в значительной степени снизить эффективность данной меры. Особенно это актуально для Пятого апелляционного суда общей юрисдикции (далее – АСОЮ), где разница может достигать 5 часов. Поэтому представляется странным его расположение. Логичнее было бы

расположить его в центре апелляционного округа.

Исходя из приведённой динамики можно сказать, что изменения положительно повлияли на кассационную инстанцию. И как указывают некоторые авторы, тезис о некой форме корпоративности при рассмотрении дел президиумами областных судов, возможно, имел объективную основу [6, с. 77-80]. Хотя некоторые авторы говорят о том, что создание апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции сделает их полностью независимыми от региональных властей [8, с. 90-91], данное утверждение можно считать утопичным. Утверждается, что причиной независимости станет распространение юрисдикции КСОЮ на территорию нескольких субъектов. Безусловно, это нарушит «корпоративность» и «связи», которые имелись до реформы. Однако это не означает, что такие «связи» невозможно заново построить. В особенности в отношении региона, в котором КСОЮ располагается или же в отношении судебного присутствия, если оно будет создано. Тем не менее борьба с коррупцией – работа правоохранительных органов. Во всяком случае для оценки эффективности реформы необходимо подождать несколько лет, но на настоящий момент данный аспект выглядит многообещающим. Таким образом, создание кассационных судов общей юрисдикции можно считать большим шагом вперёд по сравнению с ранее действовавшей системой.

Ещё одной задачей создания КСОЮ является сближение систем судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Уже упомянутая Пояснительная записка указывает на необходимость сближения судов общей юрисдикции и арбитражных судов, унификацию и оптимизацию процедур и правил. И в последующем можно предположить, что законодатель решит эти системы полностью унифицировать.

Однако созданная система выглядит гораздо более громоздкой, нежели система арбитражных судов. Действительно, система арбитражных судов выглядит

достаточно простой и понятной и укладывается в отношении подавляющего большинства дел в схему: суд субъекта – апелляционный суд – кассационный суд – Верховный суд РФ. Тогда как в судах общей юрисдикции большинство дел укладываются в три схемы. Причина тому очевидна – дела по первой инстанции рассматриваются в нескольких звеньях судебной системы. И до тех пор пока такая ситуация будет иметь место унифицировать системы не получится. По результатам создания апелляционных и кассационных судов получился некий гибрид старой системы с системой арбитражных судов. Действительно, начиная от кассационной инстанции, можно сказать, что процесс унифицирован. А вот нижние инстанции – нет. Менять схему арбитражных судов представляется неудачным: она прекрасно работает, лаконична и понятна. Остаётся изменить нижние звенья судов общей юрисдикции.

Однако просто продублировать схему арбитражных судов в нижестоящих инстанциях судов общей юрисдикции не получится. Система арбитражных судов рассчитана на профессиональных участников оборота, у которых предполагается наличие средств для представления или направления своего работника в областной центр. Да и разбирательство во многих случаях производится по документам. В отношении судов общей юрисдикции просто расформировать районные

и мировые суды не получится: областные суды не справятся с нагрузкой. Кроме того, расформирование этих судов сильно затруднит гражданам доступ к правосудию. Особенно это касается жителей отдалённых местностей.

Впрочем, выстроить систему судов общей юрисдикции в полном соответствии с арбитражной можно. П. 3 ст. 23.1 ФКЗ «О судах общей юрисдикции» даёт возможность создавать судебные присутствия. Этой идеей можно воспользоваться для унификации. Соответственно, мировые, районные можно считать судебными присутствиями областного суда на местах. Таким образом, подавляющее большинство дел по первой инстанции будут рассматривать областные суды. А обжаловать их постановления – в АСОЮ, а далее – в КСОЮ. Перестройка системы по такому принципу позволит избежать сверхзатрат. Правда, придётся значительно увеличить число АСОЮ. При этом желательно расположить АСОЮ по часовым поясам или же с разницей не более 1 часа. Это позволит эффективно рассматривать дела с помощью систем видеоконференцсвязи. Однако перед столь масштабными изменениями необходимо оценить эффективность текущего состояния судебной системы.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что судебная реформа в части новой организации судебной системы выглядит достаточно многообещающей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011 г. № 7. Ст. 898 с изм. и допол. в ред. от 06.03.2019 г.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002 г. № 30. Ст. 3012 с изм. и допол. в ред. от 02.12.2019 г.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002 г. № 46. Ст. 4632 с изм. и допол. в ред. от 02.12.2019 г.
4. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/download/B4791618-00D7-4D82-AF2D-293E09AE411B>

5. Коршунов Ю.А. Создание апелляционных и кассационных судов: некоторые итоги масштабной реформы // Юридическая наука. 2019. № 4. С. 71-75.
6. Мехренцева Н.А. «Процессуальная революция» в России 2019 года (исторический и судоустройственный аспекты) // Бизнес, менеджмент и право. 2019. №4. С. 77-80.
7. Палий Л.В., Новокшонова Н.А. Судебная реформа РФ 2019 года: правовое обеспечение и оценка изменений // Правовая система и современное государство: проблемы, тенденции и перспективы развития. Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 124-129.
8. Поддубняк А.А. Относительно вопроса создания отдельных апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика. - Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2019. С. 90-91.
9. Обзор статистических данных о рассмотрении Забайкальским краевым судом уголовных, гражданских, административных дел и дел об административных правонарушениях за 12 месяцев 2018 года // Забайкальский краевой суд. URL: http://files.sudrf.ru/1518/docum_sud/doc20190118-043348.docx
10. Основные статистические показатели деятельности Томского областного суда за 2018 год // Томский областной суд. URL: <http://files.sudrf.ru/1553/information/doc20190326-135608.rar>
11. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских дел, административных дел в кассационном порядке (районные (городские суды), форма №9 // Восьмой кассационный суд общей юрисдикции. URL: http://files.sudrf.ru/2873/docum_sud/doc20200318-081804.xls
12. Отчеты о работе суда за 12 месяцев 2018 года // Кемеровский областной суд. URL: http://oblsud.kmr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=94
13. Отчеты о работе суда по рассмотрению гражданских дел за 2018 год // Красноярский краевой суд. URL: http://kraevoy.kr.k.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=226
14. Справка о работе кассационной инстанции и президиума Новосибирского областного суда за 12 месяцев 2018 года // Новосибирский областной суд. URL: http://files.sudrf.ru/1537/docum_sud/doc20190301-111827.docx
15. Статистический формы отчетности // Иркутский областной суд URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=27
16. С 1 октября в системе судов общей юрисдикции заработают новые суды // Информационно-правовой портал Гарант.Ру. URL: <https://www.garant.ru/news/12963>

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 07.02.2011 g. № 1-FKZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2011 g. № 7. St. 898 s izm. i dopol. v red. ot 06.03.2019 g.
2. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 g. № 95-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2002 g. № 30. St. 3012 s izm. i dopol. v red. ot 02.12.2019 g.
3. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 g. №138-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2002 g. № 46. St. 4632 s izm. i dopol. v red. ot 02.12.2019 g.
4. Pojasnitel'naja zapiska «K proektu Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii, Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii, Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // Sistema obespechenija zakonodatel'noj dejatel'nosti. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/download/B4791618-00D7-4D82-AF2D-293E09AE411B>
5. Korshunov Ju.A. Sozdanie apelljacionnyh i kassacionnyh sudov: nekotorye itogi masshtabnoj reformy // Juridicheskaja nauka. 2019. № 4. S. 71-75.
6. Mehrenceva N.A. «Processual'naja revoljucija» v Rossii 2019 goda (istoricheskij i sudoustrojstvennyj aspekty) // Biznes, menedzhment i pravo. 2019. №4. S. 77-80.
7. Palij L.V., Novokshonova N.A. Sudebnaja reforma RF 2019 goda: pravovoe obespechenie i ocenka izmenenij // Pravovaja sistema i sovremennoe gosudarstvo: problemy, tendencii i perspektivy razvitiya. Penza: Nauka i Prosveshhenie, 2020. S. 124-129.

8. Poddubnjak A.A. Otnositel'no voprosa sozdaniya otдел'nyh апелляционныh i кассационныh судов обshhej юрисдикции // Uголовное производство: процессуальная теория i криминалистическая практика. - Симферополь: ООО «Izdatel'stvo Типография «Arial», 2019. S. 90-91.
9. Obzor statisticheskikh dannyh o rassmotrenii Zabajkal'skim kraevym sudom uголовnyh, grazhdanskih, administrativnyh del i del ob administrativnyh pravonarushenijah za 12 mesjacev 2018 goda // Zabajkal'skij kraevoj sud. URL: http://files.sudrf.ru/1518/docum_sud/doc20190118-043348.docx
10. Osnovnye statisticheskie pokazateli dejatel'nosti Tomskogo oblastnogo suda za 2018 god // Tomskij oblastnoj sud. URL: <http://files.sudrf.ru/1553/information/doc20190326-135608.rar>
11. Otchet o rabote sudov obshhej юрисдикции po rassmotreniju grazhdanskih del, administrativnyh del v kассационном porjadke (rajonnye (gorodskie sudy), forma №9 // Vos'moj kассационnyj sud obshhej юрисдикции. URL: http://files.sudrf.ru/2873/docum_sud/doc20200318-081804.xls
12. Otchety o rabote suda za 12 mesjacev 2018 goda // Kemerovskij oblastnoj sud. URL: http://oblsud.kmr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=94
13. Otchety o rabote suda po rassmotreniju grazhdanskih del za 2018 god // Krasnojarskij kraevoj sud. URL: http://kraevoy.krk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=226
14. Spravka o rabote kассационnoj instancii i prezidiuma Novosibirskogo oblastnogo suda za 12 mesjacev 2018 goda // Novosibirskij oblastnoj sud. URL: http://files.sudrf.ru/1537/docum_sud/doc20190301-111827.docx
15. Statisticheskij formy otchetnosti // Irkutskij oblastnoj sud URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=27
16. S 1 oktjabrja v sisteme sudov obshhej юрисдикции zarabotajut novye sudy // Informacionno-pravovoj portal Garant.Ru. URL: <https://www.garant.ru/news/12963>

Поступила в редакцию 02.07.2020.

Принята к публикации 03.07.2020.

Для цитирования:

Шаклеин В.В. К вопросу о реформировании системы судов общей юрисдикции Российской Федерации // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 187-192. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Shaklein.pdf>

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3979370>
УДК 821.112.2

Балакина Л.В.

Балакина Лилия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Смоленский государственный университет. 214000, Россия, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4. E-mail: lvbalakina@mail.ru.

Образ мужчины и женщины в современной немецкоязычной литературе (на примере анализа коротких рассказов)

Аннотация. Настоящее исследование посвящено вопросу изучения гендера в текстах художественной литературы. По результатам анализа современных немецкоязычных коротких рассказов, в которых, как в зеркале, отражается повседневная жизнь обычного человека, в статье предпринята попытка реконструировать совокупный образ мужчины и женщины путем анализа соотносимых с героями и героинями рассказов глаголов. Сравнение глаголов, описывающих действия и состояния мужчин и женщин – героев рассказов, отражает, с одной стороны, типичные представления о мужественности и женственности, с другой стороны, свидетельствует о некоторой динамике гендерных стереотипов.

Ключевые слова: гендер, художественная литература, короткий рассказ, феминность, маскулинность, гендерные стереотипы.

Balakina L.V.

Balakina Lilia Viktorovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Smolensk State University. 170026, Russia, Smolensk, Przhevalsky st., 4. E-mail: lvbalakina@mail.ru.

The image of man and woman in modern German literature (by the example of short stories)

Abstract. The article is devoted to the problem of gender in texts of German fiction. Based on the results of the analysis of German short stories, which reflect everyday life of an ordinary person as a mirror, the article attempts to design a collective image of man and woman scrutinizing the verbs that have a correlation with male and female characters. The comparison of verbs describing actions and states of men and women (characters of the stories) highlights typical ideas of masculinity and femininity on the one hand, and on the other hand, it shows some change in gender stereotypes.

Key words: gender, fiction, short story, femininity, masculinity, gender stereotypes.

Современная гуманитарная наука характеризуется интенсивным развитием новых смежных направлений изучения различных явлений. Особое место в этих направлениях занимают гендерные исследования. В центре их внимания – культурные и социальные факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, стереотипные представления о типично мужских и женских качествах и их качественная оценка, т. е. все то, что переводит проблематику пола из области природного фактора в сферу культуры и социальной жизни.

Рассмотрение гендерной проблематики в такой перспективе предполагает привлечение данных других наук, в частности, это делает лингвистические и, шире, филологические науки важным инструментом познания гендера в той или иной культуре. Важность изучения художественной литературы в гендерном аспекте обусловлена тем, что в ней, с одной стороны, отражаются существующие в обществе представления о мужчинах и женщинах (т.е. стереотипы маскулинности и феминности), с другой стороны, она фиксирует изменения в этой области, а также может сама активно участвовать в формировании новых представлений.

В качестве материала исследования мы выбрали жанр короткого рассказа, который характеризуется прежде всего реализмом, в фокусе внимания автора – насущные проблемы обычного человека в повседневной обстановке. Представляется интересным вывести по данным отобранных нами 20 немецкоязычных коротких рассказов (общий объем 76 страниц) совокупный образ мужчины и женщины и посмотреть, насколько эти образы обнаруживают стереотипные характеристики, либо, напротив, фиксирует динамику типичных представлений о мужчине и женщине. Для этого мы фиксировали все глаголы, обозначающие действия, производимые мужчинами и женщинами – героями рассказов, и их состояния. За основу была взята идеографическая классификация Л. Г. Бабенко [2].

Выбор именно этой части речи не случаен. «Человек мыслится ... прежде всего как динамичное деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые. С другой стороны, ему свойственны определенные состояния – восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т.п. Наконец, он определенным образом реагирует на внешние или внутренние воздействия» [1, с. 39-40]. Человека характеризуют, таким образом, производимые им действия и испытываемые состояния. Сравнение глаголов, обозначающих действия и состояния мужчин и женщин – героев рассказов – являются, по сути, сравнением их характеристик.

В немецкоязычных рассказах глаголов, характеризующих действия женщин, больше, чем мужчин. Это связано, по видимому, с тем, что героини рассказов описываются, характеризуются очень подробно, причем именно как субъекты, производящие разнообразные действия, а не испытывающие на себе их влияние. Это обнаруживает и анализ рассказов на уровне тематики: героини хотят, стремятся и ведут самостоятельную, независимую жизнь, жизнь наполненную событиями, участницами которых они являются.

Очевидно, подобной активностью женщин можно объяснить частоту употребления *глаголов движения* в сочетании со словами, обозначающими лиц женского пола. Их жизнь не статична, она полна изменений, производимых ими же самими.

Глаголы помещения объекта также часто используются при описании деятельности женщин. В противоположность этой группе *глаголы перемещения объекта* обозначают чаще действия, производимые мужчинами. Может быть, это связано с тем, что перемещение чего-либо нередко предполагает прикладывание физической силы, а ею, как известно, в большей степени обладают мужчины.

Традиционно считается, что внешность играет для женщины особую роль, это больше, чем просто внешняя оболочка. Внешность женщины, в том числе и

ее манера одеваться, является своего рода способом выражения, пожалуй, даже можно сказать, способом самоутверждения. Это представление находит подтверждение в рассказах, обнаруживая через частоту употребления *глаголов* группы *одевания, раздевания и ношения одежды* важность этого фактора для женщин.

Чаще сочетаются с обозначениями лиц женского пола и *глаголы прикосновения*. Это обусловлено, вероятно, тем, что глаголы этой группы параллельно с этим значением имеют еще одно: внешнее проявление отношения (и относятся часто к ребенку).

Из группы *глаголов интеллектуальной деятельности* все подгруппы, за исключением глаголов решения, чаще относятся к героиням рассказов. Наиболее значимы различия в подгруппе глаголов восприятия, мышления, несколько менее - глаголов познания, воображения и предположения. Глаголы понимания употребляются почти одинаково и мужчинами, и женщинами, что свидетельствует о сходной степени уверенности в своих умственных способностях, в своей компетентности.

Глаголы речевой деятельности немало чаще сочетаются с обозначениями лиц женского пола. Глаголы речевого общения чаще используются женщинами, глаголы речевого воздействия - мужчинами. Учитывая, что в группе глаголов речевого общения значимых различий не наблюдается, такие результаты могут говорить о тенденции изображения женщин более словоохотливыми, часто рассказывающими о чем-либо. Коммуникативные интенции мужчин более нацелены на получение результата, отсюда более высокая частота употребления глаголов речевого воздействия на собеседника.

Глаголы социальной деятельности также более частотны по отношению к героиням-женщинам, хотя распределение по подгруппам больших расхождений не обнаруживает. Интересными представляются следующие явления: глаголы деятельности по достижению цели используются несколько чаще мужчинами, что характеризует их как обладающих более

высокой мотивацией, целеустремленностью и настойчивостью. Глаголы профессионально-трудовой деятельности одинаково часто характеризуют мужчин, и женщин. Профессиональная реализация становится для женщины все более значимой, так как является необходимой предпосылкой ее независимости. Особенно отчетливо это отражают рассказы, написанные авторами-женщинами.

Глаголы существования (собственно бытия, существования в определенном времени и пространстве) чаще используется в отношении мужчин, их жизнь изображается, таким образом, более статично, размеренно по сравнению с жизнью женщин. В сочетании с большей частотностью глаголов движения при описании действий женщин создается впечатление, что женщины более активны, в их жизни происходит больше изменений.

В два раза чаще *глаголы эмоционального состояния* относятся к женщинам в рассказах, характеризуя их, соответственно, как более эмоциональных. Это подтверждает и группа глаголов внешнего проявления отношения к чему или к кому-либо. Героини рассказов и в мужских, и в женских текстах изображаются, таким образом, обладающими такими типично женскими чертами, как эмоциональность и экспрессивность.

Глаголы физиологического состояния, напротив, несколько чаще описывают состояния мужчин. Это может говорить, по нашему мнению, о том, что мужчины больше сконцентрированы на своих телесных ощущениях, чем на душевных переживаниях. Во всяком случае, таковыми они предстают в рассказах.

Характерную для женщин ориентацию на межличностное общение, важность взаимоотношений с окружающими обнаруживает частота употреблений по отношению к женщинам *глаголов взаимосвязи и глаголов расположения к контакту*.

Глаголы поиска объекта, а также получения в свое распоряжение тоже чаще сочетаются со словами, обозначающими лиц женского пола. В некоторой

степени, это опять-таки может свидетельствовать об активной позиции женщин. Героини действительно нередко находятся в поиске, поиске новой менее зависимой от других и более ориентированной на собственные потребности и интересы формы поведения, которая, однако, не будет означать отказ от женственности. «Ich möchte auch verfügen als man und Frau...» – читаем слова одной из героинь. Что касается мужчин, то глаголы, описывающие их действия, и в этом плане не отражают каких-либо изменений, напротив, речь идет о сохранении того, что есть. *Глаголы обладания* чаще используются в отношении мужчин.

Более высокая частотность употребления *глаголов влияния, принуждения* (вспомним еще и группу глаголов речевого воздействия) свидетельствует, по нашему мнению, о большей убежденности мужчин в своей правоте, о более выраженном стремлении к лидерству, навязыванию своей точки зрения, иногда с позиции силы.

Глаголы помощи, что явилось вполне ожидаемым результатом, чаще относятся к женщинам, характеризуя их как более добрых, в большей степени склонным к эмпатии людей.

Как видим, образ мужчины и женщины в немецких рассказах слагается как из типичных стереотипных черт мужественности и женственности, так и из характеристик, ставящих под сомнение привычные гендерные стереотипы.

С одной стороны, героиням рассказов присущи такие черты, как эмоциональность, экспрессивность, эмпатичность, нередко делается акцент на описание их внешности, особенно изменений, происходящих в этой области. По-прежнему женский облик ассоциируется с осуществлением работы по дому и уходу за членами семьи. Одной из важных сфер реализации женщин являются межличностные отношения: они стремятся к установлению контакта с людьми и под-

держиванию хороших отношений с ними.

Наряду с такими стереотипными чертами в изображении героинь проявляются и другие, сравнительно новые характеристики, слагающие образ современной женщины. В первую очередь отметим осуществление профессионально-трудовой деятельности наравне с мужчинами, важность этой области жизни для женщин. Далее, обратим внимание на то, что женщины изображаются в рассказах в целом более активными: их жизнь предстает более динамичной, они в постоянном движении, поиске, осуществлении. Это движение происходит не только во внешнем мире (глаголы движения, помещения объекта), но и в эмоциональной (глаголы становления эмоционального состояния) и интеллектуальной сферах (глаголы познания, мышления, восприятия). Особо подчеркнем последнюю сферу: в ней налицо отражение динамики гендерных стереотипов. Если на материале фразеологии немецкого языка, проанализированного А.В. Кирилиной, «более 2/3 ФЕ, посвященных женскому интеллекту, отражают андроцентричное представление об ограниченности и недостаточности женского интеллекта» [3, с. 132], то современные немецкоязычные рассказы (на примере отобранных нами) не позволяют сделать подобные выводы. Глаголы интеллектуальной деятельности чаще сочетаются с обозначениями женщин. На содержательном уровне такая характеристика, как недостаточность женского ума также не проявляется.

Совокупный образ мужчины содержит большей частью типичные черты: не слишком выраженная эмоциональность, самостоятельность в принятии решений, стремление к навязыванию другим своей позиции. Однако, в целом вряд ли можно говорить (по результатам нашего анализа) о мужском доминировании в какой бы то ни было сфере ни количественно, ни качественно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ. 1995. №1. С. 37-67.
2. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских глаголов. М.: АСТ-Пресс. 2008, 576 с.
3. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН. 1999. 189 с.
4. Asmodi H. Wer liebt, hat schon verloren // Антология современной немецкоязычной литературы: В 2 т. Т. 1 / Сост. Л.Х. Рихтер. М.: Издательство МАРТ, 1999. С. 44-52.
5. Biskupek M. Fahrtprotokoll // Антология современной немецкоязычной литературы: В 2 т. Т. 1 / Сост. Л.Х. Рихтер. М.: Издательство МАРТ, 1999. С. 107-108.
6. Gütersloh A.P. Das Gespräch im Wasser // Антология современной немецкоязычной литературы: В 2 т. Т. 1 / Сост. Л.Х. Рихтер. М.: Издательство МАРТ, 1999. С. 265-269.
7. Hein C. Unverhofftes Wiedersehen // Антология современной немецкоязычной литературы: В 2 т. Т. 1 / Сост. Л.Х. Рихтер. М.: Издательство МАРТ, 1999. С. 287-291.
8. Heym S. Der Zuverlässigsten einer // Антология современной немецкоязычной литературы: В 2 т. Т. 1 / Сост. Л.Х. Рихтер. М.: Издательство МАРТ, 1999. С. 301-306.
9. Hochhuth R. Flüchtling // Антология современной немецкоязычной литературы: В 2 т. Т. 1 / Сост. Л.Х. Рихтер. М.: Издательство МАРТ, 1999. С. 307-310.
10. Rücker G. Der Geselle // Антология современной немецкоязычной литературы: В 2 т. Т. 1 / Сост. Л.Х. Рихтер. М.: Издательство МАРТ, 1999. С. 570-572.
11. Schami R. Der Kummer des Beamten Müller // Lesebuch (Hrsg. vom Börsenverein des Deutschen Buchhandels). F.a.M.: Carl Hanser Verlag München Wien, 1998. S. 78-81.
12. Schneider R. Hanna // Антология современной немецкоязычной литературы: В 2 т. Т. 1 / Сост. Л.Х. Рихтер. М.: Издательство МАРТ, 1999. С. 592-598.
13. Westphalen J. von Kostbare Küsse oder im Bett mit dem Weihnachtsengel // Lesebuch (Hrsg. vom Börsenverein des Deutschen Buchhandels). F.a.M.: Carl Hanser Verlag München Wien, 1998. S. 92-93.
14. Nöstlinger C. Familienidylle // Антология современной немецкоязычной литературы: В 2 т. Т. 1 / Сост. Л.Х. Рихтер. М.: Издательство МАРТ, 1999. С. 528-529.
15. Deitmer S. Ritas Geheimnis // Lesebuch (Hrsg. vom Börsenverein des Deutschen Buchhandels). F.a.M.: Carl Hanser Verlag München Wien, 1998. S. 29-33.
16. Dörrie D. Gutes Karma aus Zschopau // Антология современной немецкоязычной литературы: В 2 т. Т. 1 / Сост. Л.Х. Рихтер. М.: Издательство МАРТ, 1999. С. 173-182.
17. Maron M. Annaeva // Антология современной немецкоязычной литературы: В 2 т. Т. 1 / Сост. Л.Х. Рихтер. М.: Издательство МАРТ, 1999. С. 468-476.
18. Moser M. Blondinnen haben einfach mehr Spaß ... // Lesebuch (Hrsg. vom Börsenverein des Deutschen Buchhandels). F.a.M.: Carl Hanser Verlag München Wien, 1998. S. 73-77.
19. Seidemann M. Lennarts Haus, Lennarts Frau // Антология современной немецкоязычной литературы: В 2 т. Т. 1 / Сост. Л.Х. Рихтер. М.: Издательство МАРТ, 1999. С. 616-619.
20. Königsdorf H. Die Ameisenmetamorphose // Антология современной немецкоязычной литературы: В 2 т. Т. 1 / Сост. Л.Х. Рихтер. М.: Издательство МАРТ, 1999. С. 409-410.
21. Kirshenbaum B. Ein Festmahl der Realität // Lesebuch (Hrsg. vom Börsenverein des Deutschen Buchhandels). F.a.M.: Carl Hanser Verlag München Wien, 1998. S. 55-61.
22. Frishmuth B. Vom Leben des Pierrot // Антология современной немецкоязычной литературы: В 2 т. Т. 1 / Сост. Л.Х. Рихтер. М.: Издательство МАРТ, 1999. С. 238-242.
23. Plessen E. Was machst du, Benny? // Антология современной немецкоязычной литературы: В 2 т. Т. 1 / Сост. Л.Х. Рихтер. М.: Издательство МАРТ, 1999. С. 546-549.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ. 1995. №1. С. 37-67.
2. Babenko L.G. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih glagolov. M.: AST-Press. 2008, 576 s.

3. Kirilina A.V. Gender: lingvistische aspekty. M.: Institut sociologii RAN. 1999. 189 s.
4. Asmodi H. Wer liebt, hat schon verloren // Antologija sovremennoj nemeckojazychnoj literatury: V 2 t. T. 1 / Sost. L.H. Rihter. M.: Izdatel'stvo MART, 1999. S. 44-52.
5. Biskupek M. Fahrprotokoll // Antologija sovremennoj nemeckojazychnoj literatury: V 2 t. T. 1 / Sost. L.H. Rihter. M.: Izdatel'stvo MART, 1999. S. 107-108.
6. Gütersloh A.P. Das Gespräch im Wasser // Antologija sovremennoj nemeckojazychnoj literatury: V 2 t. T. 1 / Sost. L.H. Rihter. M.: Izdatel'stvo MART, 1999. S. 265-269.
7. Hein C. Unverhofftes Wiedersehen // Antologija sovremennoj nemeckojazychnoj literatury: V 2 t. T. 1 / Sost. L.H. Rihter. M.: Izdatel'stvo MART, 1999. S. 287-291.
8. Heym S. Der Zuverlässigsten einer // Antologija sovremennoj nemeckojazychnoj literatury: V 2 t. T. 1 / Sost. L.H. Rihter. M.: Izdatel'stvo MART, 1999. S. 301-306.
9. Hochhuth R. Flüchtling // Antologija sovremennoj nemeckojazychnoj literatury: V 2 t. T. 1 / Sost. L.H. Rihter. M.: Izdatel'stvo MART, 1999. S. 307-310.
10. Rücker G. Der Geselle // Antologija sovremennoj nemeckojazychnoj literatury: V 2 t. T. 1 / Sost. L.H. Rihter. M.: Izdatel'stvo MART, 1999. S. 570-572.
11. Schami R. Der Kummer des Beamten Müller // Lesebuch (Hrsg. vom Börsenverein des Deutschen Buchhandels). F.a.M.: Carl Hanser Verlag München Wien, 1998. S. 78-81.
12. Schneider R. Hanna // Antologija sovremennoj nemeckojazychnoj literatury: V 2 t. T. 1 / Sost. L.H. Rihter. M.: Izdatel'stvo MART, 1999. S. 592-598.
13. Westphalen J. von Kostbare Küsse oder im Bett mit dem Weihnachtsengel // Lesebuch (Hrsg. vom Börsenverein des Deutschen Buchhandels). F.a.M.: Carl Hanser Verlag München Wien, 1998. S. 92-93.
14. Nöstlinger C. Familienidylle // Antologija sovremennoj nemeckojazychnoj literatury: V 2 t. T. 1 / Sost. L.H. Rihter. M.: Izdatel'stvo MART, 1999. S. 528-529.
15. Deitmer S. Ritas Geheimnis // Lesebuch (Hrsg. vom Börsenverein des Deutschen Buchhandels). F.a.M.: Carl Hanser Verlag München Wien, 1998. S. 29-33.
16. Dörrie D. Gutes Karma aus Zschopau // Antologija sovremennoj nemeckojazychnoj literatury: V 2 t. T. 1 / Sost. L.H. Rihter. M.: Izdatel'stvo MART, 1999. S. 173-182.
17. Maron M. Annaeva // Antologija sovremennoj nemeckojazychnoj literatury: V 2 t. T. 1 / Sost. L.H. Rihter. M.: Izdatel'stvo MART, 1999. S. 468-476.
18. Moser M. Blondinnen haben einfach mehr Spaß ... // Lesebuch (Hrsg. vom Börsenverein des Deutschen Buchhandels). F.a.M.: Carl Hanser Verlag München Wien, 1998. S. 73-77.
19. Seidemann M. Lennarts Haus, Lennarts Frau // Antologija sovremennoj nemeckojazychnoj literatury: V 2 t. T. 1 / Sost. L.H. Rihter. M.: Izdatel'stvo MART, 1999. S. 616-619.
20. Königsdorf H. Die Ameisenmetamorphose // Antologija sovremennoj nemeckojazychnoj literatury: V 2 t. T. 1 / Sost. L.H. Rihter. M.: Izdatel'stvo MART, 1999. S. 409-410.
21. Kirshenbaum B. Ein Festmahl der Realität // Lesebuch (Hrsg. vom Börsenverein des Deutschen Buchhandels). F.a.M.: Carl Hanser Verlag München Wien, 1998. S. 55-61.
22. Frishmuth B. Vom Leben des Pierrot // Antologija sovremennoj nemeckojazychnoj literatury: V 2 t. T. 1 / Sost. L.H. Rihter. M.: Izdatel'stvo MART, 1999. S. 238-242.
23. Plessen E. Was machst du, Benny? // Antologija sovremennoj nemeckojazychnoj literatury: V 2 t. T. 1 / Sost. L.H. Rihter. M.: Izdatel'stvo MART, 1999. S. 546-549.

Поступила в редакцию 02.08.2020.

Принята к публикации 05.08.2020.

Для цитирования:

Балакина Л.В. Образ мужчины и женщины в современной немецкоязычной литературе (на примере анализа коротких рассказов) // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 193-198. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Balakina.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3971707>

УДК 726.5.03 + 75.052

Котломанов А.О.

Котломанов Александр Олегович, кандидат искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А.Л. Штиглица. 191028, Россия, Санкт-Петербург, Соляной переулок, 13. E-mail: kotlomanov@yandex.ru.

Главный храм Вооруженных Сил Российской Федерации и новое православное искусство: проблема стиля

Аннотация. В связи с открытием в 2020 г. Главного храма Вооруженных Сил Российской Федерации анализируются стилистические тенденции современной православной церковной архитектуры и искусства. Рассматривается феномен воссоздания храма Христа Спасителя в Москве, его влияние на развитие монументальной религиозной живописи в России, а также строительство храма Новомучеников и Исповедников Церкви Русской на Лубянке. Проблематика стиля новой православной архитектуры и церковного искусства формулируется в терминах эклектики (историзма), что имеет программное символическое значение в контексте «огосударствления» российской художественной культуры новейшего времени.

Ключевые слова: православное искусство, православная архитектура, религиозное искусство, религиозная архитектура, церковная архитектура, церковная живопись, православные церкви, мемориалы, монументальная архитектура, монументальная живопись.

Kotlomanov A.O.

Kotlomanov Alexander Olegovich, Candidate of Culturology, Associate Professor, Stieglitz State Art and Industry Academy. 191028, Russia, Saint Petersburg, Solyanoy lane, 13. E-mail: kotlomanov@yandex.ru.

The Main Cathedral of the Russian Armed Forces and the new Orthodox art: the problem of style

Abstract. On the occasion of the opening in 2020 of the Main Cathedral of the Russian Armed Forces, stylistic trends of modern Orthodox architecture and ecclesiastical art are analyzed. It's considered the phenomenon of the reconstruction of the Cathedral of Christ the Savior in Moscow, its influence on the development of monumental religious painting in Russia, as well as the building the Cathedral of the New Martyrs and Confessors of the Russian Church on Lubyanka. The problematic of the style of new Orthodox architecture and ecclesiastical art is formulated in terms of eclecticism (historicism) that has a programmatic symbolic meaning in the context of the «statization» of Russian art culture of the past few decades.

Key words: Orthodox art, Orthodox architecture, religious art, religious architecture, ecclesiastical architecture, ecclesiastical painting, Orthodox churches, memorials, monumental architecture, monumental painting.

Главный храм Вооруженных Сил Российской Федерации в Военно-патриотическом парке культуры и отдыха ВС РФ «Патриот» в Одинцовском районе Московской области возле города Кубинки был открыт к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Еще на этапе проектирования он вызвал волну дискуссий по поводу формы и стилистики современной религиозной архитектуры, церковного искусства, мотивации использования религиозных мотивов в увековечивании Победы. Думается, что эти дискуссии будут иметь продолжение, а сам храм-памятник будет восприниматься одним из наиболее противоречивых и оттого интересных примеров в сфере православной художественной культуры последних десятилетий.

По словам известного исследователя новейшего православного искусства Н.С. Кутейниковой, само по себе определение «религиозное искусство» требует уточнения, так как «оно «распадается» на произведения, посвященные религиозной теме, и собственно религиозное, храмовое искусство» [12, с. 95]. «Болевой точкой» в развитии современного религиозного искусства, по ее мнению, является вопрос о каноне: «Сегодня под каноничными иконами или каноничной религиозной монументальной живописью обычно подразумевают произведения, выполненные в стилистике Византии или Древней Руси. Происходит смешение понятий «канон» и «стиль»» [12, с. 96].

В области изучения новых образцов традиционной художественной культуры (что уже само по себе парадоксально), действительно необходимо терминологическое разграничение, новая систематизация, в русле которой можно будет говорить о русском религиозном искусстве как о целостном, но внутренне сложном явлении. Сложном – хотя бы потому, что его история включала в себя периоды, художественные (эстетические и символично-стилистические) характеристики которых могли иметь существенные различия.

Актуальность развития нового направления в российском искусствознании признают и ведущие мастера церковного религиозного искусства. Так, один из крупнейших представителей современной церковно-исторической живописи Е.Н. Максимов полагает, что «существует мало хорошей критики о современном церковном искусстве. Не конфессионального, а именно профессионального, искусствоведческого анализа. Церковное искусство совершенно выпадает из критики и теории, несмотря на очевидную значимость его. <...> Искусствоведы, очевидно, недостаточно владеют темой и еще существует мнение, что работы в сфере церковного искусства – это какая-то халтура. Конечно, для церкви работают разные художники, но с чисто профессиональной точки зрения это интересная работа – церковное искусство сегодня дает определенную свободу. Но здесь есть и строгие требования к качеству» [1, с. 17]. Это интересное мнение – видеть в художественной практике, диапазон которой, казалось бы, ограничен строгими каноническими рамками, возможности свободного творческого высказывания.

Отнесемся серьезно к мнению известного московского художника, руководителя творческой мастерской монументальной живописи Российской Академии художеств. Действительно, в немногочисленной среде российской художественной и архитектурной критики к связанным с Русской Православной церковью проектам относятся скептически, и не без оснований. Зачастую эти проекты имеют исключительно реставрационный характер – в прямом смысле (реставрация или воссоздание разрушенных храмов) или в смысле того, что художники по своей воле или по воле заказчиков (Церковь или частное лицо) стараются воссоздать стиль того или иного исторического периода в новом храме, построенном также с оглядкой на исторические образцы. Чего-то индивидуального в этом контексте случается очень редко, можно ска-

зять, в виде исключения, и надо очень пристально следить за сооружением новых храмов, чтобы это увидеть. Да и Церковь, надо заметить, не стремится популяризировать редкие образцы новых творческих решений в современном храмовом строительстве. Но при всем консерватизме Русской Православной церкви, надо заметить, что она вполне допускает стилистические вольности, при соблюдении «строгих требований к качеству», и эти вольности можно разглядеть практически в любом церковном проекте, построенном или украшенном незаурядными мастерами архитектуры, живописи и скульптуры. Незаурядными – то есть теми, чья деятельность выделяет их, по той или иной причине, из общего контекста, и чьи произведения вызывают ту или иную реакцию, эмоцию, что всегда лучше равнодушия.

Отдельные примеры, незаурядные в своей области, в целом показывают, что значительную роль в возрождении православного искусства, в том числе и в контексте взаимодействия с архитектурой, играют академические художники, и этот процесс можно воспринимать также и в контексте возрождения отечественной академической школы [5; 8]. И даже говорить о том, что «религиозное православное искусство, в XXI в. переживающее свое возрождение в России, является одним из особенных явлений современной отечественной культуры» [8, с. 79].

По поводу возрождения академической школы будет уместно обратиться к мнению представителя своеобразной «институциональной критики» (которая ни в коем случае не подразумевает критику самой институции, ее устоев, традиций и т.д.) – к словам С.М. Грачевой, доктора искусствоведения, декана Факультета теории и истории искусств Института им. И.Е. Репина. В своей статье «Ренессансные мотивы в изобразительном искусстве современных петербургских художников-академистов» С.М. Грачева пишет, что «традиции ренессансного искусства играют значительную роль в со-

временной академической школе Санкт-Петербурга, где сохраняется определенная рафинированность и некоторая обособленность от экспериментов так называемого актуального искусства. Особенно проявляется влияние искусства Возрождения в неизменном обращении к образу человека, в антропоморфной и гуманистической направленности произведений, в сохранении основ сюжетной живописи. В этом стремлении есть своего рода желание современных художников осознать собственную творческую и человеческую свободу» [6, с. 706]. В другой статье, выступая против скептиков современного академического искусства, обвиняющих его в архаизме и сохранении устоев «реализма и соцреализма», С.М. Грачева задается вопросом, возможно ли в рамках традиционных изобразительных форм раскрыть насущные проблемы современности, и нет ли в работах мастеров академической школы оторванности от реальной жизни. Ответом на этот сакраментальный вопрос являются слова о том, что художники «продолжают выступать за сохранение человеческого в человеке, упорно протестуя против всяческих искажений человеческой сути, против некрофилии, насилия и нагнетания трагического <...> они провозглашают простые истины о том, что нам стоит защищаться от стремительно распространившейся агрессии, заполнившей мир. Что же можно этому противопоставить? Красоту, ясность, гармонию, духовность... Как говорится, вечные ценности» [7, с. 38].

Что может быть более «вечной» ценностью, чем то, что несет сакральное искусство, к какому бы профессиональному контексту оно ни относилось? И здесь даже лучше говорить не об абстрактной «духовности», бытовавшей даже и в атеистической советской культуре, а о свете истины, как бы пафосно это ни звучало. А истина, как говорил П.А. Флоренский, парадоксальна, антиномична, и поэтому может не совпадать с расхожими представлениями о том, каким должен быть

изобразительный язык и стиль религиозного искусства.

Как бы то ни было, а крупнейшим проектом православного искусства и архитектуры новейшего периода является московский храм Христа Спасителя. Это величественное сооружение представляет собой настоящий феномен, символизирующий смысл и характер русского духовного «возрождения», которое даже позволяет вспомнить о легендарных временах Ренессанса, о строительстве нового Рима, об идее нового купольного храма, воплотившейся в ватиканском соборе святого Петра... Рядом с которым была построена Сикстинская капелла, а также Апостольский дворец, украшенные величайшими художниками своего времени, да и что говорить – величайшими мастерами всех времен и народов. Не будем повторять здесь их священные имена, поскольку речь все-таки идет об ином «возрождении», случившимся в России конца XX – начала XXI в. Хотя, понятно, что ренессансный пример слишком очевиден, чтобы не проводить с ним хотя бы мысленное сравнение...

Тем более что руководил строительством и украшением храма Христа Спасителя человек, мощь таланта которого если и можно с кем-то сравнить, то только с титанами эпохи Возрождения. Об этом человеке – З.К. Церетели – немало написано и сказано, и вот хотя бы один пример этому, пример образцовый, поскольку его автором является доктор искусствоведения, вице-президент Российской Академии художеств Д.О. Швидковский. Цитируем его статью под названием «Зураб Церетели – лидер русского искусства нового тысячелетия»: «Воссоздание художественного убранства собора было завершено с необыкновенной быстротой к 2000-летию Рождества Христова. Руководство З.К. Церетели всеми художественными работами в храме Христа Спасителя и непосредственное участие во многих из них, координация деятельности почти четырех сотен художников и множества строителей

– все это стало шедевром организации художественной работы столь грандиозного масштаба. Сегодня очевидно, что эти усилия имели принципиальное значение для развития художественной культуры нашей страны и благодаря восстановлению убранства храма Христа Спасителя в России возродилась преемственность дореволюционных православных художественных традиций и возникла целая система образцов, применяемых сегодня во множестве городов и сел России. Уже одно это явление меняет всю картину бытования сегодняшнего русского искусства» [16, с. 42].

При несколько излишнем славословии процитированного текста в нем действительно справедливо подчеркнут незаурядный организаторский талант З.К. Церетели, во всей полноте проявивший себя в ходе воссоздания храма Христа Спасителя, в архитектуре и художественном убранстве которого отобразилась идея связи времен, единства российской истории и культуры. Притом, что общие архитектурно-художественные формы храма соответствуют разрушенному оригиналу, в нем немало новаций, и творческих и технических. Так, например, «для воссоздания крестов храма Церетели впервые применил уникальное инженерно-техническое решение. Многократное испытание моделей крестов в аэродинамической трубе дало свои результаты: система крепления крестов, в том числе и самого большого, 12-метрового, воздвигнутого над главным куполом храма Христа Спасителя, выдержала ураган летом 1998 года» [18, с. 4].

По поводу опытов З.К. Церетели в русле синтеза традиций и новаторства, стоит также упомянуть созданную им в конце 2000-х гг. «хрустальную» часовню св. Александра Невского: «На Гоголевском бульваре, на территории Государственного музея современного искусства РАХ, находится уникальное сооружение. Несколько лет назад о нем много писали и говорили, характеризуя как «произведение современного зодчества из нетра-

диционного материала», «храм мечты»... В музейном дворе вдали от городской суеты расположена хрустальная часовня. Автором этой работы является Зураб Константинович Церетели. За основу был взят план часовни Александра Невского, построенной в 1882 году по проекту архитектора Д.Н. Чичагова. <...> В XIX веке данное сооружение было выполнено из чугуна, а З.К. Церетели воплотил замысел в ином материале. Вместо металла он использовал оптическое стекло. Основной каркас конструкции состоит из нержавеющей полированной стали, а стилобат и отделка пола выполнены из красного гранита. Стекло для стен изготовлялось по уникальной технологии на заводе в городе Гусь-Хрустальный» [13, с. 73].

Воссоздание храма Христа Спасителя стало предметом исследования докторской диссертации Л.В. Ширшовой, в 2012 г. прошедшей защиту в диссертационном совете СПГХПА им. А.Л. Штигилица [19]. В ней, равно как и в других публикациях Л.В. Ширшовой [17], подчеркивалась роль Академии художеств, где «появилась новая, обладающая уникальной экспериментальной базой, «школа», возродившая утраченные навыки коллективного труда» [19, с. 34]. В то же время, по ее словам, многое в этой новой «школе» было возрождением утраченного, то есть реставрацией стилей прошлого: «Начало XXI века стало временем реализации в храмовой архитектуре и монументальной церковной живописи стилей рубежа XIX–XX столетий» [19, с. 40]. Прочитруем также слова Е.Н. Максимова, участвовавшего в восстановлении храма Христа Спасителя: «...Нельзя храм XIX века расписывать в стиле фресок Ферапонтова монастыря или современный – в стиле семнадцатого столетия» [1, с. 16].

Не напоминают ли эти слова известное высказывание К.А. Тона – архитектора храма Христа Спасителя, – прозвучавшее в ответе на вопрос, какому стилю он отдает большее преимущество: «тому, который больше приличен сущности дела»? Архитектор Тон – крупнейший ма-

стер эклектики в российском зодчестве, один из создателей официального «русского» (русско-византийского стиля), произнес этот афоризм в середине XIX столетия. Характерно, что по прошествии полутора столетий его слова, как оказывается, вновь актуальны, причем актуальны в том же контексте, в ситуации определения стилистики религиозной архитектуры и искусства. В этом контексте, где практически невозможна какая-либо новация, кроме более или менее свободного варьирования исторических стилей, можно утверждать, что современная православная архитектура и современное православное искусство – эклектический феномен. По сути это возвращение к художественным поискам XIX – начала XX в., то есть – анахронизм.

Эклектика, и в архитектуре и в изобразительном искусстве, имеет достаточно длительную историю, которая, в свою очередь, уходит в далекую от нас проблематику XIX в. «Возрождение» подобного анахронизма, даже при формально качественном исполнении, оторвано от своих корней, связанных не только с художественно-культурными, но и с общественно-политическими мотивами. Также, не надо забывать, что уже в период своего живого развития (XIX – начало XX в.) эклектика («историзм») подвергалась обоснованной критике. Пафос которой сводился к тому, что стилистическая неопределенность, или вариативность, равносильна безвкусице. Именно это впоследствии становилось формальной причиной непризнания памятниками архитектуры зданий, построенных в «исторических» стилях XIX – начала XX в., к их перестройке и даже сносу. Здесь можно возразить, что подобная судьба постигла далеко не только храмы, построенные, например, в «русском» (русско-византийском) стиле николаевского времени архитектором К.А. Тоном, и, в частности, храм Христа Спасителя. Да, конечно, но только в случае с постройками допетровского периода, или XVIII столетия, или начала XIX в., их истори-

ческий характер подтверждается «стилем эпохи», а в эклектике подлинная историческая ценность замещается стилизацией. По причине этого в советский период тот или иной вариант историзма было принято именовать с приставкой «псевдо» – например «псевдорусский стиль». И потому встает резонный, хотя и риторический вопрос – не является ли возрождение православной архитектуры и церковного искусства возобновлением именно «псевдорусского стиля» со всеми его неоднозначными характеристиками?

Когда в подмосковной Кубинке в парке «Патриот» в 2020 г. был построен новый собор – храм Воскресения Христова, или Главный храм Вооруженных Сил Российской Федерации, – вновь актуализировался вопрос о стилистике церковной архитектуры и искусства, а также о взаимодействии этой стилистики с богословским канонem. Нельзя не сказать о той критике, которая неоднократно звучала по поводу иконографических странностей в художественном декоре этого здания, по поводу неясности избранных сюжетов монументальных изображений, вплоть до упреков в том, что они вообще не согласуются с духом православия и скорее относятся к некоей иной религии...

Одним из главных критиков нового храма был известный церковный деятель протоиерей А.В. Кураев, утверждавший, в частности, что главным художником собора является живущий в Лондоне скульптор Д.Б. Намдаков, который «везде выступает популяризатором родной бурятско-монгольской культуры» [11] и по своим духовным убеждениям то ли буддист, то ли сторонник шаманизма. Заметим, что это не вполне верно. Д.Б. Намдаков действительно участвовал в украшении храма, выполнив ряд монументальных скульптурных композиций, среди которых – центральные врата, образ Спаса Нерукотворного, барельефы с изображением князя Владимира Святого и княгини Ольги, образы евангелистов, Георгия Победоносца и архангела Михаила. Но вероисповедание художника, за-

нятого в украшении храма, вряд ли может иметь решающее значение, что известно по многочисленным примерам, хотя бы из практики дореволюционного искусства. Странно также то, что протоиерей А.В. Кураев, человек вполне осведомленный, пишет, что именно Д.Б. Намдаков является главным художником Главного храма ВС РФ, хотя известно, что эту должность занимал академик РАХ В.И. Нестеренко, один из активных участников воссоздания храма Христа Спасителя.

В интервью «Новой Газете» в апреле 2020 г. В.И. Нестеренко как главный художник храма отвечал на вопросы по поводу вызвавших критическую полемику монументальных композиций в интерьере собора, где, в частности, были изображены многолюдные сцены с участием «первых лиц» российского государства и другие спорные в иконографическом отношении образы. Прочитав фрагмент интервью: «Сюжеты храма, с одной стороны, совершенно каноничны с точки зрения православия. <...> Но также есть и сюжеты, которые характерны только для этого храма. Например, явление Богородицы в Сталинграде 11 ноября 1942 года, явление Богородицы на Курской дуге 12 июля 1943 года перед битвой на Прохоровском поле и так далее. Храм посвящен Великой Отечественной войне, но также и всей нашей военной истории. <...> Ну вот, например, Сергей Радонежский благословляет Дмитрия Донского, и воины держат икону Божией Матери – это Куликовская битва. Ангелы держат Владимирскую икону Божией Матери, спасающую Русь от нашествия Тамерлана. Дальше ангелы держат Казанскую икону Божией Матери, спасающую Отечество в Смутное время. Ангелы держат Смоленскую икону Божией Матери, спасающую Россию от нашествия Наполеона. И, наконец, ангелы держат Тихвинскую икону Божией Матери, помогающей в 1941 году в битве под Москвой» [9, с. 5].

В другом интервью В.И. Нестеренко говорил о том, что идеи оформления храма базируются на примерах из петербургских соборах, связанных с российской воинской славой – Спасо-Преображенского, Троице-Измайловского и Николо-Богоявленского морского собора: «Петербург является сосредоточием нашей художественной культуры, здесь столетиями создавались величайшие памятники, которые являются для нас непревзойденными образцами» [3]. Сложно сказать, какие именно элементы художественного убранства этих храмов XVIII–XIX вв. обрели новое прочтение в подмосковном соборе Воскресения Христова, но если искать прямые аналогии, то можно скорее вспомнить некоторые другие петербургские постройки. Так, форма куполов, характер архитектурных объемов, общая стилистика экстерьера Главного храма ВС РФ напоминает, например, церковь Успения Пресвятой Богородицы на набережной Васильевского острова, Богоявленскую церковь на Гутуевском острове, а также Морской Никольский собор в Кронштадте. Все эти здания были построены в конце XIX – начале XX в. по проектам В.А. Косякова, одного из крупнейших представителей позднего «русского» (русско-византийского) стиля. Кстати сказать, его постройки в настоящее время активно реставрируются и воссоздаются, в чем можно усмотреть аналогию с возрождением в разных городах России церквей и соборов, возведенных основателем данного стилистического направления – К.А. Тоном. В частности с московским храмом Христа Спасителя.

Архитектором Главного храма ВС РФ стал Д.М. Смирнов, получивший известность в середине 2010-х гг. как автор проекта храма Новомучеников и Исповедников Церкви Русской на Лубянке [2; 15]. До этого, по его словам, он был «светским дизайнером-архитектором», работавшим над «проектами современных частных домов, общественных зданий» [10]. В проектировании храма на Лубянке он ис-

пользовал инновационные методы, при том что форма этого здания должна была напоминать об исторических примерах, хотя и с некоторыми «современными» вариациями: «Весь фасад и интерьер построен сначала в 3D моделях, отправленных потом на станки по фрезеровке натурального камня. То есть получается, весь храм вырезан как бы нерукотворно. Все творчество, создание уникальных резьб и профилей храма, создано 3D художниками, и уже потом, как огромный конструктор, привезено на стройку. У меня изначально была задача, чтобы весь храм был полностью сделан посредством самых современных технологий» [10].

На вопрос о стиле храма, Д.М. Смирнов отвечал парадоксальным умозаключением: «До революции храмы в России строили в классическом стиле, в неорусском, неовизантийском стиле, модерн, ар-нуво. В принципе, на модерне как стиле закончилось храмостроительство в XX веке. <... > После ар-нуво в 20-е гг. XX в. был расцвет стиля под названием ар-деко. Но так как после революций 1917 года Церковь подвергалась гонениям, и не разрешали строить новые храмы, а старые разрушались, то у нас в храмостроительстве этот стиль не получил отражения. А именно в это время во всем мире расцветал стиль ар-деко. И я считаю, что наш храм построен в стиле церковного ар-деко, то есть стиля, в котором бы строились храмы в Российской Империи в 1920-е, 1930-е годы и далее, если бы она существовала, а не была разрушена изнутри революциями 1917 года. То есть один из смыслов этого храма – это еще встраивание недостающего кирпичика, как бы укрепляющего и примиряющего фундамента нашей страны» [10].

Наверное, не стоит излишне упрекать Д.М. Смирнова в недостаточном знании истории архитектуры, но все же надо заметить, что стиль ар-деко (по поводу которого до сих пор ведется большая дискуссия в профессиональной среде, и архитектурной и искусствоведческой), точнее, его элементы, в 1920–1930-е гг. дей-

ствительно использовались в церковных зданиях (в католических и иногда в протестантских), но эти постройки скорее являются исключением из общей практики «архитектуры ар-деко», нашедшей себе применение по большей части в строительстве общественных зданий, магазинов, кинотеатров и т.д. Стиль храма Новомучеников, так же как и стиль Главного храма ВС РФ – это интерпретация историзма (эkleктики) XIX – начала XX в.

Главный храм ВС РФ – собор Воскресения Христова – объективно является незаурядным архитектурным сооружением, которое по прошествии времени должно будет найти свое место в истории российской архитектуры. Среди его уникальных, хотя и спорных, качеств – своеобразная символика, обнаруживающая себя как в иконографии монументальной живописи и скульптуры, так и в «количественных» характеристиках храма:

«Главный архитектор проекта Дмитрий Смирнов как-то рассказывал, что при его проектировании Сергей Шойгу попросил, чтобы каждый сантиметр, каждый элемент комплекса был не только уникальным, но и символичным, обязательно что-то значил. <...> Например, центральный позолоченный купол храма имеет диаметр 19,45 метра – то есть «повторяет» год окончания Великой Отечественной. Высота звонницы – 75 метров, в честь нынешней годовщины Победы. На территории комплекса построили галерею памяти длиной 1418 шагов – по количеству дней и ночей войны (высота малых куполов – те же 14 метров 18 сантиметров)» [4].

Заметим, что министр обороны С.К. Шойгу оказал большое влияние на проектирование храма, что в частности выразилось в его иконографической системе: «Шойгу посоветовал в главном престоле храма на фоне ночного неба на высоте примерно 12 метров от пола изобразить восходящую фигуру Христа. <...> А на темной мозаичной вогнутой поверхности апсиды, опять же по инициативе министра, изобразили звезды, символи-

зирующие свет небесного и духовного небосклона. Храм имеет пять куполов и пять престолов. При этом своды и купола украшены витражным ударопрочным остеклением. Центральный престол назвали в честь главного православного праздника – Воскресения Христова. Четыре других посвящены небесным покровителям Вооруженных сил: святому благоверному князю Александру Невскому – покровителю Сухопутных войск, святому пророку Божию Илии – покровителю Воздушно-космических сил и ВДВ, святому апостолу Андрею Первозванному – покровителю ВМФ и святой великомученице Варваре – покровительнице Ракетных войск стратегического назначения» [4].

Символизм отобразился даже в материалах, использованных для строительства и украшения собора: «Ступени и некоторые элементы главного воинского храма России отлили из переплавленного в металл трофейного оружия фашистов. А перед этим Минобороны показало журналистам целые ящики с пистолетами Walther P38, Parabellum P08 и пулеметами MG42, предназначенными на переплавку» [4]; «Все измерения этого храма – по высоте и ширине – отражают датами войны, даже церковные паперти там сделаны из трофейного оружия. Храм покрашен в цвет хаки, его высокие купола на башнях напоминают баллистические ракеты, готовые разить врага в любом уголке мира» [14, с. 4]. Здесь, наверное, комментарии будут излишни.

«Новый русский стиль», нашедший свое воплощение в художественном образе Главного храма Вооруженных Сил Российской Федерации, суммирует ряд тенденций огосударствления архитектуры и искусства последних тридцати лет. Еще до восстановления храма Христа Спасителя эти тенденции проявили себя в сооружении мемориального комплекса на Поклонной горе в Москве (1995), где впервые зазвучала тема религиозного смысла Победы в Великой Отечественной войне. В то же время, архаизирую-

щий, эклектический характер стилистики архитектурного и художественного убранства Главного храма ВС РФ заставляет задуматься о перспективах таких

проектов, о возможности развития монументальной архитектуры и искусства в реалиях современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Академия художеств и современное православное искусство: интервью с Евгением Максимовым // ДИ – Диалог искусств. 2008. № 6. С. 14–17.
2. Архимандрит Тихон (Шевкунов). О новом храме Сретенского монастыря // Православие.Ru. 2013. 25 марта. URL: <http://www.pravoslavie.ru/60331.html>
3. В Минобороны рассказали об убранстве главного храма Вооруженных сил // РИА Новости. 2019. 27 августа. URL: <https://ria.ru/20190827/1557952321.html>
4. Гаврилов Ю. Минобороны завершило строительство Главного храма Вооруженных сил // Российская Газета. 2020. 9 мая. URL: <https://rg.ru/2020/05/09/reg-cfo/minoborony-zavershilo-stroitelstvo-glavnogo-hrama-vooruzhennyh-sil.html>
5. Грачева С.М. Религиозное искусство академических художников конца XX – начала XXI веков // Новое искусствознание. 2019. № 1. С. 29–34.
6. Грачева С.М. Ренессансные мотивы в изобразительном искусстве современных петербургских художников-академистов // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2016. № 6. С. 706–714.
7. Грачева С.М. Формирование новой эстетики академического искусства. Утопия или реальность? (Весенняя выставка художников-педагогов в залах Российской академии художеств в Санкт-Петербурге в 2016 году) // Научные труды / Институт им. И.Е. Репина. 2017. Вып. 42. С. 38–60.
8. Грачева С.М., Кутейникова Н.С. Храмовый комплекс в Токсово. Оригинальность художественных решений // Научные труды / Институт им. И.Е. Репина. 2019. Вып. 48. С. 66–79.
9. Джорджевич А. «Изображены руководители нашего государства, в том числе среди народа»: интервью с художником Василием Нестеренко // Новая Газета. 2020. 27 апреля. С. 5.
10. Иеромонах Игнатий (Шестаков). Храм примирения // Православие.Ru. 2016. 23 ноября. URL: <http://www.pravoslavie.ru/98872.html>
11. Кураев А.В. Буддистская роспись православного храма // Пишет диакон Андрей Кураев (diak_kuraev). 2020. 9 мая. URL: <https://diak-kuraev.livejournal.com/2906148.html>
12. Кутейникова Н.С. Современное религиозное искусство – новое направление в отечественном искусствознании // Современные проблемы академического искусствоведческого образования: материалы междунар. науч. конф., 9-11 окт. 2012 г., сб. ст. СПб. 2018. С. 95–100.
13. Слугова А. «Хрустальный храм» Зураба Церетели // ДИ – Диалог искусств. 2010. № 2. С. 72-74.
14. Солдатов А. Первые лики государства // Новая Газета. 2020. 27 апреля. С. 4.
15. Тюренков М. Небесный град на Лубянке // Культура. 2013. 15 марта. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/symbol-of-faith/3117-nebesnyu-grad-na-lubyanke/>
16. Швидковский Д.О. Зураб Церетели – лидер российского искусства нового тысячелетия // ДИ – Диалог искусств. 2007. № 4. С. 34-47.
17. Ширшова Л.В. Роль Российской академии художеств в возрождении церковной живописи в России // ДИ – Диалог искусств. 2007. № 4. С. 48-57.
18. Ширшова Л.В. Роль Российской академии художеств в воссоздании Храма Христа Спасителя // ДИ – Диалог искусств. 2005. № 4. С. 2-9.
19. Ширшова Л.В. Современная монументальная живопись Русской Православной церкви (по материалам воссоздания Кафедрального соборного храма Христа Спасителя в Москве): автореф. дис. ... д-ра искусствоведения: 17.00.04 / СПГХПА им. А.Л. Штиглица. СПб. 2012. 50 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Akademija hudozhestv i sovremennoe pravoslavnoe iskusstvo: interv'ju s Evgeniem Maksimovym // DI – Dialog iskusstv. 2008. № 6. S. 14–17.
2. Arhimandrit Tihon (Shevkunov). O novom hrame Sretenskogo monastyrja // Pravoslavie.Ru. 2013. 25 marta. URL: <http://www.pravoslavie.ru/60331.html>
3. V Minoborony rasskazali ob ubranstve glavnogo hrama Vooruzhennyh sil // RIA Novosti. 2019. 27 avgusta. URL: <https://ria.ru/20190827/1557952321.html>
4. Gavrilov Ju. Minoborony zavershilo stroitel'stvo Glavnogo hrama Vooruzhennyh sil // Rossijskaja Gazeta. 2020. 9 maja. URL: <https://rg.ru/2020/05/09/reg-cfo/minoborony-zavershilo-stroitelstvo-glavnogo-hrama-vooruzhennyh-sil.html>
5. Gracheva S.M. Religioznoe iskusstvo akademicheskikh hudozhnikov konca XX – nachala XXI vekov // Novoe iskusstvoznanie. 2019. № 1. S. 29–34.
6. Gracheva S.M. Rennsantsnye motivy v izobrazitel'nom iskusstve sovremennyh peterburgskih hudozhnikov-akademistov // Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva. 2016. № 6. S. 706–714.
7. Gracheva S.M. Formirovanie novoj jestetiki akademicheskogo iskusstva. Utopija ili real'nost'? (Vesennijaja vystavka hudozhnikov-pedagogov v zalah Rossijskoj akademii hudozhestv v Sankt-Peterburge v 2016 godu) // Nauchnye trudy / Institut im. I.E. Repina. 2017. Vyp. 42. C. 38–60.
8. Gracheva S.M., Kutejnikova N.S. Hramovyj kompleks v Toksovo. Original'nost' hudozhestvennyh reshenij // Nauchnye trudy / Institut im. I.E. Repina. 2019. Vyp. 48. C. 66–79.
9. Dzhordzhevich A. «Izobrazheny rukovoditeli nashego gosudarstva, v tom chisle sredi naroda»: interv'ju s hudozhnikom Vasiliem Nesterenko // Novaja Gazeta. 2020. 27 aprelja. S. 5.
10. Ieromonah Ignatij (Shestakov). Hram primirenija // Pravoslavie.Ru. 2016. 23 nojabrja. URL: <http://www.pravoslavie.ru/98872.html>
11. Kuraev A.V. Buddistskaja rospis' pravoslavnogo hrama // Pishet diakon Andrej Kuraev (diak_kuraev). 2020. 9 maja. URL: <https://diak-kuraev.livejournal.com/2906148.html>
12. Kutejnikova N.S. Sovremennoe religioznoe iskusstvo – novoe napravlenie v otechestvennom iskusstvoznanii // Sovremennye problemy akademicheskogo iskusstvovedcheskogo obrazovanija: materialy mezhdunar. nauch. konf., 9-11 okt. 2012 g., sb. st. SPb. 2018. C. 95–100.
13. Slugova A. «Hrustal'nyj hram» Zuraba Cereteli // DI – Dialog iskusstv. 2010. № 2. S. 72-74.
14. Soldatov A. Pervye liki gosudarstva // Novaja Gazeta. 2020. 27 aprelja. S. 4.
15. Tjurenkov M. Nebesnyj grad na Lubjanke // Kul'tura. 2013. 15 marta. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/symbol-of-faith/3117-nebesnyy-grad-na-lubyanke/>
16. Shvidkovskij D.O. Zurab Cereteli – lider rossijskogo iskusstva novogo tysjacheletija // DI – Dialog iskusstv. 2007. № 4. S. 34-47.
17. Shirshova L.V. Rol' Rossijskoj akademii hudozhestv v vozrozhdenii cerkovnoj zhivopisi v Rossii // DI – Dialog iskusstv. 2007. № 4. S. 48-57.
18. Shirshova L.V. Rol' Rossijskoj akademii hudozhestv v vossozdanii Hrama Hrista Spasitelja // DI – Dialog iskusstv. 2005. № 4. S. 2-9.
19. Shirshova L.V. Sovremennaja monumental'naja zhivopis' Russkoj Pravoslavnoj cerkvi (po materialam vossozdanija Kafedral'nogo sobornogo hrama Hrista Spasitelja v Moskve): avtoref. dis. ... d-ra iskusstvovedenija: 17.00.04 / SPGHPA im. A.L. Shtiglica. SPb. 2012. 50 s.

Поступила в редакцию 01.07.2020.
Принята к публикации 04.08.2020.

Для цитирования:

Котломанов А.О. Главный храм Вооруженных Сил Российской Федерации и новое православное искусство: проблема стиля // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 199-208. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Kotlomanov.pdf>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3971807>

УДК 658.512.23

Чернийчук И.А.

Чернийчук Ирина Александровна, кандидат искусствоведения, доцент, Московская государственная художественно-промышленная академия (МГХПА) им. С.Г. Строганова. 125080, Россия, Москва, Волоколамское шоссе, дом 9. E-mail: premura@mail.ru.

Ограничения – ключ к дизайну

Аннотация. Статья посвящена изучению существующих ограничений в дизайне. В статье проводится анализ ограничений с точек зрения работы дизайнера и проектных требований. Рассматриваются вопросы роли ограничений в дизайне, важности их формирования и возможностей применения, механизма встраивания в процесс проектирования. Оцениваются положительное влияние и негативное воздействие ограничений на работу дизайнера при создании нового продукта. Исследуются три основные функции ограничений. Выявленные механизмы работы с ограничениями являются важнейшими инструментами создания нового продукта и позволяют эффективно встраивать процесс проектирования.

Ключевые слова: проектирование, дизайнер, задачи, поиск решений, новый продукт, творчество, функция.

Cherniychuk I.A.

Cherniychuk Irina Aleksandrovna, Candidate of Theory and History of Art, Associate Professor, Stroganov Moscow State Academy of Design and Applied Arts. 125080, Russia, Moscow, Volokolamsk Highway, 9. E-mail: premura@mail.ru.

Constraints are key to design

Abstract. The article is devoted to the study of existing limitations in design. The article analyzes the limitations in terms of designer work and project requirements. The issues of the role of restrictions in design, the importance of their formation and application possibilities, the mechanism of embedding into the design process are considered. The positive impact and negative effect of restrictions on the designer's work when creating a new product are evaluated. Three main functions of restrictions are investigated. The identified mechanisms for working with restrictions are the most important tools for creating a new product and allow to effectively build the design process.

Key words: design, designer, objectives, search for solutions, new product, creativity, function.

Ограничения влияют на наш выбор ежедневно. Работа дизайнера и успех проекта непосредственно связаны с ограничениями, возникающими в процессе работы над проектом. С точки зрения дизайна эти ограничения можно разделить на две группы. Есть ограничения связанные с самим проектом и ограничения, связанные с личностью дизайнера, как специалиста и человека.

Для понимания механизма взаимодействия с ограничением рассмотрим оба варианта.

Создание нового дизайна – это сложный и зачастую длительный процесс, в который вовлечено большое количество людей. Существует ошибочное понимание проектирования как результата исключительной воли дизайнера, его таланта. Согласно данному заблуждению ди-

зайнер самостоятельно принимает решения о том, какой продукт в итоге получится, определяет его характерные черты и особенности формообразования. В действительности, в контексте создания нового продукта, дизайнер находится в тесном взаимодействии с заказчиком, инженерами, а так же потенциальными потребителями. Отсутствие личной творческой свободы объясняется множеством требований к будущему продукту и сдерживающими факторами в виде ограничений.

Изначально свобода творчества дизайнера ограничивается достаточно жесткими рамками задач дизайнера при работе над проектом: эскизный и художественный поиск формы объекта, компоновка его частей, определение взаимодействия пользователя с объектом, формирование психологической притягательности и эстетической привлекательности для потребителя, передача проекта для инженерной доработки и последующего производства. С одной стороны это стандартные задачи дизайнера, с другой именно эти ограничения сковывают творческие способности любого дизайнера. При работе над объектом дизайнер одновременно должен учитывать множество факторов, влияющих на форму объекта и закладывать в его форму то, что будет лучше соответствовать задачам, а не то, что лучше выглядит или больше нравится. Дополнительным и важным ограничением является знание этапов проектирования и следование им. Иногда дизайнеру проще взять карандаш и начать рисовать, придумывать, в то время как от него будут требоваться работа с информацией и аналитика.

Следующая часть ограничений связана с пониманием дизайнера, как части механизма. Согласно предложенной Казариным А.В. классификации существуют «три возможных типа взаимоотношений между дизайнерским и инженерным проектированием» [1, с. 54]. В каждом из трех вариантов рождается свой круг ограничений, влияющий на ход проектирования и работу дизайнера. Если про-

дукт нацелен на пользователя, то дизайнер подключается на первом этапе разработки и может предлагать образ и конструкцию с дальнейшей инженерной разработкой. В сложных проектах с направленностью на технологии работа дизайнера может потребоваться на более поздних этапах разработки, когда основные конструктивные узлы уже будут определены. Работа дизайнера в данном случае это еще и взгляд со стороны, когда работающие схемы и конструкции могут быть подвергнуты сомнению с точки зрения удобства эксплуатации и функциональности. Также допустим вариант, когда дизайнер и инженер работают в тесном сотрудничестве на протяжении всего проекта.

В современном мире дизайнер практически утратил функцию конструктора, эта часть закреплена за разработчиками, конструкторами и инженерами. В результате чего под давлением запросов современного рынка работа дизайнера сместилась в сторону решения маркетинговых задач. Данная область достаточно сложная для понимания дизайнером. Традиционно дизайнер привык работать больше с вопросами формообразования. Смещение в сторону маркетинга требует от дизайнера не только решения задач формообразования нового продукта, он также должен заниматься обоснованием формы с точки зрения аналитики рынка, нужд и характеристик потребителя, товаров, перспектив, трендов и спроса. В дизайне должно быть заложено понимание того, как этот продукт можно продвигать и насколько привлекательным для потребителя станет та или иная форма. То есть в работе дизайнера появляется больше аналитики, что тоже является значительным ограничением понимания дизайна, как проектирования. Свобода творчества превращается в вынужденную необходимость и решение вопросов бизнеса.

Понимание «ограниченности мышления» дизайнера является значительным фактором, который необходимо учитывать при разработке нового проекта. Из

привычных для дизайнера ограничений формируется его индивидуальный стиль, манера, характерные черты, понимание процесса проектирования. Набор таких ограничений дизайнер переносит на свое творчество. Именно благодаря им его работы становятся узнаваемыми. С одной стороны это удобный прием. С другой, определенные рамки за которые дизайнер не выходит и в границах которых он чувствует себя максимально комфортно. Такая работа в рамках позволяет стабильно выдавать удачные варианты решений. Однако, если дизайнер хорошо справляется с разработкой определенных узкоспециализированных объектов – это не значит, что он так же хорошо справится с задачами из других областей проектирования. Выход из зоны комфорта может способствовать как развитию творческой фантазии дизайнера, так и привести к обратной ситуации, когда дизайнер окажется неспособен справиться с ограничениями новой задачи.

Знание слабых и сильных сторон дизайнера позволяет правильно подбирать проекты и оптимизировать ход работы. При выборе дизайнера имеют значение и рассматриваются его аналитические и творческие способности, навыки и образование, способность к концентрации и умение переключаться на новую идею, способность к пониманию задачи, знание этапов разработки проекта, умение отстаивать собственное идеи. Дизайнер ценится не только за оригинальность идей, но и за умение работать с ограничениям и в условиях ограничений. Принятие ограничений, позитивное отношение к ним формирует правильное отношение к процессу дизайн-разработки. Попытки игнорировать и обходить важные критерии будущего продукта не позволяют грамотно выстраивать творческий поиск и не приводят к желаемому результату, который бы удовлетворил все стороны, заинтересованные в проекте, даже если дизайн инновационный и оригинальный. Все эти характеристики влияют на то, как будет протекать работа над проектом, ка-

кие ограничения могут возникнуть в процессе работы со стороны дизайнера.

Ограничения проекта значительно влияют на ход разработки нового продукта. Для создания удачного дизайна необходим баланс трех ключевых ограничений по Тому Брауну: осуществимость, рентабельность, желаемость. «Ограничения лучше всего визуализировать как три пререкающихся критерия успешных идей: осуществимость (что возможно с функциональной точки зрения в обозримом будущем), рентабельность (что, скорее всего, может стать частью устойчивой бизнес-модели) и желаемость (что нужно людям и для людей)» [4]. К наиболее частым ограничениям можно отнести следующие: сроки работы над проектом, функция объекта, особенности конструкции, материалы, особенности технологий изготовления и возможностей производства, ограничения бюджета и себестоимость готового продукта, требования эргономики, эстетическая привлекательность, воздействие на зрителя, модные тенденции и работа в рамках бренда, возможность успешного продвижения на рынок товаров, пожелания заказчика. В зависимости от компонентов каждого из этих пунктов формируется задача на разработку нового дизайна. Без реального технического задания с необходимыми ограничениями создаются так называемые «бумажные проекты», которые зачастую имеют не так много связи с реальной действительностью. В этих проектах могут опускаться вопросы технологии производства, материалов, стоимости и рентабельности. Такие проекты зачастую носят утопический характер, нацелены на будущее и в настоящем времени неприменимы.

Дизайнер сталкивается с ограничениями на всех этапах проектирования нового продукта: поиск понимания задачи, поиск идей, поиск возможных решений. Работа с ограничениями – это всегда поиск ответов. Дизайнер ищет способ их учитывать и в то же время пытается создать новое в заданных условиях. Исход-

ные данные являются и ресурсами для работы и ограничениями. Ограничения диктуют направление в ходе работы, помогают ее структурировать.

Можно выделить три основные функции ограничений при работе над проектом: информативная, регулирующая и оценочная. Информативная функция возникает на этапе изучения Технического задания, помогает сформулировать задачу. На данном этапе ограничения – это описание того, что нужно спроектировать, основные требования, предъявляемые к проекту. Ограничения устанавливают правила, по которым объект существует и взаимодействует, снижают вероятность ошибок в использовании. Все собранные ограничения и рекомендации из Технического задания в итоге превращаются в Проектное задание. И если Техническое задание – это сухие рекомендации, то Проектное задание – это больше то, как дизайнер структурировал и понял требования к дизайну.

Дизайнер собирает максимальное количество информации и полезных ограничений, чтобы они не возникли в конце работы и не привели к необходимости полностью переделывать проект. Если изначально не будет поставлено достаточное количество ограничений, то дизайнеру не будет понятно, что нужно проектировать. «Таким образом, собранная информация, с одной стороны дает картину реального положения вещей, а с другой – обрисовывает идеальную ситуацию, к достижению которой нужно стремиться. Информация должна быть приведена в состояние, позволяющее найти оптимальные характеристики нового изделия, определить границы возможностей для тех средств, которые имеются для его производства, сбыта и эксплуатации» [3, с. 148].

Регулирующая функция ограничений требуется на уровнях выбора идей и проработки проекта. По сути, работа над продуктом – это постоянная проверка на соответствие параметрам из списка ограничений. Они помогают выявлять каче-

ства проекта, проверять на соответствие требованиям, направляют ход проектирования. В случае, когда ограничений слишком много и составлены они некорректно, дизайнер не сможет их преодолеть и создать хороший дизайн. Если же их почти нет или они не конкретные, то слишком большая свобода выбора решений приведет к невозможности отделить хорошие идеи от посредственных. Чем больше будет выбор, тем дальше дизайнер будет отдаляться от «правильного» решения. И «правильными» эти решения становятся только в случае соответствия требованиям ограничений.

Оценочная функция. Нельзя оценить успешность дизайна, не оценив преодоление ограничений. «Осознание всего количества ограничений, психологических, художественных, технических и финансовых накладываемых на продукт еще до момента начала его разработки и определяет гениальность проведенной разработки» [2]. Ограничения помогают определить, получился ли дизайн, соответствует ли задачам, оценить его потенциал и успех.

Ограничения выполняют важные функции при создании дизайна нового продукта, которые нужно учитывать при работе над проектом, так как именно ограничения помогают сформулировать требования к проекту, корректируют ошибки проекта, помогают оценивать результат. Они способствуют правильному выстраиванию процесса проектирования, регулируют выбор дизайнера и обеспечивают контроль его работы. Чем больше ограничений, тем меньше остается возможных вариантов для выбора. Это сужает диапазон для поиска правильного решения и упрощает его получение. В противном случае, когда доступна вся цветовая палитра возможностей, дизайн способен превратиться в бессмысленную радуго. В результате такого неограниченного подхода дизайнер будет не в состоянии создать коммерчески успешный дизайн нового продукта, который бы смог удовлетворить заказчика и был бы высоко оценен потребителем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казарин А.В. Теория дизайна: учебное пособие. Нижегород. гос. архит.-строит. ун-т. Н. Новгород: ННГАСУ, 2011. 103 с.
2. Петр Копылов Промышленный дизайн: основы, требования, роль, результат // Журнал главного инженера. URL: <https://gekichuk.com/articles/promdizayn-v-razrabotke/promyshlennyy-dizayn-osnovy-trebovaniya-rol-rezultat/>
3. Промышленный дизайн: учебник / М.С. Кухта, В.И. Куманин, М.Л. Соколова, М.Г. Гольдшмидт; под ред. И.В. Голубятникова, М.С. Кухты; Томский политехнический университет. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. 312 с.
4. Тим Браун «Дизайн-мышление в бизнесе. От разработки новых продуктов до проектирования бизнес-моделей», Издательство: «Манн, Иванов и Фербер», 2012. 227 с. URL: <https://docplayer.ru/26032060-Tim-braun-dizayn-myshlenie-ot-razrabotki-novyh-produktov-do-proektirovaniya-biznes-modeley.html>

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Kazarin A.V. Teorija dizajna: uchebnoe posobie. Nizhegorod. gos. arhit.-stroit. un-t. N. Novgorod: NNGASU, 2011. 103 s.
2. Petr Kopylov Promyshlennyy dizajn: osnovy, trebovaniya, rol', rezul'tat // Zhurnal glavnogo inzhenera. URL: <https://gekichuk.com/articles/promdizayn-v-razrabotke/promyshlennyy-dizayn-osnovy-trebovaniya-rol-rezultat/>
3. Promyshlennyy dizajn: uchebnyk / M.S. Kuhta, V.I. Kumanin, M.L. Sokolova, M.G. Gol'dshmidt; pod red. I.V. Golubjatnikova, M.S. Kuhty; Tomskij politehnicheskij universitet. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politehnicheskogo universiteta, 2013. 312 s.
4. Tim Braun «Dizajn-myshlenie v biznese. Ot razrabotki novyh produktov do proektirovaniya biznes-modelej», Izdatel'stvo: «Mann, Ivanov i Ferber», 2012. 227 s. URL: <https://docplayer.ru/26032060-Tim-braun-dizayn-myshlenie-ot-razrabotki-novyh-produktov-do-proektirovaniya-biznes-modeley.html>

Поступила в редакцию 01.07.2020.

Принята к публикации 04.08.2020.

Для цитирования:

Черныйчук И.А. Ограничения – ключ к дизайну // Гуманитарный научный вестник. 2020. №7. С. 209-213. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Cherniychuk.pdf>